НОЯБРЬ. № 9. 1905.

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

М. М. ВИНАВЕРА, прив.-доц. В. М. ГЕССЕНА,

В. Д. НАБОКОВА и проф. І. А. ПОКРОВСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки)

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

М. М. ВИНАВЕРА, прив.-доц. **В. М. ГЕССЕНА,**
В. Д. НАБОКОВА и проф. **І. А. ПОКРОВСКАГО.**

XXXV. **Ноябрь.** **1905.**

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1905.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОЛИТИКА ТРУДА И ИДЕАЛЫ РАСПРЕДѢЛИТЕЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

IV.

Въ своихъ ученіяхъ о трудѣ и трудовой цѣнности три крупныхъ генія политической экономіи Рикардо, Мальтусъ и Марксъ преслѣдуютъ совершенно разныя соціально-политическія задачи. Съ теоретической точки зрѣнія, какъ я уже сказалъ, наука должна произнести надъ ихъ догматами весьма строгій приговоръ. Съ исторической точки зрѣнія таже наука должна признать, что ихъ ученія съиграли громадную роль въ исторіи человѣческой борьбы. Они поняли настроеніе и потребности своего времени. Наше время должно разрѣшить иныя соціально-политическія задачи и наше пониманіе капиталистическаго механизма видоизмѣнилось. Мы яснѣе видимъ, какъ ихъ теоріи слагались подъ вліяніемъ тѣхъ интересовъ, которые они защищали.

Рикардо былъ пѣвцемъ буржуазіи начала прошлаго вѣка. Онъ жилъ въ эпоху роста промышленнаго класса. Подъ угломъ зрѣнія этого класса онъ и создалъ свое ученіе объ общественно-необходимомъ трудѣ.

Общественно-необходимымъ трудомъ для него являлся тотъ, который оплачиваетъ заработную плату и прибыль. Ученіе о трудовой цѣнности было необходимо ему для того, чтобы доказать, что ростъ промышленности и населенія сводитъ *прибыль до послѣдняго минимума*, который опредѣляется на землѣ наихудшаго качества. Заработная плата остается неизмѣнно-необходимой долей вознагражденія труда, стоимость воспроизводства этого необходимаго содержанія рабочихъ ростетъ за счетъ прибыли капиталиста. Землевладѣ-

лецъ же, какъ пьявка, захватываетъ въ свою утробу всѣ плоды промышленной цивилизаціи, грабитъ одновременно и капиталиста, и работника, т. е. все общество. Этимъ двумъ классамъ онъ даетъ только потребный минимумъ, все остальное беретъ себѣ.

Консерваторъ и аграрій Мальтусъ тщетно пытается защитить интересы землевладѣльческаго класса, отмѣчая, что имъ создана и создается вся культурная жизнь Англіи. Общество требуетъ теоретическихъ аргументовъ изъ области экономіи. Буржуазія уже стала сама культурнымъ элементомъ: она видитъ въ своей средѣ лучшихъ представителей науки. Мальтусъ находитъ, наконецъ, почву для примиренія между этими двумя борящимися классами. Онъ выдвигаетъ свое ученіе о *неизмѣнной цѣнности труда*. Онъ старается доказать, что прогрессъ цивилизаціи держится на пропорціональномъ и относительно справедливомъ раздѣлѣ избыточнаго продукта между двумя классами: между землевладѣльцами и капиталистами, провиденціальное назначеніе которыхъ быть творцами цивилизаціи и не давать возможности населенію размножаться до послѣдняго предѣла.

Радикалъ-соціалистъ Марксъ своимъ ученіемъ объ общественно-необходимомъ трудѣ старается доказать, прежде всего, зависимость жизни общества отъ матеріальнаго труда и неизбѣжность крушенія капиталистическаго производства, которое, лишая трудъ произведенныхъ имъ элементовъ богатства, отрицаетъ самое себя, ибо приводитъ къ неизбѣжному паденію ренты и прибыли, къ обнищанію всего рабочаго сословія. Эксплуатація рабочаго, при ростѣ производительныхъ силъ, ведетъ къ кризису, который видоизмѣняетъ всю соціальную атмосферу путемъ новой организаціи труда и собственности. Паденіе нормы прибыли есть ничто иное какъ выраженіе прогрессивнаго развитія производительной силы труда. Наростаніе постояннаго капитала во всѣхъ предпріятіяхъ ведетъ къ тому, что, даже при одинаковой нормѣ прибавочной цѣнности, прибыль падаетъ. Такъ, если мы обозначимъ постоянный капиталъ чрезъ букву c, перемѣнный v и прибыль p, то получимъ слѣдующую картину паденія прибыли:

$$c=50;\ v=100;\ p=\frac{100}{150}=66^1/_3\%$$

$$c=400;\ v=100;\ p=\frac{100}{500}=20\%$$

Другими словами, общество, гдѣ господствуетъ трудовая цѣнность, по мѣрѣ своего промышленнаго развитія, съ ростомъ капитализаціи, неизбѣжно идетъ къ порядку вещей, при которомъ получается все меньшая и меньшая возможность пріобрѣтенія прибыли. Это моментъ крушенія капиталистическаго строя.

Всѣ три отмѣченныхъ писателя стараются найти *прочную опору для мѣновой цѣнности*. Въ мѣновой цѣнности они видятъ ключъ къ анализу всего механизма капиталистическаго производства и всѣ три равно терпятъ неудачу въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ, находя многочисленныхъ сторонниковъ въ рядахъ тѣхъ общественныхъ пластовъ, которыхъ интересы они защищаютъ.

Ранѣе всего рухнуло ученіе *о неизмѣнной цѣнности труда*. Уже Рикардо одержалъ надъ нимъ побѣду, но не полную. Въ трудахъ его сторонниковъ изъ буржуазнаго и соціалистическаго лагеря оно держалось въ нѣсколько подтасованномъ видѣ. Заработная плата разсматривалась, какъ нѣчто равное въ предѣлахъ даннаго народнаго хозяйства и неизмѣнное только въ томъ смыслѣ, что плата эта всегда удовлетворяетъ только опредѣленному минимуму потребностей рабочаго класса, который воспроизводится, какъ рабочая сила, въ предѣлахъ, необходимыхъ для класса промышленной и земельной буржуазіи. Крушеніе же всей этой теоріи произошло въ трехъ направленіяхъ: во первыхъ, было признано невозможнымъ отрицать повышеніе стоимости необходимаго содержанія рабочихъ при наличности ухудшающихся условій добыванія потребнаго земледѣльческаго продукта. Вліяніе этого обстоятельства, т. е. большей трудности добыванія земледѣльческаго продукта, едва ли могло, однако, имѣть важное значеніе въ современной Европѣ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ странъ, которыя признали свободу ввоза и вывоза хлѣбовъ и умѣли въ должной мѣрѣ капитализировать свое хозяйство. Борьба за хлѣбныя пошлины въ странахъ съ высокой земледѣльче-

ской культурой показываетъ, что современный протекціонизмъ промышленнаго характера и свобода вывоза и ввоза хлѣбовъ были для капиталистическаго класса прекраснымъ орудіемъ, при посредствѣ котораго они обезпечивали себѣ невозможность роста стоимости необходимаго содержанія рабочихъ въ земледѣльческихъ продуктахъ.

Во вторыхъ, опредѣленіе стоимости труда, какъ товара, одними издержками его воспроизводства оказалось также сомнительнымъ и, къ тому же было подмѣчено, что въ стоимость содержанія рабочихъ входятъ не только продукты земледѣлія, но и фабрикаціи. Цѣнность труда приходилось сводить къ цѣнности продуктовъ, разъ была доказана невозможность считать живое человѣческое существо и его трудъ товаромъ неизмѣнной цѣнности. Появленіе на рынокъ этого своеобразнаго товара пришлось объяснять не одними механическими условіями размноженія; въ третьихъ, всѣ попытки опредѣлить количество труда, потребное для производства даннаго товара, не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Создалось какое то „мистическое" представленіе о дѣйствующемъ какимъ то образомъ трудовомъ масштабѣ измѣренія цѣнностей безъ возможности выяснить его реальное значеніе. Къ тому же и попытки свести затраты мускульной и нервной энергіи въ разныхъ родахъ труда къ единству путемъ ихъ приведенія къ простому труду также не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Теоретическая возможность сведенія этихъ видовъ труда одного къ другому оказывалась практически безплодной, а заработная плата оказывалась явленіемъ *дифференціальнымъ, а не равнымъ*, при чемъ это различіе платъ не удавалось объяснить одними технико-экономическими причинами безъ привлеченія къ анализу чисто историко-соціальныхъ условій нашего хозяйственнаго быта.

Такъ выросло представленіе „о соціальной категоріи" нашего хозяйственнаго быта, которая при ближайшемъ же анализѣ должна была привести къ необходимости говорить только о *денежной цѣнѣ труда* и привела къ болѣе широкому представленію объ общественно-необходимомъ трудѣ.

Ни для кого теперь не тайна, что представленіе объ обще-

ственно-необходимомъ трудѣ, какъ о непосредственномъ творцѣ матеріальныхъ цѣнностей, въ своихъ практическихъ приложеніяхъ оказалось исполненнымъ схоластики. Все прочнѣе и прочнѣе стало укореняться убѣжденіе, что подъ общественно-необходимымъ трудомъ слѣдуетъ понимать совокупность всѣхъ общественныхъ функцій въ данномъ общественномъ организмѣ, что въ сущности анализъ производства самъ по себѣ можетъ дать намъ только самую общую формулу: „трудъ въ условіяхъ раздѣленія занятій и промысловъ производитъ больше, чѣмъ сколько необходимо на его содержаніе", но что эта формула еще не ведетъ насъ къ пониманію процесса образованія цѣнностей . . . . . Цѣнность классиковъ при ближайшемъ же анализѣ оказалась мифомъ.

Подводя итогъ ученіямъ классической школы Каннанъ пишетъ слѣдующія жестокія слова: „изслѣдованіе причинъ, которыя оказываютъ вліяніе на распредѣленіе всего общественнаго дохода между тремя долями: заработной платой, прибылью и рентой было формулировано столь неясно, что вмѣсто изложенія обстоятельствъ, выражающихся въ измѣненіи пропорцій, въ которыхъ данная масса дохода раздѣляется на указанныя три доли, получалось изложеніе причинъ, которыя, какъ предполагалось опредѣляютъ *абсолютный* размѣръ заработной платы на голову населенія, норму прибыли въ процентахъ на капиталъ и абсолютный размѣръ ренты на десятину. Трудно представить себѣ что либо болѣе неудовлетворительное, чѣмъ подобное изложеніе. Законъ заработной платы, гласящій, что размѣры платы зависятъ отъ отношенія между капиталомъ и населеніемъ, какъ бы ни казался очевиднымъ 100 или 50 лѣтъ тому назадъ, теперь всѣми признается абсурдомъ. Законъ прибыли, гласящій, что она зависитъ отъ стоимости труда, совершенно необоснованъ: его даже и понять нельзя. Отъ какихъ обстоятельствъ зависитъ рента по разсчету на десятину трудно сказать. Рикардо доказывалъ, что она зависитъ отъ трудности полученія послѣдней доли продукта. Когда и этотъ взглядъ былъ признанъ недоказуемымъ, ничего опредѣленнаго не было поставлено на его мѣсто. Д. С. Милль, говоря о законѣ ренты непо-

средственно послѣ установленія закона заработной платы и до опредѣленія закона прибыли, сталъ просто говорить, что рента есть добавочное вознагражденіе земледѣльческаго капитала, употребляемаго въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, а это утвержденіе вовсе не законъ, а только просто *плохое опредѣленіе*" [1]). Вотъ что пишетъ жестокій критикъ классической школы. Но правъ ли онъ, развѣ не создалъ намъ Марксъ ясныхъ отвѣтовъ на скрытый законъ цѣнности? Вѣдь признаніе этихъ положеній означало бы полное крушеніе старой экономіи? Увы, приходится признать, что въ этихъ словахъ много, слишкомъ много правды.

Первый томъ „Капитала" Маркса далъ намъ магическую формулу, что *цѣнность товара прямо пропорціональна количеству затраченнаго труда и обратно пропорціональна его производительной силѣ.* Неужели съ этой простой формулой намъ необходимо разстаться и, если да, то какой же новой намъ придется ее замѣнить? Вотъ вопросъ, вотъ—проблема [2])...

Въ первомъ томѣ Капитала эта проблема была разрѣшена просто и необычайно смѣло. Трудъ производитъ цѣнность и прибавочную цѣнность. Такъ называемый необходимый трудъ создаетъ необходимое содержаніе рабочихъ, прибавочный трудъ создаетъ прибавочную цѣнность, т. е. доходъ капиталиста, кто бы онъ ни былъ: владѣлецъ земли или другихъ орудій производства.

Обмѣнъ и распредѣленіе, какъ процессы циркуляціи товара и раздѣла продукта на доходы, разсматривались только, какъ результаты общественной системы производства.

Эти положенія давно не удовлетворяли экономистовъ; съ появленіемъ же третьяго тома Капитала для всѣхъ стало очевиднымъ, что они совершенно неудовлетворительны и по слѣдующимъ основаніямъ:

---

[1]) См. E. Cannan. Production and Distribution in English Polit. Econ, L. 1903, стр. 382.

[2]) Подробный анализъ теоріи прибавочной цѣнности читатель можетъ найти въ моей книгѣ: Обмѣнъ и экономическая политика, Юрьевъ, 1904 г. Здѣсь я только намѣчаю окончательные выводы, къ которымъ пришелъ

Во-первыхъ, въ основѣ этихъ положенiй лежало совершенно нелѣпое ученiе о соотношенiи постояннаго и перемѣннаго капитала къ цѣнности, изъ котораго вытекло „миѳическое“ представленiе о равенствѣ прибыли при неравенствѣ нормъ прибавочной цѣнности. Во-вторыхъ, ученiе о рентѣ, которое давало возможность утверждать, будто цѣнность нормируется предѣльной или среднею общественно—необходимою трудовою стоимостью, оказалось совершенно необоснованнымъ. Въ результатѣ заколебалось ученiе о томъ, что предѣльная или средняя прибыль опредѣляется въ земледѣлiи. Въ третьихъ, ученiе объ общественно-необходимомъ трудѣ оказалось простымъ ученiемъ о законѣ количествъ продукта, т. е. ученiемъ о рѣдкости, равно приложимымъ ко всѣмъ производительнымъ силамъ.

Въ своей книгѣ я началъ анализъ со втораго наиболѣе, какъ казалось, признаннаго положенiя—съ ученiя о земельной рентѣ. Я старался доказать, что Мальтусъ и Родбертусъ при выводѣ закона ренты исходили изъ гораздо болѣе правильныхъ началъ, чѣмъ Рикардо. Они видѣли въ землѣ производительную силу, дающую при приложенiи одинаковаго количества труда и капитала, неравные результаты въ продуктѣ и ставили вопросъ, какъ при такихъ условiяхъ и при дѣйствiи соперничества опредѣлится цѣна продукта въ условiяхъ хозяйства съ исторически сложившимися правами частной собственности на землю? Въ результатѣ своего анализа я пришелъ къ убѣжденiю, что ни предѣльная стоимость Рикардо, ни средняя стоимость въ трудѣ Маркса не даютъ намъ никакой возможности найти *неизмѣнную точку опоры для цѣнности.* Я показалъ далѣе, что прибавочный продуктъ не всегда является результатомъ одного прибавочнаго труда, а зависитъ отъ творческаго дѣйствiя производительныхъ силъ земли и капитала.

Это положенiе отнюдь не колеблетъ правильности того положенiя, что прибавочный трудъ есть излишекъ всего общественнаго труда надъ трудомъ, производящимъ необходимое содержанiе рабочихъ. Но только это положенiе расширяетъ самое понятiе общественно-необходимаго труда до

размѣровъ всего труда, потребнаго для дѣйствія нашего народно-хозяйственнаго механизма, и не игнорируетъ того обстоятельства, что силы земли и капитала увеличиваютъ массу нужнаго для общества продукта, въ разныхъ производительныхъ предпріятіяхъ въ разной степени, на разныя величины и что приписывать созданіе прибавочнаго продукта одному труду было столь же нелѣпо, какъ доказывать, что мускульныя движенія вдыханія, а не воздухъ, озонируютъ нашу кровь.

Я показалъ, кромѣ того, что законъ ренты даже въ условіяхъ соперничества и при признаніи одинаковой производительности разныхъ затратъ капитала вполнѣ согласуется съ дифференціаціей прибыли и заработной платы въ разныхъ земледѣльческихъ хозяйствахъ. Мнѣ кажется, мнѣ удалось доказать, что *прибавочная цѣна* въ земледѣліи можетъ зависѣть отъ возможности соціальнаго захвата части производительности въ фабрикаціи путемъ сложныхъ процессовъ обмѣна; въ качествѣ вывода я пришелъ къ убѣжденію, что „*рента есть плата за пользованіе устойчивыми преимуществами неравныхъ по качеству и результатамъ производительныхъ силъ, которыя по соціальнымъ и техническимъ основаніямъ имѣются въ ограниченномъ количествѣ*" и что тотъ дифференціальный принципъ, который такъ неправильно прилагался исключительно къ земельной рентѣ, имѣетъ гораздо болѣе общее значеніе и долженъ быть формулированъ совершенно иначе, а именно: „*дифференціальный принципъ*, во-первыхъ, принципъ общихъ различій въ естественной и соціальной производительности, во вторыхъ универсальный принципъ рѣдкости производительныхъ силъ и ихъ продуктовъ, который своеобразно дифференцируется по отношенію къ каждой изъ нихъ [1]), и, въ третьихъ, принципъ условій со-

[1]) Блестящее доказательство этой рѣдкости „земли" для нашихъ крестьянъ даетъ исторія цѣнъ на землю при покупкѣ ея чрезъ посредство Крестьянскаго Банка. Средняя цѣна за десятину была въ періодъ съ 1891—1896 г.—47 руб.; въ 1897 г.—71, 1898—76, 1899—78, 1900—83, 1901—91, 1902—108 руб. Такое повышеніе цѣнъ на землю происходило безъ значительнаго повышенія цѣнъ па продукты и безъ замѣтнаго улучшенія въ производительности земли.

ціальнаго раздѣла избытка надъ необходимымъ содержаніемъ, гдѣ и какъ бы этотъ избытокъ ни созидался въ силу естественныхъ или общественныхъ (прибавочный трудъ и прибавочная цѣна) условій производства и обмѣна".

Тѣ же положенія затѣмъ мнѣ пришлось примѣнить и при анализѣ капитала.

Я старался показать, что въ настоящій моментъ трудно себѣ даже представить, какъ могло такъ долго держаться то нелѣпое ученіе о капиталѣ, которое мы находимъ у Рикардо и Маркса. Чтобы доказать, что постоянный капиталъ не имѣетъ никакого отношенія къ процессу образованія цѣнъ, мы должны были бы считать опредѣленно установленными слѣдующія положенія: во-первыхъ, что наиболѣе производительная форма капитала по размѣрамъ, качеству и по техническому сочетанію получаетъ господство на рынкѣ немедленно или въ болѣе или менѣе продолжительный срокъ внѣ всякой зависимости отъ данныхъ соціальныхъ условій существованія людей, т. е. въ частности принять недоказуемое положеніе, будто процессы накопленія и потребленія не дѣлаютъ изъ капитала ограниченной производительной силы по техническимъ и соціальнымъ основаніямъ; во-вторыхъ, что всякая единица капитала одинаковой матеріальной сущности или равной продажной цѣны, будучи обращена одинаковой суммой труда въ орудія производства, будетъ пропорціонально содѣйствовать во всѣхъ отрасляхъ промышленности умноженію потребнаго намъ продукта, и въ третьихъ, что, если капиталъ одной и той же производственной стоимости и видоизмѣнитъ въ неравной степени производительность труда, то это не окажетъ никакого вліянія на пропорціи обмѣна. Ни одно изъ этихъ положеній не было доказано, и попытка Маркса въ третьемъ томѣ Капитала создать ученіе объ *органическомъ составѣ* капитала была простымъ возвратомъ къ идеѣ Родбертуса о дифференціальной производительности труда. Вмѣсто доказательства ученія о равенствѣ прибыли эта идея приводитъ неизбѣжно къ ученію о дифференціаціи или неравенствѣ прибыли въ разныхъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ, что и подтверждается всѣми данными хозяйственной жизни всѣхъ странъ и народовъ.

Какъ и почему возникла частная собственность на капиталъ, благодаря какимъ причинамъ обнаруживается его сосредоточеніе въ немногихъ рукахъ—это такой же вопросъ историческаго изслѣдованія, какъ и вопросъ о происхожденіи и развитіи частной земельной собственности. Путемъ фикціи трудовой цѣнности и прибавочной цѣнности мы не выяснимъ ни природы капитала, ни условій его накопленія, ни организаціоннаго значенія, ни соціальной силы.

Для теоретика капиталъ всегда останется производительной силой и для него будетъ ясно, что трудъ благодаря содѣйствію капитала будетъ производить безконечно бо̀льшее количество продукта. Доказать, поэтому, что прибавочный продуктъ результатъ одного прибавочнаго труда рабочихъ даннаго предпріятія никогда и никому не удастся. Цѣна же этого прибавочнаго продукта, созданнаго трудомъ и капиталомъ, никогда не упадетъ до нормы необходимаго содержанія рабочихъ, пока существуютъ условія, ограничивающія количество производительныхъ силъ, нормирующія условія соціальнаго раздѣла продукта вообще и дающія возможность захватывать долю прибавочнаго продукта, создаваемаго въ другихъ отрасляхъ промышленности.

Обратившись для провѣрки выведенныхъ положеній къ пресловутой теоріи закона паденія прибыли, я пришелъ къ убѣжденію, что и онъ былъ построенъ подъ давленіемъ той экономической политики, которую преслѣдовали разные представители экономической доктрины. Этотъ анализъ привелъ меня къ окончательному убѣжденію, что норма прибыли, а слѣдовательно и законъ ея паденія, зависитъ отъ трехъ сложныхъ условій: во-первыхъ, отъ изобилія или рѣдкости капитала, какъ производительной силы, во-вторыхъ отъ производительности его въ данныхъ общественныхъ условіяхъ и, въ третьихъ, отъ соціальнаго раздѣла общественнаго продукта между борящимися общественными классами и ихъ подраздѣленіями въ данномъ народно-хозяйственномъ исторически сложившемся организмѣ.

Ростъ общественной производительной силы труда не можетъ, поэтому, служить основаніемъ для механическаго кру-

шенія капиталистическаго строя. Въ его предѣлахъ развиваются силы, постоянно поддерживающія его: создается организація, ограничивающая соперничество, обнаруживается колоссальное расширеніе и аристократизація потребленія, обусловливающее необходимость считаться съ капиталомъ, какъ съ ограниченной въ размѣрахъ производительной силой. И только организованныя требованія рабочихъ, и ихъ борьба за свою заработную плату, способны уменьшить долю вознагражденія капиталистическаго класса и сократить размѣры его потребленія.

Выводъ изъ этихъ положеній сталъ для меня тогда совершенно ясенъ.

Экономическая наука нашего времени должна совершенно отбросить ненужное и догматически ложное ученіе о цѣнности. Она должна признать, что предметомъ ея анализа должна служить только исторически сложившаяся цѣна продукта, которая не можетъ быть однимъ результатомъ производства, вѣрнѣе, что ученіе, будто трудъ создаетъ *цѣнность* также не вѣрно, какъ и положеніе, будто земля и капиталъ создаютъ цѣнности. Всѣ производительныя силы содѣйствуютъ только созданію продукта; соціальныя силы его дѣлятъ. Мѣновая цѣнность товара и всякаго другого имущества и представляетъ собою сложный общественный результатъ сбалансировавшихся экономическихъ и соціальныхъ силъ. Люди пришли въ столкновеніе при помощи обмѣна. Ихъ соединилъ и связалъ, и связываетъ все болѣе и болѣе, обмѣнъ.

Въ этомъ обмѣнѣ, въ его историческомъ и неизбѣжномъ развитіи, люди пришли въ своихъ отношеніяхъ, которыя опредѣляли каждому классу извѣстную норму дохода и извѣстное зависимое или господствующее положеніе, къ извѣстнымъ результатамъ. Въ обмѣнѣ люди нашли свои способы оцѣнки продуктовъ, поэтому мы и должны искать объясненій для мѣновой цѣнности или проще цѣны, не въ *стоимости товара*, а еще менѣе въ никому невѣдомой трудовой стоимости, а въ сложныхъ условіяхъ производства, обмѣна и распредѣленія, понимая подъ послѣднимъ не только раздѣлъ продукта на доли въ доходѣ, но и существующія условія собственности и владѣнія.

Мѣновая цѣнность создалась въ обмѣнѣ и подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ силъ распредѣленія. Наличность экономическаго избытка надъ необходимымъ содержаніемъ работника послужила основой развитія капиталистическаго хозяйства и капиталистической эксплоатаціи и цѣна, какъ историческій результатъ борьбы человѣчества въ условіяхъ развившагося раздѣленія труда, *всегда зависѣла и будетъ зависѣть, пока этотъ строй существуетъ, отъ количества производительныхъ силъ и ихъ продуктовъ, будетъ убывать съ ростомъ производительныхъ силъ и отражать на себѣ всѣ условія раздѣла соціальнаго продукта и прибавочнаго продукта, создавая своеобразную дифференціацію доходовъ, какъ рабочаго, такъ и землевладѣльцевъ и капиталистовъ.*

Этотъ историческій выводъ побудилъ меня провѣрить ту теорію преобладанія, которая создалась какъ результатъ прежнихъ экономическихъ ученій и поставить вопросъ о новыхъ началахъ экономической политики, къ разработкѣ которыхъ должна стремится и новая соціальная наука. На этомъ вопросѣ я считаю необходимымъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

V.

Адольфъ Вагнеръ признаетъ, что трактатъ Прудона о собственности представляетъ собою эпоху въ экономической литературѣ. Съ этимъ взглядомъ нельзя не согласиться. Прудонъ нанесъ первый и рѣшительный ударъ всѣмъ попыткамъ обосновать собственность, исходя изъ общихъ отвлеченныхъ принциповъ. Всѣмъ извѣстно, что наибольшее распространеніе въ литературѣ имѣли, и имѣютъ еще и до сихъ поръ, четыре теоріи собственности.

Первая изъ нихъ обосновываетъ собственность на правѣ первоначальной оккупаціи, вторая на трудѣ, который создаетъ продуктъ или приводитъ землю въ культурное состояніе, третья—на молчаливомъ или опредѣленно-выраженномъ соглашеніи всѣхъ членовъ общества, четвертая—обосновываетъ собственность на существованіи законовъ, устанавливающихъ

этотъ институтъ. Противъ каждой изъ этихъ теорій достаточно сдѣлать по одному возраженію, чтобы признать ихъ полную непригодность.

Легальная теорія обосновываетъ собственность на существованіи закона, но послѣдній во всякій моментъ можетъ быть видоизмѣненъ, разъ мы только признаемъ за организованнымъ обществомъ право трансформаціи всѣхъ законовъ въ интересахъ общественнаго блага. Выводить обоснованіе собственности изъ самаго существа и природы самоопредѣляющейся свободной личности, изъ природы человѣка и его естественныхъ правъ, также мало убѣдительно, ибо противники индивидуализма съ такимъ же основаніемъ выводятъ требованіе общей собственности изъ понятія человѣчества и необходимости обезпеченія всѣмъ и каждому равныхъ правъ на жизнь и счастіе [1]).

Теорія соглашенія основана на никогда не существовавшемъ фактѣ, на фикціи, и, кромѣ того, ничего не говоритъ о мотивахъ, приведшихъ къ такому соглашенію. При ближайшемъ же анализѣ можетъ оказаться, что, даже при признаніи наличности соглашенія, мотивы его могутъ быть совершенно фальшивыми и неправомѣрными. Оккупаціонная теорія грѣшитъ тѣмъ, что одинъ изъ способовъ пріобрѣтенія имущества принимаетъ за принципъ собственности, совершенно игнорируя вопросъ о правѣ всѣхъ другихъ членовъ общества, не имѣвшихъ возможности воспользоваться этимъ правомъ [2]). Трудовая теорія собственности провозглашаетъ право индивида на полный продуктъ своего труда, но она,

---

[1]) Даже составленная въ атмосферѣ индивидуализма декларація правъ человѣка и гражданина формулировала свои постановленія о собственности съ нижеслѣдующимъ ограничительнымъ началомъ: „такъ какъ право собственности ненарушимо и священно, то никто не можетъ быть лишенъ своей собственности за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда общественная польза, законнымъ порядкомъ удостовѣренная, очевидно требуютъ этого и не иначе, какъ подъ условіемъ предварительной уплаты справедливаго вознагражденія“. См. Еллинекъ-Декларація правъ, стр. 31.

[2]) Простыя слова Прудона: „le droit d'occuper étant égal pour tous, la possession varie comme le nombre des possesseurs; la propriété ne peut se former“— жестокій приговоръ надъ этой теоріей см. Qu'est ce que la propriété, l. c., стр. 223.

прежде всего, не приложима къ землѣ, ибо таковая вовсе не является продуктомъ труда, а во-вторыхъ, какъ мы видѣли, всякій продуктъ въ условіяхъ раздѣленія труда является результатомъ массы неизмѣримыхъ дѣятельностей и, при томъ, не можетъ появиться внѣ участія другихъ производительныхъ факторовъ.

Любопытно отмѣтить, что по поводу послѣдней теоріи крайности какъ бы сходятся. Такіе типичные представители буржуазіи, какъ Тьеръ и Бастіа, выводятъ собственность изъ трудового начала, также какъ и многіе соціалисты. Крылатая формула Бастіа: „я понимаю подъ собственностью—право работника на цѣнность, создаваемую его трудомъ" казалось бы могла удовлетворить соціалиста, а между тѣмъ онъ справедливо смотритъ на эту фразу, какъ на лицемѣріе буржуазіи, владѣющей доходомъ отъ капитала и земли.

Для современнаго теоретика причины такой шаткости взглядовъ на собственность понятны. Всѣ отмѣченныя выше теоріи лишены всякаго историческаго чутья, построены для защиты или разрушенія существующей системы собственности.

Выводы, къ которымъ пришелъ Адольфъ Вагнеръ при критикѣ этихъ теорій неутѣшительны. Онъ пишетъ: „институтъ частной собственности и различныя категоріи частной собственности, такимъ образомъ, не могутъ быть обоснованы на какихъ нибудь простыхъ естественныхъ основаніяхъ. Эти учрежденія созданы правообразованіемъ подъ вліяніемъ соображеній *цѣлесообразности и справедливости*. Они, слѣдовательно, *исторически объясняются и телеологически оправдываются*. . . . Въ частной собственности мы поэтому имѣемъ дѣло не съ естественно-необходимой, безъ дальнѣйшаго, изъ природы человѣка вытекающей категоріей, не съ чисто экономической категоріей, о которой можно было бы сказать, что безъ нея невозможно было бы правильное удовлетвореніе потребностей, немыслимо было бы существованіе хозяйства, а только *съ исторической категоріей*. . . Частная собственность на землю и капиталъ, какъ явленія, вытекшія изъ экономической цѣлесообразности, не могутъ разсматриваться, какъ вѣчныя учрежденія права и народнаго хозяйства. Именно

историческое изслѣдованіе въ отличіе отъ абстрактнаго должно это признать, если оно не хочетъ впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою. Руководящія соображенія цѣлесообразности видоизмѣняются или даже совершенно отпадаютъ съ общимъ историческимъ видоизмѣненіемъ совмѣстной общественной жизни людей, съ увеличеніемъ плотности населенія, съ измѣненіемъ техники производства, обращенія. Отсюда получается постулатъ: не остановка въ развитіи, но дальнѣйшее цѣлесообразное преобразованіе всего института собственности по мѣрѣ измѣнившихся потребностей и вновь признанныхъ народнохозяйственныхъ функцій современнаго права [1]). Близкій къ Вагнеру сторонникъ соціально этическаго же направленія и авторъ сочиненія о Прудонѣ проф. Диль [2]) признаетъ вмѣстѣ съ нимъ непригодность всѣхъ абстрактныхъ теорій о собственности и замѣчаетъ: исторія земельной собственности показываетъ, что по своему историческому происхожденію она основывается не только на народно-хозяйственныхъ и соціально-политическихъ соображеніяхъ цѣлесообразности, но „и на подчиненіи и насиліи"... Соображенія Вагнера и Диля очень интересны, но въ нихъ есть и нѣкоторая недоговоренность, именно съ точки зрѣнія историческаго и теоретическаго анализа.....

Почему же трудовая теорія цѣнности, какъ бы объединяетъ представителей буржуазіи и соціализма? Историческій процессъ развитія собственности совершался, само собою разумѣется, не безъ основаній. Законы исторической необходимости дѣйствовали, будутъ дѣйствовать и впредь. Всѣ теперь отлично понимаютъ, что частная собственность представляетъ собою историческій результатъ, политый кровью и страданіями цѣлыхъ поколѣній.

Родбертусъ давно честно и опредѣленно сказалъ, что „раздѣленіе труда, которое имѣетъ народнохозяйственное значеніе, которое лежитъ въ основѣ человѣческой коопераціи,

---

[1]) См. Grundlegung der Politischen Oekonomie, 3-te Auflage, II Theil, стр. 230—231.

[2]) Karl Diehl. P. J. Proudhon, seine Lehre und sein Leben, erste Abteilung—Die Eigenthumslehre und Werthlehre, Jena, 1888, стр. 33—51, 36.

которое является принципомъ прибавочнаго продукта раздѣленнаго труда, могло первоначально основываться лишь на принужденіи и силѣ“ [1]). Но какая же сила или теорія задерживаетъ правильный ходъ нашего историческаго анализа, какая теорія не даетъ намъ возможности ясно и опредѣленно заглянуть на тотъ путь, по которому должна быть направлена трансформаторская дѣятельность нарождающихся прогрессивныхъ силъ, стремящихся не разрушить, а переработать вѣками построенное зданіе нашей цивилизаціи?

Я долженъ прямо и опредѣленно сказать, что такимъ архаическимъ элементомъ является трудовая теорія цѣнности и собственности. Она еще и до сихъ поръ извращаетъ наши представленія объ обмѣнѣ и о самомъ существѣ нашей народнохозяйственной организаціи.

Если вы заглянете въ сочиненія Энгельса, то вы съ удивленіемъ замѣтите, что этотъ много потрудившійся на историческомъ поприщѣ писатель утверждаетъ, будто „законъ цѣнности Маркса имѣлъ всеобщее дѣйствіе за время съ начала развитія обмѣна, превратившаго продукты въ товаръ, вплоть до 15-го вѣка“ [2])! Эти слова ему пришлось сказать уже послѣ того, какъ фактъ реальнаго существованія трудовой цѣнности въ нашемъ капиталистическомъ хозяйствѣ былъ отвергнутъ. Эта точка зрѣнія возбудила оживленную полемику. Я остановлюсь на доказательствѣ всей ложности ея потому, что это дастъ мнѣ возможность, при признаніи неправильности трудовой цѣнности для будущаго, для прошедшаго и для настоящаго времени, сдѣлать важный выводъ относительно тѣхъ историческихъ силъ, съ которыми мы должны считаться и которыя, поэтому, всегда должны будутъ предопредѣлять характеръ намѣчаемой экономической политики и наши идеалы распредѣлительной справедливости [3]).

---

[1]) См. Zur Beleuchtung der socialen Trage, стр. 128.

[2]) Его статья: Законъ цѣнности и уровень прибыли, р. пер. Новое слово, Сентябрь, 1897 г., стр. 122.

[3]) О невозможности господства трудовой цѣнности въ будущемъ я уже говорилъ въ предшествовавшей статьѣ, Вѣстникъ Права, Октябрь.

Что трудовая цѣнность не могла служить основой обмѣна въ эпохи, предшествовавшія капиталистическому строю, доказывается слѣдующими соображеніями: *во-первыхъ*, первичный обмѣнъ, какъ съ большою вѣроятностью мы можемъ предполагать, возникъ не на почвѣ обмѣна обычныхъ и самыхъ распространенныхъ благъ, т. е. тѣхъ, которыя производились въ каждой семьѣ и для ея потребностей, а, наоборотъ, на почвѣ благъ, которыя требовали особаго искусства, которыя были рѣдки и въ недостаточномъ количествѣ въ предѣлахъ даннаго мѣста. Этотъ обмѣнъ, какъ придатокъ къ натуральному хозяйству, имѣлъ совершенно случайный характеръ, и цѣна, которую получали владѣльцы такихъ предметовъ, могла стоять внѣ зависимости отъ потраченнаго на нихъ труда. Правильная координація своихъ потребностей съ наличнымъ запасомъ силъ и средствъ, которая даетъ основаніе для представленій о трудѣ, какъ о хозяйственно ограниченной величинѣ, продуктъ долговременнаго историческаго развитія; *во-вторыхъ*, обмѣнъ, какъ показываютъ всѣ современные изслѣдователи, возникъ, какъ явленіе междуплеменное и главными двигателями обмѣна въ первоначальныя эпохи были вовсе не самостоятельные производители. Родоначальниками обмѣна въ большинствѣ случаевъ были владѣльцы прибавочнаго продукта; тѣ отношенія зависимости, которыя напр. характерны для всего средневѣковья, давали возможность отчуждать продуктъ, вовсе не сообразуясь съ трудомъ, заключеннымъ въ продуктѣ. Представленіе о стоимости, при существованіи рабства и крѣпостного права, должны были существенно отличаться отъ нашихъ представленій о томъ же предметѣ; *въ третьихъ*, чтобы трудовой законъ цѣнности осуществлялся въ чистомъ видѣ необходимо, чтобы каждый производитель зналъ количество труда, которое затрачено на продуктъ, который онъ самъ создалъ и вымѣниваетъ. Если даже въ наши дни, въ предѣлахъ хозяйствъ нашего вѣка, мы часто не въ состояніи разсчитать, что стоитъ продуктъ, то еще труднѣе это было въ предшествовавшія эпохи, когда существовали также „сложныя" условія труда, опутаннаго всякими стѣсненіями и прилагавшагося въ тоже время въ условіяхъ неравной производительности, если даже не по отношенію къ капиталу, то, внѣ сомнѣнія, по отношенію къ землѣ и труду. Существованіе ренты отрицать нельзя, а уже это одно дѣлаетъ все представленіе о трудовой робинзонадѣ шаткимъ; *въ четвертыхъ*, существованіе раздѣленія труда въ болѣе позднюю эпоху напр. въ эпоху ремесленнаго быта, между городомъ и деревней, возникновеніе борьбы между землею и капиталомъ, неизбѣжно должно было координировать обмѣнъ въ столь же аналогичныхъ условіяхъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло и въ настоящее время.

Утвержденіе Маркса, а за нимъ Энгельса и другихъ, что обмѣнъ по трудовой цѣнности составляетъ prius цѣнъ производства, что обмѣнъ товаровъ по цѣнности, или приблизительно къ ней, требуетъ болѣе низкой ступени хозяйственнаго развитія, чѣмъ по цѣнамъ производства, что такой обмѣнъ мы встрѣчаемъ, какъ въ древности, такъ и въ новое время у крестьянъ, работающихъ на собственной землѣ, у ремесленниковъ, при рабствѣ, крѣпостничествѣ, цеховомъ строѣ, лишено достаточно прочнаго основанія. Аргументація Маркса построена на двухъ совершенно недоказательныхъ положеніяхъ: во первыхъ, по его мнѣнію, всѣ указанныя имъ формы хозяйствъ являются владѣльцами не капитала въ собственномъ смыслѣ этого слова,

а „средствъ производства", которыя къ тому же въ такія эпохи трудно переносимы изъ однихъ отраслей въ другія. Во вторыхъ, при такихъ условіяхъ существованіе неравныхъ нормъ прибыли является для производителя „безразличнымъ", ибо если напр. „одинъ производитель произвелъ больше затратъ, то послѣднія возвращаются ему въ большей долѣ цѣнности его товара, которая возмѣщаетъ эту „постоянную" часть и ему приходится, поэтому, снова обращать большую долю общей цѣнности своего продукта въ вещественные элементы этой постоянной части, тогда какъ другому производителю, если онъ въ возмѣщеніе этихъ элементовъ получаетъ менѣе, то и менѣе придется ихъ превращать въ эту форму. Различіе нормъ прибыли будетъ для такихъ производителей столь же безразличнымъ, какъ и нынѣ мало значенія имѣетъ для наемнаго работника, какою нормою прибыли выразится выжатое у него количество добавочной цѣнности или какъ мало имѣетъ значенія въ международной торговлѣ различіе нормъ прибыли у различныхъ народовъ для ихъ товарнаго обмѣна" (Т. III, I. В., н. изд. стр. 155—6).

Аргументація поразительно шаткая. Назвать средства производства мелкаго размѣра не капиталомъ,—это значитъ просто играть понятіями, въ особенности, если оно проявляется въ столь реальной формѣ, какъ неравенство нормъ прибыли. Признаніе такого неравенства нормъ прибыли или что то же ихъ дифференціаціи уже само по себѣ является отрицаніемъ трудовой цѣнности и оно тѣмъ болѣе не безразлично для такихъ производителей, что во всѣ эпохи капиталъ имъ обходится дороже и ставитъ производителей съ большими затратами капитала въ значительно лучшія условія съ производителями, у которыхъ затраты меньше. Изъ такого положенія вытекаетъ, что производители съ меньшими затратами получаютъ „высшее дифференціальное вознагражденіе". Противорѣчіе вопіющее, которое должно было задерживать ростъ капиталистическаго развитія и не согласуется съ основнымъ фактомъ теоріи накопленія капитала, который создается и возрастаетъ всегда изъ наличности большей производительности предпріятій, гдѣ капиталъ помогаетъ труду. Отсутствіе соперничества въ такія эпохи скорѣе всего должно было содѣйствовать тому, что продукты обмѣнивались внѣ всякой зависимости съ затратами труда и капитала, а раздѣлъ прибавочнаго продукта долженъ былъ совершаться примѣнительно и согласно съ законами монополіи международной торговли, т. е. быть выгоднѣе для той стороны, которая удовлетворяла болѣе настоятельнымъ потребностямъ лицъ, имѣвшимъ, какъ при феодальномъ строѣ, массу не заработаннаго собственнымъ трудомъ прибавочнаго продукта. Въ средніе вѣка не деревня эксплуатировала городъ, а какъ разъ наоборотъ, по крайней мѣрѣ въ періодъ расцвѣта городской жизни.

До сихъ поръ мы не имѣемъ еще сколько нибудь удовлетворительнаго историческаго анализа условій, при которыхъ совершился переходъ средневѣковыхъ формъ хозяйства къ капиталистическимъ. Но всѣ попытки объяснить этотъ переходъ на почвѣ трудовой цѣнности страдаютъ большою искусственностью, совершенно не принимаютъ во вниманіе цѣлой массы своеоб-

разныхъ условій и въ особенности относящихся къ капиталовладѣльцамъ. Типичнымъ образцомъ неясности и элементарности этихъ попытокъ служатъ напр. хотя бы возраженія Гильфердинга по поводу сомнѣній Зомбарта [1].

Гильфердингъ слѣдующимъ образомъ представляетъ себѣ переходъ отъ до-капиталистическаго хозяйства, гдѣ трудовая цѣнность была господствующимъ явленіемъ, къ капиталистическому. Зомбартъ, по его мнѣнію, оспариваетъ, что „равенство прибыли установилось, при переходѣ средневѣкового къ капиталистическому хозяйству, чрезъ нивеллированіе неравныхъ первоначальныхъ нормъ прибавочной цѣнности". Онъ полагаетъ, что „торговая прибыль была исходнымъ пунктомъ капиталистической конкуренціи. Если бы исходнымъ пунктомъ была прибавочная цѣнность, то капитализмъ захватилъ бы прежде всего области, гдѣ преобладаетъ живой трудъ, и только постепенно могъ бы захватить и другія области, по мѣрѣ развитія которыхъ должно было бы обнаружиться паденіе цѣнъ. Капитализмъ, напротивъ, развивается въ отрасляхъ съ преобладаніемъ постояннаго капитала. Ошибочность этого положенія можетъ быть доказана и другимъ образомъ. Если бы въ областяхъ съ преобладаніемъ перемѣннаго капитала можно было при началѣ капиталистическаго хозяйства получать чрезмѣрныя прибыли, то это предполагало бы, что капиталъ сразу сталъ давать работу прежде самостоятельнымъ производителямъ, какъ рабочимъ, и всю разницу цѣнности съ товарными цѣнами класть себѣ въ карманъ. Капиталистическое же производство начало свое дѣло во вновь созданныхъ отрасляхъ промышленности съ разбитыми жизнью существами и при установленія цѣнъ исходило изъ понятія о затратѣ капитала"... На это Гильфердингъ возражаетъ: уравненіе различныхъ нормъ прибавочной цѣнности было длительнымъ процессомъ. Зомбартъ забываетъ, что торговецъ, ставшій капиталистомъ, не переставалъ быть торговцемъ. Главный доходъ ему давалъ его капиталъ, вложенный въ экспортное дѣло. Затрачивая первоначально небольшой постоянный капиталъ на выработку товаровъ за свой счетъ, онъ, во первыхъ, пріобрѣталъ возможность получать въ большемъ числѣ и болѣе равномѣрно нужные товары, что было важно при быстро растущемъ рынкѣ, и во вторыхъ, присваивая прибавочный трудъ занятыхъ ремесленниковъ, онъ получалъ добавочную прибыль. Если промышленная прибыль была даже меньше, то общая масса прибыли больше. Его промышленная прибыль росла, однако, быстро, когда при помощи новой техники (кооперація, мануфактура) онъ пріобрѣталъ возможность производить дешевле, чѣмъ его конкуренты. Соперничество заставляло и его конкурентовъ принимать новые методы производства и оставлять простое ремесленничество. Когда капиталисту пришлось ограничиваться внутреннимъ рынкомъ, онъ сталъ производить дешевле ремесленника. Рыночная цѣна опре-

[1]) См. Marx-Studien. Band I, Wien, 1904. Теорія самого Зомбарта, будто большія состоянія буржуазіи, послужившія основой новаго капиталистическаго порядка, возникли изъ капитализаціи городскихъ земельныхъ рентъ, удачно опровергнута г. I. Strider. Zur genesis der modernen Kapitalismus, L. 1904.

дѣлялась продуктами послѣдняго, капиталистъ получалъ экстра-прибавочную цѣнность, экстра-прибыль, и тѣмъ большую, чѣмъ было выше его техническое превосходство. Правовыя привиллегіи дѣлали это техническое превосходство монополіей отдѣльныхъ капиталистовъ. Только послѣ крушенія этихъ монополій, когда исчезли ограниченія въ передвиженіи капитала и прикрѣпленіе работника, стало возможнымъ уравненіе первоначально неравныхъ прибылей. Только тамъ, гдѣ фактически средства производства имѣли большое значеніе, какъ напр. въ горномъ дѣлѣ, сильное преобладаніе основного капитала даетъ основаніе капитализаціи, чему товарищеское производство служитъ первою ступенью. Такія отрасли промышленности составляютъ въ большинствѣ случаевъ монопольныя предпріятія, которыхъ доходъ надобно опредѣлять по особымъ законамъ (Marx-Studien стр. 40—42).

Просто не вѣрится, что все это написано для укрѣпленія трудовой цѣнности. Автору приходится самому констатировать, что условія дифференціальной, технической и соціальной производительности труда фактически лежатъ въ основѣ всего процесса. Отсюда, казалось бы, слѣдовало, что необходимо оставить не нужное догматическое стремленіе все объяснять трудовой цѣнностью, а прослѣдить *историческій* процессъ образованія ренты вообще. Историки и поработаютъ еще современемъ надъ этимъ вопросомъ и да не сбиваетъ ихъ съ пути теорія цѣнности; пусть помнятъ, что и экономисты ближе къ правдѣ, когда они говорятъ о цѣнѣ и о тѣхъ дифференціальныхъ условіяхъ, среди которыхъ она созидалась.

Мы живемъ въ настоящее время среди видоизмѣнившихся, но все же дифференціальныхъ условій. Въ историческомъ процессѣ капитало-образованія и установленія собственности дѣйствовали разные общественные классы, мобилизація и концентрація собственности имѣла свои законы, которые дѣйствуютъ и теперь и не могутъ быть разрушены провозглашеніемъ абстрактныхъ принциповъ. Капиталистическое хозяйство не удовлетворяется болѣе узкими границами государства. Въ свой круговоротъ оно захватываетъ постепенно весь міръ. Въ его внутреннихъ предѣлахъ существуютъ многообразные формы хозяйствъ какъ бы разныхъ стадій развитія и разной производительности, но тѣ основныя силы, значеніе которыхъ было замѣтно ирп самомъ началѣ развитія капиталистическаго хозяйства, остались и только болѣе опредѣлились., другими словами—всѣмъ стало ясно, что продуктъ—товаръ—есть соціальный результатъ всего хозяйствующаго общества и что ни одинъ классъ не можетъ претендовать на полный продуктъ своего труда.

Въ основѣ этого капиталистическаго хозяйства лежитъ

во-первыхъ, частная собственность, какъ условіе соціальнаго господства и организаціонный принципъ всего механизма производства, обмѣна и распредѣленія и, во-вторыхъ, классовыя соотношенія. Я не употреблю выраженія классовая борьба, ибо въ разныя историческія эпохи эти классовыя соотношенія могутъ принимать чрезвычайно разнообразную форму, доходя до полнаго и безпрекословнаго подчиненія какого либо класса, когда о классовой борьбѣ и говорить трудно. По общему же правилу, при болѣе или менѣе нормальномъ положеніи вещей, эта борьба принимаетъ характеръ „классовыхъ компромисовъ“, какъ бы подтверждая обобщеніе Родбертуса, что исторія есть великій процессъ соединенія людей. Въ эпохи, которыя онъ называетъ органическими, соотношеніе классовъ принимаетъ характеръ созидательный, въ эпохи критическія отношенія классовъ обостряются, доходя до полнаго разложенія государственнаго и экономическаго быта. Классовыя компромисы замѣняются открытой и разрушительной классовой борьбою...

Изъ такихъ то условій современному экономисту приходится дѣлать заключеніе объ идеалѣ распредѣлительной справедливости и указывать необходимыя пути, ведущія къ его осуществленію. Соціальные идеалы, созданные въ головѣ мечтателя, не знающаго реальныхъ условій жизни, мало подвигаютъ насъ впередъ. Мы видѣли выше, какъ просто начертываетъ г. Пѣшехоновъ свой идеалъ. Для рѣшенія аграрнаго вопроса, на почвѣ націонализаціи земли, онъ рекомендуетъ заложить желѣзные дороги, т. е. денаціонализировать артеріи обращенія современнаго хозяйства. Онъ совершенно забываетъ, при этомъ, что въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ наши желѣзные дороги даютъ прямой дефицитъ, такъ что, прежде чѣмъ закладывать эти дороги, надо было бы ихъ такъ организовать, чтобы онѣ не содержались насчетъ налоговъ.

Онъ предполагаетъ, что государство можетъ предписать каждому оцѣнить стоимость земли и затѣмъ путемъ налога устранить всѣ преувеличенныя оцѣнки (??). Ему очевидно представляется, что онъ является диктаторомъ соціальнаго госу-

дарства, а не простымъ сотрудникомъ журнала „Русское Богатство" [1]). Онъ до сихъ поръ повторяетъ Сэнъ Симонистскія желанія обезпечить каждому то, что создается его личными усиліями, забывая, что продуктъ есть соціальный результатъ и что каждый изъ насъ имѣетъ право только на справедливую долю этого продукта. Его три необходимыхъ пункта аграрной платформы были бы понятны, если бы они были простымъ провозглашеніемъ одной стороны со-

---

[1]) Мнѣ припоминаются драгоцѣнныя слова Родбертуса, съ которыми онъ обратился въ своемъ посланіи къ рабочимъ. „Но вы должны одно понять: хотя вы и являетесь главнымъ классомъ, но только однимъ изъ классовъ. Ваша судьба, также какъ и судьба другихъ классовъ взаимно опредѣляются другъ другомъ. Всѣ классы, а также и вашъ, не самостоятельны, но зависятъ другъ отъ друга. Вы не можете поэтому декретировать, а можете только вести переговоры. Въ тѣхъ переговорахъ и соглашеніяхъ, которыя теперь повсемѣстно подготовляются, какъ въ наукѣ, такъ и въ литературѣ и въ жизни, вы можете взять на себя иниціативу дѣлать обществу только предложенія. Между собой вы можете согласиться только относительно того, что вы предложите. Только общество или вашъ договоръ съ другими общественными классами прочно установитъ, что должно осуществиться. Но ваши предложенія не пріобрѣтутъ отъ того меньше значенія, если вы откажетесь отъ невозможнаго, отъ желанія декретировать. Ваши предложенія будутъ имѣть тѣмъ больше значенія, чѣмъ больше въ нихъ господствуетъ умѣренность и справедливость по отношенію къ другимъ общественнымъ классамъ . . . Но какія же предложенія вы должны сдѣлать обществу для достиженія этой великой цѣли? На что вы должны обратить вниманіе при обсужденіи вопроса? I. Установите между собою количество рабочихъ дней въ теченіе года. II. Добросовѣстно и тщательно опредѣлите, сколько часовъ досуга изъ 24 часовъ сутокъ вамъ необходимо, чтобы вы могли отдохнуть, повеселиться и позаботиться о своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи. III. Когда вы будете опредѣлять, сколько досуга вамъ необходимо и какой доходъ вы должны будете получить, вы должны руководиться двумя соображеніями, во первыхъ, что вы свободные рабочіе и граждане государства, во вторыхъ тѣмъ, что общество въ правѣ потребовать отъ васъ извѣстныхъ услугъ соотвѣтственно его культурѣ. Распредѣлите исчисленный доходъ на число рабочихъ дней и примите полученный коефиціентъ, какъ плату за нормальный рабочій день. Придите къ соглашенію съ предпринимателями, чтобы эта такса заработной платы мѣнялась отъ времени до времени (въ періодъ десяти лѣтъ) въ зависимости отъ возрастанія производительности труда. Производительность общественнаго труда, точно также какъ и общественный продуктъ въ періодъ 10 лѣтъ значительно возрастетъ и принадлежащая вамъ доля годичнаго дохода должна возвыситься въ томъ же отношеніи". См. Zur Beleuchtung der social. Frage, B. II, Sendschreiben an der Arbeiter—congress (1862 г.), стр. 225—242.

ціалъ-демократической программы. Но тогда ихъ и слѣдовало бы формулировать совсѣмъ иначе, и вовсе не такъ утопично. Программа, о которой я говорю, ставитъ своей задачей обобществленіе всѣхъ средствъ производства, какъ въ земледѣліи, такъ и въ фабрикаціи, а, слѣдовательно, и новую организацію всей производительной дѣятельности общества, его обмѣновъ и условій распредѣленія. Кто можетъ предвидѣть, какой періодъ времени потребуется для этой коллосальной задачи? Г. же Пѣшехоновъ, какъ истинный утопистъ, говоритъ намъ о какомъ то „свободномъ размѣщеніи населенія на территоріи и о свободномъ распредѣленіи его на классы“ и, при этомъ желаетъ, чтобы земля не могла служить средствомъ присвоенія прибавочнаго продукта, создаваемаго въ какихъ то „чужихъ“ хозяйствахъ и чтобы былъ „положенъ предѣлъ присвоенію общественнаго достоянія, представляющій результатъ коллективнаго труда“. Первая формула „обезпеченія для каждаго результатовъ его личныхъ усилій“ не кажется ему противорѣчащей „желанію устранить возможность захвата результатовъ коллективнаго труда“. Если при ближайшемъ же разсмотрѣніи его платформы окажется, что онъ является простымъ сторонникомъ расширенія размѣровъ мелкаго крестьянскаго хозяйства и стремится къ передачѣ земли крестьянамъ на началахъ все той же частной собственности, индивидуальной или общинной, то всѣ его громкія начала аграрной реформы могутъ оцѣниваться совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Такая реформа уже стала предметомъ обсужденія и разсматривается съ точки зрѣнія простой цѣлесообразности и на началахъ близкихъ къ реформѣ промышленной: она имѣетъ своею цѣлью обезпеченія работнику такой же нормальной платы за трудъ, какъ и промышленному работнику, и такую же прочность, обезпеченіе для него возможности затрачивать плодотворно и безъ безработицы свои силы [1]). Если

---

[1]) Обсужденію вопроса объ аграрной реформѣ я разсчитываю посвятить особую статью. Укажу здѣсь только на платформу конституціонно-демократической партіи, которая ставитъ эту реформу реально, а не утопически. Сколько

же платформа г. Пѣшехонова имѣетъ цѣлью націонализацію земли, т. е. отмѣну частной поземельной собственности и передачу всѣхъ частновладѣльческихъ земель, включая сюда земли крестьянъ и учрежденій, въ руки государства, то она поражаетъ своею утопичностью. Увѣренъ ли онъ, что государство можетъ справиться съ такою громадною задачею? Увѣренъ ли онъ, что для этого уже имѣются наличныя общественныя силы? Можетъ ли онъ доказать, что государство при посредствѣ мелкаго крестьянскаго хозяйства въ состояніи создать наилучшую организацію земледѣльческаго труда, при которой земля перестанетъ быть средствомъ при-

---

силъ и времени можетъ потребовать осуществленіе даже такой реальной платформы, §§ 36, 37, 38, 39 и 40 формулированы такъ:

36. Увеличеніе площади землепользованія населенія, обрабатывающаго землю личнымъ трудомъ, какъ-то: безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, а также и другихъ разрядовъ мелкихъ хозяевъ-земледѣльцевъ, государственными, удѣльными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путемъ отчужденія для той же цѣли за счетъ государства въ потребныхъ размѣрахъ частно-владѣльческихъ земель съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой (не рыночной) оцѣнкѣ.

37. Отчуждаемыя земли поступаютъ въ государственный земельный фондъ. Начала, на которыхъ земли этого фонда подлежатъ передачѣ нуждающемуся въ нихъ населенію (владѣніе или пользованіе личное или общинное и т. д.), должны быть установлены сообразно съ особенностями землевладѣнія и землепользованія въ различныхъ областяхъ Россіи.

38. Широкая организація государственной помощи для переселенія, разселенія и устройства хозяйственнаго быта крестьянъ. Реорганизація межеваго дѣла, окончаніе размежеванія и другія мѣры для подъема благосостоянія сельскаго населенія и улучшенія сельскаго хозяйства.

39. Упорядоченіе закономъ арендныхъ отношеній путемъ обезпеченія права возобновленія аренды, права арендатора, въ случаѣ передачи аренды, на вознагражденіе за произведенныя, но неиспользованныя къ сроку затраты на улучшенія, и учрежденіе примирительныхъ камеръ для регулированія арендной платы и для разбора споровъ о несогласій между арендаторами и землевладѣльцами. Открытіе законнаго пути въ судебномъ порядкѣ для пониженія непомѣрно высокихъ арендныхъ цѣнъ и уничтоженія носящихъ гибельный характеръ сдѣлокъ въ области земельныхъ отношеній.

40. Отмѣна дѣйствующихъ правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и распространеніе рабочаго законодательства на земледѣльческихъ рабочихъ, примѣнительно къ техническимъ особенностямъ земледѣлія. Учрежденіе сельскохозяйственной инспекціи для наблюденія за правильнымъ примѣненіемъ законодательства по охранѣ труда въ этой области и введеніе уголовной отвѣтственности сельскихъ хозяйствъ за нарушеніе ими законодательныхъ нормъ по охранѣ труда.

своенія прибавочнаго продукта, создаваемаго, по его словамъ, въ какихъ то чужихъ хозяйствахъ? Я не стану пока поднимать вопроса о значеніи мелкаго и крупнаго хозяйства въ земледѣліи, но отмѣчу, что по мнѣнію многихъ писателей, въ томъ числѣ и извѣстнаго Каутскаго, „устройство товариществъ“ (а въ этомъ видятъ существенное условіе сельскохозяйственнаго прогресса) гораздо доступнѣе крупнымъ землевладѣльцамъ, число которыхъ гораздо меньше, которые располагаютъ досугомъ, обширными знаніями и связями, коммерческимъ опытомъ, своимъ и наемнымъ“. Если бы онъ былъ экономистомъ-реалистомъ онъ прежде всего поставилъ бы вопросъ: кто въ данныхъ историческихъ условіяхъ: земледѣліе или фабрикація данной страны захватываетъ въ свою пользу наибольшую долю прибавочнаго продукта? Ему тогда стало бы ясно, что земельная и промышленная реформа—это часть одной и той же проблемы, что рѣшать ихъ можно только одновременно. Вѣдь вопросъ не только въ передачѣ земли въ другія руки, но и въ снабженіи хозяйствующаго субъекта капиталомъ, въ соотвѣтствующемъ умѣніи распорядиться своимъ трудомъ въ сложныхъ общественно-хозяйственныхъ условіяхъ, въ опредѣленіи отношеній земледѣльца къ промышленному классу и къ классу землевладѣльцевъ. Ни одинъ классъ не исчезаетъ изъ жизни безъ борьбы за свое существованіе, а историческая традиція даетъ ему могущественныя средства для этой самозащиты и борьбы. Капиталистическая машина всего міра, связывающая воедино народы всего свѣта, имѣетъ свои законы эволюціи и съ ними приходится всегда считаться.

Одинъ изъ нашихъ экономистовъ, котораго нѣтъ никакихъ основаній заподазривать въ буржуазныхъ тенденціяхъ, высказалъ по этому поводу очень вѣскія соображенія. Въ своихъ статьяхъ по вопросу объ аграрной реформѣ проф. Герценштейнъ пишетъ: „я не высокаго мнѣнія о нашемъ частно-владѣльческомъ хозяйствѣ и не думаю, чтобы землевладѣльцы вели хозяйство такъ, какъ они могли бы и, пожалуй, должны были бы вести, но при всемъ томъ помѣщичье хозяйство является въ настоящее время во многихъ

случаяхъ культурнымъ центромъ, какъ въ смыслѣ техники, такъ и въ смыслѣ распространенія всякаго рода знаній и умственнаго развитія. Нельзя не признать, что во многихъ мѣстностяхъ сельскохозяйственныя машины, улучшенный сѣвооборотъ, новые производства и промыслы, дающія заработокъ населенію, и цѣлый рядъ другихъ улучшеній обязаны своимъ происхожденіемъ частному землевладѣнію. Не думаю, чтобы эта культурная миссія могла быть выполнена государствомъ или органами самоуправленія безъ содѣйствія землевладѣльцевъ. И съ этой стороны, я не считалъ бы желательнымъ превращеніе помѣщика въ пенсіонера, получающаго ренту отъ государства. Долженъ признаться, что я не раздѣляю оптимистическихъ воззрѣній на всемогущество государства. Я не думаю, чтобы государство могло справиться съ такою задачею, какъ эксплоатація частно-владѣльческихъ земель, если бы онѣ сразу перешли въ его руки. Земли эти расположены далеко не вездѣ такъ, чтобы ими можно было немедленно воспользоваться для раздачи земли крестьянамъ. Огромный капиталъ, лежащій въ постройкахъ, пригодныхъ для помѣщичьяго хозяйства, погибъ бы безвозвратно. Мы наблюдали бы тогда картину разрушенія, которую иногда приходится наблюдать, когда имѣніе, въ которомъ велось когда то самостоятельное хозяйство, переходитъ въ крестьянскія руки. Государству пришлось бы, можетъ быть, вести хозяйство на большихъ площадяхъ, а государство далеко не такой хорошій хозяинъ, какъ это многимъ представляется. Думаю, что казенное управленіе не только то, которое выросло въ прежнихъ традиціяхъ, но и то, которое можетъ создаться въ иныхъ политическихъ условіяхъ, не могло бы въ ближайшемъ будущемъ справиться съ такою задачею. Такое хозяйство велось бы убыточно и государство не въ состояніи было бы покрывать изъ доходовъ платежей по выкупному долгу“ (см. Аграрный вопросъ, стр. 125).

Надъ этими словами стоитъ задуматься. Мнѣ представляется, поэтому, что всѣ платформы вродѣ выставляемыхъ г. Пѣшехоновымъ не даютъ намъ отвѣта на вопросъ, въ какомъ принципѣ можетъ заключаться руководящее начало,

для людей стремящихся искренно къ идеаламъ распредѣлительной справедливости. Ихъ платформы напоминаютъ намъ утопіи Томсона и Прудона: они обѣщаютъ, но не даютъ, манятъ къ творческой работѣ, а создаютъ только хаосъ.

Громадная заслуга истиннаго марксизма заключается въ томъ, что онъ ставитъ своей задачей найти способы для осуществленія своего идеала только, стоя на почвѣ *„реальнаго соотношенія наличныхъ общественныхъ силъ"*.

Въ своей теоріи распредѣленія, слѣдуя завѣтамъ классической школы, марксизмъ также пытался изслѣдовать вопросъ, какой классъ и по какимъ экономическимъ основаніямъ преобладаетъ надъ другими, т. е. имѣетъ возможность, и, при данныхъ юридическихъ условіяхъ, и право получать наибольшую долю изъ всей массы прибавочнаго продукта, произведеннаго обществомъ.

Эта сторона теоріи распредѣленія, однако, осталась и остается до сихъ поръ всего менѣе разслѣдованной. Скажу даже болѣе, она въ трудахъ марксистовъ почти не подвинулась впередъ. Долгое время упорно держалось воззрѣніе, будто, землевладѣльческій классъ, какъ производитель хлѣба, всегда въ состояніи обезпечить себѣ преобладающее значеніе по чисто экономическимъ основаніямъ. Новѣйшій анализъ показываетъ, что въ нашей капиталистической машинѣ имѣется удивительная организація, чисто экономическая, какъ промышленнаго капитала, такъ и капитала обращенія.

Борьба за раздѣлъ прибавочнаго продукта, составляющая жизненную и великую задачу въ предѣлахъ нашего хозяйства, оказалась зависящей отъ цѣлаго ряда не только экономическихъ, но соціально политическихъ условій. Преобладающее положеніе землевладѣльца оправдывалось исключительно двумя экономическими соображеніями: 1) ограниченностью территоріи, которая вся обращена въ частную собственность, 2) закономъ уменьшающейся производительности земли. На этихъ двухъ соображеніяхъ обосновывалось монопольное положеніе производителей хлѣба, самонужнѣйшаго продукта во всякомъ обществѣ. Невозможность созданія такого монопольнаго положенія для капитала и труда оправдывалась сообра-

женіями о постоянномъ накопленіи капитала и неизмѣннымъ возрастаніемъ производительности капиталистической промышленности, въ частности для трудящагося населенія процессомъ его размноженія при всякомъ улучшеніи условій жизни и условіями конкуренціи на рабочемъ рынкѣ людей, не имѣющихъ никакихъ средствъ къ существованію, кромѣ продажи своей силы.

Для современнаго экономиста, знакомаго съ могущественнѣйшими организаціями капитала, знающаго, что процессъ неизбѣжнаго накопленія капитала не такъ простъ, часто задерживается чисто соціальными условіями, совершается не только въ фабрикаціи, но и въ земледѣліи, для экономиста, которому не страшенъ законъ уменьшающейся производительности почвы и для котораго точно извѣстны причины дороговизны капитала, напр. во всю эпоху средневѣковья, для обществовѣда, который хоть сколько нибудь слѣдилъ за соціально-политической организаціей рабочаго и другихъ общественныхъ классовъ, указанныя выше положенія теоріи преобладанія кажутся въ высшей степени элементарными и наивными [1]).

Достаточно бѣгло намѣтить нѣкоторыя особенности соціально политическаго положенія землевладѣльцевъ (крупныхъ и мелкихъ), чтобы убѣдиться, что наукѣ давно пора выбросить теорію преобладанія какой нибудь экономической силы, основываясь по существу только на естественной ограниченности этой силы. Соціальныя условія существо-

---

[1]) Каннанъ справедливо замѣчаетъ, что наиболѣе высокія ренты въ городахъ созданы внѣ всякой зависимости отъ этого закона уменьшающейся производительности земли, который, къ тому же, очень неопредѣлененъ. „Рикардіанская теорія закона уменьшающейся производительности земли, пишетъ Каннанъ, не даетъ никакихъ указаній относительно числа дозъ-затратъ, дающихъ болѣе, чѣмъ предѣльная доза-затрата, которую можно пустить въ ходъ съ прибылью, а слѣдовательно, утверждая, что рента равна суммѣ избытка отъ всѣхъ затраченныхъ дозъ, которыя выгодно употреблять, эта теорія говоритъ намъ очень мало“. Вездѣ въ Европѣ, гдѣ сказывалась капитализація земледѣлія, мы можемъ до нынѣ отмѣчать не пониженіе, а повышеніе производительности., не истощеніе почвы, а умѣніе приспособить ее къ требованіямъ растеній, къ разнообразнымъ потребностямъ рынка; техника производства также сильно видоизмѣнилась благодаря усовершенствованію земледѣльческихъ машинъ.

ванія экономическаго быта гораздо могущественнѣе чисто естественныхъ условій. Исторія постепенно и послѣдовательно создаетъ ту организацію общественныхъ силъ, которая не даетъ никогда, на долгое время, возможности преобладать окончательно одной экономической силѣ надъ другой. Историческая борьба между городомъ и деревней, весь современный протекціонизмъ, удивительно сложная организація торговаго и промышленнаго капитала, всѣ особенности правоваго быта, нормирующія условія завладѣнія прибавочнымъ продуктомъ въ земледѣліи и фабрикаціи, въ обращеніи, все это—ничто иное, какъ картины классовой борьбы за раздѣлъ прибавочнаго продукта. Вся своеобразная структура цѣнъ и вознагражденій является долговременнымъ результатомъ этой борьбы и рабочее сословіе въ своемъ вознагражденіи зависитъ отъ этихъ условій: его вознагражденіе дифференцировано соотвѣтственно условіямъ порядка той жизни, среди котораго оно живетъ и борется за свои права. Перестроить этотъ порядокъ оно можетъ только борясь за свое вознагражденіе и тѣмъ самымъ, видоизмѣняя положеніе владѣющихъ классовъ, сводя ихъ соціальное господство къ роли вознагражденія квалифицированнаго труда, устраняя изъ общества элементы, которые знаютъ только жизнь наслажденія и потребленія, а не соціально-необходимаго общественнаго труда.

Въ этомъ отношеніи крайне поучительна исторія жизни и дѣятельности англійскихъ рабочихъ союзовъ. Нигдѣ въ Европѣ союзное движеніе рабочихъ не имѣло такого своеобразнаго отпечатка, какъ въ Англіи. Къ тому же вопросъ о рабочихъ союзахъ въ этой странѣ получилъ блестящее освѣщеніе въ трудахъ Беатрисы и Сиднея Веббовъ [1]). Имъ удалось начертать картину почти столѣтней дѣятельности

---

[1]) См. ихъ The History of Trade Unionism, London, 1894 и ихъ же Industrial Democracy, L. 1897 (въ русскомъ переводѣ послѣднее сочиненіе подъ заглавіемъ Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма, т. I, пер. Ильина), такъ же очень интересное изложеніе ихъ взглядовъ въ сочин. О. фонъ-Цвидинекъ-Зюденгорстъ. Теорія и политика заработной платы, пер. съ нѣмецкаго Б. Авилова, стр. 273 и сл.

этихъ союзовъ и подмѣтить тѣ основные моменты ихъ исторіи, которые характеризуютъ настроеніе рабочихъ массъ.

Я не имѣю ни малѣйшаго желанія подробно останавливаться на этой поучительной исторіи. Но для всякаго знакомаго съ нею ясно, что та послѣдняя стадія, которую они переживаютъ нынѣ, знаменуетъ собою поворотъ къ совершенно новымъ условіямъ промышленной жизни. Эта стадія должна принести свои плоды въ ближайшемъ же будущемъ и незамѣтно направить движеніе промышленнаго организма Англіи къ тому царству доходовъ, которое дастъ каждому его такъ или иначе квалифицированную долю общественнаго продукта.

Въ періодъ столѣтней борьбы весь государственный механизмъ Англіи перестроился. Политически организованная демократія получила рѣшительное преобладаніе и Англія обратилась въ страну капиталистическаго хозяйства.

Неясныя мечтанія коопѳраторовъ въ духѣ Роберта Оуена почти замерли.

Преобразованіе капиталистическаго строя путемъ организаціи мелкихъ производительныхъ товариществъ оказалось утопіей. Агитація и борьба Оуенистовъ принесла съ собою только въ томъ отношеніи хорошіе плоды, что еще сильнѣе выдвинула на очередь вопросъ о необходимости экономической и политической организаціи рабочаго класса. Необыкновенный ростъ капиталистически организованныхъ промысловъ въ срединѣ прошлаго вѣка въ связи съ освѣженіемъ политической атмосферы по мѣрѣ роста организованной демократіи привелъ къ тому, что рабочіе союзы, которые въ концѣ 18-го вѣка и въ началѣ 19-го ставили своей задачей защиту права на существованіе, рѣзко перемѣнили свою тактику. Споры о естественныхъ правахъ человѣка замерли и на очередь былъ поставленъ практическій вопросъ о принципахъ, подъ знаменемъ которыхъ должна идти борьба за улучшеніе условій жизни трудящихся массъ. Долгое время среди союзовъ господствовали индивидуалистическія тенденціи, не замершія окончательно и до настоящаго времени. Союзы признавали принципъ спроса и предложенія справедливой основой опре-

дѣленія высоты заработной платы. Судьба рабочаго сословія ставилась въ зависимость отъ двухъ условій: 1) отъ доходности промышленности и цѣнъ на производимый товаръ и 2) отъ умѣнія рабочаго класса поставить предложеніе труда въ выгодное положеніе по отношенію къ спросу на него. На практикѣ это воззрѣніе выразилось: въ стремленіи фабрикантовъ и вообще производителей заботиться всѣми политическими и экономическими средствами объ увеличеніи доходности разныхъ отраслей промышленности, къ установленію подвижныхъ шкалъ заработной платы въ зависимости отъ цѣнъ на товаръ и доходности предпріятій и въ соглашеніяхъ между профессіональными союзами рабочихъ и организаціями предпринимателей.

Система подвижной шкалы, которая приводила въ связь заработную плату съ цѣнами и доходомъ предпринимателей, принесла въ ближайшемъ же будущемъ большія разочарованія, но въ то же время она имѣла большое историческое значеніе. Она содѣйствовала тому, что рабочіе и предприниматели въ вопросѣ о раздѣлѣ произведеннаго и пріобрѣтеннаго дохода сошлись, какъ двѣ, если не экономически, то политически, равныя стороны съ настоящею боевою организаціею. Размѣръ заработной платы пересталъ зависѣть исключительно отъ соперничества индивидуальныхъ лицъ, но сталъ опредѣляться отчасти путемъ организованнаго, коллективнаго торга двухъ сторонъ. Для рабочихъ воочію выяснилось, что простая формула, которую ставили предъ ихъ глазами многообразныя соціальныя реформаторы: „get rid of the employer“ т. е. долой предпринимателя—не такъ легко осуществима, какъ это кажется. Предприниматели съ ихъ частною собственностью представляютъ собою какой то необходимый элементъ въ современной организаціи промышленности, а заработная плата рабочихъ со всѣми ея колебаніями около нѣкотораго средняго уровня вверхъ и внизъ также представляетъ собою результатъ современной экономической системы.

Когда отношенія сложились въ такую форму, когда мало по малу стали слагаться учрежденія для опредѣленія условій

этого коллективнаго торга, жизнь немедленно же поставила тотъ же старый вопросъ, надъ которымъ бились индивидуалисты и соціалисты начала и средины прошлаго вѣка: вопросъ „о справедливомъ вознагражденіи и о способахъ его обезпеченія“.

Впервые выраженіе *жизненная плата* (living wage) было пущено въ ходъ Ллойдомъ Джонсономъ въ 1874 г., но практическое значеніе оно получило лишь двадцать лѣтъ спустя, когда члены союза горнорабочихъ формально отказались отъ прежней догмы спроса и предложенія въ вопросахъ труда.

Въ 1892 г. они рѣшительно выразили мнѣніе, что работнику принадлежитъ „право на минимумъ платы, независимый отъ состоянія данной отрасли промышленности“, минимумъ, при которомъ „они могли бы поддерживать свою дѣеспособность, какъ производители и какъ граждане, какъ выполнители особыхъ функцій въ соціальномъ организмѣ“. Эта плата предполагаетъ такой размѣръ средствъ, который обезпечиваетъ нормальное пропитаніе, одежду, хорошее жилище, нѣкоторый запасъ свободныхъ средствъ для другихъ потребностей, однимъ словомъ такой доходъ, который необходимъ для поддержанія физическихъ и духовныхъ силъ семьи въ деревнѣ или городѣ.

Фактически борьба за эту заработную плату пошла по своеобразному пути.

Для рабочихъ она свелась къ борьбѣ за нормальную плату, ниже которой они не должны наниматься, обезпечивая себѣ при томъ нормальное количество часовъ труда за эту плату, болѣе или менѣе постоянную работу, правильное распредѣленіе рабочей силы по странѣ и право участія въ самихъ распорядкахъ веденія предпріятія. Предъ предпринимателями стала сложная задача заботиться объ успѣхѣ промысла, о правильномъ процессѣ образованія цѣнъ, о „нормальномъ уровнѣ прибыли“. Для обѣихъ сторонъ явилась потребность добиться какой то „прочности и справедливости (stability and fairness), чтобы устранить „голодную заработную плату“ (starwation wage) и потерю капитала (loss of capital).

И что особенно замѣчательно—первоначально эти коллективныя попытки установленія нормальной платы совершались только въ предѣлахъ отдѣльныхъ мастерскихъ; впослѣдствіи они стали распространяться на всѣхъ рабочихъ даннаго города или округа извѣстнаго промысла. Въ концѣ концовъ, въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ продукты, произведенные въ различныхъ мѣстахъ и областяхъ, попадаютъ на общій рынокъ, стало замѣчаться стремленіе установить общій уровень платы для всѣхъ рабочихъ путемъ созданія обще-національнаго соглашенія между федераціей или амальгамаціей рабочихъ союзовъ, съ одной стороны, и союзами предпринимателей, съ другой. Такимъ образомъ ставится уже совершенно новый вопросъ „о національномъ минимумѣ заработной платы“ и наряду съ этимъ вырабатываются чрезвычайно сложная система отношеній предпринимателей и рабочихъ между собою и къ тому дѣлу, которое кормитъ и тѣхъ, и другихъ. Эти учрежденія находятся еще въ періодѣ ихъ созданія, но въ томъ американскомъ репортѣ, который я уже отмѣтилъ въ первой статьѣ, дана любопытнѣйшая картина этихъ попытокъ реорганизаціи промышленности, какъ со стороны предпринимателей, такъ и со стороны рабочихъ. Такъ назрѣваютъ силы, которыя въ ближайшемъ же будущемъ примутся за осуществленіе завѣтовъ Родбертуса: бороться за нормальную плату въ нормальныхъ условіяхъ организованнаго труда.... [1]). Индивидуализмъ рабочихъ организацій, высокая плата среди организованныхъ рабочихъ поставилъ вопросъ о необходимости общаго, совмѣстнаго нормированія справедливаго раздѣла произведеннаго и пріобрѣтеннаго продукта....

Представители соціалистической партіи въ Англіи стоятъ

---

[1]) Это настроеніе рабочихъ массъ крупной индустріи Англіи отразилось и на земельномъ законодательствѣ Ирландіи, которое создано законами 1875, 1883, 1895 и 1900 г.г. при поддержкѣ англійскихъ рабочихъ союзовъ. Какъ извѣстно, ирландское законодательство объ арендѣ преслѣдуетъ четыре задачи: 1) обезпечиваетъ право арендатора на произведенныя имъ улучшенія; 2) принимаетъ мѣры къ упроченію пользованія арендуемой землей; 3) регулируетъ размѣры арендной платы; 4) возмѣщаетъ убытки за нарушенное пользованіе.

всецѣло на почвѣ этой послѣдовательной борьбы за заработную плату и за организацію труда. Но не противорѣчитъ ли такая политика общимъ основамъ соціалистической платформы? Въ началѣ нашей работы мы поставили этотъ вопросъ и теперь можемъ дать на него окончательный отвѣтъ.

Какъ мы видѣли, почти всѣ соціальные реформаторы и представители буржуазнаго направленія стремились, прежде всего, къ одной цѣли: къ созданію такой организаціи хозяйства, при которой достигалась бы наивысшая производительность труда. Идеаломъ ихъ соціально-экономической политики былъ всегда „производственный идеалъ" и только по вопросу о распредѣленіи произведеннаго между воззрѣніями ихъ была глубокая пропасть.

Если мы обратимся къ изученію того, въ какой формѣ формулировался этотъ производственный идеалъ, то по существу мы подмѣтимъ пять своеобразныхъ формъ его.

Въ первой формѣ, и притомъ самаго общаго характера, онъ былъ созданъ еще классиками и крупнѣйшимъ изъ нихъ Рикардо. Этотъ производственный идеалъ указывалъ на необходимость заботиться о томъ, чтобы съ наименьшей затратой труда и капитала получалось наибольшее количество богатства т. е. по англійской терминологіи наибольшее количество матеріальныхъ благъ. Другими словами, онъ требовалъ наиболѣе цѣлесообразной борьбы человѣка съ природой и за свое существованіе. Этотъ идеалъ требовалъ, чтобы богатство доставалось по наименьшей предѣльной цѣнности, по предѣльно наименьшимъ издержкамъ производства. Однимъ словомъ онъ желалъ: много, безконечно много продуктовъ, наинизшія цѣнности. Онъ не боялся кризисовъ и устами Сэ провозгласилъ, что „продукты обмѣниваются на продукты" и что при пропорціональномъ развитіи всѣхъ производствъ для роста потока продукціи мы не можемъ, да это и не желательно, знать предѣловъ. Очень часто полагаютъ, что этотъ производственный идеалъ совпадаетъ съ интересами потребителей.

Тотъ же идеалъ неоднократно формулировался и въ болѣе реальной классовой формѣ. Это былъ, если можно выразиться,

производственный идеалъ въ доходахъ. При этомъ защитники его желали высокаго размѣра или роста одного вида этихъ доходовъ или даже всѣхъ ихъ одновременно [1]). Такой производственный идеалъ мы впервые встрѣчаемъ ясно формулированнымъ въ началѣ прошлаго вѣка въ Англіи, во время той знаменитой борьбы аграрнаго и промышленнаго интереса, литературными представителями которой были Мальтусъ и Рикардо. Мальтусу была дороже всего высокая рента, Рикардо защищалъ интересы прибыли.

Въ третьей формѣ производственный идеалъ принимаетъ характеръ политико-промышленной теоріи. Разработка его почти со всѣми деталями уже сдѣлана Мальтусомъ, но пріобрѣтаетъ всесвѣтную извѣстность въ односторонней, неполной и, по сравненію съ Мальтусомъ, въ жалкой формѣ у Листа. Этотъ идеалъ сводится къ желанію развить „экономическое

---

[1]) Считаю долгомъ отмѣтить, что точка зрѣнія Адама Смита явилась реакціей противъ взгляда физіократовъ. Смитъ защищалъ политику валоваго дохода, при которой, по его мнѣнію возможенъ ростъ всѣхъ трехъ доходовъ: ренты, прибыли и заработной платы. Физіократы, а впослѣдствіи и Рикардо, были защитниками чистаго дохода и крупнаго капиталистическаго хозяйства.

Физіократы полагали, что при мелкомъ хозяйствѣ въ земледѣліи чистый доходъ поглощается содержаніемъ рабочихъ и рабочаго скота. Любопытно, что одинъ выдающійся русскій экономистъ г. В. Е. Постниковъ въ своемъ примѣчательномъ изслѣдованіи: „Южно-русское крестьянское хозяйство“ положилъ въ основу своей работы это положеніе физіократовъ. По его мнѣнію (ст. 322 и слѣд.) „отношеніе численности населенія и количества рабочихъ силъ къ территоріи сельскаго хозяйства было и навсегда останется кореннымъ факторомъ экономическаго быта страны, потому что содержаніемъ рабочихъ силъ—людей и рабочаго скота—поглощается большая часть валоваго дохода въ земледѣльческомъ производствѣ... При излишествѣ въ земледѣліи рабочихъ силъ, теряющихся вслѣдствіи праздности или ненормальныхъ условій земледѣльческой техники, уменьшается общая масса продовольственныхъ запасовъ и отпускаемаго на рынокъ сырья и въ то же время теряется для страны цѣнность всего того, что могло бы быть произведено трудомъ излишняго для земледѣлія населенія... Онъ полагаетъ, что средняя полоса Россіи пересыщена въ земледѣліи трудомъ рабочихъ и рабочаго скота. По его мнѣнію малый размѣръ крестьянскаго хозяйства и землевладѣнія, не позволяющій утилизировать всю рабочую способность крестьянской семьи и не допускающій значительнаго примѣненія въ земледѣліи артельныхъ формъ труда, есть коренная причина экономической бѣдности Россіи“, Какая громадная задача стоитъ предъ нами въ видѣ пропаганды сельскохозяйственныхъ товариществъ! Жизнеспособнымъ г. Постниковъ считаетъ крестьянское хозяйство примѣрно въ 20 десятинъ.

государство" до наивысшей степени аграрно-промышленно-торговаго государства, и указываетъ средства, при помощи которыхъ можно достигнуть „наивысшаго развитія производительныхъ силъ", техническихъ, соціальныхъ и моральныхъ, для содержанія на данной территоріи наибольшей массы населенія. Этотъ гораздо болѣе политическій, чѣмъ историческій идеалъ, связывающійся, само собою разумѣется, съ многочисленными интересами, живетъ и теперь въ сердцахъ протекціонистовъ, проповѣдывающихъ солидарность протежируемыхъ интересовъ и требующихъ защиты нарождающейся, зрѣющей, но никогда не созрѣвающей промышленности.

Въ четвертыхъ, производственный идеалъ принимаетъ историческую форму. Изучая ходъ историческаго развитія, писатели этого направленія приходятъ къ убѣжденію, что самопроизвольное и неизбѣжное развитіе матеріальныхъ производительныхъ силъ совершается чрезъ противорѣчіе въ созданныхъ ими производственныхъ отношеніяхъ и, въ концѣ концовъ, не можетъ не привести къ гармонической организаціи производства на началахъ общественной собственности (соціалисты—Марксъ).

Въ пятыхъ, мы имѣемъ еще одну своеобразную форму производственнаго идеала, дорогого сердцу финансовымъ политикамъ. Этотъ идеалъ требуетъ: наибольшее количество свободнаго „чистаго дохода", за покрытіемъ издержекъ производства и вознагражденіемъ непосредственно участвующихъ въ производствѣ въ качествѣ производителей и руководителей—предпринимателей, съ освоеніемъ значительной доли этого чистаго дохода государствомъ для тѣхъ цѣлей, которыя оно, какъ особая организація, преслѣдуетъ въ каждую данную историческую эпоху. Этотъ производственный идеалъ вызвалъ къ жизни особую финансовую политику, которая не только выработала необычную по тонкости технику организаціи обложенія, но и стремится расширить размѣры и ростъ самихъ государственныхъ промышленныхъ предпріятій.

Если читатель мысленно пробѣжитъ все то, что написано на предшествовавшихъ страницахъ, то для него станетъ ясно, какъ слѣдуетъ смотрѣть на производственный идеалъ съ общественной организаціей собственности.

Этотъ идеалъ, по существу дѣла, сводится къ такой организаціи, при которой каждый получаетъ извѣстную долю общественнаго дохода для удовлетворенія своихъ потребностей. Если вѣрно то, что всякій продуктъ является результатомъ всей системы производства и общественной организаціи, что въ современномъ обществѣ всякая цѣна является результатомъ соціальной производительности труда и соціальнаго же раздѣла продукта, что въ пользу такого кардинальнаго, важнаго основанія нашей системы хозяйства—частной собственности—можно привести только историческія, но не теоретическія аргументы, то выводы напрашиваются сами собой. Если предпосылки вѣрны, то несомнѣнно должны быть правильны и разумно построенныя изъ нихъ выводы. Мнѣ кажется, что сомнѣваться въ правильности нашихъ предпосылокъ нѣтъ основаній, а потому мнѣ остается только сдѣлать соотвѣтствующія выводы и тѣмъ найти подходящій ключъ для анализа производственныхъ идеаловъ.

Мы всѣ отлично знаемъ, что стремленіе создать общественную организацію, гдѣ каждый могъ бы имѣть справедливый и обезпеченный доходъ, составляетъ реальный фактъ нашего все болѣе и болѣе демократизирующагося европейскаго общества. Отрицать правомѣрность этого стремленія могутъ только слѣпые или своекорыстные. Если это такъ, то для всякаго должно быть ясно на сторону какого производственнаго идеала въ настоящій моментъ онъ долженъ стать.

Только тотъ производственный идеалъ можетъ манить его, который увеличиваетъ до возможно высшихъ предѣловъ производительность труда и даетъ общественно-необходимому труду наиболѣе нормальное вознагражденіе. Историческую необходимость частной собственности, какъ организаціоннаго принципа хозяйства и общественной жизни, онъ не станетъ отрицать. Онъ будетъ лишь требовать, чтобы эта собственность служила все болѣе и болѣе тѣмъ цѣлямъ, ради которыхъ она существуетъ, чтобы въ ея предѣлахъ все крѣпче и сильнѣе развивалось то промышленное самоуправленіе, которое должно дать всякому труду справедливое вознагражденіе и воспитать его въ новыхъ условіяхъ сознательной общественной работы.

Только та экономическая политика можетъ представляться ему желательной и удовлетворительной, которая является политикой труда и заработной платы. Борьба за такую заработную плату и должна, по моему мнѣнію, стать основнымъ лозунгомъ нашей экономической эволюціи. Мы должны всегда имѣть въ виду, что предъ нами неизбѣжно будетъ стоять великая проблема организаціи труда, которая требуетъ, чтобы каждый гражданинъ имѣлъ въ своемъ промыслѣ и за извѣстную справедливую заработную плату возможность трудиться для себя и для общества. Тотъ, который работаетъ подъ этимъ знаменемъ, никогда не собьется съ пути и его не испугаютъ упреки въ провозглашеніи якобы буржуазныхъ принциповъ наемной формы труда. Безъ этой формы вознагражденія наша общественная машина не преобразуется: въ новой болѣе справедливой квалификаціи заработныхъ платъ въ связи съ ростомъ производительности лежитъ величайшая проблема ближайшаго будущаго. На почвѣ этой борьбы за заработную плату безъ всякихъ катаклизмовъ человѣчество пойдетъ къ болѣе свѣтлому и лучшему будущему, къ новой организаціи труда, которая дастъ каждому его справедливую долю продукта и устранитъ чрезмѣрныя притязанія однихъ группъ, уравновѣсивъ ихъ требованія правами другихъ.

Всякое общественное дѣло дѣлается не сразу. Отъ старыхъ формъ жизни къ новымъ люди переходятъ не безъ тяжкаго труда и борьбы. Я откровенно выскажу свое убѣжденіе, что всѣ условія нашей соціальной жизни шагъ за шагомъ ведутъ къ тому, что такъ называемая свободная частная собственность идетъ къ уничтоженію. Но въ то же время я не боюсь такъ называемаго „принужденія и насилія“, о которыхъ такъ часто кричатъ, т. е. вѣрнѣе вмѣшательства общественной организаціи въ личныя соціально-экономическія права каждаго гражданина. Не боюсь, ибо убѣжденъ, что прочное проведеніе этого принужденія можетъ получить осуществленіе только тогда, когда реальныя личныя силы демократіи окажутся къ тому способными: иначе это принужденіе разсыпется какъ карточный домикъ и будетъ стоить только жертвъ, безъ которыхъ не протекаетъ ни одинъ общественный экспериментъ.

Частная собственность была всегда орудіемъ соціальнаго господства, но въ то же время и средствомъ общественной организаціи.

Человѣчество уже испробовало политику производственнаго идеала ренты и прибыли. Предъ нами теперь великая общественная задача такъ трансформировать собственность, чтобы рента и прибыль превратились только въ необходимое, быть можетъ, преходящее вознагражденіе квалифицированныхъ участниковъ и руководителей производства. Выражаясь такимъ образомъ, я вовсе не впадаю въ идеи Карлейля объ историческомъ предназначеніи такъ называемыхъ „капитановъ индустріи". Я только хочу сказать: владѣющіе классы должны помнить, что историческій процессъ ведетъ къ тому, чтобы и ихъ судьба свелась къ полученію справедливой заработной платы. Организація демократическихъ силъ всѣхъ ведетъ къ одному и тому же дѣлу: къ реорганизаціи экономическихъ силъ для наивысшаго развитія производительности и выработки для каждой особенности труда и своеобразнаго квалифицированнаго вознагражденія. Анархія хотя бы даже во имя новаго порядка никогда не приводила къ серьезнымъ соціальнымъ реформамъ. Послѣднія всегда требуютъ организаціи и времени. Политика на ура! революція такъ же опасна и разрушительна, какъ и политика на ура самодержавія. Историческіе примѣры на лицо: манджурская эпопея, Франція въ 1848 и 1870 г. Организація не возможна безъ вождей, которые знаютъ куда они идутъ и для чего работаютъ. Владѣющіе классы и интеллигенція должны это помнить. На нихъ лежитъ обязанность, какъ справедливо говорилъ Карлейль, возвратить народъ къ дѣйствительности. Онъ слишкомъ долго жилъ только призраками и страданіями: теперь должно наступить время организаціи, творческой работы и улучшенія.

Въ такое время, какъ переживаемое нынѣ нами, легко ставятся предъ взорами общества самыя широкія соціальныя задачи. Эпоха ломки стараго всегда сопровождается такимъ настроеніемъ, но и въ такую минуту не слѣдуетъ забывать, что созданіе какихъ либо новыхъ условій промышленной жизни требуетъ долгихъ и напряженнѣйшихъ усилій. Мы ви-

дѣли, какъ легко разрѣшаетъ г. Пѣшехоновъ аграрную проблему. Онъ вѣритъ въ возможность сосредоточенія въ государственныхъ рукахъ громаднаго земельнаго фонда, но отчего же не пойти и далѣе, отчего не говорить о національзаціи фабрикъ и заводовъ, какъ ближайшей же соціальной проблемѣ?

Очевидно, не такъ легко перейти въ царство рая, и демократія нуждается еще въ долгомъ воспитаніи и работѣ надъ собою. Невѣжественная и неорганизованная демократія неспособна къ соціальнымъ реформамъ и только въ процессѣ борьбы она научится этой необходимости знанія и организаціи.

Я не принадлежу, къ тѣмъ людямъ, которыя вѣруютъ въ возможность немедленнаго осуществленія соціальнаго блаженства. Новый строй соціальной жизни долженъ быть сознательно подготовленъ и медленно завоеванъ долгой и напряженной работой. Поэтому мнѣ кажутся наивными иллюзіи тѣхъ, которые думаютъ, что разрушить—это значитъ, создать, что классовая борьба — цѣль, а не средство. Предъ нами громадная историческая задача путемъ классовой борьбы и класовыхъ компромисовъ создать новую организацію общественныхъ силъ и, что важнѣе всего, новое правосознаніе. Перемѣны же въ организаціи и правосознаніи совершаются медленно. Всѣ перемѣны въ общественной жизни тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ съ большею правомѣрностью онѣ совершаются. Намъ нужна не диктатура силы, а уравновѣшенная свобода права. Справедливое право и облагороженныя нравы медленно, но вѣрно одерживаютъ побѣду надъ силами эгоизма, косности, невѣжества и глупости и тогда родятся на свѣтъ лучшія и справедливѣйшія учрежденія, работать для достиженія которыхъ ставили своей задачей всѣ крупнѣйшіе идеалисты человѣчества.

Мнѣ представляется, что практическій политикъ, стремящійся къ идеаламъ распредѣлительной справедливости, долженъ всегда помнить, что онъ можетъ защищать только тѣ мѣропріятія, которыя ведутъ насъ въ царство доходовъ труда. Но онъ будетъ считать наивными и недальновидными тѣхъ,

которые станутъ упрекать его въ буржуазныхъ тенденціяхъ, когда онъ будетъ честно утверждать, что современная демократія не съумѣетъ реорганизовать внезапно всю нашу общественную систему. Другими словами, не боясь никакихъ упрековъ, онъ будетъ стремиться въ ближайшемъ же будущемъ не къ устраненію наемной формы труда, а бороться за заработную плату, за ростъ и организацію производительныхъ силъ, для чего, прежде всего, необходимы: политическая свобода и политическое воспитаніе страны въ новыхъ условіяхъ правовой борьбы [1]).

Къ детальной разработкѣ этой платформы политики труда я предполагаю вернуться въ ближайшемъ же будущемъ.

Проф. Александръ Миклашевскій.

---

[1]) Одинъ изъ выдающихся представителей германской соціалъ-демократіи Г. Бернштейнъ это отлично понялъ и въ этомъ его громадная заслуга. Вотъ что пишетъ онъ: „устраненіе наемной формы труда зависитъ отъ образованія и развитія неоплачиваемыхъ общественныхъ службы. Дойдетъ ли дѣло до того, что всѣ блага будутъ выдаваться безденежно и всѣ работы будутъ совершаться добровольно или въ формѣ соціальныхъ обязанностей—этотъ вопросъ мы оставимъ здѣсь безъ отвѣта, такъ какъ во всякомъ случаѣ подобное состояніе водворится въ неизмѣримо отдаленномъ будущемъ. До тѣхъ же поръ, пока такой порядокъ не наступитъ, каждая работа, не представляющая соціально-обязательной службы или добровольнаго труда по собственной охотѣ, будетъ оплачиваться прочно установленной заработной платой или опредѣленнымъ окладомъ, увеличеннымъ, быть можетъ, какою либо преміей, участіемъ въ прибыляхъ и дополненнымъ неоплачиваемыми услугами всего общества....

Поэтому ходячее боевое слово: „устраненіе системы наемнаго труда, саларіата—ошибочно. Дѣйствительное развитіе въ промышленности, въ торговлѣ, въ организаціи обращенія совершается, наоборотъ, въ направленіи расширенія и превращенія во всеобщее правило отношеній найма. Требованіе всего продукта труда со стороны рабочихъ признается теперь явною нелѣпостью въ соціальномъ и хозяйственномъ отношеніи.... Борьба рабочаго класса направляется теперь не противъ формъ, а отношеній зависимости, которыя понижаютъ заработную плату и препятствуютъ ей возрастать пропорціонально росту общественнаго богатства. Форма найма является лишь однимъ звеномъ въ строѣ хозяйства, который теперь измѣняется при посредствѣ демократическаго или общественнаго коллективизма....

Когда это стремленіе къ измѣненію хозяйственной системы и отношеній зависимости называютъ борьбой противъ системы заработной платы, то это слѣдуетъ признать лишь неяснымъ способомъ выраженія. Фактически это именно и есть не что иное, какъ борьба за справедливую систему опредѣленія заработной платы“.

ЗЕМСКІЕ НАЧАЛЬНИКИ [1]).

Снабжая земскихъ начальниковъ обширными полномочіями и властью надъ должностными лицами крестьянскаго управленія, которая на практикѣ приняла такія уродливыя и дикія формы, правительство, какъ оно говорило, при введеніи института, хотѣло упорядочить крестьянское управленіе, вывесть изъ него взяточничество, самовластіе и проч. Достигнуто-ли это? Мы положительно утверждаемъ, что нѣтъ. Крестьянское управленіе также безпорядочно теперь, какъ было до введенія земскихъ начальниковъ; въ немъ также господствуютъ взяточничество, водка, попустительство и проч. Въ этомъ убѣждаютъ насъ, прежде всего, имѣющіяся у насъ отчеты о губернаторскихъ ревизіяхъ въ Саратовской губ., которыхъ во всякомъ случаѣ нельзя обвинять въ преувеличеніи и проч., наоборотъ.

Ревизія 1892 г. устанавливаетъ, что въ дѣлѣ руководства крестьянскимъ самоуправленіемъ „нельзя отмѣтить значительной разницы съ порядкомъ, существовавшимъ до реформы" и что „въ отношеніи надзора земскихъ начальниковъ за дѣятельностью волостныхъ и сельскихъ правленій... еще очень мало сдѣлано для приведенія въ порядокъ существующихъ при многихъ волостныхъ правленіяхъ ссудо-сберегательныхъ кассъ". Въ 4 волостныхъ правленіяхъ „суммы ссудосберегательныхъ кассъ розданы въ займы безъ остатка, причемъ поручныя записи при наступленіи срока платежа не переписываются и проценты не взыскиваются.... заемщики

---

[1]) Начало статьи см. Вѣст. Пр. 1905 г. октябрь.

забыли даже о своихъ обязанностяхъ въ отношеніи кассы". Но можетъ быть за 1 годъ земскіе начальники еще не успѣли упорядочить крестьянское управленіе.

Прошло еще 11—12 лѣтъ и ревизіи 1903 и 1904 г. того же Саратовскаго губернатора обнаруживаютъ въ крестьянскомъ управленіи еще большее количество недостатковъ. Укажемъ, прежде всего, на весьма важныя неправильности, допускаемыя волостными старшинами, при наложеніи ими на крестьянъ такого тяжелаго наказанія, какъ аресты: уничтожить злоупотребленія этимъ правомъ было одной изъ существенныхъ задачъ, возложенныхъ на земскихъ начальниковъ. И имъ легко услѣдить, чтобы старшины и старосты правильно примѣняли это наказаніе. Однако даже ревизіи, считавшія малодѣятельностью, слабостью и неопытностью непримѣненіе старшинами и старостами арестовъ и штрафовъ, указываютъ на цѣлый рядъ неправильностей, допускаемыхъ этими органами въ наложеніи этихъ наказаній. Такъ, судя по множеству случаевъ, повидимому, большинство волостныхъ старшинъ налагаетъ аресты за неплатежъ податей вопреки 290 и 304 ст. ст. общаго положенія (Кондольскій старшина Петровскаго у., Бутурлиновскій, Соколовскій, Владыкинскій старшины Сердобскаго у., Отраднинскій и Ольховскій старшины Царицынскаго у. и др.). Одинъ волостной старшина 5 уч. Аткарскаго у. сажаетъ подъ арестъ крестьянъ на основаніи 104 ст. общ. полож. по требованію земскаго начальника; Александро-Юматовскій волостной старшина Петровскаго у. подвергъ крестьянина аресту на 2 сутокъ за то, что онъ не уплатилъ штрафа, наложеннаго на него земскимъ начальникомъ. Въ Сердобскомъ у. ревизіей обнаруженъ даже такой случай наложенія старшиной ареста по 104 ст. общ. полож.: „нѣсколько крестьянъ ушли съ работы въ экономіи Ю. и были подвергнуты волостнымъ старшиною аресту за то, что не вернулись обратно".

Въ отношеніи тѣхъ же арестовъ, налагаемыхъ на крестьянъ административнымъ порядкомъ, этими ревизіями обнаружено, что въ Александро-Юматовской волости Петровскаго у. нѣтъ книги для записи постановленій старшины объ арестахъ.

„Помѣщеніе при волостномъ правленіи для лицъ, подвергнутыхъ аресту, состоитъ всего изъ одной маленькой комнаты,—ветхо и очень плохо“.... По мнѣнію ревизіи, необходимо имѣть не менѣе двухъ комнатъ для арестуемыхъ: одну для мущинъ, другую для женщинъ. Нужно отмѣтить, что въ этихъ же помѣщеніяхъ отсиживаютъ и арестованные земскими начальниками. Въ заключеніе отчета о частичной ревизіи Балашевскаго у. того же 1903 г. говорится: „неоднократно при ревизіяхъ уже указывалось, что волостные старшины, пользуясь своимъ правомъ.... подвергать за маловажные проступки виновныхъ аресту, обязаны составлять о томъ постановленія и таковыя вписывать въ особую для того книгу. Между тѣмъ и нынѣ Макаровскій волостной старшина, подвергая аресту виновныхъ лицъ, совсѣмъ не составляетъ постановленій, а Турновскій... постановленія свои не вноситъ въ книгу, излагая ихъ на отдѣльныхъ бумажкахъ, которыя найти въ нарядахъ весьма затруднительно. Въ Акадакскомъ волостномъ правленіи... нѣтъ книги для записи лицъ, содержимыхъ подъ арестомъ, съ указаніемъ, когда, по чьему постановленію, лицо подвергнуто аресту и когда такое лицо выпущено изъ подъ ареста. Нѣтъ такой книги ни въ Макаровскомъ, ни въ Зубриловскомъ волостныхъ правленіяхъ... Въ Зубриловской и Макаровской волостяхъ арестныя помѣщенія найдены въ неудовлетворительномъ видѣ, очень низки, зимою холодны, двери плохія“. Въ Баландинской волости Аткарскаго у. книга наказаній, налагаемыхъ старшинами по 104 ст. общ. полож., хотя и ведется, но самыя постановленія о наложеніи того или иного взысканія записываются слишкомъ кратко, а иногда и неясно, напр., за безчинство, за ослушаніе, „но въ чемъ, именно, заключалось безчинство или какое было оказано ослушаніе—не видно“. Въ Байковскомъ волостномъ правленіи Сердобскаго у. нѣтъ книги для лицъ, содержащихся подъ стражей. Въ Сердобскомъ волостномъ правленіи того же уѣзда „въ книгѣ для взысканій, налагаемыхъ волостнымъ старшиною по 104 ст. общ. пол. (по изд. 1902 г.) постановленія не записываются совсѣмъ, хотя старшина и налагаетъ взысканія. Тоже въ Ивановскомъ волост-

номъ правленіи Царицинскаго у. и т. д. Таково отношеніе крестьянскихъ органовъ въ Саратовской губ. къ драгоцѣннѣйшему изъ правъ человѣка—свободѣ—подъ самымъ бдительнымъ и могущественнымъ, какъ мы видѣли, надзоромъ земскихъ начальниковъ. Трудно себѣ представить, что могло быть въ этомъ отношеніи хуже до ихъ введенія.

Другое важное зло въ крестьянскомъ управленіи—медленность въ приведеніи въ исполненіе судебныхъ приговоровъ, отъ которой теряетъ смыслъ и самый судъ, также сохранилась и въ настоящее время, хотя земскимъ начальникамъ также почти ничего не стоило услѣдить за этимъ. На эту медленность указываютъ многочисленныя данныя ревизій 1903 и 1904 гг. въ той же Саратовской губ. Она констатирована въ Воронцовской, Владыкинской и Сердобской волостяхъ того же у. Въ Бакурской волости обнаружено, что „многіе приговоры за 1900, 1901 и 1902 г. въ исполненіе не приведены“ къ іюню 1903 г. Въ Петровской волости того же уѣзда „обнаружены такіе приговоры, которые . . . . вошли въ законную силу въ 1891 и 1893 г. и до 1903 г. не приведены въ исполненіе“. Тоже въ Балыклейской, Липовской и Ивановской волостяхъ Царицынскаго у. Въ Балыклейской волости ни одно рѣшеніе и ни одинъ приговоръ, постановленные въ 1904 г. къ сентябрю мѣсяцу не были приведены въ исполненіе. „Такимъ образомъ, замѣчаетъ ревизія, судебные приговоры, оставаясь безъ исполненія, теряютъ въ глазахъ населенія всякій смыслъ и значеніе и судъ является. . . только пустою формальностью. Несвоевременное приведеніе судебныхъ опредѣленій въ исполненіе, дѣлаетъ характерное замѣчаніе ревизія, имѣетъ еще и ту дурную сторону, что даетъ возможность должностнымъ лицамъ волостного правленія произвольно, спустя много времени послѣ постановки приговора, приводить его въ исполненіе по своему личному усмотрѣнію, когда приговоренный уже и забылъ о состоявшемся о немъ приговорѣ“.

Повсемѣстные непорядки въ Саратовской губ. замѣчены послѣдними ревизіями также и въ введеніи волостными правленіями дѣлъ ссудо-сберегательныхъ кассъ, гдѣ онѣ есть:

„Въ Еланской волости Сердобскаго у. имѣется ссудо-сберегательная касса... Въ алфавитъ заемщиковъ этой кассы внесены точно тѣ крестьяне, которые уже много лѣтъ состоятъ должниками, заемщики же, которымъ вновь выдается ссуда, неправильно почему то въ алфавитъ не заносятся“. „Ссуда изъ кассы при Сокольскомъ вол. правленіи выдается до 60 р. изъ 9% годовыхъ. Есть давно образовавшіеся долги, которые до сихъ поръ не погашены, а поручныя записи своевременно не возобновлены. Для приведенія кассы въ порядокъ, слѣдуетъ установить, чтобы при отсрочкѣ долга взыскивались нетолько проценты, но и часть капитальнаго долга“. Въ Александровской волости уплата долговъ въ ссудо-сберегательную кассу идетъ крайне медленно; въ большинствѣ случаевъ, когда наступаетъ срокъ уплаты, то долговое обязательство переписывается, въ лучшемъ случаѣ должникъ ограничивается уплатою процентовъ, иногда же и проценты приписываются къ долгу. Параллельно съ ссудо-сберегательной кассой дѣйствуетъ и кредитное товарищество. Во главѣ его стоитъ правленіе изъ мѣстныхъ интелигентныхъ лицъ... Операціи кредитнаго товарищества идутъ успѣшно и крестьяне къ долгамъ кредитнаго товарищества относятся совершенно иначе, чѣмъ къ долгамъ ссудо-сберегательной кассы... въ кредитномъ товариществѣ не было случая, чтобы должникъ въ срокъ не уплатилъ своего долга. Въ ссудо-сберегательной кассѣ Песковатской вол. Царицынскаго у. есть долги, не возвращаемые съ 1875 г., по нимъ не взыскиваются даже проценты, поэтому у нѣкоторыхъ должниковъ первоначальный долгъ возросъ болѣе чѣмъ въ три раза. Съ канцелярской точки зрѣнія дѣла кассы какъ будто и ведутся правильно: ежегодно начисляются по неуплаченнымъ долгамъ проценты, по мѣрѣ возрастанія долга на каждые 5 р. прибавляется поручитель, такъ что, напр., у заемщика С. по долгу, образовавшемуся въ суммѣ 218 р., числится 44 поручителя, но въ сущности касса, кромѣ совершенно излишняго обремененія канцеляріи волостного правленія, рѣшительно никому никакой пользы не приноситъ... большинство долговъ надо считать совершенно безнадежными.

То же и въ другихъ волостяхъ. „Какъ 13 лѣтъ тому назадъ, говоритъ отчетъ о ревизіи Царицынскаго у. 1904 г., при введеніи института земскихъ начальниковъ, кассы эти числились только на бумагѣ, не принося населенію никакой пользы, такъ и теперь всѣ деньги разобраны по рукамъ и въ срокъ не возвращаются и даже во многихъ случаяхъ по долгамъ не уплачиваются проценты. При такихъ условіяхъ кассы не могутъ . . . удовлетворять населенія въ мелкомъ кредитѣ. Между тѣмъ потребность эта и въ Царицынскомъ у. очень велика. Во многихъ волостяхъ крестьяне занимають деньги и хлѣбъ за 60 и болѣе процентовъ“.

Въ отчетахъ о губернскихъ ревизіяхъ 1903 и 1904 гг. находимъ указанія на цѣлый рядъ и другихъ недостатковъ и безпорядковъ въ крестьянскомъ управленіи: на отказъ въ выдачѣ паспорта въ 4 уч. Балашевскаго у. 43 лѣтнему сыну, имѣющему собственную семью и уже 10 лѣтъ проживающему въ Сухумѣ;—на побои, нанесенные сельскимъ старостой—два случая въ 7 уч. того же уѣзда;—на неоказаніе старостой содѣйствія при тушеніи пожара,—на неправильный отводъ усадьбы волостнымъ старшиною во 2 уч. Царицынскаго у.;—на то, что волостное правленіе своевременно не принимаетъ на страхъ построекъ крестьянъ, почему послѣ пожаровъ населеніе лишается страховой преміи въ 1 уч. Царицынскаго у.;—на пропускъ сельскимъ писаремъ въ спискѣ нуждающагося въ продовольствіи тамъ же. Интересно отмѣтить, что жалоба на это была оставлена земскимъ начальникомъ безъ послѣдствій только потому, что не была подписана просителемъ—такъ дѣйствуетъ близкая къ народу попечительная власть;—на растраты общественныхъ денегъ въ 8 уч. Сердобскаго у., въ 7 уч. Билашевскаго у.; въ 3 уч. того же уѣзда въ періодъ времени съ 1901 по 1902 г. помощникъ волостного писаря присвоилъ себѣ до 1500 р. общественныхъ суммъ, почтовыхъ и переводныхъ; потерпѣло отъ этого до 500 лицъ;—на самоуправство сельскаго старосты въ 7 уч. Балашевскаго у.;—на отсутствіе книги для записи договоровъ въ Соколовскомъ волостномъ правленіи Сердобскаго у.;—на невниманіе къ интересамъ малолѣтнихъ

сиротъ въ Александро-Юматовской вол. Петровскаго у.: совершенно не ведется книга, въ которую записывалось бы имущество, принадлежащее сиротамъ; учета опекунамъ не производилось предъ ревизiей два года и впослѣдствiи, по словамъ ревизiи, можетъ обнаружиться, что имущество малолѣтнихъ растрачено;—на злоупотребленiя должностныхъ лицъ въ крестьянскомъ общественномъ хозяйствѣ въ Балыклейской вол. Царицынскаго у.; на растрату общественнаго имущества въ 5 уч. Хвалынскаго у.;—на пьянство старосты на общественныя деньги;—на взяточничество старосты въ 8 уч.;—на малое знакомство волостного старшины и писаря съ своими обязанностями въ Воронцовской волости Сердобскаго у.; на новый безпорядокъ въ дѣлахъ въ Камешкирскомъ вол. правленiи Кузнецкаго у. и т. д... наконецъ, на дороговизну крестьянскаго управленiя: „въ Отрадненскомъ вол. правленiи, говоритъ ревизiя Царицынскаго у. 1904 г., также, какъ и въ Ерзовскомъ, обращаетъ на себя вниманiе значительная трата на содержанiе, какъ самаго волостного правленiя, такъ и его канцелярiи, неоправдываемая размѣромъ ихъ дѣлопроизводства. Волостной писарь получаетъ 660 р. жалованья и отдѣльно 32 р. за веденiе дѣлъ ссудосберегательной кассы; первый его помощникъ 420 р. и второй 180 р.; кромѣ того на текущiй годъ канцелярiи волостного правленiя назначено 260 р. за пересоставленiе посемейныхъ списковъ. Т. о. чины канцелярiи волостного правленiя стоятъ волости 1542 р., не считая канцелярскихъ принадлежностей; кромѣ того при волостномъ правленiи состоятъ, безъ особой въ томъ надобности, два сторожа, съ жалованiемъ 180 р. каждому и разсыльный съ жалованiемъ 156 р. Волостная ямщина обходится волости также чрезмѣрно дорого—въ 975 р. за 4 лошади, или 243 р. 75 к. за одну лошадь. Цѣна эта кажется особенно высокую въ виду того, что съ городомъ Царицыномъ Отраднинское вол. правленiе имѣетъ желѣзнодорожное сообщенiе, а въ остальные пункты волости не можетъ встрѣчаться надобности въ особо частыхъ поѣздкахъ“.

Наконецъ приведемъ въ выдержкахъ описанiе, сдѣланное

ревизіями 1903 и 1904 г., порядковъ въ двухъ волостяхъ Кузнецкаго и одной Царицынскаго у. у. Въ Шемышейскомъ волостномъ правленіи, говоритъ отчетъ о губернаторской ревизіи 1903 г., волостной старшина... „видимо малознающій и совершенно неопытный". Онъ „мало дѣятеленъ и слабо относится къ возложеннымъ на него обязанностямъ (между прочимъ ему ставится въ вину, что онъ не пользуется правомъ налагать аресты и штрафы). Вспомогательная волостная касса найдена въ полномъ безпорядкѣ: деньги, болѣе 5000 р., всѣ разобраны, никто изъ заемщиковъ не только не возвращаетъ своихъ долговъ, но не желаетъ даже уплачивать процентовъ по ссудѣ. Поручныя записи не возобновляются и находятся въ полномъ безпорядкѣ, многіе заемщики умерли, а остающійся за ними долгъ кассѣ не съ кого даже взыскать...

Приблизительно такой же безпорядокъ обнаруженъ ревизіей и въ Камешкирскомъ вол. правленіи того же уѣзда. Вспомогательная волостная касса находится въ такомъ же безпорядочномъ состояніи. Капиталъ 11.105 р. розданъ въ ссуды, причемъ за правильнымъ поступленіемъ уплаты долговъ, за возобновленіемъ поручныхъ записей и вообще за упорядоченіемъ дѣлъ кассы никакого надзора нѣтъ и въ концѣ концовъ деньги, принадлежащіе волости, окажутся пропавшими. Дѣла по надзору за опеками надъ имуществами и личностями малолѣтнихъ сиротъ такъ же въ полномъ безпорядкѣ... Въ Кунгеровскомъ волостномъ правленіи... положеніе дѣлъ найдено тоже въ такомъ порядкѣ, который, по мнѣнію ревизіи, указываетъ, что земскій начальникъ не имѣетъ надлежащей заботливости о ввѣренной ему волости, а надзоръ за должностными лицами либо отсутствуетъ, либо крайне недостаточенъ. Постановленіе старшины объ арестѣ имъ не подписано. Вспомогательная волостная касса, въ оборотѣ которой 16.000 р., находится въ такомъ же неудовлетворительномъ положеніи, какъ и въ двухъ предыдущихъ волостяхъ. Приговоры волостного суда почти совершенно не приводится въ исполненіе, такъ, изъ всѣхъ рѣшенныхъ въ настоящемъ 1903 году уголовныхъ дѣлъ, только по двумъ

дѣламъ приговоры приведены въ исполненіе, за прошлый годъ рѣшено 240 уголовныхъ дѣлъ, а приведено въ исполненіе только 8 приговоровъ. Въ книгѣ рѣшеній дѣлаются отмѣтки, что приговоръ приведенъ въ исполненіе, въ то время, когда въ дѣйствительности онъ еще не исполненъ... Расходы по содержанію волостного правленія, ревизія находитъ великими и на тѣ оклады, которые существуютъ въ Кунчеровской волости, по ея мнѣнію, можно имѣть хорошій контингентъ служащихъ. Волостной писарь получаетъ 600 р. и имѣетъ двухъ помощниковъ, изъ которыхъ одинъ получаетъ 300 р., а другой 180 р., причемъ въ нынѣшнемъ году жалованье это сходомъ еще увеличено волостному писарю и его старшему помощнику на 50 р., а младшему на 25 р.

А вотъ описаніе ревизіи Ерзовской волости Царицынскаго у. Ерзовская волость не подвергалась ревизіи губерскаго начальства болѣе, чѣмъ въ теченіе 25 лѣтъ... Населеніе..., очевидно, съ нетерпѣніемъ ждало настоящей ревизіи и, не взирая на дождливое время, встрѣтило губернатора на площади около волостного правленія въ составѣ полнаго схода. Тутъ же, въ присутствіи земскаго начальника Молдавскаго, крестьяне поспѣшили принести рядъ жалобъ на вол. писаря Русакова. Сущность этихъ жалобъ сводится къ слѣдующему. Р. назначенъ былъ земскимъ начальникомъ М. Ерзовскимъ вол. писаремъ въ 1897 г. Въ 1900 г. Р. снялъ у Ерзовскаго общества, съ 1901 г. на 12 лѣтъ, водяную мукомольную мельницу, на условіи безплатнаго, въ теченіе первыхъ 3 лѣтъ, пользованія мельницею, а затѣмъ, на остальное время, съ платою по 158 р. въ годъ. Въ теченіе первыхъ трехъ безплатныхъ лѣтъ. Р. обязанъ былъ перестроить мельницу, согласно установленнымъ условіямъ. Пользуясь, однако, своимъ служебнымъ положеніемъ, Р. принятыхъ на себя обязательствъ не исполнилъ, мельницу хотя и исправилъ, но не согласно съ кондиціями, арендную плату, несмотря на миновеніе 3 льготныхъ лѣтъ, не уплатилъ, домъ бывшаго неисправнаго арендатора той же мельницы, служившій для общества обезпеченіемъ оставшагося за нимъ

долга, купилъ на имя жены. Далѣе, отдѣльные крестьяне—садоводы заявили, что Р. прекратилъ отпускъ воды изъ мельничнаго пруда для поливки садовъ ихъ, почему таковые совершенно погибли. Крестьянка Ч. обижена тѣмъ, что Р. отнялъ у нея огородъ, которымъ она владѣла близъ мельницы болѣе 20 лѣтъ. Р. снялъ за 494 р. въ годъ волостную ямщину и не держитъ ни одной лошади, въ случаѣ же надобности, нанимаетъ посыльныхъ или ждетъ оказіи, что бы не расходоваться на гоньбу. Его же Р. обвиняютъ крестьяне въ томъ, что по сельскимъ обществамъ неправильно ведется счетъ продовольственнымъ. По общему списку должниковъ значится, что М. Р. получилъ 9 пудовъ хлѣба, а ему въ книгу записано 27 п. Сѣмена нуждающимся раздавали на Волгѣ изъ баржи, въ присутствіи волост. старшины и выдавали только тѣмъ, кто подносилъ водку. Крестьяне разсказываютъ, что народъ, разбирая сѣмена, совершенно перепился. Чтобы увеличить своимъ родственникамъ и сторонникамъ размѣръ хлѣбныхъ ссудъ, должностныя лица подъ руководствомъ Русакова, въ спискахъ, составляемыхъ для выдачи ссудъ, умышленно показывали меньше скота, чѣмъ имѣется у нихъ въ дѣйствительности и значится по списку для платежа мірской суммы. Сличеніемъ тѣхъ и другихъ списковъ обстоятельство это вполнѣ подтвердилось. Содержаніе канцеляріи волост. правленія, благодаря домогательствамъ Р., обходится волости чрезвычайно дорого. Жалованья Р. получаетъ 394 р., за веденіе операцій ссудо-сберегат. кассы 373 р. 64 к. и на квартиру 72 р., всего 839 р. 64 к., да кромѣ того имѣетъ помощника съ жалованьемъ въ 300 р. Знакомство съ дѣлопроизводствомъ волост. правленія и суда выяснило, что стоимость канцеляріи дѣйствительно не соотвѣтствуетъ размѣрамъ дѣлопроизводства. Въ ссудо-сберегат. кассѣ числится капиталъ въ 18.667 р. 71 к., но, несмотря на такой значительный его размѣръ, касса ссудныхъ операцій почти не производитъ, ибо и здѣсь, какъ и въ другихъ волостяхъ Царицынскаго у., капиталъ кассы давно разобранъ по рукамъ и должниками не возвращается, а такъ какъ волост. правленіе не принимаетъ никакихъ мѣръ къ своевременному

взысканію просроченныхъ долговъ, то очевидно, и касса не даетъ большого труда канцеляріи волост. правленія. Въ результатѣ всѣхъ жалобъ крестьяне заявили, что всѣми дѣлами волости вершитъ единолично Русаковъ, что, будучи крестникомъ земскаго начальника Молдавскаго, онъ пользуется особымъ его покровительствомъ и потому всѣ жалобы на него являются совершенно безполезными.

На вопросъ земск. начальника М., почему Ч. не жаловалась ему на отнятіе у нея Р. огорода, она ему тутъ же отвѣтила, что, часто останавливаясь у Р. на мельницѣ, онъ (земскій начальникъ) хорошо зналъ объ обидѣ, ей причиненной, а потому она и считала безцѣльнымъ безпокоить его жалобой, отъ которой не ожидала никакой для себя пользы. Опровергая обвиненіе его въ пристрастномъ отношеніи къ Русакову, Молдавскій подтвердилъ, что онъ, дѣйствительно, былъ воспріемнымъ отцомъ при обращеніи Р. изъ католицизма въ православіе, относительно же жалобъ на неправильное содержаніе ямщины, заявилъ, что объ этомъ узналъ впервые теперь, во время ревизіи, что, по поводу жалобъ на направильную раздачу сѣмянныхъ ссудъ и допущеннаго при этомъ пьянства, онъ поручалъ производство дознанія волостному старшинѣ, причемъ жалобы эти не подтвердились... ревизія убѣдилась, читаемъ ниже въ отчетѣ, что дѣлами волости единолично управляетъ волостной писарь Р., пользующійся своимъ служебнымъ положеніемъ для извлеченія изъ него личныхъ дли себя выгодъ въ ущербъ интересамъ населенія и что большинство принесенныхъ жалобъ, какъ сознаніемъ самого Р., такъ и провѣренными документами, подтвердилось. Кромѣ того „ревизія книгъ волостного правленія обнаружила, что волост. старшина продолжаетъ налагать взысканіе за неплатежъ повинностей по 104 ст. общ. положенія... Въ книгѣ приговоровъ волостного схода записано всего 4 приговора. Учетный приговоръ есть, но изъ него не видно, кто повѣрялъ денежную отчетность волостн. правленія, почему можно заключить, что учетъ волостного схода сводится къ простой формальности.

Таковы порядки въ крестьянскомъ управленіи Саратов-

ской губ. по даннымъ частичныхъ, весьма поверхностныхъ ревизій, произведенныхъ Саратовскими губернаторами съ обычной помпой и съ малымъ желаніемъ проникнуть въ существо порядка и его причинъ. И мы увѣрены, что таковы же эти порядки вездѣ: общія условія одинаковы и попадающія въ печать обрывочныя свѣдѣнія говорятъ о томъ же. Напр., изъ процесса по дѣлу о растратѣ бывшимъ волостнымъ старшиною Хатунской волости, Серпуховскаго у., Жирновымъ общественныхъ суммъ видно, какъ ужасно расхищалось тамъ общественное имущество и проѣдались и пропивались, при благосклонномъ участіи земскаго начальника, общественные деньги [1]). Въ корреспонденціи изъ Тамбовской губ. пишутъ, что 19 крестьянъ д. Александровки, Моршанскаго у., подали земскому начальнику двѣ жалобы на то, что сельскій староста и сельскій писарь самовольно написали приговоръ схода объ открытіи школы грамоты и, не давъ его прочитать, заставляли подписывать. Земскій начальникъ призналъ жалобу неосновательной. Тогда на это рѣшеніе подали жалобу въ съѣздъ уже 40 крестьянъ и въ концѣ концовъ приговоръ былъ отмѣненъ. Очевидно жалоба была основательна [2]). Изъ Каргопольскаго у., Олонецкой губ., жалуются на неправильное распредѣленіе продовольственной ссуды. Ссуду утверждаетъ земскій начальникъ по росписи волостного старшины съ писаремъ, а эти послѣдніе весьма недобросовѣстно относятся къ своему дѣлу. Ссуда выдается далеко не соразмѣрно нуждѣ берущихъ ее: кто въ ссудѣ не нуждается, получаетъ и получаетъ много; нуждающійся получаетъ мало, а то и совсѣмъ ничего [3]). Въ солдатскихъ письмахъ, помѣщенныхъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ, находимъ жалобы на неправильную выдачу пособій женамъ и дѣтямъ ушедшихъ на войну: „кому хотятъ, тому и дадутъ волостные“ и на то, что для полученія пособій нужно угощать старшину [4]). За-

---

[1]) Русскія Вѣдомости 1903 г., № 341.
[2]) Ib., № 297.
[3]) Ib., 1905 г., № 166.
[4]) Ib., 1905 г., № 155.

прещеніе выдачи паспортовъ, говоритъ Куломзинъ,.. лицамъ, которыя, повидимому, намѣреваются переселиться, предпринятое . . . съ цѣлію удержанія самовольнаго переселенческаго движенія, повлекло за собою совершенно незаконные со стороны волостныхъ старшинъ поборы съ подозрѣваемыхъ въ стремленіи къ переселенію лицъ. Можно даже предполагать, что эти поборы... практиковались... и вообще по отношенію всѣхъ выправляющихъ паспорты для какой бы то ни было цѣли [1]). Въ сессіи Московской судебной палаты въ Ярославлѣ въ 1899 г. староста и сотскій Кулаческаго общества были осуждены за вымогательство [2]) и т. д. Число подобныхъ фактовъ можно бы еще въ нѣсколько разъ увеличить.

Мы съ намѣреніемъ остановились болѣе или менѣе подробно на порядкахъ, господствующихъ въ крестьянскомъ управленіи. Правительство молчитъ по этому вопросу, не публикуетъ никакихъ матеріаловъ. Въ печать попадаетъ изъ этой области сравнительно очень мало. Отсюда еще не такъ давно Московскія Вѣдомости имѣли мужество утверждать, что земскіе начальники улучшили и сдѣлали вполнѣ удовлетворительнымъ крестьянское управленіе.

Такимъ образомъ, земскіе начальники своей обширной властью надъ органами крестьянскаго управленія, по закону, принявшею на практикѣ самыя уродливыя формы личнаго господства, не достигли даже ближайшихъ, поставленныхъ имъ задачъ упорядоченія крестьянскаго управленія. Не рѣшаясь за отсутствіемъ матеріала дѣлать сравненіе между нынѣшнимъ его состояніемъ и состояніемъ до введенія земскихъ начальниковъ, мы должны признать, что оно такъ плохо, что худшаго ничего нельзя себѣ и представить. Оно и понятно, фактическія отношенія земскихъ начальниковъ къ органамъ крестьянскаго управленія повело къ значительному ухудшенію состава должностныхъ лицъ. Въ своемъ родѣ самодержавный институтъ земскихъ начальниковъ вызвалъ къ жизни также

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ по поѣздкѣ въ Сибирь для ознакомленія съ положеніемъ переселенческаго дѣла, стр. 31.

[2]) Право, 1899 г., № 13, стр. 690.

въ своемъ родѣ придворныхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія—льстивыхъ, гибкихъ и унижающихся предъ земскимъ, выносящихъ даже его побои, и грубыхъ и хищныхъ въ своихъ отношеніяхъ къ народу. Эти лица умѣло пріобрѣтаютъ довѣріе своего начальства, убаюкиваютъ его вниманіе и хозяйничаютъ въ свою пользу въ волости и селеніи.

Итакъ, фактическія отношенія земскихъ начальниковъ къ органамъ крестьянскаго управленія, приняли формы какого то абсолютнаго господства. Отъ этого тяжело страдаютъ органы крестьянскаго управленія: удаленія, аресты, штрафы, побои сыплются на нихъ, какъ изъ рога изобилія. Но на ходъ крестьянскаго управленія это не оказало никакого вліянія: органы этого управленія приспособились къ режиму земскихъ начальниковъ; а въ немъ самомъ по прежнему царятъ произволъ, взяточничество, кумовство, пьянство и т. д. и т. д.

Между тѣмъ крестьянское управленіе сельское и волостное имѣетъ огромное значеніе для страны. Крестьянскія должностныя лица выполняютъ огромную правительственную работу и играютъ большую роль въ общественной и правовой жизни и развитіи сельскаго простого населенія. Ими расходуются около 100 милл. р. мірскихъ денегъ; они управляютъ многочисленными крестьянскими оброчными статьями и имуществами, въ томъ числѣ отчасти и землями; въ рукахъ этихъ органовъ находится сборъ съ крестьянъ всѣхъ прямыхъ налоговъ. Ими составляются и ведутся посемейные списки и списки по отбыванію воинской повинности. Они выдаютъ крестьянамъ паспорты и многочисленные другіе документы. Они выполняютъ весьма важныя и отвѣтственныя функціи по обязательному страхованію сельскихъ строеній; они удовлетворяютъ большую часть нотаріальныхъ потребностей сельскаго населенія; наконецъ, они являются вообще тѣми органами, черезъ посредство которыхъ сельское населеніе вступаетъ въ разнообразное общеніе съ правительствомъ. Очень значительная часть сельскаго населенія во всю свою жизнь не видитъ никакихъ другихъ властей, кромѣ волостныхъ и сельскаго старосты.

Отсюда отъ дѣятельности крестьянскихъ органовъ, какъ ис-

полнителей постановленій сходовъ, расходчиковъ ихъ средствъ, зависитъ, пожалуй, столько же, сколько и отъ дѣятельности самихъ сходовъ, состояніе и ходъ самоуправленія, выполненіе имъ тѣхъ задачъ, которыя ему прямо ставятся закономъ и которыя являются результатомъ естественныхъ условій жизни крестьянскаго населенія, т. е. задачъ правильнаго, по средствамъ, удовлетворенія общественно-хозяйственныхъ и культурныхъ потребностей и задачи быть проводникомъ въ населеніи понятій общественной жизни, общественной пользы и т. д.

Съ другой стороны, крестьянскіе органы, будучи исполнителями всевозможныхъ правительственныхъ функцій, являясь почти единственными органами, черезъ которые власть, правительство вступаетъ въ общеніе съ народомъ, естественно должны представлять въ глазахъ населенія самоё власть, самое правительство. По этимъ органамъ и ихъ дѣятельности населеніе по необходимости судитъ и вообще о качествахъ и дѣятельности правительства.

Ясно отсюда, какое огромное значеніе для всего государства имѣетъ надлежащій составъ и функціонированіе этихъ низшихъ органовъ крестьянскаго управленія. Пусть покажется страннымъ, но мы думаемъ, что правильное устройство института старшинъ для Россіи важнѣе наилучшаго устройства любого министерства и выбора любого министра.

Намъ остается еще разсмотрѣть отношеніе земскихъ начальниковъ къ волостнымъ судамъ и ихъ послѣдствія. Къ этому мы и переходимъ.

Земскіе начальники и волостные суды.

По закону земскіе начальники наблюдаютъ за правильной дѣятельностью волостныхъ судовъ, контролируютъ ее и руководятъ ею. Слѣдовательно, и судьи, поскольку они не нарушаютъ законовъ, не злоупотребляютъ властью, а добросовѣстно несутъ свои обязанности, не должны бы бояться земскаго начальника.

На дѣлѣ же и здѣсь выходитъ иначе. Волостные суды

и составляющіе ихъ судьи раздѣляютъ общую участь крестьянскихъ учрежденій и органовъ и на практикѣ подчинены земскимъ начальникамъ, какъ и органы крестьянскаго управленія, гораздо больше, чѣмъ того требуетъ законъ и польза дѣла; они также превращены въ дѣйствительности въ простыхъ исполнителей его приказаній, въ его слугъ.

Это обусловливается тѣми же ближайшими причинами, которыя привели къ полному фактическому подчиненію земскимъ начальникамъ всѣхъ вообще органовъ крестьянскаго управленія. Сюда относятся: 1. Установившійся въ дѣйствительности низкій уровень крестьянскихъ сходовъ, выбирающихъ и плохихъ судей: въ докладѣ Ветлужскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности Костромскому губернскому такому же комитету говорится, что „выбираютъ иногда крестьянина въ судьи лишь для того, чтобы онъ заслужилъ числящуюся за нимъ недоимку“ [1]. 2. Нежеланіе лучшихъ крестьянъ занимать и должностей судей, вслѣдствіе полной зависимости и ея отъ земскихъ начальниковъ. 3. Вліяніе земскихъ начальниковъ на выборы сходами кандидатовъ въ судьи, также доходящее до прямого ихъ указанія [2]. 4. Право земскихъ начальниковъ утверждать 4 судей изъ не менѣе 8 выбранныхъ крестьянскими сходами кандидатовъ. 5. Право удалять судей отъ должности, также какъ и прочихъ органовъ крестьянскаго управленія; и 6. право земскихъ начальниковъ налагать на судей аресты и штрафы.

Обо всемъ этомъ мы уже говорили: въ данныя объ арестахъ должностныхъ лицъ въ Саратовской губ. включены также и судьи. Точно также большинство фактовъ о неправильностяхъ въ выборахъ должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія, о вліяніяхъ на эти выборы относятся также и къ судьямъ. Поэтому мы не будемъ здѣсь повторять сказаннаго выше. Укажемъ только, что въ результатѣ всего

---

[1]) Труды... т. XVII, стр. 258.

[2]) Ib., т. XXV, стр. 163. Дружининъ. Юридическое положеніе крестьянъ, стр. 286—8.

этого и здѣсь получилось полное подчиненіе волостного суда и судей земскимъ начальникамъ [1]). Бывшій земскій начальникъ г. Новиковъ прямо говоритъ: „пока я былъ за розгу и суды къ ней приговаривали крестьянъ; я сталъ противъ розги—слѣды розги исчезли не только на спинахъ, но и въ книгахъ судебныхъ приговоровъ! И это вездѣ! Каковъ попъ—таковъ приходъ!“ [2]).

Фактическая власть и вліяніе земскихъ начальниковъ на волостные суды и судьи такъ велики, что даютъ возможность имъ пользоваться иногда судами въ своихъ выгодахъ и нерѣдко заставляютъ ихъ грѣшить противъ правосудія: ревизія 1892 г. обнаружила, что управляющій земскаго начальника 1 уч. Петровскаго уѣзда обращался въ волостные суды, „ввѣренные тому земскому начальнику“ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ.

Въ печати много разъ указывалось на то, что волостные суды подъ давленіемъ земскихъ начальниковъ начинали примѣнять тѣлесное наказаніе, но мы не будемъ повторять этихъ указаній. Въ „Правѣ“ за 1900 г. [3]) разсказанъ слѣдующій случай. Салтыковское волостное правленіе Новоузенскаго уѣзда, Самарской губ., потребовало отъ крестьянина И. П. измѣненія заключеннаго имъ съ другимъ крестьяниномъ договора, для чего пригласило его въ волостное правленіе. А когда онъ отказался явиться, послало за нимъ ночью 5 человѣкъ. Двери дома И. П. заперъ, и полицейскіе чины удалились. Утромъ былъ назначенъ экстренный волостной судъ. И. П. признанъ виновнымъ въ ослушаніи начальства и приговоренъ къ аресту на 5 дней. Въ съѣздѣ И. П., между прочимъ, сказалъ: „правительство . . . ввело положеніе 12 іюня 1889 г. Къ сожалѣнію нѣкоторые . . . взглянули на это, какъ на возвращеніе къ доброму старому времени... Не допуская никакихъ возраженій и стремясь къ подавленію личности, они нанесли мнѣ сперва обиду утромъ въ волостномъ правленіи,

---

[1]) Ib., т. XXV, стр. 390.
[2]) Міръ Божій, 1901 г., № 12, стр. 27.
[3]) № 10, стр. 538.

а затѣмъ имъ угодно было продолжать издѣвательство надо мною еще и ночью... Человѣкъ же, представлявшій собою главную двигательную пружину даннаго правосудія въ волостномъ судѣ, самъ, спрятавшись за спины волостныхъ подчиненныхъ, стремился безжалостно лишить добраго имени одного изъ своихъ личныхъ враговъ. Алчущій и жаждущій, повидимому, правды, онъ жаждетъ лишь личнаго мщенія".

Что касается выполненія земскими начальниками своихъ прямыхъ обязанностей по отношенію къ волостному суду, то дѣятельность ихъ и здѣсь, также какъ и по отношенію къ органамъ крестьянскаго управленія, весьма слаба и неудовлетворительна. Какъ мы видѣли по поводу жалобъ на должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія, въ томъ числѣ и суда, почти всѣ земскіе начальники лично дознаній не производятъ, ограничиваясь перепиской, донесеніями волостныхъ старшинъ. Земскимъ начальникамъ 3 уч. Кузнецкаго уѣзда волостные суды не ревизуются по два года. И въ концѣ отчета о ревизіи 1903 г. земскіе начальники приглашаются возможно чаще ревизовать между прочимъ и суды.

Въ другомъ отчетѣ о ревизіи одного Балашевскаго уѣзда того же года говорится, что, повидимому, земскіе начальники не только не заботятся о сообщеніи волостнымъ судьямъ необходимыхъ для отправленія ихъ должностей познаній, но не восполняютъ, за исключеніемъ одного, и обязанности производить не менѣе 2 разъ въ годъ ревизіи въ волостныхъ судахъ.

Далѣе отчетъ ревизіи 1892 г. крестьянскихъ учрежденій Аткарскаго и Балашевскаго уѣздовъ говоритъ, что земскіе начальники очень рѣдко пользуются 2 п. 31 ст. времен. прав. о волостн. судѣ (141 ст. общ. полож. по изд. 1902 г.), оставляя большей частью безъ послѣдствій жалобы на окончательныя рѣшенія волостного суда; между тѣмъ какъ, по мнѣнію ревизіи, благодаря новости дѣла и непривычкѣ судей разрѣшать юридическіе вопросы не можетъ не быть значительнаго процента дѣлъ, разрѣшенныхъ судомъ неправосудно и съ явнымъ нарушеніемъ власти.

Тотъ же отчетъ, наконецъ, указываетъ, что случаевъ представленія рѣшеній волостного суда въ уѣздный съѣздъ по 20 ст. временныхъ правилъ (130 ст. общ. полож. по изд. 1902 г.) совсѣмъ не встрѣчается. Дѣйствительно, за 12 лѣтъ въ Саратовской губ. при 1046277 рѣшенныхъ дѣлахъ по этой статьѣ представлено къ отмѣнѣ совсѣмъ ничтожное число—только 1191, т. е. около 0,1%. И съ теченіемъ времени, несмотря на быстрый ростъ числа дѣлъ, число представленныхъ къ отмѣнѣ падаетъ: въ первое трехлѣтіе, 1892—94 г.г., было представлено къ отмѣнѣ 330 дѣлъ, а за послѣднее 1901—903 г.г.—168.

Такимъ образомъ и здѣсь, въ отношеніи суда, мы, также какъ въ отношеніи органовъ крестьянскаго управленія, и по тѣмъ же причинамъ и условіямъ, находимъ: съ одной стороны, полное подавленіе самостоятельности и независимости судей, превращеніе ихъ въ слугъ земскаго начальника, съ другой, слабый надзоръ за ихъ повседневной дѣятельностью, для которой и введенъ институтъ земскихъ начальниковъ, надзоръ, тѣмъ болѣе необходимый, чѣмъ хуже составъ судей создается режимомъ земскихъ начальниковъ. Мы отнюдь не думаемъ, что такой надзоръ могъ бы освободить нынѣшній волостной судъ отъ всѣхъ его недостатковъ. Мы указываемъ только, что надзоръ, созданный введеніемъ института земскихъ начальниковъ, оказался фиктивнымъ.

Посмотримъ теперь, каковы результаты дѣятельности института земскихъ начальниковъ въ области крестьянскаго правосудія, что ожидалось правительствомъ отъ введенія новаго суда вмѣстѣ съ институтомъ земскихъ начальниковъ и что получилось въ дѣйствительности.

Вводя нынѣшніе волостные суды и устанавливая властный контроль надъ ними земскихъ начальниковъ, правительство хотѣло дать населенію близкій, знающій мѣстныя условія, состоящій изъ лучшихъ элементовъ крестьянства судъ, свободный, благодаря надзору земскаго начальника, отъ тѣхъ недостатковъ, которые царили въ прежнихъ волостныхъ судахъ—пьянства, взяточничества, кумовства, вліянія писаря и т. д., и потому пользующійся полнымъ довѣріемъ крестьянъ.

Но дѣйствительность и здѣсь не оправдала ожиданій правительства: нынѣшній судъ, навѣрное, не лучше дореформеннаго и не пользуется никакимъ довѣріемъ населенія.

Обращаясь къ матеріалу, рисующему современный волостной судъ, остановимся прежде всего на данныхъ ревизій Саратовскихъ губернаторовъ, какъ оффиціальныхъ. Ревизія 1892 г. Аткарскаго и Балашевскаго у., повидимому, находилась подъ вліяніемъ новизны института и въ общемъ признаетъ новые тогда суды вполнѣ удовлетворительными. Такъ отчетъ о ревизіи Аткарскаго и Балашевскаго у. говоритъ: „разсмотрѣвъ въ теченіе года безчисленное количество кассаціонныхъ жалобъ по дѣламъ волостныхъ судовъ, губернское присутствіе ни разу не встрѣтило указаній на лицепріятіе или пьянство, какъ кассаціонный поводъ для отмѣны рѣшенія, выставлявшійся чаще всего по дѣламъ упраздненныхъ волостныхъ судовъ. Ознакомившись на мѣстахъ съ личнымъ составомъ новыхъ судовъ, ревизія могла убѣдиться, что составъ этотъ по своему развитію и нравственнымъ качествамъ вполнѣ гарантируетъ безпристрастное отношеніе новаго суда къ разсматриваемымъ имъ дѣламъ. При испытаніяхъ большинство судей и почти всѣ предсѣдатели судовъ обнаружили достаточныя знанія предѣловъ подсудности и власти волостного суда, умѣнье отличать уголовныя дѣла отъ тяжбъ и опредѣлять дѣла, которыя могутъ быть прекращаемы миромъ“. . . .

Почти тоже говоритъ ревизія этого года о судахъ Саратовскаго, Петровскаго, Сердобскаго, Царицынскаго и Камышинскаго уѣздовъ. Между прочимъ: „въ большинствѣ судьи грамотны, толковы, интересуются дѣломъ и гордятся своимъ званіемъ, а не относятся къ нему подобно судьямъ дореформенныхъ судовъ, какъ къ неизбѣжной тяготѣ“. . .

Только судьи Вольскаго, Хвалынскаго и особенно Кузнецкаго уѣздовъ и тогда были признаны въ довольно плохомъ состояніи: „большинство судей, съ которыми ревизіи пришлось говорить, имѣютъ самое смутное представленіе объ юридическихъ положеніяхъ, знаніе которыхъ для волостныхъ судей представляется неизбѣжнымъ: не могутъ объяснить ни под-

судности дѣлъ волостному суду, ни того, какія дѣла могутъ быть окончены миромъ.... Особеннымъ же невѣжествомъ въ этихъ вопросахъ отличаются судьи татары.... Только особымъ надзоромъ... можно предупредить, чтобы волостной судъ въ татарскихъ волостяхъ не превратился въ единоличный судъ волостного писаря. Во многихъ судахъ Вольскаго и Хвалынскаго у. и во всѣхъ... Кузнецкаго... предсѣдателями судовъ назначены волостные старшины".

Но ревизіи слѣдующихъ лѣтъ относятся къ волостнымъ судамъ уже безъ увлеченія, и указываютъ въ ихъ составѣ и дѣятельности цѣлый рядъ весьма существенныхъ недостатковъ. Такъ, въ отношеніи состава волостныхъ судовъ ревизія Балашевскаго у. 1903 г. говоритъ: знакомство съ предсѣдателями волостныхъ судовъ указало, что нѣкоторые изъ нихъ мало знакомы съ временными правилами волостныхъ судовъ. По самымъ простымъ вопросамъ о подсудности дѣлъ волостному суду, о размѣрѣ наказанія за то или другое преступленіе, о томъ, какія дѣла почитаются уголовными и какія гражданскими, предсѣдатели судовъ становились втупикъ и не могли дать отвѣта.... Въ Балашевскомъ у. за 11 лѣтъ уровень судей очень значительно понизился. Относительно другихъ уѣздовъ въ ревизіи 1903 г. находимъ, что въ Александро-Юматовской волости Петровскаго у. предсѣдателемъ суда является старшина; въ Шемышейскомъ волостномъ правленіи Кузнецкаго у. предсѣдателемъ также является волостной старшина. „Судьи малограмотные не знаютъ ни своихъ обязанностей, ни какія дѣла подсудны суду и каковъ предѣлъ его власти";—въ Кунгеровскомъ волостномъ судѣ того же уѣзда „весь составъ неграмотенъ и, конечно, не знакомъ ни съ подсудностью, ни съ кругомъ своихъ правъ и обязанностей". „Положеніе, говоритъ ревизія, какъ для самихъ судей, такъ и для лицъ, обращающихся къ суду, далеко не утѣшительное". По ревизіи 1904 г., Ивановскій волостной судъ Царицынскаго у. неправильно состоитъ изъ 4, а не 3 судей и предсѣдателя—волостного старшины. Очевидно, предсѣдательство административныхъ органовъ—старшинъ, допускаемое закономъ только въ исключительныхъ случаяхъ, и

неграмотность и незнаніе судьями подсудности своихъ правъ и обязанностей, общее явленіе въ Саратовской губ., если, такъ относительно найдено много случаевъ этого.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ревизіями указано на рядъ недостатковъ и въ дѣятельности волостныхъ судовъ. Но вслѣдствіе поверхностности этихъ ревизій и указанія ихъ носятъ довольно внѣшній, поверхностный, характеръ. Ревизія 1896 г. земскихъ начальниковъ и нѣкоторыхъ волостныхъ судовъ Вольскаго, Кузнецкаго, Петровскаго и Сердобскаго уѣздовъ указываетъ на слѣдующіе недостатки процессуальнаго характера, замѣченные ею, очевидно, при поверхностномъ просмотрѣ книги рѣшеній: Мещерскій, Пяшинскій, Никольскій и Сердобскій волостные суды, постановляя приговоры по уголовнымъ дѣламъ, не указываютъ ни проступка, въ которомъ признанъ виновнымъ подсудимый, ни статьи закона, предусматривающей этотъ проступокъ. Записи въ книгу рѣшеній Дубровскимъ вол. судамъ дѣлаются слишкомъ кратко, безъ всякой почти мотивировки поставленнаго рѣшенія. Въ Сердобскомъ волостномъ судѣ предсѣдатель пишетъ дополнительныя опредѣленія или постановленія отъ своего имени. Алфавиты судебнымъ дѣламъ въ Царевщинскомъ, Петровскомъ, Камишкирскомъ, Дубровскомъ, Никольскомъ, Куракинскомъ и Сердобскомъ волостныхъ судахъ не ведутся. Въ Камишкирскомъ волостномъ судѣ „протоколы засѣданій не ведутся; въ резолюціяхъ по многимъ дѣламъ этого суда не указывается, за какой именно проступокъ и на основаніи какой статьи закона обвиненный приговоренъ къ тому или иному наказанію; рѣшенія записываются въ книгу весьма кратко, неясно и безъ достаточной мотивировки; наконецъ, по двумъ уголовнымъ дѣламъ. . . , рѣшеннымъ: первое 7 марта, а второе—8 мая, на поставленные судомъ приговоры принесены въ установленный срокъ жалобы, но дѣла эти ко времени ревизіи, т. е., къ 1 іюля еще не были представлены земскому начальнику, какъ того требуетъ 30 ст. врем. прав. вол. судѣ; при этомъ въ одномъ дѣлѣ даже не имѣется ни самой жалобы на приговоръ, ни отмѣтки о ея полученіи, хотя жалоба была подана.

Кромѣ этихъ недостатковъ процессуальнаго характера въ этой же ревизіи указывается на совершенно неправильное примѣненіе закона волостными судами: нѣкоторые волостные суды, говоритъ ревизія, . . . принимаютъ къ разсмотрѣнію дѣла имъ неподсудныя, напр., Дубровскій волостной судъ—объ оскорбленіи дѣйствіемъ сыномъ своего отца (ст. 1534 улож. о наказ.) и о самовольной порубкѣ лѣса; Мещерскій волостной судъ разрѣшилъ дѣло о нарушеніи, 51[9] ст. уст. о наказ., налагаемой мировыми судьями. Нѣкоторые суды неправильно примѣняли манифестъ.

Ревизіями 1903 и 1904 гг., главное вниманіе которыхъ было обращено на земскихъ начальниковъ, въ отношеніи порядковъ въ волостныхъ судахъ указывается на медленность въ Мало-Сердобинскомъ волостномъ судѣ Петровскаго у.: одно дѣло было разрѣшено черезъ 3, другое черезъ 6 мѣсяцевъ,—въ Бутурлиновскомъ волостномъ судѣ Сердобскаго у.: есть дѣла. которыя по 2 мѣсяца лежатъ безъ движенія,—Шемышейскій волостной судъ съ марта до іюня ни разу не собирался и изъ числа 48 дѣлъ, уголовныхъ и гражданскихъ, разсмотрѣно только 9,—въ Камешкирскомъ волостномъ судѣ къ іюню 1903 г. осталось еще отъ 1902 г. 95 неразрѣшенныхъ дѣлъ.

Указывается здѣсь также и на нѣкоторые недостатки процессуальнаго характера: въ Воронцовскомъ волостномъ судѣ Сердобскаго у. рѣшенія подписываются однимъ предсѣдателемъ, нѣсколько гражданскихъ исковъ соединяются вмѣстѣ. Въ Мало-Сердобинскомъ волостномъ судѣ Петровскаго у. рѣшенія записываются слишкомъ кратко безъ мотивовъ. По многимъ дѣламъ судъ не предлагаетъ сторонамъ примиренія. Въ Липовсковскомъ волостномъ судѣ Царицынскаго у. приговора излагаются слишкомъ сжато, безъ всякой мотивировки не указывается даже проступокъ, за который виновный приговоренъ къ наказанію и т. д. Таковы весьма поверхностныя замѣчанія, съ несомнѣнностью указывающія на поверхностность ревизіи.

На болѣе существенные недостатки крестьянскаго суда указываютъ неофиціальныя свѣдѣнія. Въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности указывалось на

взяточничество судей; у нихъ составилась, повидимому, даже своего рода профессіональная поговорка: мои сапоги не блестѣли, а ваше дѣло просвистѣло [1]),—на поблажки родственникамъ, на рѣшенія дѣлъ за водку [2]), на огромное вліяніе на суды волостныхъ писарей, доходящее до того, что они рѣшаютъ дѣла [3]), а результаты и основанія такого вліянія общеизвѣстны. Волостной судъ худшій изъ всѣхъ видовъ суда, говорилъ г. Маклаковъ въ докладѣ Звенигородскому уѣздному комитету о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Онъ ниже всякой критики, говорится въ докладѣ коммисіи въ Воронежскій уѣздный комитетъ.

Такимъ образомъ, новый волостной крестьянскій судъ, созданный вмѣстѣ съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ, поставленный подъ строгій и властный контроль послѣднихъ, въ жизни совершенно подчинился земскимъ начальникамъ. Судьи стали послушными слугами, а суды послушными орудіями его. Но отъ этого волостной судъ не сталъ лучше прежняго. Онъ не оправдалъ истинныхъ или мнимыхъ желаній и ожиданій правительства. Онъ ниже всякой критики; въ немъ царятъ прежніе безпорядки; и онъ не пользуется ни уваженіемъ, ни довѣріемъ населенія [4]). Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе мѣстные комитеты; это извѣстно всякому, кто жилъ среди крестьянъ; на это указываютъ поговорки въ родѣ: „въ судьишкахъ проболтался“,—„судьи, что чурки“.

Между тѣмъ крайне неудовлетворительное состояніе волостного суда должно имѣть громадное значеніе для всего нашего сельскаго населенія, слѣдовательно, для всей Россіи. Своей дѣятельностью судъ не только разрѣшаетъ тяжбы, наказываетъ нарушителей закона и удовлетворяетъ потерпѣвшихъ, но и воспитываетъ въ народѣ чувства порядка и за-

---

1) Труды . . . т. XXV, стр. 390

2) Суджанскій у. комитетъ докладъ крестьян. Самбурова. Также Орловскій уѣздный комит.

3) Труды, т. XVII, стр. 317; Орловскій уѣздный комитетъ о нуждахъ сельско-хоз. пром. Семеновскій уѣзд. комитетъ, XXIV, стр. 534.

4) Труды . . . т. XXV, стр. 163.

конности. Плохой судъ не только нарушаетъ экономическіе и правовые интересы населенія, но и подрываетъ въ немъ чувства порядка и законности, развращаетъ народъ, будитъ въ немъ первобытные инстинкты силы и анархіи. И конечно, чѣмъ шире компетенція суда, тѣмъ больше его положительное или отрицательное значеніе. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ значеніе волостного суда громадно.

Въ Саратовской губ. за 13 лѣтъ съ 1891 по 1903 г. въ окружныхъ судахъ, устроенныхъ на сравнительно правильныхъ началахъ, рѣшено только 7556 уголовныхъ дѣлъ, въ среднемъ 581 въ годъ, у земскихъ начальниковъ той же губерніи за 12 лѣтъ, съ 1892 по 1903 г. рѣшено 103. 356 также уголовныхъ дѣлъ, въ среднемъ 8613 въ годъ, а въ волостныхъ судахъ за тѣ же 12 лѣтъ рѣшено 295. 571 уголовное дѣло, въ среднемъ 24 631 дѣло въ годъ. Слѣдовательно въ Саратовской губ. и вѣроятно приблизительно также и по всей Россіи въ волостныхъ судахъ рѣшается почти въ 3 раза больше уголовныхъ дѣлъ, чѣмъ у земскихъ начальниковъ и въ 42 раза больше, чѣмъ въ окружныхъ судахъ.

Кромѣ того, за тѣ же 12 лѣтъ въ той же Саратовской губ. у земскихъ начальниковъ рѣшено 59971 гражданское дѣло, въ среднемъ 4998 дѣлъ въ годъ, и въ волостныхъ судахъ рѣшено за то время 750. 706 гражданскихъ дѣлъ, въ среднемъ 62. 558 въ годъ, другими словами въ $12^1/_2$ болѣе, чѣмъ у земскихъ начальниковъ. (Объ окружныхъ судахъ нѣтъ свѣдѣній).

Такимъ образомъ, правовое и общекультурное значеніе единственныхъ относительно правильно устроенныхъ окружныхъ судовъ должно совершенно теряться и поглощаться, какъ капля въ морѣ, неправильно устроеннымъ судомъ земскихъ начальниковъ и особенно подкупнымъ, пьянымъ, лицепріятнымъ, безпрекословно исполняющимъ велѣнія земскаго начальника, волостнымъ судомъ. По относительному количеству дѣлъ можно сказать, что судъ въ общемъ таковъ, и его значеніе таково, каковъ волостной судъ и его значеніе. Можно себѣ представить, какую жизненную правду устанавливаетъ нашъ судъ въ населеніи и какія понятія законности и порядка развиваетъ онъ въ немъ!

Даже въ чисто матеріальномъ отношеніи значеніе волостного суда для населенія необычайно велико. Волостными судами одной Саратовской г. за 12 лѣтъ разобрано исковъ на 18.333.617 р., въ среднемъ ежегодно на 1.527.801 р. А земскими начальниками за то же время разрѣшено исковъ на 3.678.897 р., въ среднемъ въ годъ на 306.575 р. Другими словами волостныя суды разсмотрѣли гражданскихъ исковъ на сумму въ 5 разъ большую, чѣмъ земскіе начальники.

Мы разсмотрѣли установившіяся въ жизни отношенія земскихъ начальниковъ къ учрежденіямъ и органамъ крестьянскаго самоуправленія и суда и результаты ихъ. Ниже мы попытаемся изслѣдовать какъ тѣ общія причины, почему отношенія земскихъ начальниковъ къ крестьянскому самоуправленію и суду и къ отдѣльнымъ крестьянамъ приняли такія, а не иныя формы, такъ и тенденціи въ развитіи этихъ отношеній, какія можно замѣтить по имѣющемуся матеріалу. А здѣсь изложимъ кратко тѣ выводы, къ которымъ привело насъ изученіе фактическихъ отношеній земскихъ начальниковъ къ органамъ крестьянскаго самоуправленія и суда. Эти выводы мы резюмируемъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Широкія права надзора, контроля и руководства органами крестьянскаго управленія и суда вмѣстѣ съ правомъ налагать на крестьянъ и ихъ должностныхъ лицъ штрафы и аресты,—правомъ, не поставленнымъ закономъ въ точныя границы и на практикѣ весьма расширеннымъ, привели къ полному подавленію самостоятельности органовъ крестьянскаго самоуправленія и суда: законъ, какъ руководство ихъ дѣятельности, замѣненъ волею земскаго начальника, когда ему угодно ее высказать.

2. Прямымъ слѣдствіемъ этого было приспособленіе къ новымъ отношеніямъ органовъ крестьянскаго управленія и суда, которое состоитъ въ чрезвычайномъ пониженіи умственнаго и моральнаго уровня органовъ крестьянскаго управленія и суда.

3. Между тѣмъ земскіе начальники, пользуясь своею властью, когда это имъ почему либо нужно, въ общемъ мало интересуются крестьянскими дѣлами и ихъ управленіемъ и судомъ и оставляютъ ихъ безъ всякаго надзора.

4. Вслѣдствіе этого дѣятельность земскихъ начальниковъ не привела къ упорядоченію крестьянскаго самоуправленія и суда—они крайне неудовлетворительны; въ томъ и другомъ господствуютъ прежніе недостатки: взяточничество, пьянство и пр.

5. Но учрежденія крестьянскаго самоуправленія и суда являются очень важными учрежденіями, въ которыхъ сосредоточивается почти вся общественно-политическая и частноправовая жизнь многомилліоннаго сельскаго населенія. Поэтому ихъ неудовлетворительность—господство въ нихъ всевозможныхъ злоупотребленій, произвола, взяточничества, лицепріятія, пьянства и проч. вмѣстѣ ненормальными отношеніями къ нимъ земскихъ начальниковъ ведутъ къ дезорганизаціи населенія, къ уничтоженію въ немъ чувства законности и порядка и довѣрія къ правительству.

Держать страну въ такихъ условіяхъ общественной, правовой и гражданской жизни, значитъ вести и ее и себя къ пропасти, къ анархіи, по пословицѣ: кто сѣетъ вѣтеръ, пожнетъ бурю. Мы уже начинаемъ пожинать эту бурю. И только враги народа, порядка и культуры могутъ желать и стремиться поддерживать этотъ строй, основная черта котораго—произволъ.

К. Кожухаръ.

Приложеніе I.

Число приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ, представленныхъ земскими начальниками въ уѣздные съѣзды къ отмѣнѣ на основ. 31 ст. положенія о земскихъ начальникахъ.

У Ѣ З Д Ы.	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	
Аткарскій	9	55	76	75	68	69	121	210	257	164	143	163	232	1642
Балашевскій	19	35	81	79	112	132	170	243	227	227	242	364	332	2263
Вольскій	10	45	70	108	192	207	218	252	233	188	125	180	146	1974
Камышинскій	50	91	114	169	127	150	121	153	114	113	55	—	90	1347
Кузнецкій	—	26	18	13	22	42	28	66	43	46	40	30	48	422
Петровскій	13	48	62	16	128	228	83	158	159	117	120	153	108	1393
Саратовскій	8	51	125	96	164	128	79	93	78	123	100	—	103	1148
Сердобскій	24	58	87	70	60	78	70	76	92	89	99	113	169	1085
Хвалынскій	10	29	58	79	49	37	31	57	99	106	56	42	38	691
Царицынскій	12	27	58	98	78	64	59	83	83	81	43	66	67	819
Всего	155	465	749	803	1000	1135	980	1392	1385	1253	1023	1111	1333	12784

Приложеніе II.

Таблица № 1.

Удалено отъ должности по ст. 62 (58 по изд. 1902 г.) полож. о земск. нач. временно земскими начальниками и окончательно уѣздными съѣздами волостныхъ старшинъ.

УѢЗДЫ.	Кѣмъ удалены.	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	Всего.
Аткарскій	земскими начальн.	3	14	4	9	5	4	3	7	6	1	6	5	2	69
	уѣздными съѣздами.	3	14	4	9	5	4	3	—	—	—	2	7	5	56
Балашевскій	земскими начальн.	7	7	3	1	5	3	2	14	1	3	3	3	2	54
	уѣздными съѣздами.	7	7	4	—	5	5	7	12	1	2	3	—	2	55
Вольскій.	земскими начальн.	5	5	6	1	5	4	3	2	2	1	3	—	1	38
	уѣздными съѣздами.	—	5	6	1	5	—	—	—	—	—	—	—	—	17
Камышинскій.	земскими начальн.	4	1	2	4	3	4	1	—	—	5	1	—	1	26
	уѣздными съѣздами.	4	1	2	4	3	4	—	1	—	5	1	—	—	25
Кузнецкій	земскими начальн.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	2
	уѣздными съѣздами.	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	1	—	1	4
Петровскій.	земскими начальн.	1	1	1	1	4	3	2	4	2	3	1	7	6	36
	уѣздными съѣздами.	1	1	1	1	3	2	3	2	2	3	1	9	4	33
Саратовскій	земскими начальн.	4	4	—	3	—	4	1	—	2	—	4	—	1	23
	уѣздными съѣздами.	5	4	—	—	—	—	1	—	2	—	4	—	1	17
Сердобскій.	земскими начальн.	4	2	9	2	3	6	1	3	4	—	4	5	4	47
	уѣздными съѣздами.	4	—	—	2	3	—	—	—	—	—	2	5	4	20
Хвалынскій	земскими начальн.	4	4	1	2	1	2	2	3	1	—	—	—	—	20
	уѣздными съѣздами.	4	4	1	2	—	2	—	3	1	2	—	1	—	20
Царицынскій	земскими начальн.	3	—	—	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—	7
	уѣздными съѣздами.	3	—	—	1	3	—	—	—	—	—	1	—	—	8
По губерніи	земскими начальн.	35	38	26	24	29	30	15	33	18	13	23	20	18	322
	уѣздными съѣздами.	31	36	19	20	28	17	14	18	6	12	15	22	17	255

Приложеніе II.

Т а б л и ц а № 2.

Удалено отъ должности по ст. 62 (58 по изд. 1902 г.) полож. о земск. начальникахъ временно земскими и окончательно уѣздными съѣздами сельскихъ старостъ.

У ѣ з д ы.	Кѣмъ удалены.	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	Всего.
Аткарскій	земскими начальн.	25	77	24	24	24	22	41	31	28	23	33	18	21	391
	уѣздными съѣздами.	25	77	24	24	24	22	41	—	—	—	25	22	19	303
Балашевскій	земскими начальн.	30	87	46	34	57	22	25	38	41	23	28	42	21	494
	уѣздными съѣздами.	19	89	51	39	55	27	25	40	37	27	31	—	24	464
Вольскій	земскими начальн.	15	24	23	11	21	14	17	13	21	11	6	8	14	198
	уѣздными съѣздами.	—	24	23	11	21	—	—	—	—	—	—	—	—	81
Камышинскій	земскими начальн.	17	26	22	19	18	23	7	10	11	13	13	7	3	189
	уѣздными съѣздами.	17	26	16	20	18	23	7	10	11	13	13	7	3	184
Кузнецкій	земскими начальн.	—	10	—	—	—	—	19	12	17	7	16	10	5	96
	уѣздными съѣздами.	13	10	16	5	1	7	19	12	14	5	16	10	5	133
Петровскій	земскими начальн.	13	33	22	12	17	13	20	29	24	19	28	31	17	278
	уѣздными съѣздами.	13	33	22	9	18	13	16	36	19	19	28	26	21	273
Саратовскій	земскими начальн.	8	39	20	22	22	14	12	19	17	10	27	14	10	243
	уѣздными съѣздами.	28	—	—	31	46	29	—	—	—	21	23	31	33	242
Сердобскій	земскими начальн.	28	105	35	31	46	29	20	27	30	21	27	31	33	463
	уѣздными съѣздами.	28	—	—	31	46	29	—	—	—	21	23	31	33	242
Хвалынскій	земскими начальн.	13	30	23	13	15	18	16	19	16	—	8	7	17	195
	уѣздными съѣздами.	13	28	15	7	14	13	8	26	15	7	7	7	17	177
Царицынскій	земскими начальн.	6	17	10	5	12	7	4	5	19	10	5	4	5	109
	уѣздными съѣздами.	6	17	10	5	12	7	5	5	20	5	—	4	5	101
По губерніи	земскими начальн.	155	448	234	171	232	162	181	203	224	137	191	172	146	2656
	уѣздными съѣздами.	142	340	206	151	209	141	133	147	132	107	170	121	143	2142

Примѣчаніе. Отсутствіе свѣдѣній за рядъ лѣтъ въ Аткарскомъ, Вольскомъ, Кузнецкомъ, Саратовскомъ и Сердобскомъ, по нашему мнѣнію, должно объясняться недостаткомъ данныхъ, а неотсутствіемъ устраненій отъ должности со стороны уѣздныхъ съѣздовъ за эти годы.

Приложеніе II.

Таблица № 3.

Земскими начальниками на основаніи 29 ст. Положенія о земск. нач. удалено отъ должности волостныхъ писарей.

УѢЗДЫ:	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	Всего.
Аткарскій	4	6	6	3	4	5	5	9	1	5	3	3	1	55
Балашевскій	4	4	6	4	2	1	5	4	2	4	4	1	2	41
Вольскій	3	4	—	1	2	4	1	3	2	1	—	2	2	25
Камышинскій	3	2	—	4	—	—	—	—	—	—	—	1	—	10
Кузнецкій	—	2	4	1	1	1	3	—	1	1	—	—	3	17
Петровскій	2	3	—	4	8	—	1	2	3	—	3	—	2	28
Саратовскій	2	2	2	7	2	1	1	3	5	—	1	—	—	26
Сердобскій	7	8	2	4	4	3	1	4	4	2	2	2	4	47
Хвалынскій	1	4	2	3	1	2	2	—	2	3	4	2	1	27
Царицынскій	1	1	—	2	—	—	1	—	—	—	2	2	2	11
По губерніи	27	36	22	33	24	17	20	25	20	15	19	13	17	287

Таблица № 4.

Земскими начальниками на основаніи 29 ст. Положенія о земск. нач. удалено отъ должности сельскихъ писарей.

УѢЗДЫ:	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	Всего.
Аткарскій	13	25	9	6	11	13	22	19	6	10	15	26	16	191
Балашевскій	17	24	15	10	23	11	11	10	18	15	8	25	25	212
Вольскій	3	9	4	8	3	6	10	4	11	9	5	6	8	86
Камышинскій	8	14	8	8	4	5	7	5	4	5	8	6	5	87
Кузнецкій	7	8	10	6	1	7	13	7	9	4	2	2	8	84
Петровскій	9	6	23	8	10	8	10	19	17	11	1	15	14	160
Сердобскій	2	8	16	20	8	5	7	7	10	12	7	18	11	131
Саратовскій	6	10	17	9	16	30	15	13	10	7	7	7	19	166
Хвалынскій	11	13	13	4	10	3	6	5	3	1	13	3	2	87
Царицынскій	10	2	12	6	—	5	4	11	6	3	4	7	1	71
По губерніи	86	119	127	85	86	93	105	100	94	77	79	115	109	1275

Приложеніе III.

Наложено земскими начальниками *арестовъ* на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія на основ. 62 ст. положенія о земскихъ нач. (58 ст. полож. о крест. устан. по изд. 1902 г.).

	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	Всего
Аткарскій	90	186	132	107	105	96	97	84	137	82	92	79	173	1460
Балашевскій . . .	116	173	125	93	107	82	120	132	154	152	108	124	53	1539
Вольскій	18	66	79	63	48	89	44	31	33	29	37	43	40	620
Камышинскій . . .	24	45	58	78	98	82	55	60	96	62	42	36	50	786
Кузнецкій	50	65	57	36	37	56	56	31	52	67	38	65	81	691
Петровскій	72	148	125	119	159	174	125	217	173	122	95	157	183	1869
Саратовскій . . .	100	152	212	134	128	133	175	209	154	141	159	106	148	1951
Сердобскій	198	286	238	160	197	168	194	224	152	183	177	163	127	2467
Хвалынскій. . . .	13	36	30	22	20	40	32	51	57	36	17	17	17	388
Царицынскій . . .	17	29	30	20	12	46	61	26	21	24	26	34	15	316
По губерніи . . .	698	1186	1086	832	911	966	914	1065	1029	898	791	824	887	12087

Наложено земскими начальниками *арестовъ* на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія на основ. 62 ст. полож. о земск. нач. (58 ст. общ. полож. о крест. устан. по изд. 1902 г.).

	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	Всего.
Аткарскій	23	124	227	74	112	144	91	54	156	90	193	130	135	1553
Балашевскій . . .	34	78	88	93	94	70	70	178	198	137	94	88	78	1300
Вольскій	215	108	147	112	97	202	201	176	150	223	105	126	199	2061
Камышинскій . . .	19	182	195	198	160	95	112	96	95	113	90	103	106	1564
Кузнецкій	12	42	34	38	10	10	36	32	84	71	45	27	87	528
Петровскій	52	98	232	9	166	216	214	162	181	116	126	114	185	1871
Саратовскій . . .	45	101	72	117	143	108	102	71	188	229	159	179	134	1639
Сердобскій	74	173	280	134	228	149	189	220	361	205	170	160	156	2599
Хвалынскій. . . .	16	36	77	47	42	50	19	24	125	40	26	30	17	549
Царицынскій . . .	18	34	57	92	59	51	32	50	29	90	44	54	38	648
По губерніи . . .	508	976	1409	1014	1111	1095	1066	1063	1567	1314	1052	1002	1135	14312

ИСПЫТАНІЕ ПРЕСТУПНИКА, ПО ПОСТАНОВЛЕНІЮ УГОЛОВНАГО СУДА, НА ОСВОБОЖДЕНІЕ ОТЪ ПРИСУЖДЕННАГО НАКАЗАНІЯ, ПО ОФФИЦІАЛЬНОМУ РУССКОМУ ПРОЕКТУ 1903 ГОДА.

Съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ потребностей каждаго прогрессирующаго культурнаго народа и государства, поддержаніе и, по возможности, наибольшее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія должно быть единственнымъ высшимъ руководящимъ принципомъ для каждаго изъ этихъ государствъ во всей его общественной дѣятельности какъ внутренней—законодательной, правительственной и судебной, такъ и внѣшней—международной (Ин. системы [1]) с. 4). Слѣдовательно, принципъ всесторонняго, наибольшаго народнаго благосостоянія долженъ быть единственнымъ высшимъ руководящимъ принципомъ и при выработкѣ системы судебнаго освободительнаго испытанія [2]) преступниковъ для культурнаго народа; а, при проектированіи этого института для Россіи, высшее руководящее значеніе должно принадлежать

[1]) П. П. Пустырослевъ.—Иностранныя системы освободительнаго испытанія преступниковъ. Оттискъ изъ „Ученыхъ записокъ Императорскаго Юрьевскаго университета". Юрьевъ. 1905 г. Въ интересахъ краткости это сочиненіе будетъ обозначаться словами: „Ин. системы".

[2]) Извѣстно, что терминъ „условное осужденіе" въ литературѣ встрѣчаетъ многочисленныя и основательныя возраженія. Названіе, выбранное авторомъ, совершенно правильно характеризуетъ существо разсматриваемаго института. Къ сожалѣнію, едва-ли можно разсчитывать, чтобы ему удалось вытѣснить другое, ставшее уже традиціоннымъ. *Примѣч. ред.*

единственно принципу всесторонняго, возможно большаго благосостоянія русскаго народа.

Воспользуемся этими выводами и разсмотримъ проектъ постановленій объ институтѣ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ, выработанный Уголовнымъ Отдѣломъ Особой Коммисіи для Россіи въ 1903 году.

Обращаясь къ группѣ постановленій, опредѣляющихъ проектированный Уголовнымъ Отдѣломъ институтъ, какъ институтъ уголовнаго права, мы не можемъ прежде всего не пожалѣть, что Уголовный Отдѣлъ, коснувшись области нашего общаго уголовнаго законодательства, нашелъ возможнымъ сдѣлать только примѣчаніе объ этомъ институтѣ и при томъ только въ нашемъ новомъ уголовномъ уложеніи 1903 года.

Нѣтъ сомнѣнія, что постановленія, опредѣляющія проектируемый институтъ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ, какъ институтъ уголовнаго права, должны быть внесены, въ случаѣ ихъ утвержденія, въ наше уголовное законодательство. Но внесеніе ихъ только въ одно наше новое уголовное уложеніе было бы умѣстно въ томъ лишь случаѣ, если бы это уложеніе было единственнымъ сборникомъ нашего дѣйствующаго общаго уголовнаго законодательства и дѣйствительно соотвѣтствовало бы современнымъ потребностямъ, при современныхъ условіяхъ жизни русскаго народа. А между тѣмъ ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности. Съ одной стороны, уголовное уложеніе дѣйствуетъ не все, но только въ нѣкоторой своей части. А рядомъ съ нею дѣйствуютъ: и уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Съ другой же стороны наше уголовное уложеніе во многихъ отношеніяхъ сильно противорѣчитъ насущнымъ потребностямъ современной жизни русскаго народа и настоятельно нуждается въ коренной переработкѣ. А эта переработка должна быть произведена подъ руководствомъ интересовъ всесторонняго, возможно большаго благосостоянія русскаго народа, при широкомъ участіи свободно избранныхъ представителей русскаго народа въ законодательной дѣятельности. Въ уголовное законодательство должны быть

вносимы лишь тѣ постановленія, которыя одобрены законнымъ собраніемъ свободно избранныхъ представителей русскаго народа и утверждены Государемъ Императоромъ.

Въ виду этого, признавая институтъ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ, при правильномъ его устройствѣ, не только полезнымъ, но и необходимымъ для прочнаго обезпеченія успѣшной борьбы съ преступностью въ Россіи, мы думаемъ, что проектируемыя постановленія, опредѣляющія этотъ институтъ, какъ институтъ уголовнаго права, должны быть разсчитаны на одно изъ двухъ: или на внесеніе ихъ въ наше будущее, правильно выработанное уголовное уложеніе, или, по крайней мѣрѣ, на внесеніе ихъ въ наше неудовлетворительное дѣйствующее общее уголовное законодательство, т. е. и въ уголовное уложеніе, и въ уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, и въ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Во избѣжаніе же слишкомъ долгаго промедленія во введеніи полезнаго и необходимаго учрежденія въ Россіи слѣдуетъ отдать предпочтеніе второй комбинаціи.

Въ какой бы уголовный законъ ни предполагалось внести проектируемыя постановленія объ институтѣ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ, тѣмъ не менѣе выдержаніе испытанія преступникомъ на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія должно быть признано, наравнѣ съ давностью и помилованіемъ, за особое законное основаніе къ освобожденію преступника отъ обязанности отбытія присужденной кары.

Для Россіи испытаніе преступника на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія предпочтительнѣе испытанія на освобожденіе отъ присудимаго наказанія.

Дѣло въ томъ, что испытаніе признаннаго преступника на освобожденіе отъ присужденія къ наказанію имѣетъ важное преимущество относительно индивидуализаціи наказанія, т. е. соразмѣренія присуждаемой кары съ крупными особенностями личной виновности преступника, но—только при широкомъ участіи спеціально учрежденныхъ органовъ испытанія или такъ называемыхъ испытательныхъ чиновниковъ въ отпра-

вленіи уголовнаго правосудія (Ин. системы, с. 24—28; 31—43; 45—51; 152—153). Россія же стоитъ въ такомъ тяжеломъ экономическомъ и финансовомъ положеніи, что объ установленіи широко распространеннаго института спеціальныхъ органовъ испытанія надолго не можетъ быть и рѣчи. А при отсутствіи этого института или очень ограниченномъ его распространеніи, испытаніе преступника на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія заслуживаетъ предпочтенія. Здѣсь вносится нѣкоторое сокращеніе въ дѣятельность уголовнаго суда по отправленію уголовнаго правосудія и устраняется опасность, могущая произойти съ теченіемъ времени отъ исчезновенія обвинительныхъ доказательствъ, разъясняющихъ характеръ и степень виновности.

Въ виду этихъ соображеній, нельзя не согласиться съ уголовнымъ отдѣломъ особой коммисіи, что у насъ слѣдуетъ предоставить уголовному суду, при нѣкоторыхъ условіяхъ, право отсрочки присужденнаго наказанія (Къ работамъ [1]), с. 59; с. 66—68, ст. 1—2, 6—9; с. 77).

Такимъ образомъ, во главѣ постановленій объ институтѣ судебнаго освободительнаго испытанія, какъ учрежденіи уголовнаго права, проектируемыхъ для Россіи, должно быть поставлено правило слѣдующаго содержанія: „за выдержаніемъ законно присужденнаго испытанія осужденный преступникъ освобождается навсегда отъ обязанности къ отбытію наказанія, присужденнаго за преступное дѣяніе, повлекшее къ испытанію". Нечего и говорить, что это правило можетъ быть выражено и въ другой формѣ.

Институтъ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ можетъ давать прекрасные результаты въ дѣлѣ борьбы государства съ преступностью, но только въ томъ случаѣ, когда онъ устроенъ соотвѣтственно интересамъ благосостоянія своего народа, съ прочнымъ обезпеченіемъ осно-

---

[1]) Къ работамъ Высочайше учрежденной особой коммисіи для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія, по вопросу объ условномъ осужденіи. Жур. Мин. Юст. 1904. № 6. Въ интересахъ краткости это сообщеніе будетъ обозначаться словами: „Къ работамъ".

вательности, правомѣрности и безопасности своего примѣненія на дѣлѣ.

Главнымъ органомъ примѣненія этого института служитъ уголовный судъ. Достоинства и недостатки уголовнаго суда быстро и сильно отражаются на дѣйствіи этого института. Поэтому, для прочнаго обезпеченія доброкачественности дѣйствія этого института необходимо, чтобы онъ былъ ввѣренъ лишь такому уголовному суду, который, по самому своему составу, по самому своему положенію и по самымъ правиламъ своей судебной дѣятельности, прочно обставленъ гарантіями основательности, правомѣрности, быстроты и успѣшности отправленія уголовнаго правосудія.

Одной изъ безусловно необходимыхъ гарантій въ этихъ отношеніяхъ служитъ самостоятельность уголовнаго суда, надежно обезпеченная какъ судейской несмѣняемостью, такъ и недопустимостью судьи къ такой административной службѣ, которая ставитъ служащаго въ значительную зависимость отъ административнаго начальства.

При такихъ условіяхъ, становится понятно, что институтъ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ, долженъ быть ввѣренъ, согласно интересамъ всесторонняго, возможно большаго народнаго благосостоянія, лишь такому уголовному суду, который дѣйствительно прочно обставленъ гарантіями основательности, правомѣрности, быстроты и успѣшности уголовнаго правосудія, а въ томъ числѣ и безусловно необходимыми гарантіями судейской самостоятельности, т. е. судейской несмѣняемостью и недопустимостью судьи къ административной службѣ со значительной зависимостью отъ административнаго начальства.

Если уголовный судъ состоитъ всецѣло изъ смѣняемыхъ судей, или если большинство лицъ судейскаго званія въ уголовномъ судѣ не пользуется несмѣняемостью, или если даже уголовный судъ состоитъ изъ несмѣняемыхъ судей, но облеченныхъ административной службой, ставящей ихъ въ значительную зависимость отъ административнаго начальства; то онъ, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго народнаго благосостоянія, не можетъ быть снабженъ правомъ освободи-

тельнаго испытанія преступниковъ. О предоставленіи же этого права въ руки административныхъ чиновниковъ, хотя бы и надѣленныхъ судейской функціей, съ этой точки зрѣнія, не можетъ быть и рѣчи.

Въ виду этихъ соображеній, становится очевидна глубокая неудовлетворительность 11-й статьи проекта уголовнаго отдѣла (Къ работамъ, стр. 68). Эта статья представляетъ примѣненіе освободительнаго испытанія преступниковъ огульно какъ уголовнымъ судамъ, болѣе или менѣе прочно обставленнымъ гарантіями доброкачественности уголовнаго правосудія, такъ и уголовнымъ судамъ, недостаточно обезпеченнымъ въ этомъ отношеніи, и даже административнымъ чиновникамъ съ судебной функціей, вовсе не обезпеченнымъ въ этомъ отношеніи.

„Правила, изложенныя въ ст. 1 — 10, говоритъ эта 11-я статья проекта, примѣняются общими и мировыми судебными установленіями, гминными судами, уѣздными членами окружныхъ судовъ, городскими судьями, уѣздными съѣздами и земскими участковыми начальниками“.

Нѣтъ сомнѣнія, что особое присутствіе Правительствующаго Сената, общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, уголовный кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената, судебная палата, окружный судъ, уѣздный членъ окружнаго суда, выборные мировые судьи и ихъ съѣзды и Высочайше утвержденные мировые судьи и ихъ съѣзды, обладая болѣе или менѣе прочными гарантіями уголовнаго правосудія, а въ томъ числѣ до нѣкоторой степени и судейской несмѣняемостью, могутъ быть съ пользой для дѣла снабжены правомъ освободительнаго испытанія, преступниковъ при отправленіи уголовнаго правосудія по уголовнымъ дѣламъ, по существу.

Мировые же судьи, назначенные министромъ юстиціи, и ихъ съѣзды точно также, какъ городскіе судьи и гминные суды, не имѣя гарантіи судейской несмѣняемости, не могутъ быть надѣлены этимъ правомъ, безъ нѣкоторой опасности для правосудія. Нѣтъ спора, что среди этихъ мировыхъ и городскихъ судей есть много лицъ, способныхъ къ правиль-

ному пользованію этимъ правомъ, но за то есть и много лицъ, не способныхъ къ этому.

А предоставленіе этого права земскимъ участковымъ начальникамъ, какъ административнымъ чиновникамъ, не обладающимъ судейской несмѣняемостью и стоящимъ въ сильной зависимости отъ административнаго начальства, невозможно безъ большого вреда въ дѣлѣ борьбы съ преступностью. Нельзя забывать, что общественное мнѣніе уже давно и настойчиво отмѣчаетъ въ дѣятельности земскихъ начальниковъ такія язвы, какъ незнаніе своего дѣла, поверхностное знакомство съ закономъ, неопытность въ отправленіи правосудія, произволъ, предпочтеніе начальническихъ приказовъ и даже просто желаній закону, манія дворянскаго величія и презрительное отношеніе къ крестьянамъ и простолюдинамъ, ярко выражающееся въ упорномъ обращеніи къ этимъ лицамъ съ презрительнымъ: „ты".

Находя вреднымъ предоставленіе освободительнаго испытанія преступниковъ въ руки земскихъ участковыхъ начальниковъ, мы естественно находимъ вреднымъ и предоставленіе этого права уѣзднымъ съѣздамъ.

То же слѣдуетъ сказать о крестьянскихъ начальникахъ и ихъ съѣздахъ.

Наконецъ, устройство и дѣятельность нашихъ крестьянскихъ судовъ построены такъ неудовлетворительно, что о правѣ этихъ судовъ на освободительное испытаніе преступниковъ не можетъ быть и рѣчи. Хотя уголовный отдѣлъ особой коммисіи и полагалъ, что „соотвѣтствующія полномочія волостному суду могутъ быть предоставлены лишь въ подлежащемъ волостномъ уставѣ о наказаніяхъ, разработываемомъ . . . въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ" (Къ работамъ, стр. 81); однако эта сладкая надежда не имѣла въ дѣйствительности никакого основанія, кромѣ слѣпой вѣры въ совершество проектовъ всесильнаго министерства внутреннихъ дѣлъ. Если мы обратимся къ проекту судоустройства и судопроизводства въ волостномъ судѣ, выработанному редакціонной коммисіей по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, Высочайше учрежденной при министерствѣ

внутреннихъ дѣлъ, изданному въ 1903 году подъ именемъ проекта положенія о волостномъ судѣ [1]); то тотчасъ увидимъ такое поразительное невниманіе къ проведенію гарантій правосудія въ проектируемомъ волостномъ судѣ, что предоставленіе освободительнаго испытанія преступниковъ въ руки этого суда было бы просто вреднымъ.

Принимая во вниманіе наши заключенія, мы думаемъ, что въ проектѣ закона о судебномъ освободительномъ испытаніи преступниковъ для Россіи и при томъ въ группѣ постановленій, опредѣляющихъ это учрежденіе, какъ институтъ уголовно-судебнаго права, необходимо должна быть статья, точно перечисляющая русскіе уголовные суды, надѣленные, согласно интересамъ благосостоянія русскаго народа, правомъ освободительнаго испытанія преступниковъ.

Эта статья можетъ быть изложена слѣдующимъ образомъ: „При отправленіи уголовнаго правосудія по уголовнымъ дѣламъ по существу, особое присутствіе Правительствующаго Сената, общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, уголовный кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената, судебная палата, окружный судъ, уѣздный членъ окружнаго суда, выборные мировые судьи, съѣзды выборныхъ мировыхъ судей, Высочайше утвержденные мировые судьи и съѣзды Высочайше утвержденныхъ мировыхъ судей, присудивъ виновному наказаніе за учиненіе преступнаго дѣянія, имѣютъ право, съ соблюденіемъ предписаній закона, сдѣлать постановленіе объ оставленіи осужденнаго на испытаніи на освобожденіе отъ обязанности къ отбытію присужденнаго наказанія“.

Если бы у насъ такъ же, какъ въ Массачусетсѣ (Ин. системы, ст. 23—43; 152—153), оставленіе преступниковъ на испытаніи могло производиться уголовнымъ судомъ, при широкомъ и полезномъ содѣйствіи правильно поставленныхъ спеціальныхъ органовъ испытанія, а оставленные на испы-

---

[1]) Проектъ. Положеніе о волостномъ судѣ М. В. Д. Труды редакціонной коммисіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ. Томъ I. Сводъ выработанныхъ коммисіей законопроектовъ. С.-Петербургъ. 1903.—Проектъ положенія о волостномъ судѣ съ объясненіями. М. В. Д. Труды, т. III. С.-Петербургъ. 1905.

таніи находились бы во время испытанія подъ бдительнымъ надзоромъ этихъ органовъ, съ обезпеченіемъ возможности немедленнаго привлеченія къ уголовному суду и даже привода, въ случаѣ учиненія или даже грозящей опасности новыхъ преступныхъ дѣяній со стороны этихъ лицъ, то не было бы никакого основанія уменьшать какими бы то ни было внѣшними мѣрами кругъ тѣхъ осужденныхъ, изъ которыхъ предоставлено суду закономъ выбирать достойныхъ оставленія на испытаніи.

При отсутствіи же института спеціальныхъ органовъ испытанія или даже при незначительномъ распространеніи этого института, сведеніе этого круга въ предѣлы мелкой и менѣе важной преступности необходимо. Уголовный судъ, даже правильно поставленный, видитъ преступника лишь короткое время и не имѣетъ возможности, подобно спеціальному органу испытанія, произвести спеціальное дознаніе относительно личности и окружающей обстановки обвиняемаго, а потому легко можетъ ошибиться и оставить на испытаніи лицо, значительно испорченное, грозящее значительной опасностью учиненія новыхъ преступныхъ дѣяній. Для сокращенія особенно опасныхъ случаевъ неудачнаго выбора оставляемыхъ на испытаніи уголовными судами и необходимо, чтобы уголовному суду было предоставлено право выбирать достойныхъ испытанія только изъ круга лицъ, присужденныхъ къ наказаніямъ, узаконеннымъ за мелкія и менѣе важныя преступныя дѣянія.

Принимая это во вниманіе и имѣя въ виду наши русскія системы наказаній, установленныя за преступныя дѣянія: уложеніемъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, уголовнымъ уложеніемъ, а также сводомъ уставовъ объ акцизныхъ сборахъ и сводомъ учрежденій и уставовъ таможенныхъ, мы находимъ необходимымъ, чтобы въ проектѣ закона о судебномъ освободительномъ испытаніи преступниковъ, въ группѣ постановленій, опредѣляющихъ этотъ институтъ, какъ институтъ уголовнаго права, была особая статья о кругѣ лицъ, изъ которыхъ предоставлено закономъ выбирать достойныхъ испытанія.

Въ этой статьѣ должно содержаться слѣдующее постановленіе: „Если преступное дѣяніе или преступныя дѣянія обвиняемаго предусмотрѣны уложеніемъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, или уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, или уголовнымъ уложеніемъ, или сводомъ уставовъ объ акцизныхъ сборахъ, или сводомъ учрежденій и уставовъ таможенныхъ, то надлежащій уголовный судъ, признавъ обвиняемаго въ этомъ дѣяніи или дѣяніяхъ виновнымъ и приговоривъ къ какому бы то ни было наказанію не выше годового заключенія въ тюрьмѣ, или въ крѣпости, или въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, или въ исправительномъ домѣ, въ качествѣ главнаго наказанія, хотя бы то было заключеніемъ въ воспитально-исправительномъ заведеніи, или въ особомъ отдѣленіи тюрьмы или арестнаго дома, или въ монастырѣ на нѣсколько лѣтъ до наступленія несовершеннолѣтнему осужденному двадцати одного года, имѣетъ право сдѣлать постановленіе объ оставленіи осужденнаго на испытаніи на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія на законный срокъ и на законныхъ условіяхъ, если приходитъ къ внутреннему убѣжденію, что осужденный принадлежитъ къ числу людей, нравственно не испорченныхъ или мало испорченныхъ, и легко можетъ быть удержанъ отъ новыхъ преступныхъ дѣяній, посредствомъ испытанія, безъ приведенія присужденныхъ наказаній въ исполненіе“.

Уголовный же отдѣлъ особой коммисіи проектируетъ статью другого содержанія.

Онъ говоритъ въ 1-й статьѣ своего проекта: „По дѣламъ о предусмотрѣнныхъ уголовнымъ уложеніемъ или уставами административныхъ и казенныхъ управленій преступныхъ дѣяніяхъ, за учиненіе коихъ виновный присужденъ къ заключенію въ крѣпости или тюрьмѣ на срокъ не свыше одного года, къ аресту на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ или къ денежной пенѣ въ размѣрѣ не свыше пятисотъ рублей, судъ въ правѣ постановить объ отсрочкѣ наказанія, если осужденный, по своему возрасту, состоянію, чистосердечному сознанію и прежнему безупречному поведенію, а равно въ виду

6*

возмѣщенія имъ потерпѣвшему причиненнаго ущерба и другихъ обстоятельствъ, заслуживаетъ такого снисхожденія" (Къ работамъ, ст. 66).

На такую статью уже въ виду вышеизложенныхъ соображеній (ст. 81—82) нельзя согласиться. Однако, ими не исчерпываются ея неудовлетворительныя стороны. У нея есть еще одинъ очень важный недостатокъ. Онъ состоитъ въ томъ, что она совершенно упускаетъ изъ виду необходимость права участія присяжныхъ засѣдателей въ оставленіи подсудныхъ имъ преступниковъ на испытаніи.

Въ самомъ дѣлѣ, въ 1903 году „въ средѣ отдѣла, какъ сказано въ его журналѣ (Къ работамъ, ст. 92), былъ возбужденъ вопросъ и о томъ, не представляется ли цѣлесообразнымъ предоставить право возбуждать ходатайство о назначеніи отсрочки наказанія присяжнымъ засѣдателямъ". „Отдѣлъ, какъ сказано въ томъ же журналѣ, высказался отрицательно, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, отсутствіе по сему предмету какихъ-либо указаній опыта, такъ какъ подобное право не предоставлено присяжнымъ ни въ одномъ изъ западно-европейскихъ кодексовъ". Содержаніе другихъ отрицательныхъ доводовъ не указано.

Нечего и говорить, что, съ точки зрѣнія логики, отсутствіе указаній опыта не можетъ служить основаніемъ къ отрицанію предлагаемой реформы въ области уголовно-судебнаго права, иначе прогрессъ былъ бы здѣсь совершенно не возможенъ. Предлагаемая реформа должна быть основательно обсуждена и оцѣнена по существу. Это особенно важно въ отношеніи къ вопросу объ участіи присяжныхъ въ оставленіи преступниковъ на испытаніи потому, что этотъ вопросъ имѣетъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ усовершенствованія суда присяжныхъ и поднимается не только у насъ, но и въ Западной Европѣ.

Такъ, 17 іюня 1904 г. Р. Пэрэ (R. Péret) внесъ въ французскую палату депутатовъ проектъ закона о реформѣ суда присяжныхъ [1]). Согласно этому проекту, по дѣламъ,

---

[1]) A. R.—Le jury et l'application de la peine. Revue pénitentiaire. Bulletin

подсуднымъ суду присяжныхъ, вопросы о виновности рѣшаются коллегіей присяжныхъ, а вопросы о наказаніи и отсрочкѣ исполненія наказанія—соединенной коллегіей, образованной изъ соединенія коллегіи присяжныхъ съ коллегіей коронныхъ судей, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя послѣдней. Необходимость участія присяжныхъ въ рѣшеніи вопроса объ отсрочкѣ исполненія наказанія не снабжена въ этомъ проектѣ никакой спеціальной мотивировкой. Проектъ Пэрэ отосланъ въ Коммисію судебной реформы и уголовнаго законодательства, а эта Коммисія еще не высказала своего заключенія.

Хотя мысль о привлеченіи присяжныхъ къ участію въ примѣненіи судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ и является новой, тѣмъ не менѣе она заслуживаетъ глубокаго вниманія и, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказывается достойной рѣшительнаго сочувствія.

И дѣйствительно, присяжные, будучи мѣстными жителями и членами различныхъ классовъ населенія, обыкновенно прекрасно знаютъ условія мѣстной жизни, а нерѣдко и самихъ обвиняемыхъ съ ихъ бытовой обстановкой.

Присяжный засѣдатель, занимаясь отправленіемъ своихъ судейскихъ обязанностей не болѣе одной сессіи въ году, обыкновенно относится къ исполненію ихъ съ полной добросовѣстностью, живымъ интересомъ и стремленіемъ къ правдивому рѣшенію вопросовъ виновности.

У присяжнаго, благодаря отсутствію долговременной судейской практики, нѣтъ ни стремленія къ рѣшенію однородныхъ дѣлъ по одному шаблону, ни сложившихся предвзятыхъ убѣжденій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у присяжныхъ нѣтъ и предварительнаго знакомства съ письменнымъ производствомъ по данному дѣлу. Они обыкновенно судятъ о дѣлѣ по доказательствамъ, разсмотрѣннымъ и провѣреннымъ на судебномъ слѣдствіи и освѣщеннымъ рѣчами сторонъ и объясненіями предсѣдателя.

---

de la société générale des prisons. Paris. 1904. p. 1017—1019. „Art. 365.... Le président, s'il y a lieu, appellera le jury à délibérer sur le point de savoir s'il doit être sursis à l'application de la peine" (p. 1019).

При такихъ условіяхъ, становится ясно, что коллегія присяжныхъ, при правильной организаціи суда присяжныхъ и уголовнаго процесса, гораздо способнѣе единоличныхъ профессіональныхъ судей и ихъ коллегій къ правильному рѣшенію не только вопросовъ виновности, но и вопросовъ объ отсутствіи, присутствіи и степени нравственной испорченности обвиняемаго.

Если же коллегіи присяжныхъ предоставить право на признаніе виновнаго достойнымъ испытанія, а на коллегію профессіональныхъ судей или единоличнаго профессіональнаго судью, засѣдающихъ съ коллегіей присяжныхъ, возложить обязанность къ исполненію этого рѣшенія присяжныхъ, то присяжные во многихъ случаяхъ избавятся отъ тяжкаго искушенія выносить оправдательные вердикты такимъ обвиняемымъ, которые, при наличныхъ доказательствахъ, виновны въ преступныхъ дѣяніяхъ, но, по глубокому внутреннему убѣжденію присяжныхъ, достойны освобожденія отъ заслуженнаго наказанія. А замѣна оправдательныхъ вердиктовъ, постановленныхъ вопреки доказанной виновности обвиняемыхъ, обвинительными вердиктами съ оставленіемъ виновныхъ на испытаніи, усилитъ отпоръ преступленію, подниметъ присяжныхъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, возвыситъ уваженіе и довѣріе къ суду присяжныхъ въ средѣ судебнаго сословія, въ средѣ правительства и въ народѣ и въ концѣ концовъ, несомнѣнно, увеличитъ благосостояніе народа.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, мы считаемъ необходимымъ внести въ проектъ закона о судебномъ освободительномъ испытаніи преступниковъ въ Россіи рядъ статей, опредѣляющихъ участіе присяжныхъ засѣдателей въ примѣненіи этого института.

Такъ, въ группѣ проектируемыхъ постановленій, опредѣляющихъ этотъ институтъ, какъ институтъ уголовнаго права, необходимо помѣстить постановленіе слѣдующаго содержанія: „Если коллегія присяжныхъ засѣдателей признала виновнаго достойнымъ испытанія на освобожденіе отъ заслуженнаго наказанія, то окружный судъ, присудивъ виновному узаконенное наказаніе, обязательно дѣлаетъ постановленіе объ остав-

леніи этого лица на испытаніи, на законный срокъ, на законныхъ условіяхъ, на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія, каково бы ни было это наказаніе".

Далѣе, въ группѣ проектируемыхъ постановленій, опредѣляющихъ институтъ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ въ Россіи, какъ институтъ уголовно-судебнаго права, долженъ быть сдѣланъ рядъ постановленій относительно участія присяжныхъ въ оставленіи виновныхъ въ испытаніи.

Сущность этихъ постановленій состоитъ въ слѣдующемъ.

„Коллегія присяныхъ засѣдателей, признавъ обвиняемаго виновнымъ въ преступномъ дѣяніи, имѣетъ право сама поставить вопросъ о томъ, достоинъ ли виновный оставленія на испытаніи на освобожденіе отъ заслуженнаго наказанія".

„Если, при рѣшеніи этого вопроса, вся коллегія присяжныхъ засѣдателей, или большинство ея, или даже половина ея дастъ утвердительный отвѣтъ, то этотъ отвѣтъ считается отвѣтомъ коллегіи присяжныхъ по этому вопросу, и старшина присяжныхъ обязательно пишетъ въ этомъ случаѣ на вопросномъ листѣ, что виновный достоинъ оставленія на испытаніи".

„Если коллегія присяжныхъ засѣдателей признала виновнаго достойнымъ испытанія на освобожденіе отъ заслуженнаго наказанія, то окружный судъ, присудивъ виновному узаконенное наказаніе, обязательно дѣлаетъ постановленіе объ оставленіи этого лица на испытаніи, на законный срокъ, на законныхъ условіяхъ, на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія, каково бы ни было это наказаніе".

„Предсѣдательствующій въ окружномъ судѣ, при объясненіи присяжнымъ засѣдателямъ ихъ правъ и обязанностей, обязанъ объяснить присяжнымъ засѣдателямъ ихъ право участія въ оставленіи виновныхъ на испытаніи на освобожденіе отъ заслуженнаго наказанія".

„Вручая старшинѣ присяжныхъ засѣдателей листъ съ вопросами о винности обвиняемаго, предсѣдательствующій въ окружномъ судѣ обязанъ напомнить присяжнымъ засѣдателямъ объ ихъ правѣ участія въ оставленіи виновнаго на испытаніи на освобожденіе отъ заслуженнаго наказанія".

Что касается до признаковъ, по которымъ слѣдуетъ судить присяжнымъ, достоинъ ли виновный оставленія на испытаніи на освобожденіе отъ заслуженнаго наказанія или нѣтъ, то этихъ признаковъ такъ же, какъ и для уголовнаго суда, два. Таковы: 1) нравственная неиспорченность или, по крайней мѣрѣ, небольшая испорченность виновнаго, и 2) большая вѣроятность удержанія этой личности отъ новыхъ преступныхъ дѣяній, посредствомъ испытанія, безъ приведенія заслуженныхъ наказаній въ исполненіе.

Предсѣдательствующій долженъ указать эти признаки присяжнымъ засѣдателямъ, но въ пользованіи этими признаками присяжные не должны давать никому никакого отчета. Рѣшеніе присяжныхъ—дѣло ихъ совѣсти и ни въ какомъ отношеніи мотивировкѣ не подлежитъ.

Само собою разумѣется, что и уголовный судъ, оставляя виновнаго на испытаніи, на основаніи соотвѣтствующаго рѣшенія присяжныхъ, тоже не мотивируетъ этой мѣры, но указываетъ только, что она принята на основаніи рѣшенія присяжныхъ.

Объ этомъ нечего и говорить въ проектѣ закона; зато полезно помѣстить постановленіе слѣдующаго содержанія: „Если уголовный судъ оставляетъ осужденнаго на испытаніи, по своему собственному усмотрѣнію, то обязательно указываетъ вкратцѣ въ своемъ постановленіи наличность обоихъ законныхъ признаковъ умѣстности испытанія и отмѣчаетъ вкратцѣ доказательства, приведшія судъ къ убѣжденію въ наличности этихъ признаковъ въ данномъ случаѣ“.

Такой краткой мотивировки вполнѣ достаточно для правильнаго апелляціоннаго и кассаціоннаго контроля постановленій уголовнаго суда объ испытаніи преступниковъ. Требованіе же подробной мотивировки только напрасно обременяетъ уголовный судъ, и безъ того заваленный дѣломъ, и, какъ показываетъ практика французскихъ уголовныхъ судовъ, обыкновенно не исполняется.

Признаки умѣстности оставленія преступника на испытаніи, предлагаемые уголовнымъ отдѣломъ особой коммисіи, по образцу норвежскаго закона 2 мая 1894 года (Къ ра-

ботамъ, ст. 74—75.—Ин. системы, ст. 88—89), не могутъ быть признаны удовлетворительными. Они не имѣютъ ни общаго опредѣленнаго содержанія, ни исчерпывающаго значенія. Напротивъ, одни изъ нихъ, а именно—„состояніе и другія обстоятельства“ поражаютъ неопредѣленностью содержанія; другіе же, а именно—„возрастъ, чистосердечное сознаніе, прежнее безукоризненное поведеніе и возмѣщеніе причиненнаго ущерба преступникомъ потерпѣвшему“ страдаютъ казуистическимъ характеромъ и являются шаткими и ненадежными указателями нравственнаго состоянія личности.

Если бы наши уголовные суды, надѣляемые правомъ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ, были устроены вполнѣ согласно съ требованіями доброкачественности уголовнаго правосудія, подъ руководствомъ интересовъ всесторонняго, возможно большаго народнаго благосостоянія, то законодатель, установивъ общіе признаки умѣстности примѣненія системы испытанія къ виновнымъ, не имѣлъ бы никакого основанія опредѣлять, въ видѣ исключеній, какого рода виновные не подлежатъ оставленію на испытаніи. Но не вполнѣ удовлетворительная организація и въ особенности не вполнѣ удовлетворительная обезпеченность самостоятельности даже и этихъ нашихъ уголовныхъ судовъ, съ одной стороны, и разумное стремленіе предохранить наши уголовные суды отъ излишнихъ ошибокъ съ другой—побуждаютъ уменьшить путемъ исключеній кругъ лицъ, изъ котораго уголовнымъ судамъ предоставляется право избирать, по собственному усмотрѣнію, достойныхъ испытанія.

Уголовный отдѣлъ особой коммисіи проектируетъ въ этомъ отношеніи цѣлый рядъ ограничительныхъ исключеній.

Переходя къ нимъ, нельзя прежде всего не обратить вниманія на чрезвычайно важное и оригинальное исключеніе, проектированное уголовнымъ отдѣломъ относительно несовершеннолѣтнихъ, учинившихъ преступныя дѣянія въ возрастѣ отъ десяти до семнадцати лѣтъ. На этихъ лицъ, по проекту уголовнаго отдѣла, институтъ судебнаго освободительнаго испытанія не распространяется.

„Отсрочка наказанія, гласитъ 3-я статья проекта уго-

ловнаго отдѣла (Къ работамъ, с. 66; 86), не можетъ быть предоставлена: а) несовершеннолѣтнимъ, учинившимъ преступное дѣяніе до достиженія семнадцатилѣтняго возраста".

„Отдѣлъ, говорится въ его объясненіяхъ (Къ работамъ, с. 62; 83), принялъ во вниманіе, что уголовное уложеніе, стремясь изыскать способы для борьбы съ преступностью среди малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, не достигшихъ семнадцати лѣтъ, установило въ видѣ общаго правила замѣну имъ всѣхъ срочныхъ исправительныхъ наказаній помѣщеніемъ въ воспитательно-исправительныя заведенія (ст. 55 угол. улож.). Такимъ образомъ, наказаніе, опредѣляемое уложеніемъ для такихъ несовершеннолѣтнихъ, представляется не обыкновеннымъ лишеніемъ свободы, а мѣрой воспитательно-исправительной. Поэтому, согласно убѣжденію отдѣла, едва-ли представлялось бы цѣлесообразнымъ назначать указаннымъ лицамъ отсрочку наказанія взамѣнъ отдачи въ подлежащія заведенія, пребываніе въ которыхъ можетъ имѣть весьма благодѣтельныя послѣдствія въ смыслѣ нравственнаго исправленія молодыхъ преступниковъ. Кромѣ того необходимо имѣть въ виду, что въ исправительныхъ заведеніяхъ примѣняется досрочное освобожденіе въ случаѣ замѣченнаго исправленія и раскаянія".

Вотъ—взглядъ уголовнаго отдѣла; но что можетъ быть несостоятельнѣе?

Устраненіе несовершеннолѣтнихъ, учинившихъ преступныя дѣянія въ возрастѣ отъ десяти до семнадцати лѣтъ, изъ подъ дѣйствія проектируемой системы освободительнаго испытанія преступниковъ составляетъ совершенно оригинальное изобрѣтіе уголовнаго отдѣла, но зато въ высшей степени неудачное.

Въ самомъ дѣлѣ, въ мірѣ нѣтъ ни одного законодательства, которое, установивъ институтъ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ, допустило бы подобное исключеніе. Напротивъ, всѣ законодательства, установляющія этотъ институтъ, всецѣло распространяютъ его дѣйствіе и на несовершеннолѣтнихъ преступниковъ.

Законодательства нѣкоторыхъ изъ Сѣверо-Американскихъ

Соединенныхъ Штатовъ установляютъ институтъ судебнаго освободительнаго испытанія только для преступниковъ юнаго возраста (Ин. системы, с. 33 прим. 2; 48 съ прим. 2).

Система освободительнаго испытанія осужденныхъ преступниковъ, узаконенная въ 1890 году въ одной изъ англійскихъ колоній въ Австраліи, а именно—въ Викторіи, простираетъ свое дѣйствіе только на несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, осужденныхъ въ возрастѣ ниже двадцати одного года (Ин. системы, с. 59).

Итальянскій законъ 1904 года, установивъ систему судебнаго освободительнаго испытанія осужденныхъ преступниковъ со строгимъ предостереженіемъ, расширяетъ предѣлы примѣненія ея для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ моложе восьмнадцатилѣтняго возраста („i minori di diciotto anni".—Ин. системы, с. 115).

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ законодательствахъ, какъ напр., въ англійскомъ (Ин. системы, с. 14), „молодость" признается однимъ изъ обстоятельствъ, благопріятствующихъ оставленію преступника на испытаніи. Такое же значеніе придаютъ молодости, по всей вѣроятности и норвежскій законъ 1894 г. (Ин. системы, с. 88—89) и норвежское уголовное уложеніе 1902 года (с. 92), когда постановляютъ, что, при рѣшеніи вопроса объ оставленіи осужденнаго на испытаніи, уголовный судъ долженъ принимать въ соображеніе между прочимъ и „возрастъ" осужденнаго.

Въ свою очередь, и статистика указываетъ на щедрое примѣненіе судебнаго освободительнаго испытанія къ несовершеннолѣтнимъ преступникамъ. Напр., съ 1 октября 1902 г. по 30 сентября 1903 года включительно городскими, полицейскими и участковыми массачусетскими судами было признано виновными въ преступныхъ дѣяніяхъ и оставлено на испытаніи 8,140 человѣкъ. Изъ нихъ 1,119 лицъ было въ возрастѣ отъ 7 до 17 лѣтъ, 705 лицъ—въ возрастѣ отъ 17 до 21 года, а 6,236 лицъ, принадлежало къ числу совершеннолѣтнихъ (Ин. системы, с. 37; 40).

Это щедрое распространеніе судебнаго освободительнаго испытанія на несовершеннолѣтнихъ преступниковъ въ куль-

турномъ мірѣ какъ со стороны законодателя, такъ и со стороны суда вовсе не является ни случайностью, ни нелѣпостью, но объясняется весьма вѣскими соображеніями.

Въ самомъ дѣлѣ, среди несовершеннолѣтнихъ находится много лицъ, нравственно не испорченныхъ или мало испорченныхъ, вполнѣ удержимыхъ отъ новыхъ преступныхъ дѣяній путемъ правильно устроенной системы испытанія. Эти лица вполнѣ достойны оставленія на испытаніи, и примѣненіе къ нимъ этой мѣры вполнѣ соотвѣтствуетъ интересамъ правильной успѣшной борьбы государства съ преступностью. А такихъ лицъ, конечно, довольно много и среди нашихъ несовершеннолѣтнихъ, учинившихъ преступныя дѣянія до достиженія семнадцатилѣтняго возраста.

Далѣе, заключеніе несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, достойныхъ испытанія, въ наказательно-исправительныя заведенія или, по неправильной терминологіи нашего уголовнаго уложенія, въ воспитательно-исправительныя вовсе не составляетъ примѣненія только воспитательно-исправительной мѣры, но является вмѣстѣ съ тѣмъ и наказаніемъ, а слѣд., и стѣсненіемъ личности. Стѣсненіе же это, при возможности обращенія къ судебному освободительному испытанію, какъ къ цѣлесообразной, но болѣе мягкой принудительной мѣрѣ борьбы съ преступностью, совершенно не нужно для успѣха борьбы съ преступностью и достойно полнѣйшаго порицанія съ точки зрѣнія разумной уголовной политики, руководимой интересами всесторонняго, возможно большаго народнаго благосостоянія.

Кромѣ того, заключеніе несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, достойныхъ испытанія, въ наказательно-исправительныя или, по неправильной терминологіи нашего уголовнаго уложенія, въ воспитательно-исправительныя заведенія, при возможности примѣненія системы испытанія, требуетъ довольно большой, но совершенно непроизводительной затраты народныхъ средствъ. Годовое содержаніе несовершеннолѣтняго преступника въ воспитательно-исправительномъ заведеніи, по разсчету начальника главнаго управленія А. М. Стремоухова въ 1905 году, обходится около 340 рублей [1]). А между

[1]) A. de Strémooukhoff—Exposé sommaire des progrès réalisés en

тѣмъ тяжелое экономическое и финансовое положеніе Россіи настоятельно требуетъ тщательной бережливости въ расходованіи народныхъ средствъ на удовлетвореніе общественныхъ потребностей.

Нашъ уголовный отдѣлъ особой коммисіи поражаетъ и несоотвѣтствіемъ своихъ предположеній съ извѣстными фактами дѣйствительности.

Такъ, онъ признаетъ нецѣлесообразнымъ назначать несовершеннолѣтнимъ, учинившимъ преступныя дѣянія до семнадцатилѣтняго возраста, „отсрочку наказанія взамѣнъ отдачи въ подлежащія заведенія" между прочимъ потому, что эта замѣна лишитъ этихъ лицъ „весьма благодѣтельнаго вліянія", которое „можетъ имѣть и дѣйствительно имѣетъ на этихъ лицъ „пребываніе" въ этихъ заведеніяхъ, какъ горнилахъ „нравственнаго исправленія молодыхъ преступниковъ". А между тѣмъ у насъ въ Россіи, по разсчету начальника главнаго тюремнаго управленія А. М. Стремоухова въ 1905 году [1]), только около 20% изъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и преступницъ отъ десяти до семнадцатитѣтняго возраста, присужденныхъ къ отдачѣ въ воспитательно-исправительныя заведенія, дѣйствительно поступаетъ въ эти заведенія. Около же 80%, за недостаткомъ мѣста, размѣщается, по словамъ А. М. Стремоухова, по арестнымъ домамъ, по особымъ отдѣленіямъ тюрьмъ и даже по тюрьмамъ, гдѣ просто отбываетъ наказаніе, не получая исправительнаго воспитанія („où ils subissent leur peine sans recevoir l'éducation correctionnelle").

Точно также поразительно, съ точки зрѣнія логики, какимъ образомъ условный досрочный отпускъ несовершеннолѣтняго преступника изъ наказательно-исправительнаго заведенія, по отбытіи большей части присужденнаго срока можетъ устранить необходимость въ примѣненіи судебнаго осво-

Russie dans le domaine pénitentiaire depuis le Congrés de Bruxelles. Annexes. I. Aperçu de l'état actuel des établissements d'éducation correctionnelle en Russie. Bulletin de la commission pénitentiaire internationale. Cinquiéme série. Livraison II—1905. 5-e volume. Budapest & Berne. 1905. p. 173.

[1]) A. de Strémooukhoff—Exposé. Annexes. I. Aperçu Bulletin de la com. pén. 5-e vol. Liv. II. p. 175.

бодительнаго испытанія къ несовершеннолѣтнему преступнику, только что приговоренному къ заключенію въ это заведеніе. Условный досрочный отпускъ наказуемаго изъ отбываемаго наказательнаго заключенія и испытаніе осужденнаго, по постановленію уголовнаго суда, на освобожденіе отъ обращенія присужденной кары къ исполненію; это—институты разнаго рода, нисколько не исключающіе другъ друга, но одинаково необходимые въ культурномъ правѣ и отлично уживающіеся другъ съ другомъ у многихъ культурныхъ народовъ, напр., въ Англіи, Массачусетсѣ, Франціи, Бельгіи, Италіи и т. д.

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ проектѣ Ф. І. Гредингера нѣтъ и помину объ исключеніи несовершеннолѣтнихъ изъ подъ дѣйствія проектируемой системы судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ. Это исключеніе—собственное изобрѣтеніе уголовнаго отдѣла.

Отъ перваго исключенія переходимъ ко второму и третьему.

„Отсрочка наказанія, говоритъ 3-я статья проекта уголовнаго отдѣла (Къ работамъ, стр. 66, 86), не можетъ быть предоставлена: . . . . б) лицамъ, уже ранѣе осужденнымъ за тяжкія преступленія или преступленія, хотя бы виновные были освобождены отъ суда (ст. 771, п. 2 уст. угол. суд.), если со времени отбытія ими наказанія или освобожденія отъ суда прошло не болѣе десяти лѣтъ; в) лицамъ уже ранѣе воспользовавшимся отсрочкою наказанія, со времени назначенія коей прошло не болѣе десяти лѣтъ“.

Оба эти исключенія (Къ работамъ, стр. 60—61; 83—84) не вполнѣ удовлетворительны и, съ точки зрѣнія интересовъ народнаго благосостоянія, требующихъ правильной цѣлесообразной борьбы съ преступностью, безъ напраснаго стѣсненія личности, должны быть замѣнены исключеніями слѣдующаго содержанія: „Уголовный судъ, по собственному усмотрѣнію, безъ надлежащаго рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, не имѣетъ права оставить на испытаніи: 1) лицо, которое уже ранѣе подверглось осужденію за преступное дѣяніе къ наказанію не ниже годового заключенія въ тюрьмѣ или крѣпости если со времени помилованія или отбытія наказанія прошло не болѣе трехъ лѣтъ, и 2) лицо, которое уже было

оставлено на испытаніи за учиненіе тождественнаго или однороднаго преступнаго дѣянія, повлекшаго осужденіе къ заключенію въ тюрьмѣ, или въ крѣпости, или въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, или въ исправительномъ домѣ, если прошло не болѣе трѣхъ лѣтъ съ того времени, какъ приговоръ или опредѣленіе суда, постановившіе объ оставленіи этого лица на испытаніи вступили въ законную силу".

Слѣдуетъ замѣтить, что распространеніе этихъ ограничительныхъ постановленій за предѣлы трехлѣтняго срока не имѣетъ основанія. Если новое преступное дѣяніе, допускающее по присужденному наказанію, отдачу виновнаго на испытаніе, учинено по истеченіи вышеозначеннаго трехлѣтняго срока; то въ большинствѣ случаевъ нѣтъ никакого основанія предполагать, что это дѣяніе обязано своимъ происхожденіемъ закоренѣлому личному состоянію преступности, а, слѣд., нѣтъ никакого основанія и отнимать у суда возможность оставленія этой личности на испытаніи.

Четвертое исключеніе, по проекту уголовнаго отдѣла (Къ работамъ, с. 66 ст. 3 п. г.; с. 86, 62—63, 84), относится къ „лицамъ, не явившимся къ судебному разсмотрѣнію дѣла объ учиненномъ ими преступномъ дѣяніи (ст. 133—141², 834¹—834⁹ уст. угол. суд., 1369, 1397, 1400, 1418, 1430, 1456, 1469 уст. угол. суд., по прод. 1902 года, 210—216 прав. о произв. суд. дѣлъ)".

Съ точки зрѣнія правильной цѣлесообразной борьбы государства съ преступностью, это исключеніе не должно имѣть мѣста. Если судъ, при заочномъ разбирательствѣ уголовнаго дѣла, придетъ къ убѣжденію, на основаніи наличныхъ доказательствъ, что не явившійся обвиняемый виновенъ въ преступномъ дѣяніи, но нравственно не испорченъ или мало испорченъ и, по всей вѣроятности, можетъ быть удержанъ отъ новыхъ преступныхъ дѣяній, посредствомъ испытанія; въ такомъ случаѣ судъ, признавъ обвиняемаго виновнымъ, присудивъ наказаніе и не имѣя законнаго препятствія къ оставленію этого лица на испытаніи, имѣетъ полное основаніе сдѣлать постановленіе объ оставленіи этого лица на испытаніи.

Пятое исключеніе, по проекту уголовнаго отдѣла (Къ работамъ, с. 66—67 ст. 3 п. д.; с. 86), имѣетъ отношеніе къ „лицамъ, коимъ заключеніе въ крѣпости опредѣлено вмѣсто ссылки на поселеніе (п. 3 ч. 1 ст. 53 угол. улож.)“.

Это исключеніе является результатомъ наивной непослѣдовательности уголовнаго отдѣла и не должно имѣть мѣста. „Отдѣлъ, говорится въ его журналѣ (Къ работамъ, с. 84), не находя съ своей стороны возможнымъ допустить примѣненіе условнаго осужденія къ преступнымъ дѣяніямъ, за которыя въ уложеніи опредѣлена ссылка на поселеніе, считаетъ соотвѣтственнымъ распространить это изъятіе и на дѣла, по коимъ судъ отъ ссылки на поселеніе перейдетъ къ заключенію въ крѣпости на основаніи п. 3 ч. 1 ст. 53 угол. улож.“. А между тѣмъ уголовный отдѣлъ, поставивъ примѣненіе испытанія къ осужденному въ зависимость отъ рода и размѣровъ присужденнаго наказанія и при томъ сдѣлавъ это въ самомъ своемъ проектѣ закона, логически долженъ былъ держаться этого правила и въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ, которыхъ уголовный судъ приговорилъ, согласно закону, къ заключенію въ крѣпости вмѣсто ссылки на поселеніе.

Шестое исключеніе, по проекту уголовнаго отдѣла (Къ работамъ, с. 67 ст. 3 п. е.; 86, 60, 84), относится къ „лицамъ, признаннымъ виновными въ учиненіи преступныхъ дѣяній въ видѣ промысла или по привычкѣ къ преступной дѣятельности“.

Это исключеніе кажется разумнымъ, а въ дѣйствительности оказывается неправильнымъ и не имѣетъ права на существованіе.

Убѣдиться въ этомъ не трудно. Если учинитель преступныхъ дѣяній въ видѣ промысла или по привычкѣ къ преступной дѣятельности страдаетъ болѣе или менѣе сильной нравственной испорченностью; онъ не достоенъ оставленія на испытаніи. Если же этотъ человѣкъ нравственно не испорченъ или мало испорченъ и легко можетъ быть удержанъ отъ дальнѣйшихъ преступныхъ дѣяній, путемъ испытанія, то онъ вполнѣ достоинъ оставленія на испытаніи, и непримѣненіе къ нему этой мѣры заслуживаетъ полнѣйшаго порицанія,

съ точки зрѣнія разумной уголовной политики, руководимой интересами всесторонняго, возможно большаго народнаго благосостоянія.

Никто не сомнѣвается въ существованіи случаевъ первой категоріи. Однако, и существованіе случаевъ второй не подлежитъ сомнѣнію. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ дѣтскомъ отдѣленіи Тверского дома трудолюбія я самъ видѣлъ крестьянскаго мальчика лѣтъ двѣнадцати, очень симпатичнаго и совершенно не испорченнаго въ нравственномъ отношеніи. А между тѣмъ онъ нѣсколько лѣтъ нищенствовалъ вмѣстѣ съ матерью, частью для пропитанія, частью для добыванія денегъ ея любовнику, и незадолго передъ нашимъ свиданіемъ бѣжалъ изъ сосѣдней губерніи отъ матери, чтобы бросить нищенство, научиться ремеслу и стать человѣкомъ. Если бы этого мальчика передъ его побѣгомъ привлекли къ суду за нищенство, тутъ было бы учиненіе преступнаго дѣянія въ видѣ промысла и по привычкѣ къ преступной дѣятельности, но нравственной испорченности не было бы.

Правда, случаи первой категоріи гораздо чаще случаевъ второй, но это не даетъ права къ пренебреженію случаями второй категоріи, тѣмъ болѣе, что и случаи испытанія на освобожденіе отъ наказанія составляютъ исключеніе по отношенію къ случаямъ примѣненія наказаній.

При такихъ условіяхъ, становится ясно, что учиненіе преступныхъ дѣяній въ видѣ промысла или по привычкѣ къ преступной дѣятельности, ни съ логической, ни съ разумной уголовно-политической точки зрѣнія, не можетъ служить признакомъ исключающимъ оставленіе осужденнаго на испытаніи.

Седьмое исключеніе, по проекту уголовнаго отдѣла (Къ работамъ, с. 67 ст. 3 п. ж; с. 86, 61—62, 84), касается лицъ, присужденныхъ за учиненіе преступныхъ дѣяній, сверхъ личнаго наказанія, къ денежному взысканію въ размѣрѣ свыше пятисотъ рублей.

Съ точки зрѣнія интересовъ народнаго благосостоянія, этому исключенію не можетъ быть дано мѣста въ культурномъ правѣ, такъ какъ наказаніе не должно служить благо-

виднымъ предлогомъ къ наживѣ денегъ съ преступниковъ въ пользу государства или государственныхъ учрежденій.

Восьмое исключеніе, по проекту уголовнаго отдѣла (Къ работамъ, с. 67 ст. 3 п. з; с. 86, 63, 85), относится къ „лицамъ, осужденнымъ за преступныя дѣянія, по которымъ въ уголовномъ уложеніи отвѣтственность особо опредѣлена для служащихъ".

Это исключеніе есть результатъ недоразумѣній и смѣшенія понятій, а потому и не можетъ быть одобрено.

Уголовный отдѣлъ полагаетъ, что примѣненіе освободительнаго испытанія „не должно распространяться на преступныя дѣянія по службѣ, составляющія совершенно спеціальную и обособленную группу посягательствъ, какъ въ виду самой ихъ природы, такъ и въ силу того, что назначеніе отсрочки наказанія будетъ лишено всякаго практическаго значенія въ тѣхъ случаяхъ, когда начальство осужденнаго должностного лица признаетъ необходимымъ уволить послѣднее отъ должности или даже отъ службы".

А между тѣмъ, съ научной точки зрѣнія, въ преступныхъ дѣяніяхъ по службѣ нѣтъ ровно никакой особенности, препятствующей примѣненію системы судебнаго освободительнаго испытанія къ осужденнымъ.

Практическое же значеніе, несомнѣнно, сохраняется за судебнымъ освободительнымъ испытаніемъ преступника даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда начальство этого лица признаетъ необходимымъ уволить это лицо отъ должности или даже отъ службы. Это практическое значеніе состоитъ въ освобожденіи осужденнаго, въ случаѣ выдержки испытанія, отъ обязанности къ отбытію наказанія, присужденнаго уголовнымъ судомъ за преступное дѣяніе по службѣ. Нельзя смѣшивать понятій. Борьба государства съ преступностью въ области государственной и общественной службы и охраненіе доброкачественности служащаго персонала начальствомъ, это— дѣятельности различныхъ разрядовъ. Онѣ близко соприкасаются другъ съ другомъ въ однихъ случаяхъ и не имѣютъ ничего общаго въ другихъ. Если самый лучшій изъ чиновниковъ государственнаго контроля ослѣпнетъ и по истеченіи закон-

наго срока не выйдетъ въ отставку, начальство обязано будетъ уволить его законнымъ порядкомъ отъ службы, хотя слѣпота—несчастье, а не преступленіе.

Девятое исключеніе, по проекту уголовнаго отдѣла (Къ работамъ, с. 67 ст. 3 п. 8; с. 86, 58, 84), простирается на лицъ, признанныхъ виновными въ учиненіи преступныхъ дѣяній, которыя подлежатъ вѣдѣнію и разсмотрѣнію суда не иначе, какъ по жалобамъ потерпѣвшихъ, и могутъ быть оканчиваемы примиреніемъ".

На это исключеніе нельзя согласиться.

Съ точки зрѣнія разумной уголовной политики, руководимой интересами всесторонняго, возможно большаго народнаго благосостоянія, всѣ принудительныя мѣры борьбы государства съ преступностью, воплощаются ли онѣ въ формѣ наказанія или въ формѣ испытанія на освобожденіе отъ наказанія, должны быть слугами народа и его благосостоянія, а не рабами интересовъ какого бы то ни было сословія, или класса, или группы лицъ, или отдѣльнаго лица. Съ этой единственно правильной точки зрѣнія въ культурномъ государствѣ, выборъ той или другой принудительной мѣры для борьбы съ преступностью даннаго лица долженъ производиться надлежащимъ представителемъ народа, спеціалистомъ, т. е. уголовнымъ судомъ, въ интересахъ народнаго благосостоянія, соотвѣтственно личному состоянію преступности виновнаго и требованіямъ цѣлесообразности, соразмѣрности и уравнительности, безъ всякихъ поползновеній къ удовлетворенію чувства мести потерпѣвшаго.

Все, что можно сдѣлать культурному государству въ пользу потерпѣвшаго отъ какого-нибудь изъ дѣяній, подлежащихъ уголовному преслѣдованію лишь въ порядкѣ частнаго обвиненія, это установить двѣ мѣры.

Первая состоитъ въ томъ, чтобы предоставить потерпѣвшему право ходатайства передъ уголовнымъ судомъ объ оставленіи виновнаго на испытаніи и вмѣнить удовлетвореніе этого ходатайства, при отсутствіи законнаго препятствія, въ обязанность уголовному суду.

А вторая заключается въ томъ, чтобы предоставить уго-

ловному суду право оставлять осужденнаго на испытаніи подъ особымъ добавочнымъ условіемъ. Оно состоитъ въ томъ, чтобы виновный немедленно или въ опредѣленные судомъ сроки во время испытанія устранилъ гражданскій вредъ, нанесенный преступнымъ дѣяніемъ. Въ случаѣ же неисполненія этого условія преступникомъ, безъ уважительной причины, судъ признаетъ испытаніе не выдержаннымъ и постановляетъ опредѣленіе объ обращеніи присужденнаго наказанія къ исполненію.

Эта мѣра, какъ въ интересахъ увеличенія невыгодности преступныхъ дѣяній для преступниковъ, такъ и въ интересахъ избавленія жертвъ преступленія отъ гражданскаго вреда, должна быть узаконена относительно всякихъ преступныхъ дѣяній, наносящихъ гражданскій вредъ потерпѣвшимъ, безразлично къ тому, подлежатъ ли эти дѣянія уголовному преслѣдованію въ порядкѣ публичнаго обвиненія, или частнаго, или частно-публичнаго.

Въ виду этихъ соображеній, необходимо сдѣлать въ проектѣ закона о судебномъ освободительномъ испытаніи преступниковъ два слѣдующихъ постановленія.

„Если преступное дѣяніе принадлежитъ къ числу тѣхъ, по которымъ уголовное преслѣдованіе можетъ быть прекращено, согласно закону, примиреніемъ сторонъ: то, въ случаѣ просьбы потерпѣвшаго объ оставленіи виновнаго на испытаніи, судъ, при отсутствіи законнаго препятствія, обязанъ удовлетворить эту просьбу“.

„Суду предоставляется право оставить осужденнаго на испытаніи на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія подъ тѣмъ условіемъ, чтобы тотъ въ назначенный судомъ срокъ или сроки, во время испытанія, устранилъ или возмѣстилъ потерпѣвшему гражданскій вредъ, нанесенный преступнымъ дѣяніемъ. Въ случаѣ неисполненія этого условія преступникомъ, безъ уважительной причины, судъ постановляетъ опредѣленіе объ обращеніи наказанія, присужденнаго за это преступное дѣяніе къ исполненію“.

Наконецъ, десятое и притомъ послѣднее исключеніе, по проекту уголовнаго отдѣла (Къ работамъ, с. 67 ст. 3 п. і;

с. 86—87), относится къ „лицамъ, признаннымъ виновными въ учиненіи одного изъ преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ ст. 103, 104, 106, 107, 112—114, 120—122, 124, 125, 127, 129, 130, 132—137, 142—148, 154 (ч. 3 и 4), 155, 163, 164, 166 (ч. 3), 168 (ч. 3) и 173 (ч. 4) уголовнаго уложенія".

На какомъ разумномъ основаніи сдѣлано это исключеніе, этого уголовнымъ отдѣломъ не указано (Къ работамъ, с. 63; 85—86) и не можетъ быть указано, такъ какъ такого основанія нѣтъ въ дѣйствительности. Напротивъ, съ точки зрѣнія разумной уголовной политики, руководимой интересами всесторонняго, возможно большаго народнаго благосостоянія, такому исключенію не можетъ быть мѣста въ законодательствѣ культурнаго народа.

Въ самомъ дѣлѣ, среди людей, присуждаемыхъ за только что указанныя государственныя, противоправительственныя и другія преступныя дѣянія къ наказаніямъ, допускающимъ по роду и размѣру испытаніе виновныхъ на освобожденіе отъ наказанія, особенно среди увлекающейся молодежи, есть не мало лицъ, нравственно не испорченныхъ или мало испорченныхъ, вполнѣ удержимыхъ отъ дальнѣйшихъ преступныхъ дѣяній, посредствомъ испытанія. Эти лица вполнѣ достойны испытанія, и примѣненіе къ нимъ этой мѣры вполнѣ соотвѣтствуетъ интересамъ всесторонняго, возможно большаго народнаго благосостоянія, какъ по своей цѣлесообразности, соразмѣрности съ виновностью, уравнительности и успѣшности въ борьбѣ государства съ преступностью, такъ и по своей гуманности, отсутствію озлобляющаго вліянія и уваженія къ личности.

Осуществленіе же наказанія, при возможности успѣшнаго обращенія къ испытанію на освобожденіе отъ наказанія, производитъ стѣсненіе личности, совершенно не нужное для правильной успѣшной борьбы государства съ преступностью и заслуживаетъ полнѣйшаго порицанія съ точки зрѣнія уголовной политики, руководимой интересами народнаго благосостоянія.

Указавъ надлежащія исключенія, ограничивающія кругъ

лицъ, изъ которыхъ уголовный судъ имѣетъ право избирать достойныхъ оставленія на испытаніи, замѣтимъ, что ни одно изъ этихъ исключеній не должно имѣть мѣста относительно присяжныхъ засѣдателей. Присяжные имѣютъ право признать въ своемъ рѣшеніи достойнымъ испытанія и такое лицо, которое подходитъ подъ исключенія, узаконенныя для уголовнаго суда, и судъ, при отсутствіи другихъ законныхъ препятствій, обязанъ сдѣлать постановленіе объ оставленіи этого лица на испытаніи. Это положеніе вещей необходимо, чтобы удержать присяжныхъ отъ вредной замѣны обвинительныхъ вердиктовъ съ испытаніемъ виновнаго оправдательными вердиктами относительно такихъ лицъ, которыя, при всей ихъ доказанной виновности, заслуживаютъ, по убѣжденію присяжныхъ, освобожденія отъ наказанія.

На основаніи этихъ соображеній, вслѣдъ за проектированными постановленіями, ограничивающими примѣненіе судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ для уголовнаго суда, необходимо сдѣлать оговорку слѣдующаго содержанія: „Эти ограниченія не имѣютъ силы относительно присяжныхъ засѣдателей. Если присяжные засѣдатели признаютъ достойнымъ испытанія лицо, подходящее подъ эти ограниченія, то окружный судъ, присудивъ виновному наказаніе, обязанъ сдѣлать постановленіе объ оставленіи этого лица на испытаніи на освобожденіе отъ присужденнаго нанаказанія".

Обращаясь къ условіямъ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ, мы должны прежде всего остановиться на срокахъ испытанія.

Въ интересахъ наибольшей успѣшности примѣненія этого института необходимо, чтобы испытаніе преступника на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія назначалось на опредѣленный срокъ.

Законодатель долженъ опредѣлить въ общемъ видѣ наименьшіе и наибольшіе предѣлы испытательныхъ сроковъ по отношенію къ различнымъ категоріямъ присужденныхъ наказаній и предоставить уголовному суду точное опредѣленіе

испытательнаго срока внутри этихъ предѣловъ для каждаго лица, оставляемаго на испытаніи.

Уголовный отдѣлъ особой коммисіи, „примѣняясь къ указаннымъ въ ст. 68 уголовнаго уложенія срокамъ давности, устраняющимъ исполненіе наказанія, опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ“ (Къ работамъ, с. 63), полагаетъ, что „отсрочка наказанія“ должна назначаться уголовнымъ судомъ „на три года, если виновный присужденъ къ таковому за учиненіе проступка, и на пять лѣтъ, если онъ присужденъ къ наказанію за учиненіе преступленія“ (с. 66, ст. 2).

Не трудно замѣтить, что такой счетъ испытательныхъ сроковъ является неправильнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, установляя институтъ испытанія преступниковъ на освобожденіе отъ присужденныхъ наказаній, было бы весьма желательно сообразовать сроки испытанія съ личными состояніями преступности осужденныхъ. Но эти состоянія, будучи психическими явленіями, представляютъ собой матеріалъ, весьма неудобный для вычисленія. Зато они болѣе или менѣе ярко и сильно отражаются на родѣ и размѣрѣ присужденныхъ наказаній, а эти наказанія даютъ прекрасный матеріалъ для измѣренія. Поэтому, и масштабомъ для вычисленія продолжительности сроковъ испытанія должна служить относительная тяжесть присужденныхъ наказаній.

Далѣе, установляя опредѣленный срокъ уголовно-исполнительной давности относительно наказаній опредѣленной группы, необходимо принимать въ разсчетъ, что между лицами, достойными этихъ наказаній, будутъ люди, и нравственно не испорченные, и мало испорченные, и сильно испорченные. Установляя же институтъ испытанія для преступниковъ, присужденныхъ къ наказаніямъ той же группы, необходимо имѣть въ виду, что при правильномъ образѣ дѣйствій уголовнаго суда, огромное большинство изъ лицъ, оставленныхъ на испытаніи, по присужденіи къ наказаніямъ этой группы, будетъ состоять изъ людей, нравственно не испорченныхъ и мало испорченныхъ. Поэтому, при правильномъ распредѣленіи продолжительности сроковъ, сроки уголовно-исполнительной давности необходимо должны быть гораздо

продолжительнѣе сроковъ испытанія на освобожденіе отъ наказаній той же самой группы.

Наконецъ, при опредѣленіи продолжительности сроковъ испытанія въ Россіи, слѣдуетъ принять во вниманіе, что судебная практика массачусетскихъ уголовныхъ судовъ, при дѣятельномъ участіи института испытательныхъ чиновниковъ, рѣшительно склонилась къ сравнительно краткимъ срокамъ испытанія. Напр., въ 1897 году въ Массачусетсѣ городскіе, полицейскіе и участковые суды назначали испытаніе на пять или на десять недѣль, а высшій судъ—на годъ. Въ 1898 году срокъ испытанія, назначаемый массачусетскими городскими, полицейскими и участковыми судами, обыкновенно не превосходилъ трехъ мѣсяцевъ, а высшіе массачусетскіе суды обыкновенно назначали испытаніе на годъ (Ин. системы, ст. 30—31). Въ свою очередь, В. Таллакъ, основываясь на докладахъ, сообщенныхъ ему въ послѣдніе годы изъ Америки генераломъ Бринкергофомъ, пишетъ изъ Англіи въ 1905 году, что срокъ испытанія назначается американскими судами на различное время отъ шести до двѣнадцати мѣсяцевъ (Ин. системы, с. 31 прим. 2).

Принимая во вниманіе эти данныя и проектированныя нами постановленія о примѣненіи освободительнаго испытанія преступниковъ уголовнымъ судомъ безъ присяжныхъ и съ присяжными, мы находимъ необходимымъ предложить относительно сроковъ испытанія слѣдующее постановленіе: „Срокъ испытанія осужденному назначается уголовнымъ судомъ въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ. Если виновный присужденъ къ какому бы то ни было наказанію ниже шестимѣсячнаго заключенія въ тюрьмѣ или въ крѣпости, въ качествѣ главнаго наказанія, или приговоренъ къ заключенію въ наказательно-исправительномъ заведеніи, или въ особомъ отдѣленіи тюрьмы или арестнаго дома, или въ монастырѣ; то судъ назначаетъ испытаніе на срокъ не ниже двухъ мѣсяцевъ и не выше одного года. Если виновный присужденъ къ заключенію въ тюрьмѣ, или въ крѣпости, или въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, или въ исправительномъ домѣ, въ качествѣ главнаго наказанія, на срокъ не

ниже шести мѣсяцевъ и не выше одного года, то судъ назначаетъ испытаніе на срокъ не ниже шести мѣсяцевъ и не выше полутора года. Если же виновный присужденъ къ наказанію выше годового заключенія въ тюрьмѣ, или въ крѣпости, или въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, или въ исправительномъ домѣ, то судъ назначаетъ испытаніе на срокъ не ниже одного года и не выше двухъ лѣтъ".

Отъ сроковъ испытанія переходимъ къ добавочнымъ обуздывающимъ условіямъ.

При простомъ устройствѣ системы испытанія преступниковъ на освобожденіе отъ присужденныхъ наказаній, безъ искусственнаго уменьшенія и увеличенія обуздывающихъ вліяній, преступникъ находится во время испытанія подъ двойнымъ давленіемъ.

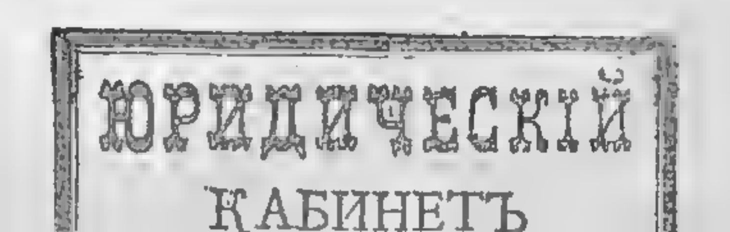
Во первыхъ, оказываетъ давленіе нависшая угроза приведенія присужденныхъ наказаній въ исполненіе. Она грозитъ своимъ осуществленіемъ въ томъ случаѣ, если преступникъ учинитъ во время испытанія какое-нибудь дальнѣйшее уголовное правонарушеніе.

Во вторыхъ, оказываетъ давленіе и надежда на избавленіе отъ присужденныхъ наказаній навсегда, если преступникъ не учинитъ во время испытанія никакого преступнаго дѣянія.

Это двойное давленіе способствуетъ удержанію преступника во время испытанія отъ учиненія дальнѣйшихъ преступныхъ дѣяній или, короче сказать, оказываетъ обуздывающее вліяніе.

Это обуздывающее вліяніе свойственно всякому институту испытанія преступниковъ на освобожденіе отъ присужденныхъ наказаній, если только онъ не подвергнутъ искусственнымъ ограниченіямъ, уменьшающимъ это вліяніе, а потому и можетъ быть признано нормальнымъ или обыкновеннымъ обуздывающимъ вліяніемъ.

Этого нормальнаго обуздывающаго вліянія испытательной системы совершенно достаточно во многихъ случаяхъ для того, чтобы удержать осужденнаго отъ дальнѣйшихъ преступ-

ныхъ дѣяній, какъ въ теченіе испытанія, такъ и въ послѣдующее время.

Но можетъ быть не мало и такихъ случаевъ, гдѣ нормальное обуздывающее вліяніе системы испытанія является недостаточно сильнымъ или, по крайней мѣрѣ, недостаточно надежнымъ для достиженія этой цѣли, гдѣ въ огражденіе народонаселенія отъ дальнѣйшихъ преступныхъ дѣяній осужденнаго, необходимо болѣе сильное обуздывающее вліяніе, между тѣмъ какъ отказъ отъ примѣненія системы испытанія и обращеніе къ исполненію наказанія, съ точки зрѣнія интересовъ народнаго благосостоянія, не желательны.

Единственный правильный выходъ изъ этого затрудненія состоитъ въ томъ, что нормальное обуздывающее вліяніе системы испытанія подвергается различнымъ увеличеніямъ посредствомъ введенія добавочныхъ обуздывающихъ условій законодателемъ въ самый строй ея.

Добавочныя обуздывающія условія должны быть введены и въ институтъ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ, проектируемый для Россіи. Въ обезпеченіе же наиболѣе правильнаго пользованія этими условіями, примѣненіе ихъ на дѣлѣ должно быть предоставлено уголовному суду: въ большинствѣ случаевъ—въ видѣ права, а въ меньшинствѣ—въ видѣ обязанности. Право будетъ общимъ правиломъ, а обязанность—исключеніемъ.

Такихъ добавочныхъ обуздывающихъ условій должно быть узаконено десять.

Двумя первыми служатъ два связанныхъ между собою обязательства со стороны осужденнаго.

Первымъ выступаетъ обязательство непреступнаго поведенія, т. е. обѣщаніе осужденнаго уголовному суду не учинять никакихъ преступныхъ дѣяній во время назначеннаго испытательнаго срока.

Вторымъ же является обязательство неустойки, т. е. обѣщаніе осужденнаго уголовному суду уплатить въ пользу государства заранѣе опредѣленную этимъ судомъ посильную сумму денегъ въ томъ случаѣ, если это лицо, вопреки своему обѣщанію непреступнаго поведенія, учинитъ какое-нибудь

преступное дѣяніе во время назначеннаго испытательнаго срока.

Хотя неустоечная сумма и опредѣляется уголовнымъ судомъ, по его усмотрѣнію, но судъ долженъ сообразовать ея величину съ платежной способностью осужденнаго и не назначать такихъ неустоекъ, которыя были бы разорительны или слишкомъ обременительны для плательщика. Недобросовѣстный плательщикъ согласится на всякую неустойку въ полной увѣренности, что все равно не произведетъ расплаты, а добросовѣстный предпочтетъ отказаться отъ оставленія на испытаніи, лишь бы не подвергать себя и своей семьи риску взысканія непомѣрной неустойки.

Обязательства непреступнаго поведенія и неустойки приняты, въ качествѣ добавочныхъ обуздывающихъ условій, при институтѣ испытанія на освобожденіе отъ присудимаго наказанія: въ Англіи (Ин. системы, с. 12—13; 14—15), въ Канадѣ (с. 18) и въ Восточной Австраліи (с. 18), и при институтѣ испытанія на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія: въ Квинслэндѣ (с. 55), въ Викторіи (с. 59) и въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ (с. 60).

Третье добавочное обуздывающее условіе состоитъ въ обѣщаніи осужденнаго уголовному суду воздерживаться отъ употребленія спиртныхъ напитковъ въ теченіе испытательнаго срока. Обѣщаніе этого рода принято, въ качествѣ добавочнаго обуздывающаго условія, въ Массачусетсѣ, при институтѣ испытанія на освобожденіе отъ присудимаго наказанія (Ин. системы, с. 29; 152—153), и можетъ быть употребляемо, по усмотрѣнію суда, при институтѣ испытанія на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія (с. 49—50).

Четвертымъ добавочнымъ обуздывающимъ условіемъ служитъ обѣщаніе осужденнаго уголовному суду удалиться изъ опредѣленной мѣстности и не возвращаться въ нее въ теченіе назначеннаго испытательнаго срока. Обѣщанія этого рода берутся иногда въ Массачусетсѣ, при испытаніи на освобожденіе отъ присудимаго наказанія (Ин. системы, с. 27; 29; 152—153) и могутъ быть принимаемы, по усмотрѣнію суда, при испытаніи на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія (с. 49—50).

Пятымъ добавочнымъ обуздывающимъ условіемъ является обѣщаніе осужденнаго уголовному суду поступить на время испытанія или на нѣкоторую часть этого времени въ опредѣленное лѣчебное заведеніе, напр., въ лѣчебницу для алкоголиковъ или въ опредѣленное благотворительное заведеніе, напр., въ домъ трудолюбія. Обѣщаніе этого рода принято въ качествѣ добавочнаго обуздывающаго условія. Въ Массачусетсѣ, при институтѣ испытанія на освобожденіе отъ присудимаго наказанія (Ин. системы, с. 152—153), и можетъ быть употребляемо, по усмотрѣнію суда, при испытаніи на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія (с. 49—50).

Шестымъ добавочнымъ обуздывающимъ условіемъ выступаетъ ручательство надежнаго человѣка или юридическаго лица, напр., правленія благотворительнаго общества, за неучиненіе осужденнымъ никакихъ преступныхъ дѣяній въ теченіе назначеннаго испытательнаго срока, безъ поручительства въ уплатѣ неустойки.

Седьмымъ добавочнымъ обуздывающимъ условіемъ служитъ поручительство надежнаго человѣка или юридическаго лица въ неучиненіи осужденнымъ никакихъ преступныхъ дѣяній во времена назначеннаго испытанія, скрѣпленное обязательствомъ уплаты неустоечныхъ денегъ, обѣщанныхъ преступникомъ и подлежащихъ взысканію съ него въ случаѣ учиненія этимъ лицомъ какого нибудь преступнаго дѣянія въ теченіе назначеннаго испытательнаго срока. Если оставленный на испытаніи учинитъ въ теченіе испытательнаго срока какое нибудь преступное дѣяніе и скроется отъ суда или не уплатитъ своей неустойки или какой нибудь ея части, то эта неустойка, а въ послѣднемъ случаѣ не уплаченная часть ея взыскивается съ поручителя.

Поручительство этого рода принято, при институтѣ испытанія на освобожденіе отъ присудимаго наказанія, въ Англіи (Ин. системы, с. 10; 12—13; 14—15), въ Канадѣ (с. 18) и въ Восточной Австраліи (с. 18).

Восьмое добавочное обуздывающее условіе испытанія намъ уже извѣстно (выше, с. 99—100). Этимъ условіемъ служитъ гражданская обязанность къ устраненію гражданскаго вреда

въ назначенный уголовнымъ судомъ срокъ или сроки въ теченіе испытанія, наложенная этимъ судомъ на осужденнаго преступника по отношенію къ гражданскому вреду, нанесенному преступнымъ дѣяніемъ этого лица.

Наконецъ, девятымъ и десятымъ добавочными обуздывающими условіями испытанія являются: обязанность несовершеннолѣтняго преступника къ пребыванію въ теченіе испытательнаго срока подъ надзоромъ испытательнаго чиновника или чиновницы, съ обязанностью воздержанія отъ дурного поведенія, обнаруживающаго склонность къ преступнымъ дѣяніямъ, если этотъ несовершеннолѣтній оставленъ на испытаніи въ такой мѣстности, гдѣ, въ видѣ исключенія, введены спеціальные органы испытанія. Уголовный судъ, оставляя несовершеннолѣтняго преступника на испытаніи въ такой мѣстности, гдѣ, въ видѣ исключенія, введены спеціальные испытательные органы, обязанъ отдать это лицо на время испытанія подъ надзоръ испытательнаго органа и обязать къ воздержанію отъ дурного поведенія, обнаруживающаго склонность къ преступнымъ дѣяніямъ.

Обоснованіе двухъ послѣднихъ добавочныхъ условій испытанія не представляетъ затрудненій.

Въ интересахъ всесторонняго, возможно большаго народнаго благосостоянія необходимо, чтобы борьба съ преступностью несовершеннолѣтнихъ была устроена соотвѣтственно народнымъ средствамъ, безъ чрезмѣрнаго обремененія ихъ. Но въ то же время необходимо, чтобы эта борьба была организована сообразно съ цѣлью правильнаго и успѣшнаго предупрежденія дальнѣйшихъ преступныхъ дѣяній со стороны этихъ лицъ и при томъ не иначе, какъ съ обезпеченіемъ нравственнаго и религіознаго воспитанія этимъ лицамъ и, по меньшей мѣрѣ, первоначальнаго образованія и обученія ремеслу или промыслу, способному дать честный заработокъ рабочему.

Съ этой точки зрѣнія, прежде всего требуется тщательно изслѣдовать, кто изъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, подлежащихъ, на основаніи закона, денежнымъ штрафамъ или наказательно-исправительному заключенію, или другимъ

равносильнымъ или болѣе тяжкимъ наказаніямъ, нравственно не испорченъ или мало испорченъ и можетъ быть, съ большою вѣроятностью, удержанъ отъ дальнѣйшихъ преступныхъ дѣяній, путемъ испытанія, безъ приведенія присужденныхъ наказаній въ исполненіе.

Такихъ лицъ слѣдуетъ оставлять на испытаніи, но въ то же время не бросать на произволъ судьбы, а обезпечивать, по мѣрѣ надобности, религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ, надлежащимъ образованіемъ и техническимъ обученіемъ и отдавать подъ надзоръ надежныхъ людей, способныхъ правильно наблюдать за поведеніемъ этихъ лицъ и, въ случаѣ дурного поведенія, обнаруживающаго склонность къ преступнымъ дѣяніямъ, немедленно привлекать къ суду для рѣшенія вопроса объ обращеніи присужденнаго наказанія къ исполненію.

Выполненіе этихъ сложныхъ задачъ, относящихся частью къ уголовно-судебному праву, частью къ уголовно-исполнительному, лучше всего ввѣрить спеціальному государственному учрежденію, извѣстному подъ именемъ института испытательныхъ чиновниковъ. Въ личный же составъ этого института должны входить не только лица мужского пола, но и лица женскаго пола съ помощниками и помощницами. Насколько первые хороши относительно несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, настолько вторыя—относительно несовершеннолѣтнихъ преступницъ.

Институтъ спеціальныхъ государственныхъ органовъ испытанія, извѣстныхъ подъ именемъ испытательныхъ чиновниковъ, дѣйствуетъ въ Массачусетсѣ (Ин. системы с. 23—43; 49—51; 152—153), въ нѣкоторыхъ изъ другихъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ (с. 43—44; 47—49; 51) и въ Новой Зеландіи (с. 44—47) и, какъ видно изъ массачусетскихъ отчетовъ за многіе годы (с. 27—43), даетъ въ общемъ итогѣ прекрасные результаты какъ въ отношеніи къ несовершеннолѣтнимъ, такъ и въ отношеніи къ совершеннолѣтнимъ.

За введеніе этого института относительно несовершенно-

лѣтнихъ преступниковъ въ Англіи [1]) и вообще въ культурныхъ странахъ [2]) рѣшительно высказывается въ послѣднее время В. Таллакъ.

Что касается Россіи, то здѣсь можно говорить о введеніи института испытательныхъ чиновниковъ только, въ видѣ исключенія, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

Россія стоитъ въ такомъ тяжеломъ экономическомъ и финансовомъ положеніи, что о повсемѣстномъ введеніи этого института для несовершеннолѣтнихъ и совершеннолѣтнихъ преступниковъ не можетъ быть и рѣчи.

За недостаткомъ средствъ не возможно повсемѣстное введеніе этого института даже для несовершеннолѣтнихъ. Но у насъ есть богатые города, какъ напр., Петербургъ, Москва. Они могутъ, въ случаѣ желанія, дать средства на содержаніе этого института для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, оставляемыхъ на испытаніи въ предѣлахъ ихъ городской территоріи.

Однихъ матеріальныхъ средствъ, однако, еще недостаточно для обезпеченія правильности и успѣшности дѣйствія этого института. Необходимо поставить этотъ институтъ въ такое положеніе, чтобы онъ широко пользовался сочувствіемъ и поддержкой со стороны мѣстнаго уголовнаго суда, мѣстнаго самоуправленія и общественнаго мнѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ находился бы и подъ ихъ дѣйствительнымъ энергичнымъ контролемъ.

Всѣ эти благопріятныя условія совмѣщаются въ настоящее время только въ очень немногихъ богатыхъ городахъ, гдѣ есть городское самоуправленіе и выборные мировые судьи. Поэтому, только въ этихъ городахъ, въ видѣ исключенія, и можетъ быть введенъ у насъ институтъ испытательныхъ чиновниковъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ.

---

[1]) M. Tallack.—Jennes détenus, maisons de corrections et „probation officers". Revue pénitentiaire. Paris. 1905. p. 277.

[2]) M. Tallack.—Les Congrès péniientiaire internationaux et les progrès qui s'y rattachent. Bullelin de la com. pén. intern. Cinquième série. Livraison II—1905. 2-e vol. Budapest & Berne. 1905. p. 130.

Возвращаясь къ добавочнымъ обуздывающимъ условіямъ испытанія, мы должны отмѣтить, что ни одно изъ десяти рекомендуемыхъ нами условій не было предложено ни Ф. І. Гредингеромъ, ни уголовнымъ отдѣломъ особой коммисіи. За то уголовный отдѣлъ придумалъ свое добавочное обуздывающее условіе—залогъ въ размѣрѣ не свыше пятисотъ рублей. При оставленіи осужденнаго на испытаніи, по словамъ 2-й статьи проекта уголовнаго отдѣла (къ работамъ ст. 66; 82), „суду, сверхъ того, предоставляется потребовать отъ осужденнаго, по своему усмотрѣнію, представленія залога въ размѣрѣ не свыше пятисотъ рублей".

Это право суда, по объясненію уголовнаго отдѣла (Къ работамъ, ст. 60; 77), должно быть обусловлено „обязанностью суда убѣдиться въ возможности для осужденнаго, по степени его состоятельности, исполнить предъявленное ему требованіе о внесеніи залога".

Если осужденный выдержитъ испытаніе, то „представленный. . . залогъ (ст. 2) возвращается ему по опредѣленію суда" (Къ работамъ, с. 67 ст. 6; с. 89). Если же не выдержитъ, то „представленный. . . залогъ (ст. 2) обращается на устройство мѣстъ заключенія (п. 2 ст. 33 угол. улож.)" [Къ работамъ, с. 67 ст. 7; 89].

Если обратимъ вниманіе на иностранныя законодательства, узаконивающія институтъ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ, то тотчасъ замѣтимъ, что ни одно изъ нихъ не оставитъ залога въ число добавочныхъ обуздывающихъ условій испытанія.

И это не случайность. Огромное большинство преступниковъ принадлежитъ къ числу людей безъ обезпеченныхъ средствъ существованія. Только меньшинство имѣетъ средства, но и то обыкновенно не большія. А люди со средствами, въ свою очередь, не всегда имѣютъ свободныя деньги въ рукахъ для внесенія залога. Постороннія же лица обыкновенно неохотно рѣшаются вносить свои деньги (отъ своего имени или отъ имени обвиняемаго) уголовному суду, въ качествѣ залога, въ обезпеченіе явки обвиняемаго къ суду. Такого же образа дѣйствій слѣдуетъ ожидать отъ постороннихъ лицъ и

въ отношеніи къ внесенію залога въ обезпеченіе непреступнаго поведенія со стороны осужденнаго преступника въ теченіе испытательнаго срока, съ рискомъ потери этого залога въ случаѣ учиненія какихъ-нибудь преступныхъ дѣяній въ это время этимъ лицомъ.

При такомъ положеніи вещей, требованіе о внесеніи залога, въ качествѣ добавочнаго обуздывающаго условія, при оставленіи осужденнаго на испытаніи, очевидно, поставитъ это лицо въ большинствѣ случаевъ въ очень затруднительное положеніе, повлечетъ во многихъ случаяхъ приведеніе присужденнаго наказанія въ исполненіе, за непредставленіемъ залога, и обратитъ испытаніе съ залогомъ въ привилегію преступниковъ съ богатыми средствами или богатыми связями.

Если бы кромѣ залога не существовало никакого иного добавочнаго обуздывающаго условія, то, въ видѣ исключенія, пришлось бы допустить и залогъ. Но, кромѣ залога, есть и другія добавочныя условія, легко доступныя лицамъ, оставляемымъ на испытаніи, доказавшія свою обуздывающую силу на дѣлѣ и широко распространенныя, какъ при институтѣ испытанія на освобожденіе присудимаго наказанія: въ Англіи (Ин. системы, с. 12—13; 14—15), въ Канадѣ (с. 18) и Восточной Австраліи (с. 18), такъ и при институтѣ испытанія на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія: въ Квинслэндѣ (с. 55), въ Викторіи (с. 59) и въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ (с. 60). Это — обязательство непреступнаго поведенія со стотороны виновнаго съ обязательствомъ неустойки.

Обуздывающее дѣйствіе этихъ двухъ обязательствъ можетъ быть еще болѣе усилено присоединеніемъ къ нимъ еще третьяго, также испытаннаго обязательства, а именно—поручительства въ непреступномъ поведеніи виновнаго и въ уплатѣ неустойки (выше с. 106—107).

Въ виду этихъ обстоятельствъ, становится ясно, что, въ случаѣ установленія въ Россіи десяти проектируемыхъ нами добавочныхъ обуздывающихъ условій испытанія, а въ томъ числѣ и трехъ только что упомянутыхъ испытанныхъ обяза-

тельствъ, возведеніе залога въ добавочное обуздывающее условіе испытанія является не только не нужнымъ, но даже и вреднымъ, какъ всякая привилегія преступнику, богатому средствами и связами, противъ бѣднаго.

Принимая во вниманіе наши соображенія о необходимости введенія добавочныхъ обуздывающихъ условій, при институтѣ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ въ Россіи, мы находимъ необходимымъ ввести въ проектъ этого учрежденія статью слѣдующаго содержанія.

,,Постановляя объ оставленіи осужденнаго на испытаніи на законный срокъ, уголовный судъ имѣетъ право, а въ нѣкоторыхъ ниже перечисленныхъ случаяхъ даже и обязанность добавить, чтобы осужденный находился на испытаніи въ теченіе этого срока, подъ дѣйствіемъ одного или нѣсколькихъ добавочныхъ законныхъ условій, указанныхъ судомъ.

Законными добавочными условіями испытанія, подлежащими наложенію, по усмотрѣнію уголовнаго суда, служатъ: 1) обязательство непреступнаго поведенія въ теченіе испытательнаго срока со стороны осужденнаго, 2) обязательство неустойки, соразмѣрной съ имущественными средствами осужденнаго, принимаемой отъ него въ обезпеченіе его непреступнаго поведенія въ теченіе испытательнаго срока и подлежащей взысканію, въ случаѣ учиненія этимъ лицомъ какого-нибудь преступнаго дѣянія во время испытанія, 3) обѣщаніе осужденнаго воздерживаться отъ употребленія спиртныхъ напитковъ въ теченіе испытательнаго срока, 4) обѣщаніе осужденнаго удалиться изъ опредѣленной мѣстности, указанной судомъ, и не возвращаться въ нее въ теченіе испытательнаго срока, 5) обѣщаніе виновнаго поступить въ опредѣленное лечебное заведеніе, напр., въ лечебницу для алкоголиковъ или въ опредѣленное благотворительное заведеніе, напр., въ домъ трудолюбія, на время испытанія или на опредѣленную часть этого времени, 6) ручательство надежнаго человѣка или юридическаго лица за непреступное поведеніе виновнаго въ теченіе испытательнаго срока, безъ поручительства въ уплатѣ неустойки, 7) поручительство надежнаго человѣка или юридическаго лица въ непреступномъ поведеніи винов-

наго въ теченіе испытательнаго срока и въ платежѣ неустойки, обѣщанной этимъ виновнымъ, подлежащей взысканію съ него, въ случаѣ учиненія имъ какого-нибудь преступнаго дѣянія въ теченіе этого срока, и 8) гражданская обязанность къ устраненію гражданскаго вреда въ назначенный судомъ срокъ или сроки въ теченіе испытанія, наложенная уголовнымъ судомъ на осужденнаго по отношенію къ гражданскому вреду, нанесенному преступнымъ дѣяніемъ этого лица.

Законными же добавочными условіями испытанія, подлежащими обязательному наложенію со стороны уголовнаго суда, служатъ: 1) обязанность несовершеннолѣтняго къ пребыванію во время испытанія подъ надзоромъ испытательнаго чиновника или чиновницы, помощника или помощницы, обязательно налагаемая уголовнымъ судомъ на несовершеннолѣтняго, въ случаѣ оставленія этой личности на испытаніи въ такой мѣстности, гдѣ введены эти испытательные органы, и 2) обязанность несовершеннолѣтняго къ воздержанію отъ дурного поведенія, обнаруживающаго склонность къ преступнымъ дѣяніямъ, обязательно налагаемая уголовнымъ судомъ на несовершеннолѣтняго, въ случаѣ оставленія этой личности на испытаніи подъ надзоромъ испытательнаго органа".

Опредѣливъ, въ какихъ случаяхъ уголовный судъ имѣетъ право и въ какихъ обязанъ сдѣлать постановленіе объ оставленіи осужденнаго преступника на испытаніи на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія, и указавъ законный срокъ и законныя добавочныя условія испытанія, выяснимъ теперь, каковы должны быть правовыя послѣдствія этого оставленія на испытаніи: 1) относительно наказанія, присужденнаго виновному, въ качествѣ главнаго наказанія; 2) относительно наказанія, присужденнаго виновному, въ качествѣ дополнительнаго наказанія; 3) относительно принудительныхъ мѣръ, принимаемыхъ противъ виновнаго для общественной и личной охраны отъ вреда и опасностей; 4) относительно уплаты судебныхъ издержекъ виновнымъ и 5) относительно гражданской обязанности къ устраненію гражданскаго вреда, нанесеннаго потерпѣвшему преступнымъ дѣяніемъ виновнаго.

Съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго, возможно большаго народнаго благосостоянія, рѣшеніе этихъ вопросовъ не представляетъ затрудненій.

Желательныя постановленія въ этомъ отношеніи можно выразить слѣдующимъ образомъ.

„Оставленіе преступника на испытаніи на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія имѣетъ слѣдующія правовыя послѣдствія: 1) исполненіе наказанія, присужденнаго преступнику, въ качествѣ главнаго наказанія, отсрочивается на весь назначенный судомъ законный срокъ испытанія; 2) исполненіе наказаній, присужденныхъ преступнику, въ качествѣ дополнительныхъ наказаній, отсрочивается на тотъ же срокъ; 3) въ случаѣ присужденія преступника къ лишенію или ограниченію правъ и обязанностей, предполагающихъ существованіе общественнаго довѣрія къ ихъ осуществителю, осуществленіе этихъ правъ и обязанностей со стороны этого лица обязательно пріостанавливается на весь назначенный судомъ законный срокъ испытанія; 4) предметы, изъятые, по закону, изъ гражданскаго оборота, какъ напр., фальшивая монета или орудія для ея чеканки, отбираются у преступника навсегда и, по приговору суда, согласно закону, истребляются или отбираются въ казну и 5) предметы, подлежащіе, по закону, изъятію изъ рукъ преступника въ интересахъ безопасности населенія или отдѣльныхъ лицъ, какъ напр., огнестрѣльное или холодное оружіе, не запрещенное для мирныхъ гражданъ, отбираются у преступника на время испытанія и, въ случаѣ выдержки испытанія, возвращаются этому лицу, а, въ случаѣ невыдержки, истребляются или отбираются въ казну, по приговору суда, согласно закону.

„Уплата же судебныхъ издержекъ, возложенныхъ уголовнымъ судомъ на осужденнаго преступника, и исполненіе признанной этимъ судомъ гражданской обязанности преступника къ устраненію гражданскаго вреда, нанесеннаго преступнымъ дѣяніемъ, не подвергаются никакой отсрочкѣ, за исключеніемъ того случая, когда уголовный судъ, по своему усмотрѣнію, въ виду уважительныхъ обстоятельствъ, сдѣлаетъ надлежащее постановленіе объ отсрочкѣ или разсрочкѣ въ уплатѣ этихъ издержекъ или въ исполненіи этой обязанности“.

Въ объясненіе только что проектированныхъ нами постановленій можно привести вкратцѣ слѣдующія соображенія.

Отсрочка исполненія присужденныхъ наказаній является необходимымъ логическимъ послѣдствіемъ оставленія на испытаніи на освобожденіе отъ этихъ наказаній.

Необходимость пріостановки осуществленія правъ и обязанностей, предполагающихъ существованіе общественнаго довѣрія къ ихъ осуществителю вызывается интересами народнаго благосостоянія. Если человѣкъ признанъ виновнымъ въ преступномъ дѣяніи, приговоренъ къ лишенію или ограниченію правъ и обязанностей, предполагающихъ существованіе общественнаго довѣрія къ ихъ осуществителю, а затѣмъ оставленъ на испытаніи, то до выдержки этого испытанія онъ, очевидно, не можетъ пользоваться общественнымъ довѣріемъ, а, слѣдовательно, въ огражденіе населенія и отдѣльныхъ лицъ отъ опасныхъ и вредныхъ послѣдствій недоброкачественнаго осуществленія этихъ правъ и обязанностей, не можетъ быть допущенъ къ осуществленію этихъ правъ и обязанностей въ теченіе всего испытательнаго срока. Эта пріостановка составляетъ не наказаніе, но только принудительную мѣру общественной и личной охраны, примѣняемую въ извѣстныхъ случаяхъ даже противъ обвиняемаго. Присужденіе же человѣка къ лишенію или ограниченію этихъ правъ и обязанностей служитъ лишь указателемъ необходимости принятія этой мѣры въ отношеніи къ данному лицу.

Необходимость принятія двухъ другихъ мѣръ общественной и личной охраны ясна безъ всякихъ объясненій.

Наконецъ, и проектированныя нами постановленія объ уплатѣ судебныхъ издержекъ и удовлетвореніи присужденнаго гражданскаго иска не требуютъ долгихъ объясненій. Съ одной стороны, оставленіе преступника на испытаніи на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія вовсе не ведетъ логически ни къ отсрочкѣ, ни къ разсрочкѣ ни въ уплатѣ судебныхъ издержекъ, ни въ исполненіи признанной гражданской обязанности къ устраненію гражданскаго вреда, нанесеннаго преступнымъ дѣяніемъ. А съ другой стороны, право уголовнаго суда на допущеніе отсрочки и разсрочки

въ этихъ отношеніяхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и стоитъ внѣ всякой зависимости отъ оставленія преступника на испытаніи.

Что касается до уголовнаго отдѣла особой коммисіи, то его проектъ предоставляетъ уголовному суду, при нѣкоторыхъ условіяхъ, право отсрочки наказанія, присужденнаго, въ качествѣ главнаго наказанія (Къ работамъ, с. 66 ст. 1), и распространяетъ отсрочку на большинство дополнительныхъ наказаній, но никакъ не на всѣ, хотя это и не послѣдовательно. „Отсрочка наказанія, говоритъ 4-я статья проекта уголовнаго отдѣла (къ работамъ с. 67, 87), распространяется также на дополнительныя наказанія, опредѣленныя въ п.п. 1 и 2 ст. 33 угол. улож., а въ подлежащихъ случаяхъ (ст. 27 угол. улож.) и на лишеніе правъ“.

Точно также не совсѣмъ удовлетворительно и постановленіе 5-й статьи проекта уголовнаго отдѣла. „Отсрочка наказанія, провозглашаетъ эта статья проекта (Къ работамъ, с. 67, 88), не освобождаетъ виновнаго отъ уплаты судебныхъ издержекъ, возвращенія вещей, добытыхъ преступнымъ дѣяніемъ (ст. 126, 375 и 777 уст. угол. суд., 208 прав. о произв. суд. дѣлъ), и отъ послѣдствій, указанныхъ въ ст. 36 и 37 угол. уложенія“.

Неудовлетворительность этого постановленія обнаруживается изъ сравненія его съ нашими предшествующими объясненіями и не требуетъ подробнаго изложенія.

Познакомившись съ юридическими послѣдствіями оставленія преступника на испытаніи на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія, займемся рѣшеніемъ вопроса, какими правилами должна опредѣляться уголовная отвѣтственность преступника въ томъ случаѣ, когда это лицо, находясь на испытаніи за одно преступное дѣяніе, будетъ присуждено уголовнымъ судомъ къ наказанію за другое преступное дѣяніе, учиненное до оставленія на испытаніи.

Этотъ вопросъ не предусмотрѣнъ уголовнымъ отдѣломъ особой коммисіи, но и не труденъ для рѣшенія, стоитъ только воспользоваться нашими общими правилами объ оставленіи

преступниковъ на испытаніи уголовными судами безъ присяжныхъ и съ присяжными (с. 87—88).

Постановленія, проектируемыя нами по только что поставленному вопросу, можно изложить въ слѣдующемъ видѣ.

„Если преступникъ, подвергающійся испытанію на освобожденіе отъ наказанія, присужденнаго за одно или нѣсколько преступныхъ дѣяній, судится уголовнымъ судомъ, безъ присяжныхъ засѣдателей, за учиненіе еще какого-нибудь преступнаго дѣянія до оставленія на испытаніи или судится окружнымъ судомъ съ присяжными засѣдателями, а они, признавъ это лицо виновнымъ въ судимомъ дѣяніи, не признали достойнымъ оставленія на испытаніи: то судъ, признавъ въ первомъ случаѣ виновность обвиняемаго, а во второмъ—преступность дѣянія этого лица, присуждаетъ этому лицу наказаніе за судимое преступное дѣяніе, сопоставляетъ только что присужденное наказаніе съ наказаніемъ, присужденнымъ ранѣе, но отсроченнымъ въ виду испытанія, и опредѣляетъ совокупнсе наказаніе за совокупность судимаго преступнаго дѣянія съ другимъ или съ совокупностью другихъ преступныхъ дѣяній этого лица, по общимъ правиламъ объ опредѣленіи наказаній за совокупность преступныхъ дѣяній, а затѣмъ, по общимъ правиламъ испытанія преступниковъ, рѣшаетъ вопросъ объ оставленіи этого лица на испытаніи на освобожденіе отъ только что присужденнаго совокупнаго наказанія“.

„Если преступникъ, подвергающійся испытанію на освобожденіе отъ наказанія, присужденнаго за одно или нѣсколько преступныхъ дѣяній, судится окружнымъ судомъ съ присяжными засѣдателями за учиненіе еще какого-нибудь преступнаго дѣянія до оставленія на испытаніи, а они признали это лицо виновнымъ, но достойнымъ испытанія; то окружный судъ, признавъ это дѣяніе преступнымъ, присуждаетъ виновному наказаніе, сопоставляетъ только что присужденное наказаніе съ наказаніемъ, присужденнымъ ранѣе, но отсроченнымъ въ виду испытанія, и опредѣляетъ, по общимъ правиламъ, совокупное наказаніе за совокупность судимаго преступнаго дѣянія съ другимъ или съ совокупностью другихъ

преступныхъ дѣяній этого лица, а затѣмъ обязательно дѣлаетъ постановленіе объ оставленіи этого лица на испытаніи, на законный срокъ, на законныхъ условіяхъ, на освобожденіе отъ только что присужденнаго совокупнаго наказанія".

Что касается невыдержки испытанія, ея выраженія и правовыхъ послѣдствій, то этимъ вопросамъ должна быть посвящена особая статья въ проектѣ закона о судебномъ освободительномъ испытаніи преступниковъ.

Съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго, возможно большаго народнаго благосостоянія, необходимо твердо сдерживать преступниковъ отъ учиненія дальнѣйшихъ преступныхъ дѣяній.

Въ виду этого необходимо, чтобы невыдержаніемъ испытанія на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія признавалось не только всякое преступное дѣяніе, учиненное преступникомъ во время пребыванія на испытаніи, но и нарушеніе добавочнаго обуздывающаго условія этимъ лицомъ въ это время, безъ уважительной причины.

Вмѣстѣ съ тѣмъ настоятельно требуется, и установленіе правильной и строгой отвѣтственности лица, въ случаѣ невыдержки испытанія. Не только каждое преступное дѣяніе личности, не выдержавшей испытанія, должно влечь за собой надлежащую дозу наказанія, безъ излишняго обремененія этой личности суммою этихъ дозъ, но и каждое нарушеніе добавочнаго обуздывающаго условія этой личностью должно влечь для нея невыгодныя правовыя послѣдствія.

Принимая во вниманіе эти соображенія, мы находимъ необходимымъ помѣстить въ проектъ закона о судебномъ освободительномъ испытаніи преступниковъ статьи слѣдующаго содержанія.

„Если преступникъ, оставленный на испытаніи на освобожденіе отъ наказаній, присужденныхъ этому лицу за учиненіе преступнаго дѣянія или совокупности преступныхъ дѣяній, будетъ виновенъ въ учиненіи одного или нѣсколькихъ преступныхъ дѣяній во время пребыванія на испытаніи; то надлежащій уголовный судъ признаетъ испытаніе не выдержаннымъ, присуждаетъ виновному надлежащія наказанія

за вновь учиненное преступное дѣяніе или за совокупность вновь учиненныхъ преступныхъ дѣяній, по принадлежности, а затѣмъ сопоставляетъ наказанія, присужденныя за прежнее преступное дѣяніе или дѣянія, съ наказаніями, присужденными за вновь учиненное преступное дѣяніе или дѣянія, и приговариваетъ виновному совокупное наказаніе по ниже изложеннымъ правиламъ.

1. Въ случаѣ стеченія нѣсколькихъ имущественныхъ наказаній, присужденныхъ, въ качествѣ главныхъ наказаній, одно—за прежнее или прежнія преступныя дѣянія, а другое—за вновь учиненное или вновь учиненныя преступныя дѣянія, всѣ эти имущественныя наказанія присоединяются другъ къ другу полностью и виновному приговаривается вся сумма ихъ.

2. При стеченіи нѣсколькихъ личныхъ наказаній, присужденныхъ въ качествѣ главныхъ наказаній, одно—за прежнее или прежнія преступныя дѣянія, а другое—за вновь учиненное или вновь учиненныя преступныя дѣянія, уголовный судъ, при равенствѣ этихъ наказаній, беретъ личное наказаніе, присужденное за вновь учиненное или вновь учиненныя преступныя дѣянія, а, при неравенствѣ,—болѣе тяжкое и повышаетъ это наказаніе, по своему усмотрѣнію, соотвѣтственно виновности преступника, примѣнительно къ другому личному наказанію, присужденному въ качествѣ главнаго наказанія, и при томъ повышаетъ въ предѣлахъ узаконенной мѣры или даже на одну или на двѣ степени и затѣмъ приговариваетъ виновному взамѣнъ всѣхъ присужденныхъ главныхъ наказаній только это повышенное наказаніе, въ качествѣ главнаго наказанія, за всѣ преступныя дѣянія этого лица.

3. При стеченіи имущественнаго наказанія, присужденнаго въ качествѣ главнаго наказанія, съ личнымъ наказаніемъ, также присужденнымъ въ качествѣ главнаго наказанія, имущественное наказаніе присоединяется къ личному полностью и виновный приговаривается къ суммѣ этихъ наказаній.

4. Въ случаѣ стеченія нѣсколькихъ наказаній, прису-

жденныхъ виновному въ качествѣ дополнительныхъ наказаній, при главныхъ наказаніяхъ, одно—за прежнее или прежнія преступныя дѣянія, а другое—за вновь учиненное или вновь учиненныя преступныя дѣянія, всѣ дополнительныя наказанія, совмѣстимыя другъ съ другомъ по своей природѣ, присоединяются полностью къ совокупному главному наказанію, приговоренному за всѣ эти преступныя дѣянія. Относительно же несовмѣстимыхъ дополнительныхъ наказаній соблюдаются два правила: а) изъ двухъ равныхъ несовмѣстимыхъ дополнительныхъ наказаній присуждается только одно, а другое устраняется и б) изъ двухъ неравныхъ несовмѣстимыхъ дополнительныхъ наказаній присуждается только одно болѣе тяжкое, а другое менѣе тяжкое устраняется“.

„Если одно преступное дѣяніе того же самаго лица подлежитъ высшему уголовному суду по роду дѣлъ, а другое—низшему, въ такомъ случаѣ совокупное наказаніе за всѣ преступныя дѣянія этого лица присуждается уголовнымъ судомъ, имѣющимъ болѣе высокую подсудность по роду дѣлъ“.

„Если преступникъ, оставленный на испытаніи на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія, будетъ виновенъ не въ учиненіи какого-нибудь преступнаго дѣянія въ теченіе присужденнаго испытательнаго срока, а въ нарушеніи, безъ уважительной причины, какого-нибудь изъ назначенныхъ добавочныхъ обуздывающихъ условій испытанія: то уголовный судъ, оставившій это лицо на испытаніи или равный по подсудности и власти, а вмѣсто окружнаго суда съ присяжными засѣдателями окружный судъ безъ присяжныхъ засѣдателей, признаетъ испытаніе не выдержаннымъ и постановляетъ опредѣленіе объ обращеніи присужденнаго, но отсроченнаго наказанія къ исполненію“.

„Если соблюденіе непреступнаго поведенія или какого-нибудь добавочнаго обуздывающаго условія преступникомъ, въ теченіе испытательнаго срока, было обезпечено обязательствомъ неустойки: то уголовный судъ, признавъ испытаніе невыдержаннымъ, дѣлаетъ постановленіе о взысканіи неустойки съ преступника, а на случай неуплаты ея или части ея этимъ лицомъ въ назначенный судомъ срокъ—и о взысканіи не-

уплаченнаго преступникомъ съ поручителя въ уплатѣ этой неустойки".

Другихъ взглядовъ держится уголовный отдѣлъ особой коммисіи. Ихъ нельзя, однако, признать удовлетворительными, такъ какъ они не позволяютъ достаточно прочно обезпечить населеніе отъ учиненія преступныхъ дѣяній преступниками во время пребыванія на испытаніи. Съ одной стороны, учиненіе преступныхъ дѣяній во время испытанія, влекущихъ только денежныя пени, въ качествѣ главнаго наказанія, вовсе не признается уголовнымъ отдѣломъ за доказательство невыдержки испытанія со стороны испытуемыхъ преступниковъ. Съ другой же стороны въ распоряженіе уголовнаго суда предоставляется уголовнымъ отдѣломъ только одно добавочное обуздывающее условіе, нигдѣ не принятое въ культурныхъ государствахъ и совершенно не доступное широкому употребленію (выше с. 112—113). Мы говоримъ о взятіи денежнаго залога въ размѣрѣ не выше пятисотъ рублей уголовнымъ судомъ съ преступника, по усмотрѣнію суда, при оставленіи на испытаніи.

Самыя постановленія, проектированныя уголовнымъ отдѣломъ относительно невыдержки испытанія, ея выраженія и правовыхъ послѣдствій, состоятъ въ слѣдующемъ. „Если осужденный, говоритъ 7-я статья проекта уголовнаго отдѣла (къ работамъ с. 67; 89; 64), вновь признанъ будетъ виновнымъ въ совершеніи, ранѣе истеченія назначенной ему отсрочки, преступнаго дѣянія, влекущаго по закону арестъ или болѣе строгое наказаніе, то онъ подвергается, сверхъ наказанія за сіе вновь учиненное преступное дѣяніе, и тому наказанію, которое ему отсрочено было, по правиламъ, указаннымъ въ ст. 63 и 66 угол. улож., представленный же залогъ (ст. 2) обращается на устройство мѣстъ заключенія (п. 2 ст. 33 угол. улож.)".

Отъ невыдержки испытанія переходимъ къ выдержанію и его правовымъ послѣдствіямъ.

Какъ невыдержаніе испытанія должно влечь за собой, съ точки зрѣнія интересовъ народнаго благосостоянія, юридическія послѣдствія, невыгодныя для преступника, такъ выдержаніе—выгодныя.

Въ чемъ должно выражаться выдержанiе испытанiя преступникомъ и какiя должно влечь правовыя послѣдствiя, это должно быть опредѣлено ясно и точно въ отдѣльной статьѣ самимъ закономъ.

Оставаясь вѣрными своимъ вглядамъ, мы можемъ проектировать ее слѣдующимъ образомъ: „Если преступникъ, оставленный уголовнымъ судомъ на испытанiи на освобожденiе отъ наказанiй, присужденныхъ этому лицу за учиненiе преступнаго дѣянiя или совокупности преступныхъ дѣянiй, не учинитъ въ теченiе назначеннаго испытательнаго срока никакого преступнаго дѣянiя и не нарушитъ, безъ уважительной причины, ни одного изъ добавочныхъ обуздывающихъ условiй испытанiя, наложенныхъ уголовнымъ судомъ на это лицо; то онъ тотчасъ по истеченiи назначеннаго испытательнаго срока, въ силу самого закона, безъ всякаго опредѣленiя со стороны суда, становится свободнымъ навсегда какъ отъ обязанности къ отбытiю всѣхъ отсроченныхъ наказанiй, присужденныхъ этому лицу за это преступное дѣянiе или дѣянiя, такъ и отъ всѣхъ наложенныхъ добавочныхъ обуздывающихъ условiй испытанiя. Въ то же время поручители освобождаются отъ своихъ ручательствъ и поручительствъ какъ за поведенiе этого преступника, такъ и за уплату неустойки, а испытательные чины—отъ обязанностей надзора за этимъ лицомъ“.

Эту статью слѣдуетъ внести въ группу проектируемыхъ постановленiй, опредѣляющихъ институтъ судебнаго освободительнаго испытанiя преступниковъ, какъ институтъ уголовно-исполнительнаго права, нужно внести слѣдующее постановленiе: „Въ случаѣ выдержки испытанiя на освобожденiе отъ присужденнаго наказанiя, выдержавшiй имѣетъ право просить уголовный судъ о выдачѣ удостовѣренiя въ выдержанiи этого испытанiя, и судъ обязанъ удовлетворить это ходатайство въ ближайшемъ засѣданiи“.

Что касается до уголовнаго отдѣла особой коммисiи, то онъ, въ свою очередь, согласно своимъ взглядамъ, проектируетъ отдѣльную статью относительно выдержки испытанiя и юридическихъ послѣдствiй этого событiя. „Если осужденный, говоритъ 6-я статья проекта уголовнаго отдѣла (къ рабо-

тамъ с. 67; 89), не будетъ признанъ виновнымъ въ совершеніи, въ теченіе назначенной ему отсрочки, новаго преступнаго дѣянія, влекущаго по закону арестъ или болѣе строгое наказаніе, то отсроченное ему наказаніе почитается исполненнымъ со дня провозглашенія приговора, при чемъ виновный освобождается отъ послѣдствій означенной судимости, указанныхъ въ ст. 27 и 33 угол. улож., представленный же залогъ (ст. 22) возвращается ему по опредѣленію суда".

Какое разумное основаніе заставляетъ считать отсроченное, но не исполненное наказаніе исполненнымъ со дня провозглашенія приговора, въ случаѣ выдержки испытанія преступникомъ, это—тайна уголовнаго отдѣла (къ работамъ с. 64; 88—89).

Познакомившись съ выдержкой и невыдержкой испытанія, ихъ выраженіемъ и юридическими послѣдствіями, укажемъ теперь, является ли пребываніе на испытаніи правомъ или обязанностью для преступника, оставленнаго на испытаніи уголовнымъ судомъ.

Испытаніе преступника на освобожденіе отъ наказанія, присужденнаго уголовнымъ судомъ за преступное дѣяніе, составляетъ одну изъ принудительныхъ мѣръ государственной борьбы съ преступностью и при томъ вообще, въ огромномъ большинствѣ случаевъ,—болѣе мягкую, чѣмъ наказаніе. Эта мѣра принимается въ интересахъ народнаго благосостоянія, какъ въ огражденіе населенія отъ дальнѣйшихъ преступныхъ дѣяній со стороны преступника и другихъ лицъ, склонныхъ къ преступнымъ дѣяніямъ, такъ и для избавленія преступника отъ излишняго гнета государственныхъ принудительныхъ мѣръ борьбы съ преступностью. Въ интересахъ народнаго благосостоянія, государство обязано имѣть цѣлесообразную систему наказанія и обязано относиться съ уваженіемъ не только къ общественной потребности подавленія преступныхъ дѣяній, но и къ общественной потребности огражденія личности отъ излишнихъ стѣсненій въ борьбѣ съ преступностью. При такихъ обстоятельствахъ, становится ясно, что государство не имѣетъ никакого основанія принуждать преступника къ пребыванію на испытаніи, когда онъ не же-

лаетъ этого, но предпочитаетъ подвергнуться присужденному наказанію. А если—такъ; то для преступника, оставленнаго на испытаніи на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія, пребываніе на испытаніи должно составлять только право, но никакъ не обязанность. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и массачусетскій законъ 12 іюля 1900 года относительно лицъ, оставленныхъ на испытаніи, по присужденіи къ денежнымъ штрафамъ, а, въ случаѣ неуплаты, къ тюремному заключенію (ин. системы, стр. 50).

Принимая во вниманіе только что сдѣланный нами выводъ, мы считаемъ необходимымъ пополнить проектъ закона о судебномъ освободительномъ испытаніи преступниковъ въ Россіи особой статьей слѣдующаго содержанія: „Для преступника, оставленнаго уголовнымъ судомъ на испытаніи на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія, пребываніе на испытаніи составляетъ право, но не обязанность".

Эту статью нужно внести въ группу проектируемыхъ постановленій, опредѣляющихъ институтъ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ, какъ институтъ уголовнаго права.

Въ группѣ же проектируемыхъ постановленій, характеризующихъ институтъ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ, какъ институтъ уголовно-судебнаго права, необходимо сдѣлать нѣсколько соотвѣтствующихъ постановленій. Эти постановленія можно изложить слѣдующимъ образомъ.

„При объявленіи осужденному объ оставленіи его на испытаніи, уголовный судъ ясно и точно указываетъ осужденному, на какой срокъ и на какихъ условіяхъ онъ оставленъ на испытаніи, и предупреждаетъ осужденнаго о правовыхъ послѣдствіяхъ какъ выдержки, такъ и невыдержки назначеннаго испытанія".

Подобное постановленіе проектировано и уголовнымъ отдѣломъ особой коммисіи, но совершенно напрасно соединено съ предостереженіемъ, представляющимъ наказаніе или мѣру, легко превратимую въ настоящее наказаніе. „При объявленіи приговора объ отсрочкѣ наказанія", постановляетъ 9-я статья проекта уголовнаго отдѣла (къ работамъ стр. 68,

90, 65), судъ дѣлаетъ виновному соотвѣтствующее предостереженіе и предупреждаетъ его о послѣдствіяхъ, съ коими сопряжено учиненіе новаго преступнаго дѣянія ранѣе истеченія предоставленной ему отсрочки (ст. 7)".

Возвращаясь къ дальнѣйшимъ постановленіямъ, проектируемымъ нами по разсматриваемому вопросу, мы можемъ ихъ выразить въ слѣдующей формѣ.

„Оставленный уголовнымъ судомъ на испытаніи на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія имѣетъ право въ теченіе назначеннаго испытательнаго срока заявить надлежащему уголовному суду о своемъ желаніи подвергнуться присужденному наказанію. Если постановленіе объ оставленіи осужденнаго на испытаніи было сдѣлано уголовнымъ судомъ, судившимъ безъ присяжныхъ засѣдателей или сословныхъ представителей; въ такомъ случаѣ вышеозначенное заявленіе можетъ быть сдѣлано, по выбору осужденнаго, какъ уголовному суду, постановившему объ оставленіи этого лица на испытаніи, такъ и другому уголовному суду, равному съ этимъ по подсудности и власти. Если же постановленіе объ оставленіи осужденнаго на испытаніи было сдѣлано уголовнымъ судомъ, судившимъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей или сословныхъ представителей; въ такомъ случаѣ вышеозначенное заявленіе должно быть сдѣлано осужденнымъ соотвѣтствующему уголовному суду, дѣйствующему безъ участія присяжныхъ засѣдателей или сословныхъ представителей".

„По полученіи заявленія отъ оставленнаго на испытаніи о его желаніи подвергнуться присужденному наказанію, вышеозначенный надлежащій уголовный судъ въ ближайшемъ засѣданіи постановляетъ опредѣленіе объ удовлетвореніи просителя и обращеніи приговора къ исполненію".

Два только что предложенныхъ нами постановленія слѣдуетъ повторить и въ группѣ постановленій, опредѣляющихъ институтъ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ какъ институтъ уголовно-исполнительнаго права.

Коснувшись группы постановленій, характеризующихъ проектируемый для Россіи институтъ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ, какъ институтъ уголовно-

судебнаго права, опредѣлимъ теперь, въ какое время и въ какихъ судебныхъ письменныхъ произведеніяхъ уголовнаго суда или судебныхъ актахъ можетъ быть сдѣлано уголовнымъ судомъ постановленіе объ оставленіи осужденнаго на испытаніи.

Проектируемыя нами статьи въ этомъ отношеніи можно изложить въ слѣдующемъ видѣ.

„Постановленіе уголовнаго суда объ оставленіи осужденнаго преступника на испытаніи на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія за учиненіе преступнаго дѣянія дѣлается, по общему правилу, въ то время, когда судъ постановляетъ свой приговоръ по этому уголовному дѣлу, по существу, и заносится въ самый приговоръ".

Уголовный отдѣлъ особой коммисіи проектируетъ по этому поводу отдѣльную статью. „Въ приговорахъ, постановленныхъ по правиламъ ст. 1—5, говоритъ 8-я статья проекта уголовнаго отдѣла (къ работамъ, ст. 68, 90; см. также ст. 65, 90), судъ назначаетъ виновному наказаніе, а затѣмъ опредѣляетъ отсрочку таковаго, съ подробнымъ изложеніемъ основаній, по которымъ допущено примѣненіе означенной мѣры".

Указавъ общее правило, мы должны указать и необходимое исключеніе.

„Въ видѣ исключенія, уголовному суду, рѣшившему уголовное дѣло по существу, предоставляется право, въ томъ же самомъ составѣ, въ теченіе сорока восьми часовъ по объявленіи постановленнаго рѣшенія, постановить мотивированное опредѣленіе объ оставленіи преступника, осужденнаго по этому дѣлу, на испытаніи на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія".

Это исключеніе изъ общаго правила необходимо для того, чтобы дать возможность уголовному суду исправить свою ошибку, если онъ, вслѣдствіе стеченія какихъ-нибудь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, напрасно не воспользовался своимъ правомъ оставленія преступника на испытаніи, при рѣшеніи уголовнаго дѣла по существу.

Исключеніе такого рода встрѣчается въ невшательскомъ законѣ 28 марта 1904 года (Ин. системы, ст. 107—108).

Опредѣливъ судебные акты, въ которыхъ можетъ быть сдѣлано уголовнымъ судомъ постановленіе объ оставленіи осужденнаго преступника на испытаніи, отмѣтимъ два желательныхъ постановленія относительно обжалованія.

Первое изъ нихъ можно выразить слѣдующимъ образомъ: „Приговоры уголовныхъ судовъ, содержащіе въ себѣ постановленія объ оставленіи преступниковъ на испытаніи на освобожденіе отъ присужденныхъ наказаній, подлежатъ апелляціонному и кассаціонному обжалованію на общемъ основаніи“.

Въ этомъ смыслѣ высказывается и уголовный отдѣлъ особой коммисіи въ 10-й статьѣ своего проекта (къ работамъ с. 68, 92; см. также с. 65, 92—92). „Приговоры объ отсрочкѣ наказанія, говоритъ эта статья, могутъ быть обжалованы на общемъ основаніи (ст. 145—154, 173—177, 856—877, 905—912 уст. угол. суд., 218—221, 237, 238, 240 прав. о произв. суд. дѣлъ и 30 прав. объ устр. суд. части и произв. суд. дѣлъ)“.

Переходя ко второму изъ намѣченныхъ нами постановленій, мы можемъ изложить его въ слѣдующей формѣ: „Опредѣленія уголовныхъ судовъ объ оставленіи преступниковъ на испытаніи на освобожденіе отъ присужденныхъ наказаній могутъ быть обжалуемы сторонами какъ вмѣстѣ съ соотвѣтствующими приговорами апелляціоннымъ и кассаціоннымъ порядкомъ, такъ и отдѣльно отъ приговоровъ, въ порядкѣ частнаго обжалованія. Съ обращеніемъ же къ апелляціонному или кассаціонному обжалованію такого опредѣленія право частнаго обжалованія прекращается“.

Что касается статистики, то въ проектѣ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ, вырабатываемомъ для русскаго государства, необходимо посвятить ей слѣдующее постановленіе: „Статистическія свѣдѣнія объ осужденныхъ преступникахъ, подвергнутыхъ испытанію на освобожденіе отъ присужденныхъ наказаній уголовными судами, состоящими въ вѣдомствѣ Министерства Юстиціи, за исключеніемъ мировыхъ судовъ, собираются, обрабатываются и печатаются во всеобщее свѣдѣніе, по общимъ правиламъ, наравнѣ съ про-

чими статистическими свѣдѣніями, касающимися дѣятельности этихъ судовъ, и, по отпечатаніи, разсылаются безплатно въ публичныя и университетскія библіотеки. При этомъ, въ статистическихъ отчетахъ о примѣненіи освободительнаго испытанія къ преступникамъ этими уголовными судами обязательно излагается, сколько лицъ было оставлено на испытаніи этими уголовными судами въ отчетномъ году, за какія преступныя дѣянія, на освобожденіе отъ какихъ главныхъ наказаній, на какой срокъ, сколько лицъ, оставленныхъ на испытаніи этими уголовными судами, не выдержало его въ отчетномъ году, и въ чемъ выразилось невыдержаніе испытанія, въ учиненіи ли какого-нибудь престпнаго дѣянія или въ нарушеніи какого-нибудь изъ добавочныхъ обуздывающихъ условій испытанія.

Соотвѣтствующія статистическія свѣдѣнія обязательно должны содержаться какъ въ годовыхъ отчетахъ, подаваемыхъ выборными и Высочайше утрержденными мировыми судьями, такъ и въ годовыхъ отчетахъ, подаваемыхъ съѣздами этихъ судей, но—только относительно осужденныхъ преступниковъ, подвергнутыхъ испытанію па освобожденіе отъ присужденныхъ наказаній этими судами. Обстоятельныя извлеченія съ этими статистическими свѣдѣньями изъ годовыхъ отчетовъ, составленныхъ съѣздами выборныхъ и Высочайше утвержденныхъ мировыхъ судей, обязательно печатаются во всеобщее свѣдѣніе и разсылаются безплатно въ публичныя и университетскія библіотеки".

Желательность этого постановленія не подлежитъ сомнѣнію. Институтъ судебнаго освободительнаго испытанія преступниковъ долженъ подвергаться основательному статистическому изученію и гласной оцѣнкѣ какъ въ видахъ устраненія недостатковъ, такъ и въ видахъ усовершенствованія этого учрежденія.

Заканчивая разсмотрѣніе проекта о судебномъ освободительномъ испытаніи преступниковъ въ Россіи, нельзя не сказать, что въ этомъ проектѣ должно быть сдѣлано постановленіе относительно справокъ о судимости лицъ, оставленныхъ на испытаніи, по присужденіи къ наказанію.

Это постановленіе можетъ быть проектировано въ слѣдующемъ видѣ: „Въ Министерствѣ Юстиціи обязательно составляются справки о судимости всѣхъ тѣхъ преступниковъ, которые присуждены уголовными судами этого вѣдомства къ наказанію не ниже заключенія въ тюрьмѣ или въ крѣпости и затѣмъ подвергнуты испытанію на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія приговорами или опредѣленіями судовъ, вступившими въ законную силу. Эти справки составляются на основаніи вѣдомостей, доставляемыхъ вышеозначенными судами въ Министерство Юстиціи по уголовнымъ дѣламъ въ отдѣльности. Уголовный судъ увѣдомляетъ Министерство Юстиціи особой вѣдомостью каждый разъ, какъ вступитъ въ законную силу такой приговоръ или опредѣленіе, которымъ этотъ судъ оставилъ на испытаніи лицо, присужденное къ наказанію не ниже заключенія въ тюрьмѣ или въ крѣпости. Эти вѣдомости составляются по системѣ талоновъ и купоновъ. Талонъ остается при дѣлѣ, а купонъ съ надлежащими свѣдѣніями отсылается уголовнымъ судомъ въ Министерство Юстиціи“.

Отсутствіе справокъ о судимости относительно лицъ, оставленныхъ на испытаніи на освобожденіе отъ болѣе легкихъ наказаній, во многихъ случаяхъ отниметъ у суда возможность удостовѣренія, подвергался ли подсудимый ранѣе оставленію на испытаніи или нѣтъ. Тѣмъ не менѣе необходимость большой затраты труда и денегъ на составленіе справокъ о судимости этихъ лицъ, невозможность осуществленія этой затраты, безъ обремененія русскаго народа, сравнительная маловажность какъ преступныхъ дѣяній, учиненныхъ этими лицами, такъ и наказаній, присужденныхъ этимъ лицамъ, и отсутствіе важной опасности для народонаселенія отъ упущенія изъ виду свѣдѣній предполагаемыхъ въ этихъ справкахъ, заставляетъ мириться съ отсутствіемъ справокъ о судимости этихъ лицъ.

Принимая во вниманіе эти соображенія и проектируемое нами постановленіе относительно справокъ о судимости лицъ, оставленныхъ на испытаніи на освобожденіе отъ присужденныхъ наказаній, мы находимъ необходимымъ внести въ проектъ

закона о судебномъ освободительномъ испытанiи преступниковъ въ Россiи общiя постановленiя, опредѣляющiя право и обязанность уголовнаго суда на изслѣдованiе и рѣшенiе вопроса о прежнемъ оставленiи подсудимаго на испытанiи. Эти постановленiя можно изложить слѣдующимъ образомъ.

„Уголовный судъ, рѣшающiй уголовное дѣло по существу, обязанъ въ двухъ случаяхъ навести справку о томъ, подвергался ли обвиняемый оставленiю на испытанiи въ прежнее время.

Первый случай имѣетъ мѣсто тогда, когда можно предположить, что обвиняемый былъ ранѣе оставленъ на испытанiи на освобожденiе отъ присужденнаго заключенiя въ тюрьмѣ или въ крѣпости или отъ иного болѣе тяжкаго наказанiя и что съ того времени, какъ прежнiй приговоръ или прежнее опредѣленiе суда объ испытанiи этого лица вступили въ законную силу, и до того времени, когда рѣшается вопросъ объ оставленiи этого лица на испытанiи по судимому дѣлу, прошло не болѣе трехъ лѣтъ. Въ этомъ случаѣ справка наводится обязательно по печатнымъ справкамъ о судимости, составленнымъ въ Министерствѣ Юстицiи.

Второй же случай имѣетъ мѣсто тогда, когда въ прежнее время тотъ же самый обвиняемый былъ подвергнутъ испытанiю на освобожденiе отъ наказанiя, присужденнаго тѣмъ же самымъ уголовнымъ судомъ, а съ того времени, какъ прежнiй приговоръ или опредѣленiе этого суда объ оставленiи этого лица на испытанiи вступили въ законную силу, и до того времени, когда рѣшается вопросъ объ уголовной отвѣтственности этого лица по судимому дѣлу, прошло не болѣе одного года.

Въ прочихъ случаяхъ уголовный судъ, рѣшающiй дѣло по существу, имѣетъ право наводить справки о прежнемъ оставленiи обвиняемаго на испытанiи и обязанъ выслушивать и принимать къ свѣдѣнiю своевременныя заявленiя объ этомъ сторонъ".

Уголовный отдѣлъ особой коммисiи посвящаетъ справкамъ о судимости 12-ю статью своего проекта (Къ работамъ, с. 68; 94). „Справки о судимости лицъ, коимъ предоставлена

отсрочка наказанія, говоритъ эта статья, издаются: объ осужденныхъ судебными установленіями—порядкомъ, опредѣляемымъ Министромъ Юстиціи, а объ осужденныхъ судебно-административными учрежденіями—порядкомъ, опредѣляемымъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министромъ Юстиціи“.

Эта статья не удовлетворительна въ нѣсколькихъ отношеніяхъ.

Прежде всего нельзя не признать, что, съ точки зрѣнія разумной уголовной политки, руководимой интересами всесторонняго, возможно большаго народнаго благосостоянія, предоставленіе испытанія преступниковъ на освобожденіе отъ присужденныхъ наказаній въ руки судебно-административныхъ учрежденій, т. е. земскихъ участковыхъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ, является не только опаснымъ, но и вреднымъ.

Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить, что идея уголовнаго отдѣла о введеніи какой-то неопредѣленной мѣстной регистраціи лицъ, подвергнутыхъ испытанію на освобожденіе отъ присужденныхъ наказаній (Къ работамъ, с. 65—66, 93—94), представляется несостоятельной уже по своей неясности и непредѣленности.

Далѣе, нельзя не сказать, что уголовный отдѣлъ, проектируя возложеніе обязанности по опредѣленію порядка изданія справокъ о судимости: на Министра Юстиціи—относительно преступниковъ, подвергнутыхъ испытанію на освобожденіе отъ наказаній уголовными судами, и на Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи—относительно преступниковъ, подвергнутыхъ испытанію судебно-административными учрежденіями, весьма искусно, но совершенно неправильно уклонился отъ исполненія своей прямой обязанности къ проектированію постановленія относительно справокъ о судимости лицъ, подвергнутыхъ испытанію на освобожденіе отъ присужденныхъ наказаній.

Наконецъ, нельзя не сказать прямо, что Министръ Юстиціи, а въ особенности Министры Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи вмѣстѣ другъ съ другомъ, вовсе не принадлежатъ къ числу тѣхъ органовъ, со стороны которыхъ можно было бы,

съ нѣкоторымъ основаніемъ, ожидать правильнаго рѣшенія такихъ важныхъ спеціальныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о томъ, какъ лучше организовать у насъ составленіе и изданіе справокъ о судимости относительно преступниковъ, подвергнутыхъ судебными приговорами испытанію на освобожденіе отъ присужденныхъ наказаній.

П. Пустрослевъ.

ЗАВѢЩАТЕЛЬНАЯ ДѢЕСПОСОБНОСТЬ РАСТОЧИТЕЛЕЙ.

При той роли, какую играютъ у насъ Кассаціонные Департаменты Сената, и при общей скудости теоретическаго изслѣдованія вопросовъ гражданскаго права нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что многіе изъ этихъ вопросовъ проходятъ у насъ незамѣтно, авторитетно разрѣшаются Сенатомъ и затѣмъ уже споровъ и сомнѣній не возбуждаютъ. Между тѣмъ, если вникнуть поглубже въ сенатскія „разъясненія", которыя чаще всего представляютъ изъ себя „новые законы", то нетрудно убѣдиться, что дѣло обстоитъ вовсе не такъ благополучно.

Къ числу такихъ вопросовъ, которые съ точки зрѣнія Сената никакихъ сомнѣній не возбуждаютъ, а разрѣшаются просто и легко, относится и вопросъ о завѣщательной дѣеспособности расточителей.

Вопросъ этотъ дважды восходилъ до Сената и въ обоихъ случаяхъ разрѣшенъ одинаково въ томъ смыслѣ, что лица, надъ которыми учреждена опека вслѣдствіе расточительности, не лишены завѣщательной дѣеспособности, и посему могутъ свободно распоряжаться своимъ имуществомъ на случай смерти. Аргументація Сената, въ обоихъ случаяхъ одинаковая, такова: „ни въ законахъ гражданскихъ, ни въ статьяхъ XIV тома не постановлено, чтобы владѣлецъ имѣнія, подвергнутаго опекѣ за расточительность, лишенъ былъ права составить о принадлежащемъ ему имѣніи духовное завѣщаніе на случай смерти и чтобы для этого было необходимо со-

гласіе учрежденной надъ нимъ опеки". „Законное (XIV т. уст. пред. и прес. пр. ст. 152) послѣдствіе взятія имѣнія въ опеку за расточительность владѣльца есть отстраненіе его отъ права на продажу и закладъ своего имѣнія и на заключеніе всякаго рода *обязательныхъ* [1]) актовъ, то есть *обязательствъ* [1]). То, что 152 ст. воспрещаетъ расточителямъ отчуждать свои имѣнія, а по 1018 ст. I ч. X т. духовныя завѣщанія дѣйствительны, когда они составлены лицами, имѣющими право отчуждать свое имущество, не даетъ основанія заключать, что расточители лишены права распоряжаться своимъ имуществомъ на случай смерти, потому что распоряженіе на случай смерти, не есть *обязательный* [1]) актъ для владѣльца (ст. 710 и 1030 т. X ч. 1): передача правъ на имѣніе по завѣщанію носитъ особый отъ обязательствъ характеръ, заключающійся въ томъ, что передача права на имущество совершается только съ момента смерти завѣщателя; передача правъ по завѣщанію соотвѣтствуетъ, по внутреннему своему значенію, переходу правъ по наслѣдству" (рѣш. гражд. касс. деп. Сен. 1876 г., 389 и 1899 года, № 56).

Въ нашей ученой литературѣ по этому вопросу мы ничего не нашли. Только проф. Шершеневичъ (Учебникъ русск. гражд. пр., изд. 5-е, стр. 687) и К. Анненковъ (Система русск. гр. пр., т. V, стр. 30) касаются этого вопроса. Оба раздѣляютъ точку зрѣнія Сената. Проф. Шершеневичъ къ аргументаціи Сената прибавляетъ еще слѣдующій доводъ: „опека за расточительность налагается на лицо въ предупрежденіе растраты всего состоянія вслѣдствіе чрезмѣрной роскоши. Этотъ мотивъ опеки устраняетъ необходимость ея участія для составленія завѣщанія. Лицо распредѣляетъ свое имущество на случай смерти: этотъ актъ не угрожаетъ разстройствомъ его имуществу. Этотъ актъ выходитъ за предѣлы тѣхъ сдѣлокъ, которыя совершаются въ его личныхъ интересахъ, которыя направлены на чрезмѣрную роскошь въ собственное удовольствіе. Поэтому такой актъ долженъ стоять

---

[1]) Курсивъ подлинника.

внѣ опеки". Анненковъ ограничивается лишь признаніемъ правильности мнѣній проф. Шершеневича и Сената, но дѣлаетъ при этомъ ошибочную ссылку на саксонское и германское гражданскія уложенія, изъ которыхъ, будто-бы, первое „несостоятельнымъ и расточителямъ предоставляетъ право совершать завѣщанія", а второе „косвенно" указываетъ на то, что расточители не лишены завѣщательной дѣеспособности, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оба уложенія прямо постановляютъ діаметрально противоположное.

Равнымъ образомъ составители проекта нашего гражданскаго уложенія уже безъ всякихъ объясненій категорически утверждаютъ, что „по дѣйствующему законодательству признаніе лица расточителемъ, лишая его права распоряжаться своимъ имуществомъ, не умаляетъ однако способности къ составленію завѣщанія" (кн. IV съ объясненіями, стр. 122).

Для разрѣшенія и освѣщенія нашего вопроса весьма важнымъ является ознакомленіе съ постановкой и съ разрѣшеніемъ его въ наукѣ и законодательствахъ Западной Европы. Вслѣдствіе этого я и остановлюсь нѣсколько на сихъ послѣднихъ.

Ограниченіе дѣеспособности вслѣдствіе расточительства знаютъ всѣ континентальныя законодательства Западной Европы. Не знаетъ его только Англія, гдѣ расточительство, какъ понятіе юридическое, въ гражданскомъ правѣ неизвѣстно вовсе. Въ способѣ же ограниченія дѣеспособности расточителей законодательства Западной Европы могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: группа законодательствъ римско-германскихъ и группа законодательствъ тѣхъ странъ, въ которыхъ дѣйствуетъ или реципированъ code Napoléon. Въ странахъ, принадлежащихъ къ первой группѣ (Германія, Австрія, Сербія, нѣкоторые кантоны Швейцаріи и др.) лицо, объявленное расточителемъ, вовсе устраняется отъ управленія своимъ имуществомъ или управляетъ имуществомъ совмѣстно съ опекунами. Въ странахъ же второй группы (Францiя, Бельгія, Италія, Испанія, Португалія, Румынія, Царство Польское) расточитель ограничивается въ правѣ совершать самостоятельно лишь извѣстныя, точно опредѣленныя въ за-

конѣ, сдѣлки и не поражается вовсе въ общей дѣеспособности. Такъ, по римскому праву къ имуществу расточителя назначался попечитель, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ онъ назначался къ имуществу душевно-больного, самъ же расточитель вовсе устранялся отъ непосредственнаго управленія своимъ имуществомъ: „...prodigo interdicitur bonorum suorum administratio... curatorem ei dare exemplo furiosi...“ (L. 1 pr. D. de cur. fur. 27, 10. Ulpianus). Расточитель признавался лицомъ, не имѣющимъ свободной воли и потому всякія сдѣлки, совершенныя самостоятельно расточителемъ, признавались недѣйствительными: „furiosi vel ejus, cui bonis interdictum sit, nulla voluntas est“ (L. 40 D. de div. reg. jur. 20, 17. Pomponius), Дѣйствительными считались лишь такія сдѣлки, по которымъ расточитель пріобрѣталъ что либо для себя, увеличивалъ свое имущество. Это выражалось общимъ правиломъ, согласно которому такія сдѣлки почитались дѣйствительными по отношенію ко всѣмъ лицамъ, объявленнымъ подъ законнымъ прещеніемъ: „Is cui bonis interdictum est, stipulando sibi adquirit, tradere vero non potest vel promitendo obligari: et ideo nec fidejussor vel promittendo obligari: et ideo nec pro furioso“ (L. 6 D. de verbor. oblig. 45, 1. Ulpianus) и въ другомъ мѣстѣ: „cui bonis interdictum est, novare obligationem suam non potest, nisi meliorem suam conditionem fecerit“ (L. 3. D. de nov. et deleg. 46, 2. Pomponius). Много сравнительно постановленій о расточителяхъ содержитъ прусское земское уложеніе. Объявленный расточителемъ приравнивается относительно своей дѣеспособности къ несовершеннолѣтнему (I, 1 § 31), и надъ нимъ учреждается опека (II, 18 § 14). Расточитель не можетъ безъ разрѣшенія опекуна вступить въ бракъ (II, 1 § 55), на все время состоянія подъ опекой онъ теряетъ родительскую власть (II, 2 §§ 256, 263 и сл.).

Прусскіе законы объ опекахъ и дѣеспособности несовершеннолѣтнихъ 1875 года постановляютъ также, что лицамъ, признаннымъ расточителями, назначается опекунъ, при чемъ къ такого рода опекѣ примѣняются въ общемъ правила объ опекахъ надъ несовершеннолѣтними (ст. 81 п. 2, 83 п. 3).

По Саксонскому гражданскому уложенію 1863 года и по закону, изданному 20 февраля 1882 года, надъ расточителями учреждалась опека (Сакс. гр. ул. ст. 1987 и сл. зак. 20 фев. 1882 г. ст. I) и по общему правилу къ опекѣ надъ расточителями примѣнялись постановленія объ опекѣ надъ несовершеннолѣтними (Сакс. гр. ул. ст. 1998). Въ частности расточители не могли быть свидѣтелями при совершеніи духовныхъ завѣщаній (ст. 2102) и не могли заключать договоровъ о наслѣдованіи (ст. 2545), лишались на время состоянія подъ опекой отеческой власти (ст. 1834).

По проекту Германскаго гражданскаго уложенія надъ лицами, объявленными расточителями, учреждалась опека (§ 1726) и по своей дѣеспособности такія лица приравнивались къ малолѣтнимъ, достигшимъ 7 лѣтняго возраста (§ 70) и въ этомъ смыслѣ опредѣлялись права опекуновъ. Подобно Прусскому и Саксонскому уложеніямъ, проектъ постановляетъ, что во все время существованія опеки расточитель лишается родительской власти (§ 1554). Дѣйствующее Германское гражданское уложеніе въ этомъ отношеніи ничего не измѣнило и повторяетъ всѣ изложенныя постановленія проекта (§ 6 п. 2, §§ 114, 1676, 1685).

По Австрійскому гражданскому уложенію 1811 г. надъ лицами, объявленными расточителями учреждается *попечительство* (§ 270), но права и обязанности попечителей должны обсуждаться на основаніи правилъ, постановленныхъ для опекуновъ (§ 282). Расточители могутъ самостоятельно совершать лишь такія сдѣлки, предметъ которыхъ составляетъ что либо идущее имъ въ пользу, всѣ же прочія сдѣлки, заключенныя самими расточителями, воспринимаютъ силу лишь съ согласія попечителя или суда (§ 865). Объявленные расточителями лишаются также отеческой власти (§ 176).

По гражданскому уложенію Цюрихскаго кантона надъ объявленными расточителями учреждается обыкновенная правительственная опека, такая же, какая учреждается надъ несовершеннолѣтними (§ 317), опекунъ „управляетъ имуществомъ опекаемаго, дѣйствуетъ за него и заключаетъ сдѣлки въ качествѣ его представителя“ (§ 342). *Опеку* для расточителей

сохраняетъ и проектъ общаго Швейцарскаго гражданскаго уложенія (§ 397). Объявленный расточителемъ лишается юридической дѣеспособности (§ 10 исл.).

На такую же точку зрѣнія сталъ и проектъ Венгерскаго гражданскаго уложенія. Надъ объявленнымъ расточителемъ учреждается *опека* (§ 7 п. 2) съ такими же правами и обязанностями, какія установлены по отношенію къ малолѣтнимъ (§ 456) съ нѣкоторыми лишь несущественными изъятіями (§ 457 исл.).

Сводъ гражданскихъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ повторяетъ всѣ постановленія римскаго права (ст. 506, 511).

Таковы постановленія первой группы законодательствъ. Вторая группа законодательствъ (страны, гдѣ дѣйствуетъ Code civil) ставятъ расточителя въ болѣе свободное положеніе. Къ нему назначается лишь попечитель-совѣтникъ (Conseil judiciaire). Расточитель не устраняется отъ непосредственнаго управленія своимъ имуществомъ. Лишь въ извѣстныхъ, точно въ законѣ указанныхъ случаяхъ, необходимо испросить согласіе попечителя. „Расточителю, какъ гласитъ ст. 513 Code civil, можетъ быть запрещено безъ содѣйствія назначеннаго ему судомъ совѣтника принимать участіе въ судебномъ производствѣ, совершать мировыя сдѣлки, дѣлать займы, получать капиталы и въ полученіи ихъ выдавать квитанціи, отчуждать имѣнія и обременять ихъ залогомъ“ (также art 499 гражд. ул. Царства Польскаго ст. 518). Итальянское гражданское уложеніе нѣсколько болѣе суживаетъ дѣеспособность расточителей, требуя еще „содѣйствія“ попечителя и для всякихъ актовъ, „выходящихъ изъ предѣловъ простого управленія имуществомъ“ (art 339). На такой же точкѣ зрѣнія стоитъ и Японское гражданское уложеніе, которое еще болѣе расширяетъ кругъ юридическихъ сдѣлокъ, для дѣйствительности которыхъ требуется согласіе попечителя (ст. 11 и 12). Испанское гражданское уложеніе предоставляетъ усмотрѣнію суда опредѣлить, какія сдѣлки не могутъ быть совершаемы расточителемъ безъ предварительнаго согласія попечителя (ст. 221). Такой же взглядъ усвоило и Португальское гр. уложеніе (ст. 344).

Что касается нашихъ „общихъ" законовъ, то въ отношеніи общей дѣеспособности расточителей наше дѣйствующее законодательство слѣдуетъ, конечно, отнести къ первой группѣ. Какъ законодательство первой группы, такъ и нашъ законъ предписываетъ учреждать надъ имѣніемъ расточителя *опеку*. Надъ имѣніями расточителя налагаются даже запрещенія и „всѣ распоряженія, касающіяся его имѣній, производятся опредѣленными къ нему опекунами" владѣльцы же (т. е. расточители) вовсе устраняются отъ права на продажу или закладъ своего имѣнія и на заключеніе всякаго рода обязательныхъ актовъ" (уст. о пред. и прес. пр. ст.ст. 150, 151 и 152, т. X ч. 1 ст. 1383). Нѣтъ сомнѣнія, что объявленные расточителями не имѣютъ по нашему закону права вовсе распоряжаться своими имѣніями, ни дарить ихъ, ни совершать выдѣлы и т. д.; это вытекаетъ изъ того, что законъ категорически постановляетъ, что *всѣ распоряженія*, касающіяся имѣній расточителей производятся опекунами (ст. 152). Дѣйствительными могутъ почитаться лишь такія сдѣлки, которыя никакихъ обязательствъ на расточителей не налагаютъ, а наоборотъ направлены на явную для нихъ пользу, что собственно должно имѣть мѣсто по отношенію ко всѣмъ лицамъ, находящимся подъ опекой. Расточители могутъ лишь искать и отвѣчать на судѣ (ср. постановленіе code civi) но обязаны увѣдомлять о каждомъ возникшемъ дѣлѣ опекунское учрежденіе. Но процессуальная ихъ дѣеспособность очень ограничена. Они не могутъ безъ согласія опекуновъ избирать повѣренныхъ, оканчивать дѣла миромъ, дѣлать на судѣ какія либо уступки, предъявлять споры о подлогахъ и вступать въ отвѣтъ по такимъ спорамъ (уст. гр. суд. ст. 20).

Перейдемъ теперь непосредственно къ нашему вопросу. Римское право отнимаетъ у лица, объявленнаго расточителемъ право совершать духовныя завѣщанія. Во все время состоянія подъ опекой расточитель лишается такъ называемой testamenti factio activa, но завѣщанія, совершенныя имъ до учрежденія опеки, оставались дѣйствительными. Правило это выражается въ римскомъ правѣ не въ спеціальной нормѣ, установленной для расточителей, а общимъ постановленіемъ, согласно которому

лица коимъ вообще запрещено распоряжаться имуществомъ, лишены права распоряжаться имъ и на случай смерти. „Is, cui lege bonis interdictum est, гововоритъ Ульпіанъ, testamentum facere non potest et, si fecerit, ipso jure non valent: quod tamen interdictione vetustius habuerit testamentum, hoc valebit (L 18 pr. D. qui test. fac. 28,1). Только въ институціяхъ мы находимъ спеціальное правило, относящееся къ расточителямъ: „Item prodigus, cui bonorum suorum administratio interdicta est, testamentum facere non potest, sed id quod ante fecerit, quam interdictio ei bonorum fiat, ratum est“. (§ 2 Inst II, 12). Изъ приведенныхъ мѣстъ явствуетъ съ несомнѣнностью, что юридическое основаніе лишенія расточителей testamentufactio activa лежало главнымъ образомъ, если не исключительно, въ interdictio bonis, а не въ чемъ либо иномъ (Windscheid. Pandecten 8. Aufl. III стр. 208 прим. 5). Равнымъ образомъ, недѣйствительны были фидеикомиссы расточителей; „Sciendum est читаемъ мы въ источникахъ, eos demum fideiconmissum posse relinquere, qni testandi jus habent“ (L 2 D. de legatis, 30).

Сводъ гражданскихъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ вполнѣ усвоилъ римскую точку зрѣнія по этому вопросу. Право распоряжаться своимъ имуществомъ посредствомъ завѣщанія имѣетъ лицо, обладающее слѣдующими качествами: 1) здоровый умъ и твердая память (качество субъективное) 2) способность ясно выражать свою волю (качество субъективное) и 3) *право распоряжаться своимъ имуществомъ* (качество объективное) (ст. 1984). Расточители же прямо лишены закономъ права составлять завѣщанія (ст. 1988).

Не можетъ распорядиться посредствомъ завѣщанія расточитель и по дѣйствующимъ въ Бессарабіи законамъ (Шестикнижіе Арменопула ст. 1226, 1306 Гроссманъ. Мѣстные законы Бессарабіи).

Прусское земское уложеніе также ставитъ завѣщательную дѣеспособность въ зависимость отъ общаго права завѣщателя распоряжаться своимъ имуществомъ при жизни. „Поскольку каждое лицо способно и *имѣетъ право распоряжаться своимъ имуществомъ по сдѣлкамъ между живыми, постолько онъ*

вправѣ дѣлать распоряженія о своемъ имуществѣ на случай смерти", такъ гласитъ соотвѣтствующее правило уложенія (1, 12 § 9) [1]. Засимъ послѣ цѣлаго ряда спеціальныхъ правилъ относительно testamentifactio activa мы находимъ въ уложеніи правило, касающееся расточителей. Эти послѣдніе могутъ свободно распоряжаться посредствомъ завѣщанія только половиной своего имущества (тамъ же 4 § 27—29). Такое же правило относительно расточителей содержитъ и Австрійское гражданское уложеніе. „Объявленный по суду расточителемъ, гласитъ ст. 568 Австр. ул., можетъ распоряжаться посредствомъ завѣщательнаго распоряженія только половиною своего имущества, другая же половина поступаетъ къ наслѣдникамъ по закону".

Саксонское гражданское уложеніе слѣдующимъ образомъ нормируетъ testamentifactio activa: „достигшій четырнадцатилѣтняго возраста имѣетъ право совершить завѣщаніе и, притомъ, безъ отца или опекуна, если даже онъ находится подъ отеческою властью или подъ опекою по несовершеннолѣтію" (ст. 2066). Вслѣдъ за этимъ общимъ правиломъ слѣдуетъ цѣлый рядъ исключеній, въ числѣ которыхъ мы находимъ и слѣдующее правило: „расточители, объявленные таковыми судебнымъ порядкомъ, во время состоянія подъ опекою не могутъ совершать завѣщаній" (ст. 2076). Такимъ образомъ Саксонское гражданское уложеніе абсолютно лишаетъ расточителя завѣщательной дѣеспособности.

Цюрихское гражданское уложеніе содержитъ нѣсколько иное правило о testamentifactio activa. Соотвѣтствующая статья уложенія гласитъ: „каждое вышедшее изъ малолѣтняго возраста лицо, самостоятельно ли оно или находится подъ опекою, по общему правилу имѣетъ право совершить завѣщаніе въ предположеніи, что во время совершенія завѣщанія оно, хотя физически больное, обладаетъ здоровыми умственными способностями" (ст. 2054). Но уже слѣдующая статья дѣлаетъ исключеніе для расточителей. „Если лицо вслѣдствіе расточительности, читаемъ мы, взято подъ опеку, то

[1]) Ср. ст. 1018 т. X ч. 1.

въ видѣ исключенія [1]), его завѣщаніе требуетъ утвержденія опекунскихъ установленій“ (ст. 2055).

Новый проектъ общаго Швейцарскаго гражданскаго уложенія даетъ слѣдующее общее правило: „кто обладаетъ естественною дѣеспособностью (natürliche Handlungsfähigkeit) и достигъ при томъ восемнадцатилѣтняго возраста, тотъ имѣетъ право съ соблюденіемъ законныхъ ограниченій и формъ распорядиться своимъ имуществомъ посредствомъ завѣщанія“ (ст. 492). Объявленные расточителями лишаются юридической дѣеспособности (ст. 10, 11, 12 и 397) [2]). Но проектъ знаетъ еще особую дѣеспособность „естественную“, субъективную, фактическую, которою расточители, какъ таковые, конечно, обладаютъ. За ними признается извѣстная степень разумнаго отношенія къ своимъ интересамъ. Быть подъ опекой еще не значитъ, по проекту, быть лишеннымъ абсолютной дѣеспособности. Относительно этихъ лицъ ст. 12 проекта постановляетъ: „sie können jedoch, insofern sie die natürliche Handlungsfähigkeit besitzen, ohne Zustimmung ihrer Vertreter Rechte erwerben oder sich von Pflichten befreien, die höchst persönlichen Rechte ausüben und sich durch unerlaubte Handlungen ersatzpflichtung machen“. Вся суть въ психической организаціи субъекта въ моментъ составленія завѣщанія, внѣ всякой зависимости отъ того, находится ли онъ подъ опекой или нѣтъ. Въ виду сего слѣдуетъ признать, что расточительность сама по себѣ не лишаетъ, по проекту, права самостоятельно составить завѣщаніе (См. Erläuterungen zum Vorentwurf des Schweiz. Civilgesetzbuchs H. 2. Das Erbrecht. стр. 64.: „Verschwender, auch wenn sie bevormundet sind, besitzen mit der naturlichen Handlungsfähigkeit auch die Verfügungsfähigkeit“).

Проектъ Венгерскаго гражданскаго уложенія точно также не считаетъ расточительность поводомъ къ лишенію завѣща-

---

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Ст. 397. „Unter die Vormundschaft gehört jede mündig gewordene Person, die durch Verschwendungssucht.. sich oder ihre Familie der Gefahr eines Notstandes oder der Verarmung aussetzt“..

Ст. 12 п. I. Die Handlungsfähigkeit ist entzogen den Unmündiger und dem entmüntigten Personen.

тельной дѣеспособности. Это вытекаетъ изъ постановленія § 1819, гласящаго: „Лицо, не достигшее 14-тилѣтняго возраста, или лишенное права вступать въ договорныя отношенія или состоящее подъ опекой, *вслѣдствіе душевной болѣзни* [1]), не можетъ совершить завѣщанія". Что же касается лицъ, не могущихъ вступать въ договорныя отношенія, то по этому поводу имѣется въ проектѣ другая статья, которая можетъ намъ разъяснить, о комъ идетъ рѣчь въ только процитированномъ правилѣ. Вотъ что мы читаемъ въ § 916 „Einen Vertrag kann nicht schliessen und auch eine andere rechtliche Erklärung kann nicht abgeben, wer sich in bewustlosem zustande befindet, oder an einem die Willensbestimungausschliessenden Geisteübel leidet (vertragsunfähige Person)".

Японское гражданское уложеніе разрѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Testamentifactio activa имѣетъ каждое лицо, достигшее 14-тилѣтняго возраста (ст. 1061). Слѣдующая же статья категорически устанавливаетъ, что ст. 4, 9, 12 и 14, ограничивающія дѣеспособность лицъ, состоящихъ подъ опекой, въ томъ числѣ расточителей, не относятся къ духовнымъ завѣщаніямъ. Такимъ образомъ и Японское уложеніе не признаетъ расточительство само по себѣ поводомъ къ лишенію завѣщательной дѣеспособности.

Переходимъ къ Германскому гражданскому уложенію, гдѣ вопросъ нашъ получилъ весьма любопытное освѣщеніе и пережилъ очень интересные фазисы въ своемъ развитіи.

Составители перваго проекта удѣлили нашему вопросу много вниманія и высказали при этомъ слѣдующія соображенія de lege ferenda.

„Ограниченіе права расточителей совершать завѣщанія не имѣетъ никакихъ внутреннихъ основаній. Цѣль ограниченія дѣеспособности расточителей заключается въ томъ, чтобы предохранить ихъ самихъ и ихъ семейства отъ крайней бѣдности и нужды.

Эта цѣль оправдываетъ только ограниченія въ отношеніи сдѣлокъ между живыми. По отношеніи же къ завѣщатель-

---

[1]) Курсивъ мой.

нымъ распоряженіямъ могутъ быть принимаемы во вниманіе исключительно интересы родственниковъ и въ особенности семьи расточителя. Но эти интересы вполнѣ обезпечены институтомъ обязательной доли. То обстоятельство, что расточитель можетъ дѣлать неразумныя распоряженія своимъ имуществомъ на случай своей смерти, не можетъ создавать основаній къ отнятію у него этого права и къ передачѣ всего его имущества его законнымъ наслѣдникамъ. Если при полной свободѣ расточителя совершать завѣщанія, родственники изъ опасенія мести со стороны этого послѣдняго будутъ бояться хлопотать объ учрежденіи надъ нимъ опеки и объявленіи его подъ законнымъ прещеніемъ, то въ этомъ смыслѣ забота о родственникахъ идетъ черезчуръ далеко. Въ единичныхъ случаяхъ это можетъ въ дѣйствительности имѣть мѣсто, но съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ виду, что отнятіе у расточителя права завѣщать можетъ лишить его возможности надѣлять изъ своего имущества на случай его смерти такихъ его родственниковъ, которые изъ обязательной доли ничего не получатъ и которымъ онъ однако желалъ бы что либо завѣщать. Принципъ Прусскаго земскаго и Австрійскаго гражданскаго уложеній, которыя даютъ расточителю право распоряжаться посредствомъ завѣщанія только половиной своего имущества не устраняетъ указаннаго неудобства и несправедливости. Такая постановка вопроса можетъ только запутать его".

Въ силу этихъ соображеній составители проекта пришли къ заключенію, что нѣтъ никакихъ основаній сохранить въ будущемъ гражданскомъ уложеніи господствующій въ Германіи принципъ полнаго ограниченія расточителей относительно права совершать завѣщанія и включили въ проектъ противоположное правило, согласно которому лицамъ этимъ предоставляется въ отношеніи распоряженій имуществомъ на случай смерти полная свобода дѣйствій (Motive zu dem Entwurfe eines BGB für das dautsche Reich, V, стр. 249 и слѣд. Entwurf, Erste Lesung § 1912).

Проектъ такой радикальной реформы не остался, однако, въ критической литературѣ Германіи безъ возраженій (напр.

Gierke, Ver Entwurf eines BGB. 1889 г. стр. 523, также Endemann Einführung i. d. studium d. BGB. III стр. 108 прим. 8) и въ парламентской коммисіи при обсужденіи этого вопроса обнаружилось разногласіе. Большинство членовъ коммисіи стояло на точкѣ зрѣнія составителей проекта; меньшинство же поддерживало старый римскій принципъ.

Меньшинство это разсуждало такъ: нормальное наслѣдованіе есть наслѣдованіе ab intestato. Государство считаетъ своею обязанностью заботиться о томъ, чтобы послѣ смерти собственника произошло разумное и справедливое распредѣленіе его имущества. Вслѣдствіе этого законъ устанавливаетъ такой порядокъ наслѣдованія, который соотвѣтствуетъ обычнымъ отношеніямъ. Но такъ какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ этотъ порядокъ можетъ оказаться нецѣлесообразнымъ, то законъ предоставляетъ собственнику право лично установить иное распредѣленіе его имущества. Но изъ этого само собою вытекаетъ, что личность завѣщателя должна внушать полную увѣренность въ томъ, что распредѣленіе имущества будетъ сдѣлано дѣйствительно разумно и справедливо. Этой увѣренности нѣтъ по отношенію къ расточителю. Если лицо было признано настолько ненадежнымъ, что вызвало учрежденіе надъ собой опеки, то какъ же можетъ оно внушить то довѣріе, которое государство должно питать давая собственнику возможность совершать завѣщанія? Предоставленіе лицу, лишенному самыхъ важныхъ публичныхъ и гражданскихъ правъ, возможности измѣнять установленный закономъ порядокъ наслѣдованія—явилось бы очевиднымъ противорѣчіемъ. Но противъ такого предоставленія говоритъ не только то обстоятельство, что лицо это не можетъ внушать увѣренность въ разумномъ и справедливомъ распредѣленіи своего имущества на случай смерти. Расточитель лишается дѣеспособности вслѣдствіе того, что онъ своимъ образомъ жизни и чрезмѣрными тратами ставитъ себя и близкихъ своихъ въ опасность впасть въ крайнюю нужду.

Въ вопросѣ же о наслѣдственномъ преемствѣ на первомъ планѣ должны быть выдвинуты интересы семьи, которую расточитель легко можетъ лишить наслѣдства, такъ какъ

семья и является постоянной непосредственной виновницей учрежденія опеки надъ расточителемъ. Если дать расточителю свободу совершать завѣщанія, то во многихъ случаяхъ близкіе его не будутъ хлопотать объ учрежденіи опеки, изъ боязни быть лишенными наслѣдства. Обязательная доля отъ этого нисколько не предохраняетъ.

Въ виду этихъ соображеній меньшинство коммисіи полагало оставить принципъ римскаго права неприкосновеннымъ.

Большинство же членовъ коммисіи стало, какъ уже замѣчено, на противоположную точку зрѣнія, высказавъ при этомъ слѣдующія соображенія. Каждый имѣетъ право распорядиться своимъ имуществомъ на случай своей смерти, и наслѣдованіе ab intestato наступаетъ лишь при отсутствіи вполнѣ дѣйствительнаго духовнаго завѣщанія. Что завѣщательная дѣеспособность не можетъ быть разсматриваема какъ особое довѣріе, которое государство выражаетъ личности завѣщателя, доказывается еще тѣмъ, что государство не лишаетъ завѣщательной дѣеспособности лицъ, которыя явно не заслуживаютъ довѣрія вообще (преступники и пр.). Въ данномъ случаѣ вопросъ можетъ быть только поставленъ слѣдующимъ образомъ: предоставляется ли достаточно основаній, исходя изъ цѣли учрежденія опеки, лишить опекаемаго также завѣщательной дѣеспособности? Положеніе дѣла въ вопросѣ о расточителѣ иное, чѣмъ при душевно-больномъ. По отношенію къ душевно-больнымъ государство лишь санкціонируетъ уже существующую несомнѣнную недѣеспособность. Расточители же, сами по себѣ, не могутъ быть разсматриваемы какъ субъекты недѣеспособные вообще и вовсе не представляютъ особаго рода душевно-больныхъ, какъ смотритъ на нихъ римское право. Государство отнимаетъ дѣеспособность не у всякаго расточителя, а только у такого, который ставитъ себя или свою семью въ опасное или бѣдственное экономическое положеніе. Эти основанія могутъ вести исключительно къ ограниченію дѣеспособности только по отношенію къ сдѣлкамъ inter vivos, но отнюдь не по отношенію къ завѣщаніямъ. Нечего опасаться злоупотребленія со стороны расточителей правомъ совершать завѣщанія. Интересы расточителя концентрируются лишь вокругъ

отношенiй, устанавливаемыхъ при его жизни, а не послѣ смерти, ибо ему не представляется интереса „расточать" свое имущество послѣ смерти. Нельзя отрицать, что возможны такiя завѣщательныя распоряженiя, которыя будутъ сдѣланы исключительно изъ желанiя мстить своимъ близкимъ. Но это будутъ только исключительные случаи, изъ боязни передъ которыми нельзя лишать всѣхъ расточителей завѣщательной дѣеспособности. Этимъ государство лишитъ, между прочимъ, возможности увеличивать доли своихъ наслѣдниковъ назначенныхъ въ прежде совершенныхъ завѣщанiяхъ, что едва ли справедливо и цѣлесообразно. Если лишить расточителя завѣщательной дѣеспособности, то надлежитъ, по крайней мѣрѣ, предоставить ему право уничтожать свои прежнiя завѣщанiя.

По этимъ соображенiямъ большинство членовъ коммисiи пришло къ заключенiю, что не представляется никакихъ основанiй къ лишенiю расточителей завѣщательной дѣеспособности. (Protokolle, V, стр. 324 и сл.).

Въ результатѣ, однако, восторжествовало мнѣнiе меньшинства, и въ дѣйствующемъ германскомъ гражданскомъ уложенiи мы находимъ слѣдующiя правила.

„Лицо, ограниченное въ своей дѣеспособности, не нуждается въ согласiи своего законнаго представителя на составленiе завѣщанiя". „Несовершеннолѣтнiй можетъ составить завѣщанiе только, если ему исполнилось шестнадцать лѣтъ отъ роду". „Лицо, объявленное состоящимъ подъ законнымъ прещенiемъ по слабоумiю или вслѣдствiе расточительности или пьянства, не можетъ составить завѣщанiя. Неспособность наступаетъ уже съ подачею просьбы, на основанiи которой оно должно быть объявлено состоящимъ подъ законнымъ прещенiемъ" (§ 2229). „Если лицо, состоящее подъ законнымъ прещенiемъ, составило завѣщанiе, пока признанiе его состоящимъ подъ законнымъ прещенiемъ еще можетъ быть оспорено, то подобное признанiе не лишаетъ его завѣщанiя дѣйствительности, коль скоро оно умретъ, пока признанiе еще можетъ быть оспорено".

„Это правило примѣняется и въ томъ случаѣ, когда лицо, состоящее подъ законнымъ прещенiемъ, составитъ завѣщанiе

послѣ заявленія имъ ходатайства объ отмѣнѣ опредѣленія о признаніи его состоящимъ подъ законнымъ прещеніемъ, и это признаніе, согласно его просьбѣ, будетъ отмѣнено" (§ 2230).

Но лишая расточителей абсолютно завѣщательной дѣеспособности, уложеніе предоставляетъ имъ, однако, право отмѣнять составленныя ими ранѣе завѣщанія. Въ этомъ смыслѣ § 2253 уложенія гласитъ:

„Признаніе завѣщателя состоящимъ подъ законнымъ прещеніемъ по слабоумію или вслѣдствіе расточительности или пьянства не препятствуетъ отмѣнѣ имъ завѣщанія, составленнаго до признанія его состоящимъ подъ законнымъ прещеніемъ". Такъ разрѣшенъ въ концѣ концовъ нашъ вопросъ въ Германскомъ гражданскомъ уложеніи.

Что касается французскаго гражданскаго кодекса, то, какъ мы видѣли, въ немъ расточитель не ограничивается вообще въ своей дѣеспособности, но законъ перечисляетъ лишь тѣ сдѣлки, для дѣйствительности которыхъ необходимо согласіе или одобреніе со стороны попечителя-совѣтника (conseil judiciare) (art 499 и 513). По своему характеру это ограниченіе никакъ не можетъ быть толкуемо распространительно. По вопросу же о testamentifactio activa вообще code civil постановляетъ нижеслѣдующее: Pour faire . . . . un testament, il faut être sain d'esprit" (art. 90) „Toutes personnes peuvent disposer . . . par testament, excepté celles que la loi en déclare incapables" (art. 902). Такія же точно правила содержитъ гражданское уложеніе, дѣйствующее въ Царствѣ Польскомъ [1]).

Въ Итальянскомъ гражданскомъ уложеніи находимъ по этому вопросу слѣдующія правила:

„Завѣщанія могутъ составлять всѣ необъявленные по закону неспособными" (art 762). „Неспособны завѣщать: 1) не имѣющіе 18-ти лѣтъ отъ роду, 2) состоящіе подъ опе-

[1]) § 901. „Для силы даренія и завѣщанія необходимо, чтобы во время ихъ составленія даритель и завѣщатель были въ твердомъ умѣ".

§ 902. „Каждый можетъ распоряжаться и пріобрѣтать какъ посредствомъ даренія, такъ и по завѣщанію; изъ сего исключаются лица, которыхъ законъ признаетъ къ тому неспособными".

кою (interditti) по слабоумію; 3) тѣ, которые хотя и не состоятъ подъ опекою, но не были въ здравомъ умѣ во время составленія завѣщанія" (art 763).

Изъ этихъ постановленій явствуетъ съ несомнѣнностью, что для признанія расточителей неимѣющими testamentifactio activa необходимо спеціальное постановленіе о томъ закона, а такого постановленія ни въ code civil, ни въ итальянскомъ уложеніи не находимъ. Въ числѣ ограниченій, перечисленныхъ въ ст. 513 code civil, находимъ запрещеніе расточителямъ *отчуждать* свое имущество безъ одобренія совѣтника-попечителя (Итальянское уложеніе прибавляетъ „и совершать безвозмездные акты" (art 339) и въ этомъ смыслѣ слова эти нужно отнести какъ къ отчужденіямъ возмезднымъ, такъ и безвозмезднымъ). Завѣщаніе же не есть актъ *отчужденія*, это есть объявленіе своей послѣдней воли относительно своего мущества (art. 895), посему слѣдуетъ признать, что расточители по code civil (и по Итальянскому гражд. улож. а также вообще по законодательствамъ тѣхъ странъ, которыя реципировали code Napoléon) не лишены права составлять завѣщанія. Слѣдуетъ отмѣтить, что французское право дѣлаетъ различіе между общей юридической дѣеспособностью и спеціально-завѣщательною, причемъ оба понятія не всегда совпадаютъ. (Zachariae-Crome. Nandbuch d. Franc. Civilrechts. 8 изд. IV стр. 226 и сл. Planiol. Traité élém. de droit. civil. 2 изд. III стр. 834 и сл.).

Прежде, чѣмъ перейти къ дѣйствующему у насъ общему праву, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующее любопытное положеніе. Ни одно изъ перечисленныхъ выше законодательствъ не ставитъ testamentifactio въ связь съ правомъ распоряжаться имуществомъ вообще. Исключеніе представляютъ только Прусское земское уложеніе и римское право, которыя ставятъ завѣщательную дѣеспособность въ тѣсную связь съ interdictio bonis и на этомъ основаніи, какъ мы видѣли выше расточители по римскому праву лишены завѣщательной дѣеспособности.

Переходимъ къ Русскому праву.

„Когда учреждена надъ кѣмъ либо опека по причинѣ расточительности или мотовства, гласитъ ст. 152 уст. о прес.

и предупр. пр., то всѣ распоряженія, касающіяся его имѣнія, производятся опредѣленными къ нему опекунами . . . . ; владѣльцы же вовсе отстраняются отъ права на продажу или закладъ своего имѣнія и на заключенія всякаго рода обязательныхъ актовъ". Согласно же ст. 151 того же устава „для отвращенія совершенія крѣпостныхъ актовъ на имѣнія расточителей налагаются запрещенія".

Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія, что расточители не могутъ не только продавать или закладывать свои имѣнія но и дарить, выдѣлять, дѣлить и т. д. Это вытекаетъ прямо изъ слѣдующихъ постановленій закона:

1) Всякія распоряженія, касающіяся имѣній расточителей совершаются опекунами (ук. выше ст. 152).

2) Расточителямъ запрещается совершать всякаго рода обязательные и крѣпостные акты (ст. 151 и 152).

Акты же даренія, выдѣла, раздѣла и под. суть акты обязательные и по отношенію къ недвижимостямъ-крѣпостные.

Ясно отсюда, что *расточителямъ вообще запрещено отчуждать свои имущества, запрещено абсолютно, всякаго рода отчужденія могутъ быть совершаемы только опекунами*, какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ малолѣтнимъ.

По вопросу же о testamentifactio activa десятый томъ содержитъ правило аналогичное съ римскимъ правомъ. Вотъ что гласитъ ст. 1018 т. X св. зак. гражд.:

„Всѣ духовныя завѣщанія тогда только могутъ быть дѣйствительны, когда они составляются лицами, имѣющими по законамъ право отчуждать свое имущество". Изъ этой статьи слѣдуетъ съ несомнѣнной ясностью, что для дѣйствительности завѣщанія необходимо, чтобы завѣщатель въ моментъ составленія завѣщанія не былъ ограниченъ въ правѣ *отчуждать* свое имущество, т. е. не былъ ограниченъ въ этомъ смыслѣ въ своей юридической дѣеспособности. Даже лицамъ, достигшимъ 17-тилѣтняго возраста и имѣющимъ по закону право отчуждать свое имущество съ согласія попечителя (ст. 210 т. X ч. 1) законъ не даетъ права совершать завѣщанія, какъ это, „какъ бы поясняетъ" слѣдующая 1019 ст. т. X ч. 1. Нашъ законъ требуетъ для дѣйствительности завѣщанія

неограниченнаго со стороны завѣщателя „права на полное распоряженіе имуществомъ", права „свободно вступать въ обязательства", о которомъ говоритъ ст. 221 т. X ч. 1 св. зак. гражд.

Постановленіе ст. 1021 т. X. ч. 1, признающее относительную силу завѣщаній „лицъ, состоящихъ подъ опекой по долгамъ" какъ исключеніе изъ общаго правила, только подтверждаетъ это послѣднее и во всякомъ случаѣ не допускаетъ распространенія по аналогіи, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Анненковъ.

Рядомъ съ только что указанной статьей стояла другая статья 1022-ая, вошедшая въ 1 ч. X т. по изданію 1857 года и нынѣ значащаяся отмѣненной. Статья эта гласила: „Лицамъ, состоящимъ подъ опекою за злоупотребленіе помѣщичьей властью, не воспрещается въ составляемыхъ ими духовныхъ завѣщаніяхъ о благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ изъявлять свою волю о дареніи сихъ имѣній послѣ ихъ смерти".

Положеніе этой статьи ясно показываетъ, что и это было исключеніе изъ общаго правила, выраженнаго въ 1018 ст., и какъ таковое только подкрѣпляетъ его. Сенатъ говоритъ: „То, что 152 ст. уст. о пред. и прес. преступл. воспрещаетъ расточителямъ отчуждать свои имѣнія, а по 1018 ст. 1 ч. т. X духовныя завѣщанія дѣйствительны, когда они составлены лицами, имѣющими право отчуждать свое имущество, *не даетъ основанія заключать*, [1]) что расточители лишены права распоряжаться своимъ имуществомъ на случай смерти, потому, что распоряженіе на случай смерти, не есть *обязательный* актъ для владѣльца".

Но какое значеніе можетъ имѣть здѣсь понятіе „*обязательные* [2]) акты"? Вѣдь запрещеніе совершать обязательные акты, т. е. какъ поясняетъ самъ Сенатъ, вступать въ обязательныя отношенія, не является вовсе какимъ то самостоятельнымъ, исключительнымъ ограниченіемъ для расточителей. Это ограниченіе есть логическое послѣдствіе общаго запре-

---

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Курсивъ подлинника.

щенія расточителямъ дѣлать какія бы то ни было распоряженія относительно своихъ имѣній, о чемъ ясно говоритъ упоминаемая самимъ Сенатомъ 152 статья. Въ нашемъ же вопросѣ насъ должно интересовать вовсе не это. Не въ томъ дѣло, можетъ ли данное лицо вступать въ обязательства, а въ томъ, ограничено-ли оно въ правѣ отчуждать свои имѣнія, или нѣтъ?

Вѣдь для опредѣленія права завѣщать законъ прямо требуетъ *право отчужденія* имущества на сторонѣ завѣщателя. Ясно, что не только „нѣтъ основаній заключать, что расточители лишены права распоряжаться своимъ имуществомъ на случай смерти", какъ это полагаетъ Сенатъ, но, наоборотъ, нѣтъ основаній и больше того—*нельзя* заключать, что расточители могутъ совершать завѣщанія, ибо законъ прямо этимъ запрещаетъ. То, что и Государственный Совѣтъ, какъ утверждаетъ Сенатъ, не нашелъ также возможнымъ причислить расточителей, состоящихъ подъ опекой, къ лицамъ, признаваемымъ неправоспособными распоряжаться своимъ имуществомъ по завѣщанію, ничего не доказываетъ, развѣ только указываетъ на то, что и Государственный Совѣтъ заблуждался въ данномъ случаѣ, но не болѣе: ибо если законъ и кажется несправедливымъ, то измѣненіе его должно послѣдовать въ порядкѣ законодательномъ, но отнюдь не путемъ „разъясненій". Какъ мы видимъ выше, и code civil запрещаетъ расточителямъ отчуждать свои имѣнія. Но, во-первыхъ, тамъ отчужденіе не воспрещено расточителю абсолютно, какъ это имѣетъ мѣсто у насъ, а поставлено въ зависимось отъ согласія попечителя, а во вторыхъ, что важнѣе всего, французское уложеніе *не связываетъ права совершать завѣщанія съ правомъ отчуждать имущества, какъ это требуетъ нашъ законъ* и какъ это имѣло мѣсто въ правѣ римскомъ.

Резюмируемъ сказанное. Правильное разрѣшеніе вопроса дасть только слѣдующій силлогизмъ.

1) Для дѣйствительности духовнаго завѣщанія, по нашему праву, требуется, чтобы завѣщатель имѣлъ въ моментъ совершенія завѣщанія право отчуждать свое имущество (ст. 1018 т. X ч. 1); 2) Расточители, пока они состоятъ подъ опекой, вовсе не

имѣютъ права *отчуждать* свое имущество (ст. 151 и 152 уст. о пр. и пр. прест.). Слѣдовательно: 3) расточители, во все время существованія надъ ними опеки, не имѣютъ права совершать завѣщанія. Это единственный исходъ для рѣшенія вопроса. Иного рѣшенія de lege lata быть не можетъ.

Что касается права расточителей отмѣнять свои завѣщанія, которыя совершены до учрежденія опеки, то данный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ смыслѣ положительномъ и вотъ почему.

Сама по себѣ отмѣна завѣщанія (но не измѣненіе его) не есть „объявленія воли о своемъ имуществѣ на случай смерти" (ст. 1010 т. X ч. 1), а есть такой актъ, посредствомъ котораго лицо это аннулируетъ разъ выраженную на случай смерти волю, и слѣдовательно не является „завѣщаніемъ". А разъ это не завѣщаніе и не актъ, подходящій подъ сдѣлки, перечисленные въ ст. 152 уст. о пресѣч. и предупр. престул., то, слѣдовательно, расточители въ этомъ отношеніи ничѣмъ не ограничены;—это подтверждается еще и прямымъ постановленіемъ ст. 1030 т. X ч. 1, которое никакихъ ограниченій для расточителей не содержитъ. Статья 1031 т. X. ч. 1, значащаяся по изданію 1900 г. „замѣненною правилами, изложенными въ ст. 1030" не даетъ основаній къ иному разрѣшенію вопроса. Статья эта гласила: „Всякая отмѣна, измѣненіе и перемѣна въ завѣщаніи подлежитъ въ *составленіи* [1]) ихъ тѣмъ же правиламъ, какъ и самое завѣщаніе". Здѣсь идетъ рѣчь только о *составленіи*, т. е. о формѣ, но отнюдь не о дѣеспособности лица, отмѣняющаго завѣщаніе. Не то, конечно, *измѣненіе* или *перемѣна* завѣщанія. Всякое измѣненіе или перемѣна является по существу *завѣщаніемъ* же, а для дѣйствительности его необходимо условіе 1018 ст. т. X ч. 1.

Такова lex lata.

Составители проекта гражданскаго уложенія, находя, что „по дѣйствующему законодательству признаніе лица расточителемъ, лишая его права распоряжаться своимъ имуществомъ,

---

[1]) Курсивъ мой.

не умаляетъ однако способа къ составленію завѣщанія", рѣшили отступить отъ дѣйствующаго (?) законодательства по данному вопросу на основаніи слѣдующихъ соображеній. „Какъ извѣстно, разсуждаютъ составители проекта, при объявленіи лица расточителемъ преслѣдуется троякая цѣль: во-первыхъ, имѣется въ виду чисто полицейская цѣль—охранить общество отъ безнравственнаго примѣра, какимъ является „безпутство" расточителя; во-вторыхъ, имѣется въ виду охранить интересы самого расточителя, сохранивъ ему его же имущество для безбѣдной жизни, и наконецъ, въ третьихъ, охраняются интересы лицъ, близкихъ расточителю, заботливость о которыхъ составляетъ его нравственную обязанность и по просьбѣ которыхъ опека учреждается чаще всего. При настоящемъ законодательствѣ достигаются двѣ первыя цѣли, достиженіе же третьей цѣли парализуется правомъ расточителя совершить завѣщаніе и тѣмъ лишить близкихъ ему лицъ того имущества, которое было сохранено посредствомъ учрежденія опеки. Въ видахъ достиженія этой цѣли, а равно въ виду также и того, что было бы непослѣдовательно за лицомъ, признаваемымъ не способнымъ распоряжаться своимъ имуществомъ по сдѣлкамъ между живыми, сохранять неограниченное право въ совершеніи важнѣйшей сдѣлки на случай смерти—проектъ отступаетъ отъ дѣйствующаго законодательства, предполагая ограничить завѣщательную свободу расточителей. Къ изложенному слѣдуетъ присовокупить то немаловажное соображеніе, что сохраненіе за расточителемъ неограниченнаго права дѣлать завѣщанія даетъ ему полную возможность вымещать на родственникахъ, добившихся учрежденія надъ ними опеки, ту непріязнь, которую онъ къ нимъ чувствуетъ. При такихъ условіяхъ затрудняется безъ того нелегкая задача производства объ объявленіи лица неправоспособнымъ вслѣдствіе расточительности. Между тѣмъ затрудненіе подобнаго рода мѣръ противорѣчитъ, какъ интересамъ самого расточителя, такъ общественнымъ интересамъ"[1]).

---

[1]) Ср. разсужденія парламентской каммисіи по составленію герм. гражд. ул

„Признавая, продолжаютъ они далѣе, невозможнымъ удержать на будущее время правила дѣйствующаго (?) закона, допускающаго полную свободу завѣщаній расточителей, проектъ однако находитъ цѣлесообразнымъ избѣжать и другой крайности, какою представлялось бы *совершенное лишеніе расточителей права совершать завѣщанія.* Подобное правило было бы слишкомъ строгимъ. Оно не соотвѣтствовало бы основнымъ условіямъ дѣйствительности завѣщанія, т. е. присутствію у завѣщателя твердой памяти и здраваго ума. Этихъ качествъ отнять у расточителей, какъ таковыхъ, въ большинствѣ случаевъ нельзя. Если же расточитель, какъ тому бывали примѣры, является человѣкомъ ненормальнымъ въ умственномъ отношеніи, то надъ нимъ должна быть учреждена опека по душевной болѣзни. Если же опеки учреждено не было, то составленное такимъ лицомъ завѣщаніе можетъ быть признано недѣйствительнымъ по ст. 87 проекта кн. I улож. Наконецъ, разсматриваемое правило выходило бы за предѣлы тѣхъ цѣлей, которыя законъ можетъ преслѣдовать, ограничивая расточителей въ правѣ совершать завѣщанія. Въ самомъ дѣлѣ, ни охраненіе *общества отъ безнравственнаго примѣра*, ни охраненіе *интересовъ самого расточителя*, ни, наконецъ, охраненіе *накопленныхъ богатствъ отъ ихъ разрушенія* не стоятъ ни въ какой связи съ воспрещеніемъ расточителю распоряжаться имуществомъ по завѣщанію. Такое воспрещеніе можетъ преслѣдовать лишь единственную цѣль— оградить *интересы семьи расточителя и его ближайшихъ родственниковъ.* Но если у расточителя нѣтъ супруга, ни родственниковъ первыхъ двухъ разрядовъ, то, казалось бы, не имѣется правильнаго основанія лишать расточителя права въ данномъ случаѣ совершать завѣщаніе. Такимъ образомъ проектъ, въ огражденіе интересовъ ближайшихъ наслѣдниковъ расточителя, т. е. его *супруга и родственниковъ первыхъ двухъ разрядовъ*, воспрещаетъ расточителю совершать завѣщаніе".

Составители проекта пошли еще далѣе и въ интересахъ той же семьи признали необходимымъ ввести обратное дѣйствіе ограничительнаго закона по отношенію къ завѣщаніямъ

расточителей. При этомъ коммисія высказала слѣдующія соображенія: „Если послѣ лица, состоявшаго подъ опекою вслѣдствіе душевной болѣзни, останется завѣщаніе, составленное до учрежденія опеки, то заинтересованнымъ лицамъ, вообще говоря, не трудно будетъ оспорить такое завѣщаніе, представивъ доказательства, что завѣщатель при совершеніи завѣщанія находился въ состояніи умственнаго разстройства. Доказать же это обстоятельство въ отношеніи расточителя, человѣка въ общемъ нормальнаго, въ большинствѣ случаевъ окажется невозможнымъ. Такимъ образомъ завѣщаніе, составленное расточителемъ до учрежденія надъ нимъ опеки, останется въ силѣ, хотя бы оно было составлено всего за нѣсколько дней до наложенія опеки и было явно мотовскимъ. Кромѣ того, домашнее завѣщаніе можетъ быть составлено расточителемъ заднимъ числомъ, доказать же это обстоятельство для заинтересованныхъ лицъ весьма затруднительно. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что проектъ не требуетъ отъ домашнихъ завѣщаній означенія времени ихъ совершенія, чѣмъ создается вопросъ, какъ быть съ домашнимъ завѣщаніемъ умершаго расточителя, въ которомъ не означено времени его составленія. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній слѣдуетъ остановиться на мысли, что не только завѣщанія, составленныя во время нахожденія подъ опекою, но и завѣщанія, составленныя расточителемъ до учрежденія опеки, признаются недѣйствительными, если опека не будетъ снята до самой смерти“ (гражд. улож., кн. IV, насл. право, съ объясненіями, стр. 122 и сл.). По приведеннымъ соображеніямъ въ проектъ включено слѣдующее правило: „завѣщаніе расточителя дѣйствительно лишь въ томъ случаѣ, если послѣ него не осталось ни супруга, ни родственниковъ первыхъ двухъ разрядовъ. Завѣщаніе расточителя, оставившаго послѣ себя супруга или родственниковъ первыхъ двухъ разрядовъ, признается недѣйствительнымъ, хотя бы было совершено до объявленія завѣщателя расточителемъ, если учрежденная надъ завѣщателемъ опека не будетъ снята до самой его смерти“ (проектъ наслѣдств. права ст. 45).

Прежде всего слѣдуетъ указать, что составители проекта неправильно утверждаютъ, будто ограниченіе дѣеспособности расточителя имѣетъ своею цѣлью еще „охранить общество отъ безнравственнаго примѣра". Это невѣрно. Нигдѣ проектъ не упоминаетъ объ этомъ. Ст. 7 книги первой содержитъ слѣдующее правило: „Лица совершеннолѣтнія могутъ быть объявлены судомъ неправоспособными (недѣеспособными?) съ учрежденіемъ надъ ними опеки... Когда ихъ расточительность угрожаетъ повергнуть ихъ самихъ или ихъ семейства въ бѣдственное положеніе". Гдѣ же здѣсь полицейско-предупредительный мотивъ по отношенію къ обществу? Не только въ самомъ проектѣ но и въ объяснительной запискѣ къ этой статьѣ поскольку вопросъ касается lex ferenda, а не дѣйствующаго законодательства, объ этомъ нѣтъ и намека. Остается только мотивъ объ экономической опасности для самаго расточителя или его семейства. Этотъ мотивъ и является опредѣляющимъ во всѣхъ почти европейскихъ законодательствахъ, въ наукѣ и практикѣ.

Становясь такимъ образомъ на точку зрѣнія проекта, слѣдуетъ признать, что юридическое понятіе расточительности составляется изъ одного элемента: „расточительностью въ смыслѣ юридическомъ будетъ такая расточительность [1]), которая угрожаетъ повергнуть самаго расточителя *или его семью* въ бѣдственное положеніе". Такъ какъ, какъ справедливо замѣчаютъ составители книги четвертой проекта, при обсужденіи вопроса о завѣщательной дѣеспособности расточителя, его личные интересы не играютъ никакой роли, то остаются исключительно интересы семьи, которые могутъ быть нарушены завѣщаніемъ расточителя настолько, чтобы явилось опасеніе, что оно впадаетъ въ бѣдственное экономическое положеніе. На такой же точкѣ зрѣнія стояло меньшинство парламентской коммисіи второго чтенія проекта германскаго уложенія и весьма послѣдовательно, поэтому, полагало, что слѣдуетъ расточителей вовсе лишить testamenti facta activa.

---

[1]) Объясненіе самаго понятія „расточительность" не входитъ въ задачи настоящей статьи и потому я на немъ не останавливаюсь.

Мнѣніе это, какъ указано мною выше, окончательно восторжествовало. Наша коммисія предлагаетъ совершенно оригинальное рѣшеніе вопроса. Если послѣ расточителя не останется ни супруга, ни родственниковъ первыхъ двухъ разрядовъ, то завѣщаніе становится дѣйствительнымъ. Выходитъ, что расточители, какъ таковые, не лишены testamentifactio activa. Они могутъ безпрепятственно совершать завѣщанія и распоряжаться въ нихъ, какъ имъ угодно. Они могутъ даже являться къ нотаріусу и совершать нотаріальныя духовныя завѣщанія. Расточителю не воспрещаются *тѣ или иныя распоряженія*, а все ставится въ зависимость *отъ момента открытія наслѣдства.* Помимо тѣхъ несообразностей, которыя могутъ встрѣтиться на практикѣ, ибо, какъ уже замѣчено выше, нотаріусы, напримѣръ, должны будутъ совершить явно недѣйствительныя и безсмысленныя съ юридической стороны завѣщанія, въ данномъ случаѣ впервые, быть можетъ, мы встрѣчаемся съ случаемъ, когда дѣйствительность завѣщанія опредѣляется *не моментомъ его составленія, а моментомъ открытія наслѣдства.* Сами составители проекта на той страницѣ, на какой помѣщена вышеприведенная статья 45, говоря о завѣщаніяхъ несовершеннолѣтнихъ, высказываются слѣдующимъ образомъ: „То обстоятельство, что несовершеннолѣтній, совершивъ завѣщаніе, впослѣдствіи по достиженіи совершеннолѣтія, умеръ, не измѣнивъ завѣщанія, не дѣлаетъ это завѣщаніе дѣйствительнымъ по примѣненію общаго начала, что *testamentiofactio activa* [1]) опредѣляется по времени совершенія завѣщанія, [2]) а не по времени открытія наслѣдства". А тутъ нѣсколькими строками ниже вводится какъ разъ противоположное... Это далеко не только формальное нарушеніе установленнаго принципа гражданскаго права. Здѣсь затронутъ одинъ изъ самыхъ жгучихъ и коренныхъ вопросовъ гражданскаго права, вопросъ о дѣйствительности юридическихъ сдѣлокъ. Можно было бы допустить какое нибудь исключеніе, но для этого нужно его обосновать. Какія же

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) Проектъ кн. IV съ объясненіями, стр. 121.

основанія приводитъ коммисія. Интересы семьи? Но для этого можно бы просто отнять у завѣщателя право совершать завѣщанія, какъ это сдѣлано въ уложеніи Германскомъ. Если же расточитель окажется холостымъ, то и самое объявленіе его подъ законнымъ запрещеніемъ будетъ не такъ легко, если вообще объявленіе это будетъ обставлено у насъ достаточными гарантіями. Вѣдь тогда отпадетъ такой сильный мотивъ какъ опасеніе, чтобы семья была поставлена въ бѣдственное экономическое положеніе.

Не менѣе неправильной и необоснованной является вторая часть статьи 45 проекта наслѣдственнаго права относительно обратной силы недѣйствительности завѣщаній расточителей. Мотивами къ введенію сего закона составители проекта приводятъ, во первыхъ, что завѣщаніе можетъ быть составлено расточителемъ за нѣсколько дней до объявленія его подъ законнымъ прещеніемъ, и во вторыхъ, что завѣщаніе можетъ быть составлено заднимъ числомъ или вовсе безъ числа, какъ это допускается проектомъ, и потомъ очень трудно будетъ оспорить такое завѣщаніе. Не понимаю только, почему эти мотивы относятся исключительно къ завѣщаніямъ расточителей. А несовершеннолѣтніе и душевно-больные, развѣ не могутъ составлять завѣщанія заднимъ или будущимъ числомъ или вовсе безъ числа? Развѣ оспорить такое завѣщаніе будетъ легче, чѣмъ завѣщаніе расточителя. Наконецъ, вѣдь проектъ знаетъ и завѣщанія публичныя, а къ этимъ уже приведенные мотивы во всякомъ случаѣ не могутъ относиться. Представимъ себѣ такой случай. Несовершеннолѣтній составилъ завѣщаніе, не отмѣтивъ на немъ времени составленія и затѣмъ умеръ по достиженіи совершеннолѣтія. Вѣдь такое завѣщаніе недѣйствительно? Недѣйствительно, какъ признаютъ сами составители проекта потому, что въ моментъ составленія завѣщанія завѣщатель былъ недѣеспособенъ. Но это надо вѣдь доказать. А какъ доказать? Вѣдь onus probandi и здѣсь лежитъ на тѣхъ же заинтересованныхъ лицахъ. Что и говорить, подчасъ доказать недѣйствительность такого завѣщанія будетъ весьма затруднительно. Что же дѣлать? На это есть судъ и на то должны заинтересованныя лица подыскать

убѣдительныя доказательства. Точно также и при завѣщаніяхъ расточителей нужно доказывать. А лишить силы вполнѣ дѣйствительный актъ только потому, что *иногда* доказательство его недѣйствительности будетъ затруднительно или вовсе невозможно, это значитъ стрѣлять безъ цѣли, а такъ себѣ... можетъ попадемъ. Разъ попадете, а сотни разъ нѣтъ. А законы пишутся не для исключительныхъ случаевъ, а для нормальной жизни съ нормальнымъ судомъ и нормальными способами доказательствъ.

Кстати совершенно напрасно составители проекта не требуютъ для домашняго завѣщанія обозначенія времени его составленія, тогда какъ это время (предполагается, что не всегда будутъ дѣлать завѣщанія заднимъ числомъ) имѣетъ существенное значеніе для опредѣленія силы и дѣйствительности завѣщанія. Развѣ опредѣленіе времени такъ затруднительно или невозможно, вѣдь что, что, а календарь имѣется почти въ каждомъ русскомъ домѣ. Составители Германскаго гражданскаго уложенія этого не убоялись и требуютъ, чтобы завѣщаніе было помѣчено „мѣстомъ и числомъ его составленія" (§ 2231).

Я полагаю, что разъ проектъ сталъ на ту точку зрѣнія, что расточителей нужно отдать *подъ опеку*, то надо было итти прямо и послѣдовательно въ этомъ направленіи и подобно германскому гражданскому уложенію, лишить расточителей testamenti factio activa, но не лишить дѣйствительности завѣщаній, совершенныхъ ими ранѣе, когда они не были ограничены въ дѣеспособности. Во всякомъ случаѣ надлежитъ признать, что правила вводимыя проектомъ по нашему вопросу, явно непослѣдовательны и нелогичны. Если же расточители пожелаютъ обойти законъ, то они его и такъ могутъ обойти. Что помѣшаетъ расточителю выдавать, напримѣръ, векселя заднимъ числомъ? Надо будетъ, можно возразить, доказывать ихъ недѣйствительность? Да, надо будетъ. А какъ доказать и чѣмъ доказать, *это вопросы процессуальные*, но *не матеріально-правовые*. И если нельзя будетъ опорочить такой вексель, то и придется таки платить.

Что касается отмѣны завѣщанія, то повидимому проектъ

(ст. 89) не препятствуетъ расточителю отмѣнить свое завѣщаніе, но это ясно не выражено и слѣдовало бы включить спеціальное по этому вопросу правило, какъ это сдѣлано въ германскомъ гражданскомъ уложеніи (§ 2253).

И. Вольманъ.

Литература и источники.

Dernburg. Pandecten. Изд. 6-е.

Regelsberger. Pandecten I.

Windscheid (Kipp) Lehrbuch des Pandectenrechts. 8 изд.

Corpus juris civilis I Institutiones rec. P. Krueger. Digesta rec. T. Momsen.

Heuke. Begriff und Rechtstellung des Verschwender.

Steiniger. Voraussetzungen und Rechtswirkung. d. Endmündigung des Verschwenders.

Schwarz. Die entmündung des Verschwenders.

Allgemeines Landrecht f. die Preussische Staaten.

Саксонское Гражданское Уложеніе, изданіе редакц. ком. по сост. гражд. улож.

Schey. Das allgemeine bürg. Gesetsbuch f. d. Kaisert. Oesterreich 17 изд. (1902).

Общее Гражданское Уложеніе Австрійской Имперіи, изданіе редакц. ком. по сост. гр. ул.

Krainz (Pfaff-Ehrenzweig). System d. Oesterreichischen allgem. Privatrechts I 4 изд. (1905).

Cosack. Lehrbuch d. deutsch. Büngerlichen Rechts. 3 изд.

Erdemann. Einführung in d. Studium d. BGB. 5 изд.

Crome. System des deutschen Bürgerlichen Rechts.

Eck (Leonhard) Vorträge über das Recht des BGB.

Прусскіе законы объ опекѣ и о дѣеспособности несовершеннолѣтнихъ, изд. редакц. ком. по составл. гражд. ул.

Гражданскіе законы, дѣйств. въ Царствѣ Польскомъ (1899 г.).

Гражданское Уложеніе Итальянскаго Королевства, изданіе Зарудпаго (1869 г.).

Code civil italien, par H. Prudhome (1896).

Code civil espagnol, par A. Levé (1904).

Code civil Portugais. par F. Lepelletier (1894).

Гражданское Уложеніе Цюрихскаго Кантона, изд. Ред. ком. по сост. гражд. ул.

Planiol. Traité elémentaire de droit civil, 2 изд.

Zachariä (Crome). Handbuch des franz. Civilrecht, 8 изд.

Code civil et lois constitutionelles. Tripier et Monnier. (1901).

Entwurf eines BGB für das deutsche Reich. Erste Lesung.

Entwurf eines BGB „ „ „ „ zweite Lesung.

Motive zu dem Entwurfe eines BGB für d. deutsche Reich.

Protokolle des Kommission für die 2-te Lesung des Entwurfs des BGB.
Bürgerliches Gesetzbuch nebst Einführungsgesetz v. C. Gareis. (также русскій переводъ, изд. 1898 г.).
Bürgerliches Gesetzbuch für Japan, ubersetzt v. Lönholm (Tokio, 1897).
Schweizerisches Civilgesetzbuch. Vorentwurf (Bern, 1900).
Erläuterungen zum Vorentwurf (Bern 1901—1902).
Entwurf eines ungarischen allgem. Bürgerlichen Gesetzbuch (Budapeest. 1901).
Гроссманъ. Мѣстные законы Бессарабіи (1905).
Гражданскіе законы губерній Прибалтійскихъ.
Проектъ Устава объ опекахъ и попечительствахъ съ объяснительною къ нему запискою (Спб. 1891).
Гражданское Уложеніе. Проектъ Высочайше учр. коммисіи по сост. гражд. ул. книги 1 и 4 съ объясненіями.
Анненковъ. Система русскаго гражданскаго права, т. IV, право наслѣдованія.
Шершеневичъ. Учебникъ Русскаго Гражданскаго права, изд. 5-ое.
Св Зак. Росс. Имп. т. X ч. I, законы граждан., изд. 1857 и 1900 г.г. и т. XIV Уст. о пред. и пресѣч. прест., изд. 1890 г.
Грибовскій и Островскій. Полное собраніе законовъ въ извлеченіи къ законамъ о безмездномъ пріобрѣтеніи имуществъ и о наслѣдствѣ (Москва, 1870).
Рѣшенія Гражданскаго Кассац. Деп. Правит. Сената.

КРИТИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ РАЗБОРЪ УСТАВА ВЕЛИК. КН. ВСЕВОЛОДА О ЦЕРКОВНЫХЪ ССУДАХЪ.

(По поводу ссылки на него проекта гражданскаго уложенія въ оправданіе предлагаемаго уравненія наслѣдственныхъ правъ женщинъ и мужчинъ).

Въ своемъ очеркѣ подъ заглавіемъ: „Опытъ возстановленія текста и объясненія древне-русскихъ юридическихъ памятниковъ“, напечатанномъ въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Права“ за 1903 г., я, отмѣтивъ невозможность достигуть полнаго уразумѣнія смысла и значенія древне-русскихъ юридическихъ памятниковъ иначе, какъ только путемъ тщательной критической и историко-сравнительной ихъ разработки, попытался примѣнить этотъ методъ изслѣдованія для объясненія довольно обширной группы статей Псковской судной грамоты, обнимающей институтъ половничества,—по поводу упоминанія объ этомъ институтѣ въ проектѣ гражданскаго уложенія со ссылкою въ мотивахъ на существовавшія у насъ раньше для нѣкоторыхъ мѣстностей правила о половинкахъ.

Означенная моя работа подверглась въ печати суровому осужденію, въ особенности со стороны одного сотрудника „Новаго Времени“ и „Историческаго Вѣстника“ [1]), гнѣвно

[1]) См. „Новое Время“, № 9903, за 1903 г., ст. В. Грибовскаго: „Русскіе древ. памятники права и Талмудъ“; въ „Ист. Вѣстникѣ“ за мартъ 1904 г. замѣтку того же автора.

порицавшаго меня за попытку возстановить явно испорченный переписчиками текстъ разобранныхъ мною правоположеній главнымъ образомъ посредствомъ перестановки нѣкоторыхъ словъ и фразъ и даже цѣлыхъ статей съ однихъ мѣстъ на другія, а всего больше—за сдѣланныя мною указанія на поразительное сходство обсужденныхъ мною постановленій Псковской Пошлины съ соотвѣтственными нормами еврейскаго права, которое, какъ я выводилъ, оказало и вообще несомнѣнное воздѣйствіе на древне-русскій юридическій бытъ.

Для отраженія этихъ нападокъ я, вмѣсто полемики съ моими рецензентами, постараюсь своими дальнѣйшими посильными розысканіями въ области древняго отечественнаго права, по возможности, еще нагляднѣе доказать, съ одной стороны, цѣлесообразность и пригодность пріемовъ, которыми я орудую при реставраціи текста нашихъ юридическихъ памятниковъ, а съ другой,—основательность защищаемаго мною тезиса о присутствіи въ значительной мѣрѣ еврейскаго элемента въ самомъ содержаніи, а отчасти въ языкѣ древне-русскихъ письменныхъ памятниковъ, какъ правовыхъ, такъ и бытописательныхъ и литературныхъ.

Въ этихъ видахъ я представлю въ предлежащемъ очеркѣ: критическій разборъ и объясненіе „устава Великаго Князя Всеволода Мстиславича о церковныхъ судѣхъ и о людехъ и мирилѣхъ торговыхъ“,—опять-таки по поводу изданія проекта гражданскаго уложенія. Дѣло въ томъ, что въ появившейся въ 1903 г. четвертой книгѣ сего проекта, содержащей въ себѣ наслѣдственное право, заключается коротенькая статья (15-я), которою рѣшительно отмѣняются существующія до настоящаго времени въ нашемъ законодательствѣ ограниченія женщинъ въ правахъ наслѣдованія и устанавливается въ этомъ отношеніи полное равенство между лицами обоихъ половъ. Собственно противъ существа этого нововведенія никто „спорить и прекословить не станетъ“. Наоборотъ, по отзыву большей части общей и спеціально-юридической прессы, проектируемая реформа встрѣчена будетъ во всѣхъ слояхъ общества съ живѣйшимъ сочувствіемъ, какъ удовлетворяющая требованіямъ справедливости и логики народнаго правосознанія.

Но за то всякій, сколько нибудь знакомый съ дѣломъ, не безъ удивленія, полагаю, прочтетъ приведенную на первомъ планѣ въ мотивахъ къ упомянутой статьѣ проекта историческую якобы справку, показывающую, что „въ древней Россіи“ духовенство, повидимому, стремилось провести въ русскую жизнь положенія греко-римскаго права, не дѣлавшаго различія между наслѣдственными правами мужчинъ и женщинъ“,—въ подтвержденіе чего и цитируется затѣмъ церковный уставъ великаго князя Всеволода, гдѣ въ самомъ концѣ помѣщены два, относящихся къ праву наслѣдованія правила, будто бы Никейскаго собора, изъ коихъ во второмъ сказано: „иже есть останутся сынове и дщери у коегождо человѣка, братіи и со сестрами равная часть отъ всего имѣнія“. Между тѣмъ нельзя допустить и мысли, что редакціонной коммисіи по составленію гражданскаго уложенія, неизвѣстно было, что названный уставъ страдаетъ невообразимыми ошибками и описками и что, въ особенности, процитованное только что мѣсто явно искажено, на что̀ указываетъ уже одно то обстоятельство, что выраженное въ немъ правило приписывается первому Вселенскому собору, который вѣдь ничего подобнаго не постановлялъ, чѣмъ и объясняется, что въ нѣкоторыхъ спискахъ устава сочтено было за лучшее вовсе опустить какъ само это странное правило, столь рѣзко противорѣчащее русскому наслѣдственному праву, такъ и прибавленную къ нему еще болѣе странную оговорку, что братья, изобличенные въ ложномъ обвиненіи своей сестры въ распутствѣ, съ цѣлію лишить ее права на отцовское наслѣдство, подвергаются, по закону, *побіенію камнями*,—каковаго закона на Руси, конечно, никогда не существовало. Поневолѣ приходится, поэтому, заключить, что редакціонная коммисія въ данномъ случаѣ рада была ухватиться хотя бы за „трость надломанную“ единственно лишь изъ опасенія упрековъ со стороны нѣкоторыхъ сферъ въ слишкомъ смѣломъ новаторствѣ и изъ желанія успокоить принципіальныхъ противниковъ всякой реформы нашего гражданскаго законодательства увѣреніемъ, что „въ ея новшествахъ старина слышится“.

Какъ бы то ни было, однако, интересно возстановить

первоначальный видъ приведенной загадочной нормы и розыскать источникъ, изъ котораго она почерпнута.

Но, ради достиженія, хотя бы только одной этой цѣли, нельзя обойтись безъ изученія нашего памятника во всей его совокупности,—вслѣдствіе крайней перепутанности его текста, доходящей до того, что слова и обороты, видимо долженствующіе стоять въ началѣ документа, оказываются помѣщенными въ его срединѣ или концѣ, и наоборотъ. Вотъ почему я и займусь разсмотрѣніемъ нашего устава во всемъ его объемѣ, по списку, перепечатанному проф. М. Ф. Владимирскимъ-Будановымъ [1]).

Схема же моей работы такова: разбирая каждую изъ составныхъ частей обсуждаемаго памятника, я 1) обозначу сомнѣнія въ правильности преданія, вызываемыя непонятностію, либо явною безсмысленностію или несообразностію тѣхъ или другихъ словъ или мѣстъ, 2) постараюсь воспроизвести подлинныя черты нашего акта при помощи сличенія списковъ, какъ его самаго, такъ и сроднаго ему церковнаго устава Св. Владиміра, а въ особенности посредствомъ перестановокъ отдѣльныхъ словъ и предложеній съ однихъ мѣстъ на другія, 3) для оправданія же предлагаемыхъ мною исправленій текста я сопоставлю содержаніе обоихъ уставовъ съ ихъ источниками, въ числѣ коихъ преобладающее значеніе имѣетъ не только Моисеево Пятокнижіе, что̀ положительно признано митрополитомъ Евгеніемъ и извѣстными канонистами—покойнымъ А. С. Павловымъ и проф. А. С. Суворовымъ, но, какъ я надѣюсь доказать, также еврейская письменность *вообще*, и 4) наконецъ, какъ результатъ критической обработки нашего устава, въ связи съ уставомъ вел. князя Владиміра, я выставляю общіе выводы по вопросамъ о подлинности и времени появленія обоихъ памятниковъ и о взаимномъ отношеніи такъ называемыхъ пространной и краткой редакціи Владимірова устава.

При этомъ, въ виду того, что мои объясненія и выводы

---

[1]) Хрестоматія при исторіи русскаго права, изд. 5-е, 1899 г., вып. I, стр. 242—247.

совершенно расходятся съ толкованіями и взглядами нѣкоторыхъ выдающихся научныхъ авторитетовъ, позволяю себѣ заранѣе напомнить приложимое и сюда замѣчаніе незабвеннаго Н. В. Калачова, который во введеніи къ своему классическому труду о Русской Правдѣ высказался, что „критикъ никакъ не долженъ стѣсняться тѣмъ, что его мнѣніе окажется, быть можетъ, неблагопріятнымъ для названнаго памятника, или будетъ противорѣчить выводамъ какого-нибудь знаменитаго комментатора Русской Правды, для него да будетъ важнѣе всего на свѣтѣ добросовѣстное изслѣдованіе своего предмета и всего драгоцѣннѣе—святая истина, къ которой онъ долженъ стремиться сквозь мракъ сомнѣній и противорѣчій и всѣхъ другихъ препятствій“...

Приступивъ къ выполненію поставленной себѣ задачи, я прежде всего, конечно, занялся подробнымъ критическимъ разборомъ *введенія* къ уставу, въ которомъ говорится о принятіи предками в. кн. Всеволода христіанства отъ царей греческихъ и о взятіи у патріарха Фотія перваго митрополита, названнаго здѣсь Михаиломъ, о построеніи въ Кіевѣ церкви во имя Пресвятой Богородицы и о пожалованіи этому храму, а также св. Софіи Кіевской и св. Софіи Новогородской „десятины въ всей Рустѣи земли“.

При разработкѣ, по означенной выше схемѣ, этой вступительной части устава, составляющей въ сущности отдѣльную, самостоятельную жалованную грамоту, мнѣ, кромѣ обзора давно уже отмѣченныхъ изслѣдователями признаковъ, вызывающихъ сомнѣніе въ подлинности всего вообще устава, пришлось остановиться, между прочимъ, на вопросѣ о происхожденіи русской церковной десятины: понимать ли ее, какъ учрежденіе, заимствованное изъ византійской системы права, какъ утверждалъ проф. А. С. Павловъ, или же какъ институтъ церковный, создавшійся на почвѣ ветхозавѣтнаго закона у европейскихъ варваровъ, принявшихъ христіанство, какъ полагаетъ проф. Н. С. Суворовъ?

Для разъясненія этого, какъ и нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ и, главнымъ образомъ, для оправданія предлагаемыхъ мною поправокъ текста, я сопоставилъ введеніе къ уставу

Всеволода съ повѣстію „Житія блаженнаго Владиміра" о построеніи и украшеніи десятинной церкви послѣ похода Владиміра на Корсунь, затѣмъ съ извѣстіемъ о томъ же Лаврентьевской лѣтописи подъ 996 годомъ, далѣе,—съ текстомъ введенія къ уставу Владимірову, по разнымъ спискамъ его, и, наконецъ, съ библейскимъ сказаніемъ о сооруженіи и украшеніи перваго Іерусалимскаго храма и хазарскою легендою объ обращеніи въ первой половинѣ VIII стол. хазарскаго царя Булана въ іудейство и о созданіи имъ на богатства, добытыя послѣ большой побѣды, одержанной надъ арабами и завоеванія въ 731 г. армянской крѣпости Ардедили храма во имя Пресвятого—Благословеннаго; по вопросу же о десятинѣ я сопоставилъ текстуальныя выписки изъ пространнаго разсужденія по сему предмету т. н. Verba Gratiani съ выдержками изъ „поученій" и „посланій" русскихъ іерарховъ и изъ еврейскихъ номоканоническихъ сборниковъ.

Въ результатѣ этихъ розысканій я пришелъ къ выводу, что введеніе къ уставу ц. устава Владиміра, „аляповатою передѣлкою котораго, какъ выразился проф. Е. Е. Голубинскій, является уставъ Всеволода, заимствовано изъ лѣтописной повѣсти подъ 996 г.,—что послѣдняя, въ свою очередь, *сочинена* по образу и подобію упомянутыхъ библейскаго сказанія и хазарской легенды,—что корни русской церковной десятины надо искать не въ византійской десятинѣ, какъ типической формѣ всѣхъ государственныхъ налоговъ, и не въ западно-католической принудительной церковной десятинѣ, служившей только для обогощенія высшаго духовенства, а въ религіозной практикѣ евреевъ, у которыхъ, послѣ разрушенія второго Іерусалимскаго храма, прежняя левитская десятина получила характеръ нравственной обязанности для каждаго жертвовать по крайней мѣрѣ десятую часть своего имущества и доходовъ на предметъ осуществленія самыхъ широкихъ задачъ благотворительности (Zedaka),—что т. н. обширная редакція Владимірова устава не возникла путемъ распространенія краткой редакціи, а наоборотъ, послѣдняя сокращена изъ первой,—и что всѣ представляемыя текстомъ затрудненія объясняются главнѣйше безпорядочною разстановкою входящихъ въ составъ его словосочетаній.

Соображаясь, однако, съ программою сего журнала и чтобы не увеличить чрезмѣрно объема настоящей статьи, я опускаю означенный первый ея отдѣлъ, разсчитывая помѣстить его въ другомъ какомъ либо специальномъ изданіи, а здѣсь представлю разборъ *центральной или установительной части* нашего памятника, обнимающей три рубрики: 1) о церковныхъ судахъ, 2) о вѣсахъ и мѣрахъ и 3) о церковныхъ людяхъ, а также разборъ предшествующаго этой части предисловія и слѣдующихъ за нею заклинательной формулы и двухъ вышеупомянутыхъ постановленій будто-бы Никейскаго Собора по наслѣдственному праву.

а) *Предисловіе къ центральной части.*

Оно въ нашемъ документѣ имѣется не въ цѣлостномъ видѣ, а въ разрозненныхъ предложеніяхъ, заимствованныхъ съ нѣкоторыми маловажными варьяціями изъ обширной редакціи Владимірова устава, напечатанной въ „Исторіи Русской Церкви“ покойнаго проф. Е. Е. Голубинскаго, и помѣщенныхъ большею частію въ сегментѣ, начинающемся словами: „обрѣтохъ въ греческомъ номоканонѣ“ [1]), гдѣ къ этимъ отрывкамъ приплетены клочки какой-то жалованной грамоты, данной Новогородскимъ церквамъ св. Софіи и св. Іоанна, совершено, впрочемъ, чуждой основному содержанію обсуждаемаго устава.

Собравъ во едино сказанные отрывки и заполнивъ пробѣлы соотвѣтственными словами и оборотами, некстати очутившимися въ разныхъ мѣстахъ (нашего) памятника, получимъ слѣдующій, общій обоимъ уставамъ, текстъ предисловія:

„[Потомъ, разверзше грецьскыи Номоканонъ] [2]) [Фотѣя, патріарха цареградвскаго], [азъ въсмотрѣхъ въ немъ (вар.: обрѣтохъ въ греческомъ номоканонѣ) грамоты] [3]) [перваго]

---

[1]) „Христоматія по ист. рус. права“ проф. Вл. Буданова, изд. 5-е, 1899 г., вып. I, стран. 243—244.

[2]) Голубинскій, Ист. р. ц., изд. 2, 1901 г., стран. 622, строка 5-я св.

[3]) Христоматія Вл. Буданова, l. c., стран. 244, строка 2 сн.

[грецькаго царя Константина] [1]), [что принеслъ на Русь князь великый Владиміръ, нареченный въ святомъ крещеніи Василій и пр., иже стоитъ въ грамотѣ], [оже не подобаетъ сихъ судовъ и тяжь князю судити, ни бояромъ его, ни судьямъ, и азъ, сгадавъ съ своею княгинею . . . и съ своими дѣтми, далъ есмь ты суды церквамъ митрополиту, и всѣмъ пискупіямъ, по Руськой земли [2]) (вар.: *по всей земли Русьтѣй*) [3]). А по семь не надобѣ вступатися ни дѣтемъ моимъ, ни внучатомъ, ни всему роду моему до вѣка ни въ люди церковные, ни во всѣ суды ихъ. То все далъ есмь по всѣмъ городомъ и погостомъ и по свободамъ, гдѣ ни суть (варіантъ: *гдѣ живуть*) [4]) христіане; и своимъ тіуномъ приказываю церковнаго суда не обидѣти, ни судити безъ владычня намѣстника] [5]).

При такомъ чтеніи теряютъ всякую силу нѣкоторыя изъ доказательствъ фальсификаціи уставовъ Владиміра и Всеволода, которые были указаны отчасти еще Карамзинымъ и Рейцомъ, а въ новое время выдвинуты особенно Е. Е. Голубинскимъ, а за нимъ проф. Суворовымъ, ибо можно съ увѣренностію утверждать, что въ подлинномъ текстѣ обоихъ уставовъ имя патріарха Фотія, умершаго за 80 лѣтъ до Владиміра, значится вовсе не по поводу взятія послѣднимъ у сказаннаго святителя *перваго русскаго митрополита*, а только вслѣдствіе упоминанія о Синтагмѣ въ XIV титуловъ, получившей названіе Номоканона Фотія; равнымъ образомъ имя „греческаго царя Константина“ значится въ помѣщенномъ въ Стоглавникѣ спискѣ Устава Владиміра не по поводу принятія послѣднимъ св. крещенія при *царѣ* Константинѣ, что̀, по замѣчанію Е. Е. Голубинскаго [6]), составляетъ очевидную несообразность, ибо надлежало сказать: при *царяхъ* Константинѣ и Василіѣ, а вслѣдствіе упоминанія о *грамотѣ*, данной

---

[1]) Голубинскій, l. c., стран. 621, строка 5 и 6 св. и прим. 4.

[2]) Голубинскій, ibid, стр. 622.

[3]) Ibid, въ строкѣ, 2 св.

[4]) Христоматія, стр. 244, строка 3 сн.

[5]) Голубинскій, стр. 622—623; христоматія Вл.-Буданова, стр. 243.

[6]) L. c., стр. 621, прим. 4.

будто бы *первымъ христіанскимъ царемъ греческимъ, Константиномъ*, а выраженіе: „въ всей Рустѣй земли“ относится не къ *десятинѣ*, дарованной Владиміромъ въ пользу Кіевской церкви св. Богородицы, что̀, по словамъ Голубинскаго (стр. 400), „невозможно и совсѣмъ нелѣпо“, ибо Владиміръ далъ и могъ дать десятину той церкви только въ области великаго княженія, а къ установленію неприкосновенности по всей Руси *церковнаго суда.* Но за то къ числу доказательствъ неподлинности обоихъ уставовъ поцитованное мною въ исправленномъ видѣ предисловіе прибавляетъ одинъ, дѣйствительно, вѣскій аргументъ, заключающійся именно въ выраженіи: „азъ въсмотрѣхъ (или обрѣтохъ) въ немъ (т. е. Фотіевомъ Номоканонѣ) *грамоты* перваго грецьскаго царя Константина“. Едва ли требуется разъяснить, что подъ грамотою царя Константина, усмотрѣнною или обрѣтенною въ Номоканонѣ Фотія, нельзя разумѣть ничего иного, кромѣ такъ называемаго *Константинова вѣна*—знаменитой подложной дарственной грамоты Констачтина Великаго, данной папѣ Сильвестру,—вторую часть которой Ѳеодоръ Вальсамонъ внесъ въ свои толкованія на гл. I титула VIII того Номоканона [1]). А такъ какъ означенныя толкованія появились лишь въ самомъ концѣ XII в., то уже одно это доказываетъ, что анализируемые церковные уставы, никоимъ образомъ не принадлежатъ ни Владиміру, ни Всеволоду.

А что на самомъ дѣлѣ авторы сихъ уставовъ пользовались псевдо-Константиновою грамотою,—въ этомъ убѣждаютъ нѣкоторыя отдѣльныя выраженія и весь складъ рѣчи нашего предисловія. Такъ, объявленію римскаго папы главою всѣхъ церквей во всей вселенной и верховнымъ судьею всей духовной іерархіи предшествуютъ въ мнимой грамотѣ Константина слова: „разсудихомъ со всѣми тысящники и сотники и синклитомъ и вельможами“... Согласно сему въ уставѣ Всеволода читается: „и погадалъ есмь съ владыкою и съ своею княгинею и съ своими бояры и съ десятью сотчкыми и съ

---

[1]) См. „Номоканонъ Константинопольскаго патріарха Фотія съ толкованіями Вальсамона“, ч. 2-я, изд. Вас. Нарбекова. Казань, 1899 г., стр. 244 и сл.

старостами, далъ есмь судъ и мирила . . . митрополиту . . . и епископу". Далѣе, въ Константиновой грамотѣ содержится пространный сегментъ, начинающійся: „Земли же и села и винограды и езера и пошлины сочетавше, дахомъ и . . . уставихомъ на восточныхъ и на западныхъ и на полунощныхъ же и южныхъ странахъ: во Іудеи же во Асіи и т. д..., И по всей вселеннѣй, идѣже православніи цари и князи и властели подъ нами обладаютъ . . . предахомъ владѣти святителемъ, и никакому мірскому чину смѣяти прикоснутися церковнымъ пошлинамъ Богомъ заклинаемъ и . . . непреложно и соблюдено быти даже до окончанія вѣка сего" [1]). Вся эта тирада воспроизведена вкратцѣ и въ нашемъ предисловіи, но, конечно, съ соотвѣтственными измѣненіями. Такъ, вмѣсто „по всей вселеннѣй", сказано: „по всей Русьской земли"; перечисленіе же странъ свѣта и разныхъ земель: Іудеи, Аравіи и пр. замѣнено фразою: „по всѣмъ городомъ и погостомъ и по слободамъ; вмѣсто: „до скончанія вѣка сего", имѣется: „до вѣка"; вмѣсто „никакому мірскому чину не смѣяти прикоснутися", говорится: „и тіанамъ своимъ приказываю церковнаго суда не обидѣти"; вмѣсто: „идѣже православніи цари . . . подъ нами обладаютъ", или „идѣже православная наша вѣра обдержитъ" сказано: „гдѣ ни суть (вар.: гдѣ живуть) христіяне".

Послѣднее выраженіе, читаемое одинаково, какъ въ обширной, такъ и въ краткой редакціи Владимірова устава, дало основаніе проф. Владимірскому-Буданову утверждать, будто оно служитъ *лучшимъ доказательствомъ* того, что *краткая* редакція современна первымъ вѣкамъ христіанства на Руси, когда оно не вездѣ еще распространилось [1]). Но на самомъ дѣлѣ фраза эта лишена всякаго значенія въ смыслѣ доказательства чего-либо, потому, что она, какъ мы видѣли, выписана механически изъ Константиновой грамоты, не имѣя прямого отношенія къ фактамъ русской дѣйствительности.

---

[1]) См. Ф. Тернавскаго: „Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древ. Руси". Кіев. Унив. Изв. за 1875 г., кн. 10, стр. 732 и 734.

[1]) Христоматія, l. c., стр. 229, прим. I-ое.

б) *О церковныхъ судахъ.*

„А се суды церковныя:

1) „Распускы“.

Подъ словомъ „распускы“ или „роспустъ“ всѣми толкователями понимается расторженіе брака по односторонней волѣ мужа, или по обоюдному согласію супруговъ, оформленное посредствомъ совершенія „распустнаго листа“. Явленіе это, наблюдаемое на Руси, по изслѣдованію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, не только въ первые вѣка по принятіи Руссами христіанства, но еще и въ половинѣ XVI столѣтія, особенно въ литовско-русскомъ государствѣ и, въ частности, въ украйнахъ Подольской и Кіевской, составляетъ, по отзыву названнаго ученаго, переживаніе прежняго славянскаго *языческаго* семейнаго порядка [1]). Но съ этимъ взглядомъ почтеннаго профессора на связь сказаннаго явленія съ языческимъ семейнымъ обычнымъ правомъ славяно-руссовъ трудно согласиться, такъ какъ у послѣднихъ, по свидѣтельству Начальной Лѣтописи, не было вовсе браковъ („и брацп не бываху въ нихъ“), а слѣдовательно, не было даже и надобности въ какомъ бы то ни было формальномъ актѣ развода. Не естественнѣе ли, поэтому, видѣть въ упомянутомъ порядкѣ расторженія брачнаго союза, столь противорѣчащемъ христіанской идеѣ о нерасторжимости брака, скорѣе всего остатокъ дѣйствующаго и понынѣ у евреевъ и, стало быть, дѣйствовавшаго несомнѣнно также у хазаръ, исповѣдовавшихъ въ своихъ высшихъ слояхъ іудейское вѣроученіе, института развода чрезъ выдачу мужемъ женѣ разводнаго письма—„*гетъ*“. Въ пользу такого предположенія говоритъ сходство юридическаго характера и содержанія еврейскаго „*гета*“ съ распустными листами, практиковавшимися въ Западной Россіи еще въ XVI ст. Такъ, напр., въ напечатанномъ проф. Владимірскимъ-Будановымъ образцѣ бракоразводной записи 1556 г., извлеченной изъ книги Земскаго Гродн. Суда

---

[1]) „Черты семейнаго права въ Запад. Россіи“ въ „Чт. Истор. Общ. Нестора Лѣтописца“, кн. 4, за 1890 г., стр. 42 и слѣд.

Вилен. Централ. Арх., говорится... „Такимъ образомъ я, Иванъ, ту бывшую жену свою Марину Кумпелевну, на вѣчныя времена отъ себя изъ супружества освобождаю и чиню вольною“, и далѣе: „И такъ я, Иванъ, отъ сего часа освобождаю (вызволяю) п. Марину Кумпелевну какъ отъ супружества, такъ и отъ всѣхъ вышеписанныхъ обязательствъ на вѣчное время. Вольно будетъ *мнѣ*, гдѣ захочу, жену себѣ въ супружество взять“ [1]). Основываясь, между прочимъ, на этой записи, проф. Владимірскій-Будановъ справедливо замѣчаетъ, что разводный актъ по древне-русскому обычному праву первоначально имѣлъ значеніе отпускной грамоты: мужъ *отпускаетъ* жену, подобно тому, какъ господинъ освобождаетъ свою рабыню. Но именно таково юридическое свойство также и еврейскаго акта развода, текстъ котораго, составленный на халдейскомъ языкѣ чуть-ли еще не до христіанской эры, гласитъ въ существенной своей части такъ: „я захотѣлъ по собственной своей волѣ, безъ всякаго принужденія, простить—уволить и отпустить тебя NN, мою жену..., и нынѣ я тебя увольняю, прощаю и отпускаю, для того, чтобы ты получила право и власть надъ собою выйти въ замужество за всякаго мужчину, за котораго выйти пожелаешь... отъ сего дня и во вѣки... чрезъ сію грамоту отпущенія, сіе письмо прощенія и сей актъ увольненія, по закону Моисея и Израиля“ [2]). Вся разница между обоими актами, литовскимъ и еврейскимъ, заключается лишь въ томъ, что въ первомъ мужъ, „вызволяя“ жену, выговариваетъ *и себѣ* право вступить въ новый бракъ, по своему желанію; въ еврейскомъ же разводномъ письмѣ мужъ предоставляетъ *женѣ* свободу вступать въ новое супружество, умалчивая вовсе о своемъ собственномъ правѣ бракосочетаться съ другою женщиною. Но это различіе само собою понятно, ибо у евреевъ мужъ могъ, и не разводясь съ одною женою, имѣть, кромѣ нея, еще другихъ женъ, такъ

---

[1]) l. c., стр. 55—56.

[2]) См. M. Duschak: Das Mos-Talm. Eherecht. Wien, 1851, Beilagen, S. II. Крон. Малышева. Курсъ общ. гражд. права Россіи, особое прилож. 1880 г., стр. 394.

какъ полигамія воспрещена была евреямъ даже въ европейскихъ странахъ, подъ угрозою анаѳемы, едва только въ XI в., на синодѣ, происходившемъ въ Вормсѣ подъ предсѣдательствомъ р. Гершона.

Въ дополненіе къ сказанному нелишнимъ считаю отмѣтить, что одно изъ трехъ синономическихъ названій еврейскаго акта развода, а именно: „*sphar* thiruchin"—грамота отпущенія, или отпускная—(послѣднее слово происходитъ отъ халдейскаго глагола tharech, означающаго буквально: изгнать, прогнать, извергнуть, отвергнуть), сохранилось и въ русскомъ языкѣ, но только въ формѣ „грамоты *тарханной*" и въ широкомъ значеніи грамоты увольнительной, освободительной, льготной—*вообще*, а не въ узкомъ смыслѣ бракоразводной записи.

2) „Смилное заставаніе".

А. С. Павловъ, принявъ первое слово за имя прилагательное къ послѣднему, разумѣлъ подъ обоими реченіями „брачный сговоръ съ опредѣленіемъ неустойки" [1]), *Неволинъ* же, а за нимъ и проф. *Суворовъ*—преступную любовную связь. *Голубинскій* подъ „смилное" понималъ споры о приданомъ,—отъ „мило"—приданое, а проф. *Владимірскій-Будановъ*—вообще брачныя дѣла. Слово же „заставаніе" оба послѣдніе названные ученые передаютъ: прелюбодѣяніе. Мнѣ же представляется, что для установленія смысла обоихъ упомянутыхъ словъ необходимо сопоставить ихъ съ терминами моисеево-талмудическаго брачнаго права. Въ талмудическомъ языкѣ существуетъ три такихъ термина: 1) kidduschin—*освященіе* (отъ древне-еврейскаго глагола kaddisch—святить, освятить), означающее обрученіе и бракосочетаніе: „освятить женщину" значитъ: обручиться съ нею, вступить съ нею въ законный бракъ; 2) erussin—*сговоръ* (отъ древне-еврейскаго eresch—рѣчь, говоръ) и 3) schiduchin—*умиротвореніе* (отъ халдейскаго глагола schadech—успокоить, утишить, умирить, смирить, умиротворить), означающее *сватов-*

---

[1]) „Восьмой Археол. Съѣздъ" Е. Шмурло, СПБ., 1890 г., стр. 49.

ство, сватаніе, засватаніе: „умирить или примирить свою дочь" значитъ: ее засватать, выдать замужъ. И вотъ подобно тому, какъ отъ талмудическаго kidduschin—*освященіе*—произошло русское: *сватьба* (свадьба), и „*смилное*" является, по моему, переводомъ талмудическаго schiduchin—примиреніе, *смиреніе*, такъ какъ смилное—тоже, что *слюбное* (польское: szlub), любовь же и миръ—синонимы. Подтвержденіемъ моего толкованія можетъ служить то, что въ одной изъ жалованныхъ грамотъ Галицкаго князя Льва Даниловича въ перечнѣ дѣлъ церковнаго суда, послѣ „распусты", вмѣсто „*смилное*", стоитъ „*свадебщина*" [1]).

Но, что такое: „заставаніе"? Истолковать это слово въ смыслѣ прелюбодѣянія, какъ полагаютъ вышеназванные изслѣдователи, производящіе его отъ гл. *заставати, застати*—невозможно, ибо оно въ такомъ значеніи не употребляется рѣшительно нигдѣ больше во всей древне-русской письменности. Правдоподобнѣе, мнѣ кажется, допустить, что „заставаніе" исковеркано переписчикомъ изъ „*засватаніе*", такъ что реченіе это оказывается лишь поясненіемъ слова: „смилное".

Основательность этой догадки подтверждается слѣд. мѣстомъ уставной грамоты Смоленской земли 1505 г.: „А куницы змирскіе, свадебные брано бы зъ нихъ по 6 грошей, а вдовью куницу—по 12 грошей" [2]). Очевидно, что куницы *змирскіе* („смилное",—евр. schiduchin, *смиреніе*, умиротвореніе) и *свадебные* одинаково означаютъ брачную пошлину и что здѣсь обнаруживается отмѣченная уже проф. М. Ф. Вл.-Будановымъ склонность къ плеоназмамъ въ оффиціальномъ языкѣ лит.-русскаго права, какъ, напр., въ выраженіи уст. королев. грамоты Витебской области 1503 г.: „и въ *безадщины и отморщины* Витебскіи не маемъ вступатися" [3]).

---

[1]) Н. С. Суворова: „Къ вопросу о запад. вліяніи на др. русское право", стр. 309.

[2]) „Устав. земскія грамоты лит.-рус. государства", изслѣд. М. Ясинскаго, Кіевъ, 1889 г., стр. 145.

[3]) Христоматія, вып. II, изд. 3-е, 1887 г., стр. 47, прим. 6.

3) Умычка—умыканіе.

По мнѣнію А. С. *Павлова*, упоминаемая въ древне-русскихъ церковно-юридическихъ памятникахъ умычка составляла одинъ изъ способовъ установленія брака, существовавшихъ у славянскихъ племенъ въ языческую эпоху и, въ видѣ переживанія, весьма долго державшихся въ народѣ и послѣ его обращенія въ христіанство [1]). Такой же взглядъ проводится и проф. *Ключевскимъ*. „Умычка, говоритъ онъ, вѣно, въ смыслѣ откупа за умычку, вѣно, какъ продажа невѣсты, хожденіе за невѣстою съ уплатою вѣна и потомъ съ выдачею приданнаго—вотъ смѣняющія одна другую формы брака" [2]). Тоже съ нѣкоторыми модификаціями высказано и проф. *Сергѣевичемъ* и *Вл.-Будановымъ* [3]). Но взглядъ этотъ, опирающійся всецѣло на свидѣтельство Начальной Лѣтописи о правахъ и обычаяхъ подвластныхъ Хазарамъ Полянъ, Древлянъ, Радомичей, Сѣверянъ и Вятичей, представляется неосновательнымъ, въ виду того, что означенное лѣтописное сказаніе и само по себѣ лишено историческаго значенія, являясь лишь вымысломъ книжника, весьма часто черпавшаго разсказы, мысли, вгляды и даже обороты рѣчи въ еврейской письменности. Для выясненія этого, я сперва установлю, при помощи описанныхъ уже мною раньше пріемовъ, надлежащее чтеніе упомянутой лѣтописной повѣсти и затѣмъ укажу еврейскіе ея источники.

Вотъ какъ должна читаться, по моему, сказанная повѣсть [4]).

„Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ и стыдѣнье (вар.: велико стыдѣнье имѣху) къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и т. д.; не хожаше женихъ по невѣсту, (съ нею же кто свѣщашеся), но привожаху вечеръ, а заутра приношаху по ней, что вдадуче; (имяху же по двѣ

---

[1]) См. въ Ж. М. Н. Пр. за 1890 г., № 10, статью А. С. Павлова: „Неизданный памятникъ рус. церк. права", стр. 279.

[2]) „Курсъ рус. исторіи" В. Ключевскаго, ч. I, М. 1904 г., стр. 141.

[3]) В. Сергѣевича: „Лекціи и изслѣдованія", СПБ., 1903 г., стр. 473—5.— Вл.-Буданова: „Обзоръ исторіи рус. права", 1888 г., стр. 348—349.

[4]) Лѣтопись по Лавр. списку, 1872 г., стр. 12—13.

и по три жены). А Древляне и Радомичи и Сѣверъ и Вятичи одинъ обычай имяху: живяху (варіантъ: живуще) въ лѣсѣхъ звѣриньскимъ образомъ (варіанты: скотьски, якоже всякии звѣрь); (бяху же тогда погани, жруще езеромъ и кладеземъ и рощеніемъ) [1]), (не вѣдуще Закона Божия, но творяще сами себѣ законъ); убиваху другъ друга; ядяху (ядуще) все нечисто, и срамословье въ нихъ предъ отци и предъ снохами, и брака у нихъ не бываше (вар.: и браци не бываху въ нихъ), но схожахуся межи селы (у воды) на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища (вар.: пѣсни) и ту умыкаху (вар.: умыкиваху) дѣвица (чит.: дѣвицы и) жены себѣ. . . . , (и ту. . . слягахуся, иныхъ поимающе, а другихъ, поругавше, метааху на посмѣяніе до смерти") [2]).

Для оправданія правильности установленнаго мною чтенія, прежде всего, въ части повѣсти, касающейся брачныхъ обычаевъ Древлянъ, Радомичей, Сѣверянъ и Вятичей приведу выдержку изъ знакомой отчасти изслѣдователямъ древнерусской литературы еврейской популярной книжки подъ заглавіемъ: „Sepher hajaschar" (книга праведнаго или праведная), заключающей въ себѣ ветхозавѣтную исторію, дополненную разными агадическими сказаніями и имѣвшей вліяніе на русскія апокрифическія произведенія, которыя, какъ извѣстно, послужили однимъ изъ источниковъ Древней Лѣтописи [3]).

Вотъ эта выдержка въ дословномъ переводѣ:

„Въ тѣ дни всѣ люди Содома и Гоморры и всѣхъ тѣхъ пяти городовъ были весьма злы и грѣшны предъ Господомъ и прогнѣвали Его своими мерзостями.... И существовала въ ихъ странѣ очень обширная равнина, около полудня ходьбы, и въ ней были *источники водные и много растеній надъ водою.* И сходились туда всѣ жители Содома и Гоморры

---

[1]) Вся эта фраза, прибавленная въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи (Соф. I, Воск., Твер. Нов. I и Льв.) въ концѣ сегмента, трактующаго о трехъ братьяхъ—основателяхъ Кіева, должна быть, по моему, пересена сюда,—въ сегментъ, заключающій въ себѣ описаніе обычаевъ Древлянъ и др.

[2]) Окончаніе взято мною изъ Лѣтописца Переяславля Суздальскаго.

[3]) См. „Исторію рус. словесности" И. Порфирьева, Казань, 1879 г., стр. 226, послѣд. строка.

четыре дня въ году со своими женами, дѣтьми и всѣми своими ближниками и устраивали тамъ игрища съ тимпанами и плясками. И во время игрищъ всѣ, вставши, хватали, кто жену другого, кто дѣвицу—дочь другого, надругались надъ ними и плѣнили ихъ, и каждый видѣлъ свою жену или свою дочь въ рукахъ другого, но никто ничего противъ этого не возражалъ"[1]).

Ясно, что этимъ именно еврейскимъ сказаніемъ и воспользовался нашъ лѣтописецъ для изображенія брачныхъ обычаевъ Древлянъ, Радомичей и пр. и что поэтому строить на лѣтописномъ свидѣтельствѣ выводъ о существованіи у нѣкоторыхъ славяно-русскихъ племенъ похищенія женщинъ, какъ первой и притомъ господствующей формы брака, какъ утверждаетъ проф. Владимірскій-Будановъ, значитъ строить зданіе на песцѣ.

Что же касается описанія брачныхъ обычаевъ *Полянъ*, то оно прямо отображаетъ черты моисеево—талмудическаго брачнаго права.

У евреевъ бракосочетанію, „сватьбѣ", предшествуетъ сговоръ, совѣщаніе (erussin). Въ талмудическую эпоху сговоръ обставленъ былъ первоначально такими же формальностями и сопровождался произнесеніемъ такихъ же евлогій, какъ и бракосочетаніе и между обоими актами полагался промежутокъ времени около года, въ продолженіе котораго обрученная невѣста оставалась въ родительскомъ домѣ, считаясь, однако, во многихъ отношеніяхъ какъ бы состоящею уже въ замужествѣ, но жениху запрещалось, подъ угрозою бичеванія, „вхожденіе къ невѣстѣ". По наступленіи же установленнаго срока для свадебнаго торжества, родители и родственники невѣсты приводили ее вечеромъ къ жениху въ брачную горницу—*chuppa*[2]) (впослѣдствіи обряды сговора, въ первоначальномъ его значеніи и бракосочетанія стали совершаться одновременно, и невѣста нынѣ приводится подъ балдахинъ, что и называется „приводомъ" или „вводомъ" невѣсты).

---

[1]) Sepher ha jaschar (на древне-евр. языкѣ). Варшава, 1878 г., стр. 31.
[2]) Бытіе, XXIX, 23, Іоиль, II, 16.

Женихъ же въ библейское время давалъ невѣстѣ „утренній даръ дѣвицъ“ (mohar, Morgengabe), замѣненный впослѣдствіи удерживающеюся и понынѣ брачною „записью“—khetuba, въ которой опредѣлены личныя и имущественныя обязательства мужа, относительно жены, и главнымъ образомъ обязанность уплатить ей, въ случаѣ прекращенія брака, извѣстную сумму въ единообразномъ размѣрѣ, и возвратить ея „приданное“, по установленной единообразной оцѣнкѣ его, съ опредѣленною „надбавкою“ со стороны мужа.

Эти-то черты брачнаго права евреевъ авторъ вышеприведеннаго лѣтописнаго сказанія и усвоилъ, правда, въ нѣсколько спутанномъ видѣ, Полянамъ, которые, по его изображенію, въ противоположность Древлянамъ и другимъ племенамъ, гнушались кровосмѣшенія, заключали формальные браки, допуская, впрочемъ, многоженство: женихи не „входили“ къ своимъ обрученнымъ невѣстамъ, а сочетались съ ними законнымъ супружествомъ, совершавшимся, какъ это принято у евреевъ, чрезъ „освященіе“ kidduschin, т. е. посредствомъ врученія невѣстѣ, въ присутствіи свидѣтелей, монеты или цѣнной вещи (впослѣдствіи,—чрезъ надѣваніе ей на палецъ кольца) и выдачу ей письменнаго акта объ обезпеченіи уплаты ей установленной денежной суммы и возврата приданнаго (nadan или nedunja) и посредствомъ привода невѣсты въ брачный чертогъ, или подъ балдахинъ—*хуппа*.

Для бо́льшаго еще доказательства еврейскаго происхожденія разбираемаго лѣтописнаго свидѣтельства, коснусь и обнимаемыхъ имъ другихъ, кромѣ брачныхъ, нравовъ и обычаевъ вышепоименованныхъ племенъ. Коснуться же и этой части свидѣтельства я считаю умѣстнымъ и потому, что въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ еще придется вспомнить о ней по поводу нѣкоторыхъ предметовъ церковной юрисдикціи.

Дѣло въ томъ, что, по моему, ошибочно думать, будто Древляне, Радимичи, Сѣверяне и Вятичи стояли точно на такой низкой степени гражданственности, какъ это рисуетъ сказатель. Вѣрнѣе допустить, что, измышляя длинный реестръ ихъ грѣховъ и пороковъ, сочинитель повѣсти находился подъ вліяніемъ еврейскихъ понятій и воззрѣній. По установлен-

ному прочно въ талмудо—раввинской письменности взгляду, достойными участія въ блаженствѣ будущей жизни являются, наравнѣ съ евреями, также и „благочестивые народы міра“. Благочестивыми же признаются всѣ такъ называемые *ноахиды,*—сыны Ноя (bne noach), т. е. иноплеменники, которые, держась обычаевъ своихъ отцовъ (minhay abotheiem), не исповѣдуютъ богооткровеннаго Моисеева закона, но за то исполняютъ семь постановленій, заповѣданныхъ Богомъ потомкамъ Ноя еще до явленія Божіяго и „законоданія“ на горѣ Синайской, а именно: 1) заповѣдь о повсемѣстномъ устройствѣ административно-судебныхъ установленій и повиновеніи ихъ распоряженіямъ и приговорамъ, и запреты: 2) богохуленія, 3) идолопоклонства, 4) кровопролитія, 5) кровосмѣшенія, 6) похищенія и присвоенія чужаго имущества и 7) употребленія въ пищу кусковъ мяса, оторванныхъ отъ живаго животнаго [1]). Типъ такихъ праведныхъ язычниковъ,— „безразличныхъ и обоюдныхъ“,—какъ ихъ охарактеризовалъ академикъ А. Н. Веселовскій, въ отношеніи ожидающей ихъ участи въ загробномъ мірѣ, изображенъ въ общихъ чертахъ и въ пользовавшемся популярностію въ древней Руси „видѣніи“ составителя Житія Василія „Новаго“ (ум. въ 944 г.)— ученика послѣдняго, Григорія Мниха, которое, впрочемъ, какъ я старался доказать въ другомъ мѣстѣ, и само отражаетъ на себѣ слѣды близкаго знакомства его автора съ еврейскими эсхатологическими идеями [2]). „И по симъ“, живописуетъ монахъ Григорій, „пріиде малъ ликъ..., сія же бѣху иже прежде пришествія Христова отъ языкъ, не ищуще Закона, но дѣлы законъ исполняюще и идоломъ непоклонившеся, но цѣломудренни быша и милостивы, Бога чтуще, и симъ повелѣ (Господь) внити и того ради сподобитися сея радости неизреченныя“ [3]).

---

[1]) См. ссылки на источники у проф. Д. А. Хвольсона: „О нѣкот. средневѣковыхъ обвин. противъ евреевъ“. СПБ. 1861 г., стр. 22 и слѣд.

[2]) См. въ „Лѣтописи Ист. Фил. Общ. при Имп. Новор. Унив.“ за 1894 г., кн. IV, мою статью „Слѣды іудейскихъ воззрѣній въ др. рус. письменности“, стр. 14—15.

[3]) „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха“. А. Н. Веселовскаго, вып. пятый. СПБ., 1889 г., стр. 142.

Этими то понятіями и руководствовалась наша Лѣтопись при обрисовкѣ религіозно-нравственнаго уровня бывшихъ подъ властію хазаръ русскихъ племенъ. Изъ нихъ Древляне и другіе выставляются самыми грубыми язычниками, нарушающими всѣ до единой семь „ноевыхъ заповѣдей", такъ какъ они „творятъ сами себѣ законъ" (талмудическое выраженіе, означающее: учинять насиліе, самоуправство, самосудъ), совершаютъ богохульство, кровопролитіе, кровосмѣшеніе и ѣдятъ все нечистое. Поляне же, напротивъ того, изображаются *праведными язычниками*, которые „имуть своихъ отець обычай" (minhag abotheiem); но соблюдаютъ предписанныя сынамъ Ноя постановленія, о чемъ, хотя это и не вполнѣ ясно выражено, можно заключить изъ противопоставленія вообще Полянъ Древлянамъ и другимъ.

Пора, однако, возвратиться къ остальнымъ предметамъ вѣдомства церковнаго суда. На очереди

3) Пошибалное (пошибанье) *промежи мужемъ и женою о животѣ*.

Эти слова проф. Вл. Будановъ переводитъ: „драка между мужемъ и женою изъ-за имущества" [1]). Проф. же Суворовъ полагаетъ, что слово „пошибаніе" не находится ни въ какой связи съ послѣдующими реченіями, и разумѣетъ подъ нимъ нанесеніе женщинѣ ударовъ и тѣлесныхъ поврежденій, послѣдствіемъ которыхъ является выкидышъ младенца, т. е. дѣяніе, предусмотрѣнное въ Моисеевомъ Пятокнижіи (Исх. 21, 22) и воспроизведенное въ Законѣ Судномъ обширной редакціи, въ статьѣ: „о сварѣ" [2]). Дальнѣйшія же слова: „промежы мужемъ и женою о животѣ", или, какъ читается въ посланіи къ одному изъ сыновей Александра Невскаго неизвѣстнаго Владимірскаго Епископа: „про межю мужемъ и женою *что будеть рѣчь* о животье", названный ученый объясняетъ въ смыслѣ отношеній между мужемъ и женою, столь непріязненныхъ, что одинъ изъ нихъ высказываетъ угрозы и принимаетъ мѣры, опасныя для жизни („живота")

---

[1]) Хрестоматія, вып. I, изд. 5-е, стр. 229, прим. 5-е.

[2]) Русскія Достопамятности, ч. II, стр. 185.

другого. Но приведенныя объясненія совершенно несостоятельны. Глаголъ *пошибать* нигдѣ рѣшительно не употребляется въ смыслѣ: спорить, тягаться, либо понести удары, а значитъ всюду: сбросить, повергнуть, а въ переносномъ смыслѣ обезчестить, изнасилить. Такъ въ мирной грамотѣ Новогородцевъ 1195 г. читаемъ: „оже пошибають можжеску жену, любо дчьрь, то князю 40 гривенъ"... (ст. 7) и далѣе: „оже кто рабу *повержеть* насиліемъ, а не соромить, то за обиду гривна"... (ст. 14) [1]). Въ церковномъ уставѣ кн. Ярослава: „Аже кто умчить дѣвку или *насилить*, аже боярская дчи за соромъ ей 5 гривенъ золота" (ст. 1),—каковое постановленіе въ нѣсколько видоизмѣненной редакціи повторено въ непосредственно слѣдующей (2-й) статьѣ: „аже кто *пошибаеть* боярскую дщерь или боярскую жену за соромъ ей 5 гривенъ золота" [2]).

Такимъ образомъ пошибаніе значитъ: покушеніе на женскую честь, являясь какъ бы заголовкомъ одной изъ такъ называемыхъ дополнительныхъ статей къ Закону Судному и вмѣстѣ съ тѣмъ и къ Русской Правдѣ, надписанной „о безчестіи": „А за безчестную гривну золота, аще будетъ баба была и мати и пр." [3]). Эта послѣдняя статья изслѣдователями (Лешковымъ, кн. Оболенскимъ, Казанскимъ) толкуема была на разные лады. Въ особенности же много вниманія удѣлилъ ей проф. Мрочекъ-Дроздовскій, въ виду ея важности для опредѣленія цѣны древне-русскихъ денежныхъ единицъ, золотыхъ и серебряныхъ. По объясненію Московскаго профессора [4]), сказанная статья трактуетъ о *безчестной гривнѣ*, или штрафѣ за обиду словомъ, который долженъ былъ уплачиваться золотомъ или серебромъ, смотря по благородству обиженнаго по женской линіи,—*по золотому* происхожденію его матери или бабки, подвергшемуся *потернѣ* (sic!), вслѣдствіе выхода въ замужество за лицо

---

[1]) Христоматія по ист. рус. права Вл. Буданова I, изд. 5-е, стр. 110 и 112.

[2]) Тамъ же, стр. 233—4.

[3]) Русскія Достопамятности, ч. II, стр. 200.

[4]) См. „Изслѣд. о Рус. Правдѣ", вып. I, М. 1881 г., стр. 86—94.

низкаго происхожденія. Къ такому толкованію примкнулъ недавно и проф. Ключевскій [1]). Между тѣмъ я, съ своей стороны, въ очеркѣ, посвященномъ критическому разбору Закона Суднаго, принимаемаго мною за номоканонъ, составленный въ первоначальномъ его видѣ для хазаръ, обращенныхъ въ христіанство Св. Кирилломъ—Константиномъ, старался доказать, что загадочная статья „о безчестіи“ составляетъ лишь продолженіе другой статьи того же памятника, надписанной: „о дѣвицѣ“, что по сочетаніи обѣихъ этихъ статей и дополненіи ихъ нѣкоторыми отрывочными фразами, запрятанными въ разныхъ мѣстахъ изданнаго Дубенскимъ сборника, напечатаннаго во 2-й части Русскихъ Достопамятностей, открывается, что въ своей совокупности означенная статья имѣетъ своимъ предметомъ не оскорбленіе словомъ, а обольщеніе или изнасилованіе дѣвицы или бабы, честнаго, либо срамнаго поведенія, и что главнѣйшее содержаніе статьи заимствовано изъ Моисеево-талмудическаго права, а самый разсчетъ установленной въ ней денежной пени производится *на сей разъ* не на русскія, а на библейско-талмудическія денежныя единицы: *мана*, *сикль* священный, либо профанный (талмудическій), и *динаръ* или *зузъ*,—окрещенные всѣ, для удобопонятности, русскими названіями: гривны злата, серебра и кунъ [2]).

Что же касается выраженія: „промежю мужемъ и женою, чьто будетъ рѣчь о животѣ“, то, держась грамматическаго его смысла, нельзя понимать его иначе, какъ только: споръ или тяжба между супругами объ имуществѣ. Включеніе же таковыхъ споровъ въ кругъ вѣдомства церковнаго суда служитъ лишнимъ доказательствомъ того, что древне-русскій юридическій бытъ находился подъ вліяніемъ не столько византійскаго, не столько западно-католическаго, сколько моисеево-талмудическаго права, ибо даже нынѣ дѣйствующее русское законодательство о евреяхъ, руко-

---

[1]) „Курсъ Рус. Исторіи“, ч. I, м. 1904 г., стр. 320.

[2]) См. въ „Трудахъ Кіев. Духов. Акад.“ за 1891 г., Августъ, мою статью „Кирилло-Меѳодіевскіе вопросы“.

водясь ихъ правовоззрѣніями, возлагаетъ на еврейскихъ раввиновъ и караимскихъ газзановъ обязанности, при постановленіи рѣшеній по бракоразводнымъ дѣламъ, разрѣшать вмѣстѣ съ тѣмъ и чисто гражданскій вопросъ—подлежитъ ли возвращенію разводимой женѣ ея приданое (точнѣе сказать, сумма, обезпеченная ей въ брачной записи—кетубѣ, или оно должно оставаться у мужа [1]),—каковое правило противорѣчитъ общепринятому порядку, по которому имущественныя отношенія между супругами разрѣшаются гражданскимъ судомъ, хотя бы расторженіе брака исходило отъ суда духовнаго [2]).

4) *Въ племени или сватовствѣ поймутся*—браки въ близкихъ степеняхъ родства или свойства.

Вліяніе въ данномъ пунктѣ именно моисеева, а не римско-византійскаго, ни каноническаго права, явствуетъ изъ того, что здѣсь ни единымъ словомъ не упоминаются браки, запрещенные по духовному, либо гражданскому родству. О самомъ объемѣ брачныхъ запрещеній по плотскому родству и свойству, принятомъ въ древне-русской практикѣ, мы точныхъ свѣдѣній не имѣемъ. Только изъ перечня „стыдѣніи", содержащагося въ вышеприведенномъ лѣтописномъ сказаніи о нравахъ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, — перечня, правда, замѣтно, неполнаго, видно, что Поляне признавали воспрещенія браковъ по кровному родству и свойству лишь въ границахъ, установленныхъ ветхозавѣтнымъ закономъ (Левитъ, XVIII, 7—17): „и стыдѣнье (имѣху) къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ"…. Можно, однако, не рискуя ошибиться, заключить, что сказатель приписывалъ древнимъ Полянамъ именно тѣ брачные обычаи, которые, образовавшись подъ воздѣйствіемъ іудаизма еще до всеобщаго крещенія русскаго народа, сохранились, какъ пережитокъ, также и во время составленія Начальной лѣтописи, а затѣмъ удерживались и въ эпоху появленія усваиваемыхъ князямъ Владиміру и Всеволоду церковныхъ уставовъ, сочиненныхъ во

---

[1]) Св. Зак., т. XI, ч. 1, Уст. духов. дѣлъ иностр. испов., ст. 1289, 1290, 1328.

[2]) См. Гражданское уложеніе, кн. 2-я, сем. право, т. I, Спб., 1902 г., стр. 352.

всякомъ случаѣ позднѣе древнѣйшаго лѣтописнаго сборника. И дѣйствительно, на живучесть семейныхъ обычаевъ, сложившихся на Руси во время господства хазаръ, особенно въ Полянской, Кіевской землѣ, подъ вліяніемъ библейско-талмудическаго права, отчасти указываетъ, по моему, и то странное, по замѣчанію проф. Н. С. Суворова, обстоятельство, что каноническія правила, касательно духовнаго родства, какъ препятствія къ браку, получили лишь до крайности ограниченное примѣненіе въ русской практикѣ и что послѣдняя и понынѣ держится крѣпко взгляда, по которому воспрещается лишь бракъ между воспріемникомъ мальчика и матерью послѣдняго и между воспріемникомъ дѣвочки и отцомъ ея,—вопреки постановленію Трулльскаго собора, въ концѣ концовъ сравнившаго вполнѣ духовное родство съ кровнымъ [1].

5) *Потворы и чародѣянія, вълхованіе, вѣдьство, зелейничество.*

Настоящій перечень названій разныхъ видовъ волшебства представляетъ мнѣ поводъ лишній разъ показать, въ какой мѣрѣ пригодно, въ цѣляхъ возстановленія текста и уясненія смысла произведеній древне-русской письменности, прибѣгать въ затруднительныхъ случаяхъ къ практикуемому мною методу размѣщенія, перестановки и сочетанія (arrangement, permutation et combinaison) отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ грамматическихъ періодовъ изучаемаго памятника.

Дѣло въ томъ, что въ разбираемомъ уставѣ Всеволода, за перечисленіемъ различныхъ предметовъ церковнаго суда, помѣщено слѣдующее предложеніе: „О всѣхъ сихъ, что предписано, дръжахъ за своими бояры, аже они обидять гостей, а гдѣ живуть, тымъ наровятъ *и княжу душу топятъ*" [2].

Для всякаго, полагаю, очевидно, что тщетны были бы всѣ усилія истолковать сколько нибудь сносно, при помощи обыкновенныхъ пріемовъ герменевтики, этотъ безсвязный наборъ словъ,

[1]) Н. С. Суворова: „Учебн. церковнаго права", изд. 2-е, М., 1902 г., стр. 366—367.

[2]) Христоматія Вл. Буданова, вып. I, изд. 5, стр. 244.

не выражающихъ никакой опредѣленной мысли. Единственное же, что въ данномъ случаѣ можно и необходимо сдѣлать,—это доискаться, изъ какого мѣста текста каждое слово сюда занесено, и куда оно должно быть вновь переставлено. Этимъ я послѣдовательно и займусь послѣ, а пока останавливаюсь на заключительныхъ словахъ предложенія *„и княжу душу топять“*. Что за нелѣпая метафора: топить душу! Да и какіе это злоумышленники, топящіе душу князя? Неужели же это бояре, съ которыми, какъ сказано въ началѣ устава, князь „погадалъ“ (совѣщался), желая дать „судъ и мирила“ духовенству въ Кіевѣ и Новогородѣ? Но туманъ, окутывающій эту фразу, разсѣется, если слова „княжу душу“ разъединимъ отъ слова „топять“ и передвинуть первыя внизъ, а послѣднее вверхъ по контексту устава. А именно, слова: „княжу душу“ должны быть отнесены, какъ варіантъ или повтореніе, къ стоящему ниже въ уставѣ предложенію: „а съ суду давати девять частей князю, а десятую святѣй Софѣи за княжую душу“ [1]). Слово же „топять“ должно быть отнесено къ вышеприведеннымъ мною словамъ: „чародѣянія, волхованіи, вѣдьство“ [2]). Надо думать, что здѣсь-то первоначально стояло, въ видѣ дополненія, сочетаніе: „или иже *воскъ, или олово топять*“—подобно тому, какъ въ ст. 13-й издаваемаго при Большомъ Требникѣ Номоканона, греческій оригиналъ котораго появился, по мнѣнію А. С. Павлова, въ первой половинѣ XV вѣка, читается: „чародѣй, сирѣчь волхвъ и прорицатель, *восколей и оловолей*: .... двадесять лѣтъ да не причастится“, или въ ст. 15-й: „Аще кіи ходять къ волхвамъ ...., яко да *воскъ излiетъ* имъ волховъ, *или олово*, шесть лѣтъ да не причастятся“ [3]).

6) Зубоѣжа или зубоядь.

Подъ этимъ выраженіемъ А. С. *Павловъ* понималъ укушеніе, соединенное съ волшебною порчею, предосудительное

[1]) Тамъ же, стр. 246.
[2]) Тамъ же, стр. 244.
[3]) См. А. Павлова: „Номоканонъ при Большомъ Требникѣ“, Москва 1897 г., стр. 123, 128—9.

съ религіозной стороны, какъ дѣйствіе, можетъ быть, свойственное преимущественно колдунамъ, вѣдьмамъ, вообще, женщинамъ [1]). *Неволинъ* также считалъ зубояжу видомъ волшебства. Проф. же Н. С. *Суворовъ* разумѣетъ подъ этимъ словомъ укушеніе зубами въ буквальномъ смыслѣ, безъ колдовства, и находитъ, что отнесеніе этого проступка къ компетенціи церковнаго суда явилось подражаніемъ одной какой-либо изъ двухъ, заимствованныхъ изъ Моисеева Закона, статей Закона Суднаго, или той, по которой рабъ получаетъ свободу, если господинъ выткнетъ ему глазъ или выбьетъ зубъ, или той, гдѣ говорится о дракѣ, вслѣдствіе которой побитый долженъ слечь въ постель (Исх. XXI, 26—27 и 18—19) [2]).

Первое изъ этихъ толкованій должно быть рѣшительно отвергнуто, какъ схваченное изъ воздуха, ибо нельзя указать ни одного примѣра употребленія зубояжи въ смыслѣ чародѣйства. Но и пониманіе этого слова въ буквальномъ смыслѣ не можетъ быть принято потому, что изъ Русской Правды мы знаемъ, что дѣла о всякаго рода ссорахъ и дракахъ разбирались свѣтскимъ, княжескимъ судомъ, и нельзя даже придумать какого-либо основанія, почему именно дѣла объ укушеніи подлежали церковной юрисдикціи.

Дѣйствительное же значеніе зубоѣжи можетъ быть установлено только при помощи данныхъ еврейскаго языка. Въ подлинномъ текстѣ Библіи взиманіе лихвы или роста при займѣ или ссудѣ передается словомъ *neschech*—укусъ, угрызъ, особенно змійный. Въ талмудической письменности таковое названіе поясняется слѣдующею притчею: Подобно тому, какъ ужаленіе змія производитъ сначала едва замѣтную, нечувствительную царапину, которая, однако, постепенно расширяется въ огромную опухоль, охватывающую все тѣло до самой темени головы, такъ и лихва сперва причиняетъ едва ощутительный ущербъ, но затѣмъ, все болѣе увеличиваясь,

---

[1]) См. Е. Шмурло, указ. сочин., стр. 49.

[2]) Н. С. Суворова: „Слѣды зап.-католич. церк. права въ памят. др. рус. права“, стр. 199—200.

доводитъ должника до полнаго разоренія [1]). Кромѣ того, въ библейскомъ языкѣ встрѣчаются обороты: заяденіе и обдираніе, означающіе иносказательно: мздоимство, всякую неправедную наживу, корыстолюбіе (Мих. III, 2, 3, 5.—Пс. LII, 5). Отсюда можно съ несомнѣнностію заключить, что и подъ зубоѣжою разумѣется ничто иное, какъ только рѣзоимство и, вообще, всякое незаконное стяжаніе. Вотъ нѣкоторыя, еще болѣе подтверждающія это соображеніе, доказательства. Въ Поученіи Митрополита Никифора (первой четверти XII в.), между прочимъ, сказано: „Аще ли то не мощно, поне да великіи рѣзъ остави, еже *яко же змія изъѣдаютъ* окаянніи убогія“ [2]). Мы встрѣчаемся, такимъ образомъ, и здѣсь съ талмудическимъ сравненіемъ роста съ угрызеніемъ змѣя. Далѣе, въ одномъ древнемъ „чинѣ исповѣданія“, напечатанномъ проф. Горчаковымъ, читается: „въземьше что чюже, ци запрѣлася еси, ли украла еси что, ли *зубы кусала еси кого*, 40 дней поста“. Этою цитатою проф. Суворовъ [3]) думалъ подкрѣпить свое толкованіе слова „зубоѣжа“ въ буквальномъ смыслѣ укушенія кого-либо въ дракѣ. Но весь ходъ рѣчи убѣждаетъ, что кусаніе зубами подходитъ подъ ту же категорію имущественныхъ, а не личныхъ, правонарушеній, къ которой относятся и чужеприсвоеніе, и кража, и что подъ этимъ выраженіемъ умѣстнѣе всего понимать *ростовщичество*, такъ какъ въ церковныхъ поученіяхъ рѣзоиманники постоянно упоминаются наряду съ восхищниками, мездниками и сребролюбцами [4]). Ссылается еще почтенный профессоръ, въ подтвержденіе своего толкованія, на статью церк. устава Ярослава: „аще мужа два бьются, одинъ другаго укусить или одереть, епископу 3 гривны“. Но ссылка эта—результатъ простого недоразумѣнія. Въ извѣстномъ древнѣйшемъ спискѣ сказаннаго устава, находящемся въ Соловецкой Кормчей 1493 г. и перепечатанномъ проф. Голубинскимъ изъ Пра-

[1]) См. толкованіе „Раши“ на Исх. XXIII, 24.

[2]) См. Преосвящ. Макарія: Ист. рус. церкви, II, стр. 327.

[3]) „Слѣды“ и пр., стр. 200.

[4]) См. напр. поученіе Митрополита Іоанна (Русск. Истор. Библіот., т. VI, № 36.

восл. Собесѣдника 1861 г., означенная статья читается такъ: „Аще мужа два біетася *женскы*, любо одереть или укусить, митрополиту 12 гривенъ или гривна“ [1]). Эпитетъ „женскій“ и слѣдующій за нимъ въ рукописи пробѣлъ, отмѣченный въ печатномъ изданіи знакомъ тире (—) показываютъ, что здѣсь, какъ это замѣчается впрочемъ, еще и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ того же устава, спутаны отрывки двухъ, совершенно разнообразныхъ статей. Такъ, начальная фраза: „Аще мужа два біетася“ . . . составляетъ начало статьи, передающей содержаніе стиха 11-го главы 25-й Второзаконія: „когда мущины будутъ драться между собою и подойдетъ жена одного изъ нихъ, чтобы выручить мужа своего“ и т. д. Слова же: „любо одереть или укусить“ являются, видимо, окончаніемъ другой статьи, опредѣляющей денежныя пени за имущественные проступки, въ томъ числѣ за *обдираніе и укушеніе*, въ томъ фигуральномъ смыслѣ, въ которомъ, какъ замѣчено выше, въ библейскихъ книгахъ говорится о „ѣдящихъ плоть народа, сдирающихъ съ него кожу и грызущихъ зубами“, т. е. въ смыслѣ лихоимства, мздоиманія и грабительства.

7) Изгойство, изгойскыи, приkладьнь.

За „зубояжью“ въ разсматриваемомъ спискѣ Всеволодова устава слѣдуетъ: „уреканіе“. Но можно съ положительностію утверждать, что въ подлинникѣ рядомъ съ зубояжою первоначальною стояли вышеприведенныя три слова, которыя при дальнѣйшихъ перепискахъ случайно пропущены были въ текстѣ, но затѣмъ отмѣчены были на боковомъ или нижнемъ полѣ, откуда они впослѣдствіи, по недомыслію переписчиковъ, попали въ перечень церковныхъ, богадѣленныхъ людей, а именно: слово „изгойство“ попало въ „классическое“, какъ его назвалъ проф. М. Ф. Вл.—Будановъ, мѣсто объ изгояхъ, въ составъ сочетанія, „а се и четвертое изгойство“, а реченія: „изгоискыи“ и „прикладьнь“ очутилось вслѣдъ за непосредственно предшествующимъ сему мѣсту въ нѣкоторыхъ спискахъ уставовъ Всеволода и Владиміра вы-

---

[1]) Голубинскій, Ист. рус. церк., М., 1901 г., I, стр. 636.

раженіемъ: „задушный человѣкъ“ [1]). Сказанное классическое мѣсто я разберу послѣ, когда да него дойдетъ очередь, при чемъ постараюсь его освѣтить при помощи данныхъ библейско-талмудической письменности. Здѣсь же ограничусь замѣчаніемъ, что *„изгой“* значитъ не вообще человѣкъ, вышедшій, или изгнанный изъ своего прежняго сословія, или состоянія, какъ теперь толкуется этотъ терминъ большинствомъ изслѣдователей, а единственно и исключительно: рабъ, выкупившійся изъ рабства, какъ это и замѣтилъ проф. В. И. Сергѣевичъ, выразившійся, впрочемъ, осторожно, что „первоначально, *можетъ быть*, изгоями только и называли, вышедшихъ на волю холоповъ“ [2]); сообразно тому и „изгойство“ означаетъ не вообще выходъ, добровольный или принудительный, даннаго лица изъ опредѣленной среды или извѣстнаго состоянія, а *только*, согласно объясненію послѣдне названнаго почтеннаго ученаго, выкупъ, платимый рабомъ господину при выходѣ на свободу, а, въ частности, взиманіе господиномъ за освобожденіе раба выкупа въ размѣрѣ, превышающемъ *уреченную* (договорную) цѣну, за которую господинъ самъ пріобрѣлъ раба; слова же *прикладьнь*, по моему, не означаетъ „человѣка, находившагося подъ эпитемьею и потому временно считавшагося подъ юрисдикціей церкви“, какъ изъясняетъ проф. Мрочекъ-Дроздовскій [3]), а представляется искаженіемъ слова „прикладъ“, значащаго: прибавка, лихва, ростъ, такъ, что слова „изгойскыи“ „прикладъ“, взятыя вмѣстѣ, служатъ лишь поясненіемъ „изгойства“, въ его специфическомъ смыслѣ, какъ дѣйствія запрещеннаго, грѣховнаго.

Что таково именно значеніе сказаннаго термина,—это явствуетъ изъ процитованнаго, какъ проф. Сергѣевичемъ, такъ и проф. Мрочекъ-Дроздовскимъ свидѣтельства извѣстнаго по списку XV в. т. н. „Наставленія духовнику о принятіи

---

[1]) См. „Христоматію Вл. Буданова, I изд. 5-е, стр. 245 и „Ист. рус. церкви“ Голубинскаго, изд. 2-е, I, стр. 626, прим. 10-е.

[2]) Рус. юрид. древности, изд. 2-е, 1902 г., т. I, стр. 275.

[3]) „Изслѣд. о Рус. Правдѣ“, Приложенія ко 2-му выпуску, М. 1886 г., прил. 4-е, стр. 61, въ концѣ.

кающихся“, въ которомъ читается: „Да аще хощеши, чадо, быти въ жизни вѣчней, то отверзися кунъ даяти въ рѣзъ, а Бога дѣля дай . . . А еже еси ималъ прежде сего *наклады* или иное кое неправдою добывалъ . . ., ли грабленьемъ, то все неправедное имѣнье возврати тѣмъ, чье то было . . . И се пакы горѣе всего *емлющимъ изгойство на искупающихся отъ работы:* не имуть бо видѣти милости, не помиловавши равно себѣ създаннаго рукою Божіею человѣка, *ниже насытившеся цѣною уреченною*“.

Отсюда ясно, что изгойство, т. е. взиманіе за отпущеніе на волю раба выкупа съ *накладомъ* или *прикладомъ*, сверхъ уплоченной самимъ владѣльцемъ „уреченной“ цѣны, есть такого же рода, но только гораздо болѣе тяжкій грѣхъ, какъ и рѣзоимство и всякое, вообще, неправедное обогащеніе себя на чужой счетъ—*зубояжа.* Естествено по этому, что въ перечнѣ дѣлъ, входящихъ въ компетенцію церковнаго суда, оба термина въ первоначальномъ текстѣ устава стояли подъ рядъ, одинъ возлѣ другого.

8) Уреканія три: распутствомъ (бл—нею) зелія, еретичьствомъ.

Совершенно непонятно, почему нашъ уставъ относитъ къ вѣдомству церковнаго суда оскорбительныя укоризны только въ пречисленныхъ трехъ, а не въ другихъ какихъ либо преступленіяхъ, при чемъ, минуя всѣ иные виды волшебства, останавливается только на „зеліи“—на колдовствѣ посредствомъ употребленія травъ? Это тѣмъ болѣе странно, что въ нѣкоторыхъ спискахъ Владиміpова устава означенъ еще особый разрядъ дѣлъ: „или кто уречется скверными словесы . . .“, подъ который вѣдь во всякомъ случаѣ подойдетъ и урекание распутствомъ, почему, казалось бы, и не предстояло вовсе надобности говорить о послѣднемъ еще и отдѣльно. Всѣ эти затрудненія указываютъ на испорченность текста даннаго мѣста. Возстановить же его можно и должно слѣдующимъ образомъ: Числительное „три“ (въ одномъ спискѣ: „тре“) надлежитъ переставить чрезъ одну строчку и присоединить къ сочетанію „братія или дѣти“ или, какъ читается въ краткой редакціи: „*братни ти дѣти*“,— чрезъ что получится

„трибратни"—описка, вм. *три* или *требрачныя ли дѣти*". Слова же „распутство" и „зелія" слѣдуетъ совсѣмъ исключить, ибо первое, написанное въ Стоглавникѣ въ именительномъ, а не творительномъ падежѣ („бл—ня"), нисколько не связано со словомъ „урекание", а означаетъ самостоятельный разрядъ дѣлъ о плотскихъ преступленіяхъ, второе же оказывается только варьянтомъ или повтореніемъ слова: „зелейничество". Остается, такимъ образомъ, неприкосновенною лишь фраза: „*урекание еретичествомъ*". Но ее нужно дополнить еще двумя реченіями, запрятанными въ упомянутомъ уже выше, добавленномъ къ нашему уставу, сегментѣ, начинающемся: „а се правило Собора Никейскаго",—трактующемъ о правѣ наслѣдованія дѣтей, прижитыхъ въ третьемъ или четвертомъ бракѣ, а именно слова: „прелюбодѣйна" и „робичичю". Ниже я докажу, что оба эти слова въ тѣхъ сочетаніяхъ, въ которыхъ они стоятъ въ сказанномъ сегментѣ, представляютъ вопіющую несообразность. Между тѣмъ, если ихъ перенести въ перечень дѣлъ церковной подсудности и поставить подлѣ слова „еретичествомъ", то получится предложеніе: „*урекания: еретиче, робичиче, прелюбодѣйчиче*",—смыслъ котораго уяснится вполнѣ по сопоставленіи его съ многократно встрѣчающимся въ Талмудѣ правиломъ, привлекаемымъ нѣкоторыми христіанскими экзегетами для истолкованія Евангельскаго изреченія (Мѳ. V, 22): „Кто же скажетъ брату своему *рака* подлежитъ сенидріону, а кто скажетъ безумный подлежитъ геённѣ огненной". Указанное талмудическое правило гласитъ: „кто называетъ своего ближняго *ебедъ*—рабомъ, подлежитъ малому отлученію („ниддуй"), кто же назоветъ его: „*мамзеръ*", рожденнымъ отъ прелюбодѣйки, подвергается 40 ударамъ плетью, а кто скажетъ: „*раши*—нечестивецъ, злодѣй; *борется съ нимъ на жизнь*", т. е. обиженному предоставляется въ этомъ случаѣ, безъ всякаго вмѣшательства суда, отплачивать своему обидчику тѣмъ, что онъ не будетъ стѣсняться дѣлать подрывъ промыслу или профессіи послѣдняго [1]).

[1]) Ср. August Wuensche: „Neue Beiträge zur Erläuterung der Evangelien aus Talmud und Midrasch". 1878, 48.

Это то правило и послужило источникомъ даннаго мѣста устава, при чемъ слово *еретикъ*, какъ полагаетъ и проф. Голубинскій [1]), употреблено здѣсь не въ смыслѣ человѣка, уклоняющагося отъ истинныхъ догматовъ вѣры, а въ томъ же значеніи, въ какомъ, напр., въ Ипат. Лѣтописи, въ разсказѣ объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, Амбалъ, ключникъ и убійца князя, названъ *еретикомъ* („о, еретиче!"), т. е., по ходу рѣчи, беззаконникомъ, лиходѣемъ,—*рашà* [2]).

Все сказанное подтверждается, въ отношеніи укоризны еретичествомъ, статьею Закона Суднаго обширной редакціи, озаглавленною: „о еретицѣ": „Иже стеру члвку рчеть еретиче, да оударитъ ѝ ножемь, аще ли преди судья идеть: да подъиметъ глаголавы и, иже было еретику подяти, да ся тепеть твердо (или добрѣ)" [3]). Очистивъ эту статью отъ приставшихъ къ ней, чуждыхъ ея содержанію, наростовъ, получимъ текстъ, представляющійся въ слѣдующемъ простомъ видѣ. „Иже (вар.: аще ли) етеру человѣку речеть: еретиче, да преди судья идеть глаголавый и дася тепеть твердо (т. е. да біенъ будетъ жестоко; гл. *тепу* значитъ бью, ударяю — отъ греч. τύπτω). Отсюда видно, что и Законъ Судный имѣлъ предъ глазами вышеуказанное талмудическое правило, но онъ въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, отнесся свободно къ заимствованному матеріалу, назначивъ за обозваніе кого либо еретикомъ, въ смыслѣ *рашà*, тѣлесную кару, тогда какъ по Талмуду такая кара опредѣлена была за упреканіе прелюбодѣйчичемъ.

Что же касается двухъ выброшенныхъ мною изъ приведенной статьи Закона Суднаго фразъ: во 1-хъ, „да оударитъ ѝ ножемь" и *во 2-хъ*, „да подъиметъ, иже было . . . . подъяти", то первую надлежитъ перенести назадъ въ непосредственно предшествующую статью того же памятника, надписанную „о враждѣ", которая засимъ должна читаться такъ: „Аще кто [оударитъ ножемь и] вражду сотворить,

---

[1]) Ист. русск. церкви, 2-е изд., 1901 г. I, стр. 624, прим. 2.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, 1871 г., стр. 401.

[3]) Русскія Достопамятности, ч. 2, стр. 181.

Моисѣй бо поручи (чит.: рече): да идетъ рука за руку нога за ногу и пр. [1]). Вторая же фраза должна быть переставлена впередъ чрезъ три страницы въ статью о клеветѣ: „Аще кто оклевещетъ друга своего, да тепеться и да иметь, иже было оному приняти“ [2]): здѣсь то, въ видѣ разночтенія, и стояла первоначально фраза: „да подъимето иже было... подъяти“, которая впослѣдствіи, при перестановкѣ статей, попала некстати въ статью „о еретицѣ“.

9) Отца или мати бьетъ сынъ или дщи, или сноха свекровь.

Въ Моисеевомъ Пятокнижіи говорится только объ оскорбленіи словомъ или дѣйствіемъ родителей со стороны дѣтей (Исх. XXI, 15. Лев. XX, 9). Сообразно тому, въ упомянутомъ выше посланіи Владимірскаго епископа и въ краткой редакціи Владимірова устава сказано лишь о нанесеніи побоевъ дѣтьми отцу или матери. Фраза же: „или сноха (бьеть) свекровь“ — продуктъ творчества самого составителя разбираемаго устава, которымъ воспользовался, между прочимъ, и Стоглавникъ. Это подтверждаетъ изложенное въ другомъ мѣстѣ соображеніе мое, что нѣкоторые списки церковнаго устава, приписываемаго Св. Владиміру, находящіеся въ лѣтописныхъ и другихъ сборникахъ XVI и XVII в., скопированы именно со списка такъ назыв. Всеволодова устава [3]).

10) Братія или (братни-ти) дѣти тяжются о заднйци.

Предложеніе это, по производствѣ въ немъ указанной мною выше эмендаціи посредствомъ приставки къ слову „брати“ (чит.: брачни) числительнаго *три*, означаетъ: трех-

---

[1]) Тамъ же, стр. 181. Предложенная мною переправка „поручи“ на „рече“, основана на томъ, что въ еклогѣ IV вѣка: Lex Dei sive Mosaicarum et Romanorum legum Collatio“ статьи, заимствованныя изъ Мойсеева Пятокнижія, начинаются постоянно словами: Moyses dicit, или haec dicit.

[2]) Тамъ же, стр. 184.

[3]) Означенная въ текстѣ фраза находится, правда, уже въ спискѣ, перепечатанномъ у Голубинскаго изъ Синодальной Кормчей XIII в. № 132. Но, какъ доказываетъ проф. Суворовъ, существуютъ достаточныя основанія предположить, что списокъ церковнаго устава Владиміра вставленъ въ эту Кормчую въ болѣе позднее время. См. „Слѣды“ и пр., стр. 184.

брачныя ли дѣти спорятъ о наслѣдствѣ съ дѣтьми отъ перваго или втораго брака. При такомъ чтеніи устраняется столь затруднявшее изслѣдователей противорѣчіе, состоящее въ томъ, что, по ст. 117-й Русской Правды, по Караим. списку, тяжбы между братьями о раздѣлѣ наслѣдственнаго имущества подлежатъ вѣдѣнію князя и его чиновниковъ, а не церковной власти. Это противорѣчіе старались объяснить или тѣмъ, что приведенная ст. Русской Правды явилась въ отмѣну постановленія церковныхъ уставовъ Владиміра и Всеволода, или тѣмъ, что предоставлялось тяжущимся обращаться, по своему желанію и выбору, къ церковному, либо княжескому суду [1]). Но, принявъ предложенную мною корректуру, мы не будемъ болѣе нуждаться въ такихъ произвольныхъ и натянутыхъ объясненіяхъ, ибо оказывается, что суду княжескому подвѣдомственны были дѣла по спорамъ о наслѣдствѣ, происходившимъ между братьями,—сыновьями наслѣдодателя,—прижитыми въ законномъ бракѣ, какъ полно-и равноправными наслѣдниками; суду же церковному подлежали тяжбы между сими послѣдними и братьями отъ воспрещеннаго и, по крайности, едва лишь терпимаго православною церковію третьяго брака, а также, какъ читается въ Стоглавникѣ, съ сестрами и дальними родственниками (племенемъ) [2]).

11) А кому приказано блиско смерти.

Этихъ словъ нѣтъ въ обсуждаемомъ перечнѣ церковныхъ дѣлъ. Они скрыты въ отдѣлѣ о наблюденіи епископовъ за мѣрами и вѣсами, въ которомъ содержится слѣдующее мѣсто:

„А скривится, *а кому приказано*, того казнить *блиско смерти*, а животъ его на трое: треть живота святѣй Софѣй, а другая треть Святому Ивану, а третьяя треть сотчцкымъ и Новугороду [3]).

---

[1]) Хрестоматія Владимірскаго-Буданова, I, изд. 5-е, стр. 77, прим. 152.

[2]) Въ упомянутомъ въ самомъ началѣ настоящаго очерка статьѣ своей, помѣщенной въ 4-й кн. журнала „Вѣстникъ Права" за 1903 г., я, говоря (на стр. 62) о подвѣдомственности церковному суду всѣхъ вообще споровъ о наслѣдствѣ, впалъ, какъ оказывается, въ ошибку, которую теперь, вникнувъ ближе въ дѣло, исправляю.

[3]) Хрестоматія Владимірскаго-Буданова, I, стр. 245.

Митрополитъ Макарій объяснилъ приведенное мѣсто такъ: „Если кто-либо злоупотребитъ при наблюденіи за мѣрами и вѣсами, виновный подвергаетъ себя тяжкой казни и имущество его дѣлится на трое: треть идетъ св. Софіи и т. д." [1]). Но, при всемъ уваженіи къ высокому авторитету знаменитаго историка русской церкви, едва ли нужно много распространяться о неудовлетворительности предложеннаго имъ толкованія, ибо глаголъ *скрывиться* рѣшительно нигдѣ не встрѣчается въ смыслѣ злоупотреблять, а выраженіе: „казнить близко смерти" никакими натяжками нельзя объяснить: наказывать жестоко. Притомъ, мыслимо ли, чтобы за какія бы то ни было злоупотребленія мѣрами и вѣсами полагалось, сверхъ жестокаго личнаго наказанія, еще и конфискація всего имущества? Въ дѣйствительности же въ данномъ мѣстѣ свалены въ одну кучку четыре отдѣльныхъ словосочетанія: 1) *а скрывится*, 2) *того казнить*, 3) *а животъ его на трое* и т. д. и 4) *а кому приказано блиско смерти*. О первыхъ трехъ сочетаніяхъ я поговорю ниже, а пока остановлюсь на четвертомъ предложеніи, означающемъ тяжбы *наслѣдниковъ по завѣщанію*.

Чтобы установить болѣе точно его смыслъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отыскать въ немъ новую точку опоры для выясненія нерѣшеннаго еще окончательно въ литературѣ вопроса объ исторической преемственности въ древнѣйшій періодъ русской жизни обѣихъ формъ призванія къ наслѣдованію: законной и завѣщательной, необходимо обратиться къ моисеево-талмудическому наслѣдственному праву.

Извѣстно, что Моисеево законодательство не содержитъ опредѣленій о наслѣдственномъ переходѣ имущества по личной волѣ владѣльца,—вслѣдствіе ограниченности самого права распоряженія недвижимымъ имуществомъ, такъ какъ, по завоеваніи Ханаана, земля была распредѣлена между колѣнами, а внутри ихъ между отдѣльными родами и не могла быть отчуждаема въ частную собственность. Въ силу же самаго закона наслѣдство послѣ умершаго переходило

---

[1]) „Ист. рус. церкви", II, стр. 224.

къ слѣдующимъ категоріямъ преемниковъ: 1) сыновьямъ; 2) дочерямъ, 3) братьямъ наслѣдодателя, 4) братьямъ отца послѣдняго и 5) ближайшимъ единокровнымъ родственникамъ, при чемъ каждая предшествующая категорія исключаетъ послѣдующую [1]). Впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Библіи усматривается, что отецъ предъ смертію давалъ своимъ дѣтямъ *приказы* и дѣлалъ завѣщательныя распоряженія. Такъ, объ Ахитофемѣ сказано, что онъ, прежде, чѣмъ удавиться, *приказалъ дому своему* [2]), а пророкъ Исаія, объявивъ царю Езекіи, во время его тяжкой болѣзни, что онъ умретъ и не выздоровѣетъ, предложилъ ему „также *приказать дому своему*“ [3]). Въ апокрифической же книгѣ Товита уже прямо упоминается о письменномъ завѣщательномъ актѣ, составленномъ Рагуиломъ въ пользу своего зятя Товіи [4]). Но полное развитіе свое институтъ завѣщанія получилъ лишь въ талмудическую эпоху, когда для обозначенія послѣдняго появился даже особый терминъ: сперва—усвоенное, въ числѣ безконечнаго множества другихъ заимствованныхъ греческихъ оборотовъ, аттическое названіе „diathiki“, а затѣмъ, взамѣнъ его, еврейское названіе: *zawaah*—приказъ, заповѣдь, установленіе, распоряженіе, отъ древне-еврейскаго глагола zaweh—приказать, повелѣть. Положенія талмудическаго права о наслѣдственномъ усвоеніи имущества владѣльца весьма сложны. Я укажу съ возможною краткостью лишь самыя основныя начала. Исходя изъ коренного правила, что „никто не можетъ совершать какой бы то ни было юридической сдѣлки въ противность тому, что написано въ Законѣ Божіемъ“, талмудическое законодательство не допускало совершенія завѣщанія въ собственномъ смыслѣ и предписывало не отступать отъ порядка наслѣдованія, установленнаго Торою (закономъ), „какъ повелѣлъ Превѣчный Моисею“.

---

[1]) Числа, XXVII, 8—11.

[2]) II Цар. XVII, 23.

[3]) IV Ц. XX, 1.

[4]) VIII, 24. Et fecit s c r i p t u r a m, ut pars dimidia, quae supererat post obitum eorum; Tobiae dominio deveniret. Въ греческомъ и славянскомъ переводахъ Библіи этого мѣста нѣтъ.

Впослѣдствіи, однако, опираясь на слова Пятокнижія: „и будетъ въ онь же день раздѣлитъ сыномъ своимъ имѣніе свое“ [1]), изъ которыхъ можно заключить, что и Священное Писаніе предоставляло владѣльцу нѣкоторую свободу распоряжаться своимъ имуществомъ на случай смерти, талмудисты, въ виду измѣнившихся условій быта евреевъ, внесли въ ученіе о наслѣдованіи существенную реформу, заключающуюся въ томъ, что *лежащему на смертномъ одрѣ*, и *только* ему, а не лицу здоровому, дозволяется дѣлать, письменно или словесно, завѣщательное распоряженіе, по которому, напр., одному изъ многихъ сыновей назначается половина имущества, а другая половина въ пользу всѣхъ остальныхъ сыновей, или, при словесномъ волеизъявленіи, одному изъ многихъ равноправныхъ наслѣдниковъ отказать все имущество. Но при этомъ завѣщатель не вправѣ назначать своимъ наслѣдникомъ лицо, вовсе не призываемое, по закону, къ наслѣдованію, ни назначать наслѣдникомъ лицо одной какой либо категоріи законныхъ наслѣдниковъ при наличности наслѣдниковъ категоріи, имѣющей, по закону, преимущественное право наслѣдованія, напр., дочь при существованіи сына, или своего брата,—когда есть дочь и пр., ни лишать первороднаго сына принадлежащей ему, по закону, двойной доли наслѣдства, ни, наконецъ, прямо объявлять кого-либо изъ законныхъ наслѣдниковъ лишеннымъ права наслѣдованія, хотя завѣщатель можетъ обойти его косвенно, назначая имущество въ пользу другихъ наслѣдниковъ.

Но, ограничивая свободу владѣльца назначать, по своему произволу, *наслѣдниковъ*, помимо законныхъ, талмудическое право дозволяетъ смертельно больному, или, вообще, лицу, жизни котораго угрожаетъ серьезная опасность, дѣлать, хотя бы въ пользу сторонняго лица, завѣщаніе по титулу *даренія на случай смерти*. Такія завѣщанія подъ видомъ даренія могутъ быть совершаемы словесно въ присутствіи не менѣе двухъ свидѣтелей и не нуждаются, для своей дѣйствительности, въ соблюденіи юридическихъ формальностей, необхо-

[1]) Второзак., XXI, 16.

димыхъ для сообщенія силы и дѣйствія всякому, вообще, договору. По смерти же дарителя, лицо, въ пользу котораго даръ назначенъ, обязанъ былъ, въ случаѣ спора со стороны законныхъ наслѣдниковъ, доказать, что даритель умеръ именно отъ той болѣзни, которою онъ былъ одержимъ во время совершенія дара [1]).

Въ виду всего изложеннаго, можно съ положительностью утверждать, что выраженіе нашего устава: „кому приказано"—переводъ еврейскаго zaweh, zawaah—приказать, приказъ, а выраженіе: „блиско смерти" употреблено намѣренно съ цѣлью указать, что завѣщанія допускаются и имѣютъ силу лишь тогда, когда они совершены „лежащимъ на смертномъ одрѣ", или „по причинѣ умиранія", что не вполнѣ совпадаетъ съ римскимъ mortis causa. Это подтверждается и соотвѣтственною статью Русской Правды. „Аще ли кто, *умирая*, раздѣлитъ (въ Погодин. спискѣ: разрядить, чит.: распорядить) *домъ свой* дѣтямъ, на томъ же стояти; пакы ли безъ ряду умреть, то все (всѣмъ) дѣтямъ, а на самого часть дати по души" [2]). Здѣсь опять видно, что сила и дѣйствіе завѣщанія обусловлены тѣмъ, что оно было совершено въ то время, когда завѣщатель *умиралъ*, а не въ здоровомъ состояніи. То же самое явствуетъ и изъ выраженій, употребленныхъ въ дѣяніи московскаго собора 1666—7 г.: „завѣты, сирѣчь духовныя, яже *при смерти* бываютъ [3]). Вмѣстѣ же съ тѣмъ приведенные обороты, церковнаго устава Всеволода, а въ особенности поцитованная статья Рус. Правды проливаютъ свѣтъ на указанный мною выше спорный еще доселѣ въ юридической литературѣ вопросъ объ историческомъ соотношеніи въ древне-русскомъ правѣ обоихъ видовъ призванія къ наслѣдованію.

Профессоръ В. И. Сергѣевичъ, разбирая означенную

---

[1]) См. Leophold Löw: Beiträgl. zur jüd. Alterthumskunde. Lpz.; 1870, II, 95—97.—M. Bloch. Das Mos-Falm. Erbrecht, Budapest, 1890, s. 40 ff.—М. Г. Моргулиса: „Право наслѣд. по Моис.-талмуд. законодательству въ срав. съ рус. правомъ наслѣдованія по закону, стр. 26—28 и примѣчанія д-ра А. Я. Гаркави.

[2]) Калачовъ: Предв.-юрид. св. о Рус. Прав., 1880 г., стр. 167.

[3]) См. Калачова: „О значеніи Кормчей", прил., стр. 15.

статью, представляющую, по его словамъ, главный матеріалъ для рѣшенія сказаннаго вопроса, приводитъ мнѣнія изслѣдователей, что ею уже указаны наслѣдники, что отецъ воленъ лишь въ томъ, *какъ* раздѣлить имущество между ними, но устранить ихъ онъ не можетъ и что даже въ дѣлежѣ отецъ не вполнѣ былъ свободенъ, ибо, по другой статьѣ Рус. Правды, отцовскій дворъ переходитъ всегда безъ дѣлежа къ меньшему сыну. Лично же почтенный профессоръ не раздѣляетъ этого взгляда. Основываясь на чтеніи одного изъ списковъ, гдѣ, вмѣсто: раздѣлитъ домъ свой дѣтямъ, имѣется просто „домъ", безъ прибавленія „дѣтемъ", онъ находитъ, что, такъ какъ здѣсь о раздѣлѣ дома говорится вообще, безъ обозначенія лицъ, между которыми раздѣлъ долженъ произойти, то можно думать, что умирающій могъ отказать что-либо и не дѣтямъ [1]). Если, однако, всмотрѣться ближе къ означенной статьѣ, то окажется, что, хотя она, по конструкціи своей, весьма близка къ извѣстному фрагменту XII таблицъ: „Uti legassit super pecunia tutelave suae rei, ita jus esto etc.", но за то встрѣчающіяся въ ней выраженія напоминаютъ термины моисеево—талмудическаго права. Такъ, выраженія: „раздѣлить (разрядить) домъ свой" равнозначуще библейскому: „*приказать дому своему*, т. е. *завѣщать*; выраженіе же: „*на томъ стояти*" напоминаетъ талмудическое объясненіе употребляемаго въ Мишнѣ слова: „diathiki". Игнорируя греческое происхожденіе этого слова, болѣе поздніе талмудисты (III и IV в.в. христ. эры) выдавали его за сложное арамейское, состоящее будто бы изъ двухъ словъ: *da—это и thiki*—станетъ, и истолковали сущность „діаѳики" такъ: „*сіе должно стоять* и быть, что, если (завѣщатель) умретъ, то его имущество передано будетъ такому-то, какъ постановлено въ завѣщаніи" [2]).

Все это, вмѣстѣ взятое, въ связи съ общепризнаннымъ фактомъ вліянія моисеева законодательства на древно-русскій юридическій бытъ вообще, приводитъ къ заключенію, что, по

---

[1]) „Лекціи и изслѣдованія" проф. В. Сергѣевича, 1903 г., 538.
[2]) См. Leop. Löw, op. cit, II, p. 163.

Русской Правдѣ, какъ и по талмудическому праву, владѣлецъ могъ распоряжаться завѣщательно своимъ имуществомъ лишь непосредственно предъ своею смертію и вправѣ былъ раздѣлить по своему произволу имущество только между своими законными наслѣдниками, не нарушая притомъ установленныхъ закономъ преимущественныхъ правъ одной какой-либо категоріи наслѣдниковъ предъ другою, а также не ограничивая освященнаго обычаемъ права меньшаго сына на отцовскій дворъ, подобно тому, какъ по моисеево-талмудическому законодательству отецъ не могъ умалять преимуществъ, принадлежащихъ, по закону, первородному сыну.

12) О бездѣтномъ животѣ.

Значеніе этихъ словъ, пропущенныхъ въ разбираемомъ спискѣ Всеволодова устава, напечатанномъ въ хрестоматіи проф. Вл. Буданова изъ Кормчей 1493 г., но читаемыхъ въ спискѣ, помѣщенномъ въ ист. рус. церкви высокопреосвящ. Макарія, само собою понятно: рѣчь идетъ о *безатщинѣ* о выморочномъ имуществѣ. Къ этимъ то словамъ и относится упомянутый выше отрывокъ: „а животъ его на трое треть живота Святѣй Софѣи, а другая треть Святому Ивану, а третьяя треть сотчкымъ и Новугороду". Прибавивъ сюда, послѣ словъ: „Святому Ивану" стоящія въ текстѣ устава нѣсколькими строчками выше слова: „иже на торгу", вынутыя изъ невразумительнаго предложенія: „всякая извѣсть *иже на торгу* промежу людми", получимъ цѣльное и удобопонятное постановленіе о томъ, что изъ имущества владѣльца, *умершаго бездѣтнымъ*, одна треть поступаетъ въ пользу храма Св. Софіи другая идетъ церкви Св. Іоанна, *расположенной на базарной площади* („иже на торгу"), а третья—сотскимъ и Новогороду. Постановленіе это заимствовано съ нѣкоторымъ измѣненіемъ изъ „Главизнъ Леона и Константина" (49 гл. Печ. Кормчей, зач. 7, гл. 2), гдѣ сказано, что, при отсутсвіи законныхъ наслѣдниковъ и даже жены умершаго, оставшееся послѣ него имущество идетъ либо апостольской церкви, либо царской казнѣ, либо обществу („въ людьскій соньмъ").

Говоря о безатщинѣ, кстати будетъ вернуться еще разъ къ поцитованной уже выше статьѣ Русской Правды о призваніи къ наслѣдованію (ст. 105 Кар.=87 Троиц.). Основываясь на ней проф. Владимірскій-Будановъ замѣтилъ, что съ введеніемъ христіанства установился на Руси обычай, по которому завѣщатель, распредѣляя имущество между своими дѣтьми, включалъ въ число своихъ ближнихъ также и церковь, отдѣляя извѣстную часть имущества „*по души*", и что этотъ обычай превратился потомъ въ обязательную норму, такъ, что и въ томъ случаѣ, когда кто умираетъ безъ завѣщанія, то при раздѣлѣ дѣтей слѣдуетъ выдача части по душѣ [1]). Но съ этимъ сужденіемъ никакъ нельзя согласиться, ибо мы видѣли, что и по визант. Эклогѣ, и по русскимъ церковнымъ уставамъ, имущество владѣльца, умершаго безъ завѣщавія, идетъ въ видѣ выморочнаго, въ цѣломъ составѣ или въ извѣстной части, въ пользу церкви лишь тогда, когда послѣ наслѣдодателя не осталось вовсе наслѣдниковъ, или, по крайней мѣрѣ, родныхъ дѣтей. Что же касается пункта статьи Русской Правды, на который опирается почтенный профессоръ, то онъ долженъ читаться такъ: „паки ли безъ ряду умреть, то всѣмъ дѣтемъ"—и конецъ; фраза же „*а на самого дати по души*" должна быть передвинута чрезъ одну статью вверхъ, а именно въ ст. 103 Кар.=85 Троиц. сп.: „Аще смердъ умреть *безъ дѣтей* (или безажю"), то заднiцю князю". Здѣсь то первоначально и прибавлено было: „а на самого дати по души", т. е. имущество умершаго *безпотомно* поступаетъ частію въ пользу фиска, а частію въ пользу церкви. Вотъ еще одно осязательное доказательство необходимости и возможности возстановленія текста русскихъ правовыхъ памятниковъ посредствомъ примѣненія транспозиціоннаго метода.

13) *Церковная татба мертвечи съ влачаютъ крестъ посѣкаютъ, или на стѣнахъ рѣжутъ* (въ Стоглавникѣ: на стѣнахъ трески емлютъ *и съ (изъ креста)* и т. д. до самаго

---

[1]) Обзоръ исторіи русск. права, 1888 г., стр. 408.

конца перечня, до словъ: „*или ино, что неподобно церкви подѣетъ*“.

Всѣ перечисленные въ этомъ мѣстѣ отдѣльные предметы церковной юрисдикціи, какъ убѣдительно доказалъ проф. Н. С. Суворовъ, имѣютъ своимъ источникомъ законъ Моисеевъ и законъ судный [1]).

Съ своей же стороны я сдѣлаю замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ здѣсь дѣлъ. Такъ, разбирая выраженія „на стѣнахъ *трески* емлють и съ креста“, и „на стѣнахъ рѣжуть“, проф. Голубинскій считалъ ихъ непонятными и высказалъ догадку, что первое изъ нихъ означаетъ вырѣзываніе *щепъ* изъ крестовъ, поставленныхъ на стѣнахъ церковныхъ совнѣ [2]). Но надо исправить небольшія описки въ текстѣ и смыслъ будетъ вполнѣ ясенъ, а именно: первоначально, вѣроятно, было написано: „крестъ посѣкуть или съ (изъ) креста . . . . (частицу) емлють, или на стѣнахъ *фрески* (а не трески) рѣжуть“. Такое чтеніе будетъ совершенно согласно съ объясненіемъ Герберштейна, который разумѣлъ здѣсь тѣхъ, „которые для чародѣйства отрываютъ частицу отъ изображеній святыхъ, или отъ креста“.

Что касается предложенія: „или кто молится подъ овиномъ, или въ рощеніи или у воды“, то проф. Суворовъ указываетъ на сходство этихъ остатковъ языческаго культа, долго сохранившагося въ массѣ народа, съ языческими обрядами, которые воспрещались западными пенитенціалами, и тутъ же приводитъ ст. 27. Мерзебургскаго пенитенціала, содержащую въ себѣ правило о томъ, что, кто даетъ или разрѣшаетъ обѣтъ у деревьевъ, или у источниковъ, или у рогатокъ (ad cancellos, предъ судилищами?), или гдѣ нибудь, за исключеніемъ церкви, долженъ понести эпитимію на хлѣбѣ и водѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ [3]). Но позволительно усомниться въ томъ, что авторъ нашего церковнаго устава пользовался мерзербургскимъ пенитенціаломъ, или хотя бы даже близкимъ къ нему славян-

---

[1]) „Слѣды зап.—католич. ц. прав. въ памят. др. рус. права“, стр. 204, 208 и passim.

[2]) Ист. р. ц., 1901 г., I, стр. 625, прим.

[3]) „Слѣды зап.—католич. церков. права“ и пр. прилож. стр. IX и X.

скимъ эпитимейникомъ подъ заглавіемъ: „Заповѣдь св. Отецъ", въ которомъ, впрочемъ, соотвѣтственнаго правила вовсе не содержится. Болѣе вѣроятнымъ кажется, что означенное предложеніе явилось подъ вліяніемъ Закона Суднаго и Начальной Лѣтописи. Въ 1-й же статьѣ Судебника людемъ опредѣлено наказаніе за совершеніе „поганьскихъ требъ и присягъ",—каковая статья, какъ я доказывалъ въ раньшей своей работѣ [1]), заимствована изъ моисеево-талмудическаго права. Составитель же обширной редакціи церковнаго устава Владиміра (respective устава Всеволода), желая точнѣе описать языческія требы, счелъ для себя наиболѣе удобнымъ обратиться къ Древней Лѣтописи, гдѣ въ извѣстіи о бытѣ Полянъ и о трехъ братьяхъ, основателяхъ Кіева, имѣется въ въ концѣ въ нѣкоторыхъ спискахъ [2]) прибавка: „Бяху же тогда поганіи, жруще озеромъ и кладеземъ и ращеніемъ", которая, впрочемъ, какъ мною указано выше, должна быть отнесена не къ Полянамъ-Кіянамъ, а къ Древлянамъ, Радомичамъ, Вятичамъ и Сѣверу, описаніе нравовъ и обычаевъ которыхъ заимствовано изъ еврейской Книги Праведной" (sepher ha-jaschar). И вотъ, по моему, откуда взялось въ нашемъ уставѣ обсуждаемое предложеніе. Только, вмѣсто „езеромъ", стоитъ „подъ овиномъ", каковая замѣна произошла, можно думать, просто по опискѣ, подобно тому, какъ въ Архангелогородскомъ Лѣтописцѣ читается „идоломъ въ колодцѣхъ и озмомъ крошенію (вм. „и рощеніемъ"). Если „озеромъ" могло преобразиться въ „озмомъ", то тѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что другой писецъ написалъ „овиномъ", а третій, полагая, что это слово стоитъ не въ дательномъ падежѣ множеств., а въ творительномъ единств. числа, прибавилъ, для смысла, предлогъ „подъ".

Интересно также отмѣтить отнесенныя уставами Владиміра и Всеволода къ вѣдомству церковной власти дѣла о прижитіи или подкинутіи дѣвицею ребенка („или дѣвка дѣтя

---

[1]) См. въ Труд. Кіев. Дух. Акад. за 1891 г., августъ, мою статью „Кирилло-Меѳодіевскіе вопросы".

[2]) См., напр., Соф. I, 84.

поврьжет“). Соотвѣтственная статья церковнаго устава *Ярослава Владимiровича* (по списку лѣтописца Переяславля Суздальскаго) гласитъ: „Аще дѣвицею приживеть и родить дѣтищи у отца и матери, обличивъ, пустити въ домъ Божій, також и вдова, олижъ *родъ выкупить*“. (Въ спискахъ Румянц. и Соф.: „обличивъ ю, поняти въ домъ церковный... а чимъ ю *родъ окупить*“). Выраженіе „*родъ окупить* приводилось, по замѣчанію проф. Вл. Буданова, не разъ въ доказательсто родового быта, какъ основной формы общества у русскихъ славянъ. „Но, говоритъ профессоръ, слово „родъ“, какъ указалъ еще Тюринъ, имѣетъ весьма различныя значенія и здѣсь означаетъ семью: „у отца и матери“, которые и наказываются за небрежный надзоръ за дочерью выкупомъ ея у церкви [1]).

Но такое объясненіе идетъ прямо въ разрѣзъ съ провозглашеннымъ впервые Ветхимъ Завѣтомъ [2]) принципомъ индивидуальности наказанія, проникшимъ и въ славянскія и въ русское свѣтскія законодательства: „аще ли сьгрѣшить снь, отьць да не истезуетьсе, ни брать за брата, нь вьсакь члвкь за своя дѣла да постраждеть и да дасть отвѣть“, „а отца сыннею виною не казнити...,—только самого того казнити, кто будетъ виноватъ и кто того участенъ“ [3]). Трудно, поэтому себѣ представить, чтобы въ данномъ случаѣ именно духовный судъ уклонялся отъ освященнаго Закономъ Божіимъ начала и подвергалъ наказанію родителей за грѣхъ дочери ихъ. Да и что значитъ *выкупъ* грѣшницы у церкви родомъ или семьею? Развѣ согрѣшившая дочь поступала въ плѣнъ или въ рабство у церкви? Дѣло, однако, въ томъ, что первоначально ни о родѣ, ни о выкупѣ не было здѣсь и помину, а предъ нами теперь грубая описка, легко исправимая по соображенію съ двумя другими статьями устава Ярослава [4]).

---

[1]) Голубинскій, ист. р. ц. I, стр. 632, статья 5. Христоматія Вл. Буданова I, стр. 234, прим. 4.

[2]) Второзак. 24. 16. Iesek. 18. 19. 20. II Парап. 25, 4.

[3]) См. проф. Флоринскаго: „Памятники законод. дѣят. Душана“ II, 71—Проф. Вл.—Буданова: Христоматія, вып. 2-й, Уставная подтвердит. грамота жителямъ Кіев. Области 1507 г.

[4]) 30-ая и 32-ая, по нумераціи христоматіи проф. Вл.—Буданова.

„Аще чернець или черница . . . впадуть въ блудъ, тѣхъ судити епископу . . . и *во что ихъ осудить воленъ*“; „аже чернець или черница растрижется, епископу въ винѣ, *во что ихъ обрядить*“. Въ обсуждаемой же статьѣ того же устава точно также стояло первоначально, „обличивъ ю, поняти въ домъ, церковный, а чимъ ю *осудить*“, т. е. опредѣленіе мѣры наказанія ея предоставлено дискреціонной власти епископа. Но писецъ, по ошибкѣ, вмѣсто „осудить“, написалъ „окупить“, а затѣмъ обладатель рукописи, въ исправленіи сказанной описки, поставилъ надъ слогомъ „куп“, не зачеркнувъ его надлежаще, слогъ „рядъ“, чтобы выходило: „орядить“, „обрядить“; дальнѣйшій же переписчикъ, не понимая значенія этого слога, переправилъ его на „родъ“ и такимъ образомъ явилось сочетаніе: „чимъ ю родъ окупить“, за которое и поспѣшили ухватиться послѣдователи теоріи родового быта.

14) Заключительная формула.

Настоящій отдѣлъ Устава заканчивается заключительною формулою, составныя части которой, впрочемъ, разбросаны въ разныхъ мѣстахъ. Соединивъ же вмѣстѣ эти части, получимъ заключеніе слѣдующаго содержанія: „А тыи суды вси церкви даны суть и епископу; а князю и болярамъ и судіямъ въ тыя суды не вступатися. [Своимъ тіуномъ приказываю суда церковнаго не обидѣти, а съ суду давати девять частей князю, а десятую святѣй Софѣи за княжю душу. А кто приобидить суды церковныа (вар.: „аще они обидять гостей—описка, вм.: *уставъ сей*) платити ему собою (чит. м. *соболей)* [вар.: и горе (огнь) себѣ наслѣдуютъ, и вѣчная мука ждеть ихъ]. [Другой варьянтъ: „предъ Богомъ отвѣщати на страшномъ судѣ предъ тмами ангелъ, идѣже когождо дѣла не сокрыются„ и т. д. до словъ: „якоже есмы управимъ“] [1]).

Могутъ найти слишкомъ смѣлою и произвольною предла-

---

[1]) Христом. Вл. Буданова, I, стр. 244. 246.

гаемую мною здѣсь переправку выраженія „плати ему собою“. Въ оправданіе ея сошлюсь на то, что въ жалованныхъ грамотахъ даже XIV—XV вѣковъ встрѣчаются еще устрашительныя формулы, въ которыхъ за нарушеніе грамотъ угрожается денежнымъ штрафомъ въ суммѣ *ста руб.* Такъ, жалованная в. к. Іоанна Даниловича людямъ Новогородскаго Юрьева Монастыря 1338—1340 г. оканчивается: „А кто дѣтіи моихъ, или братіи моее, мое данье порушить, а то судитъ ему Богъ и св. Георгій въ страшное свое пришествіе, а князю великому дасть *сто рубля*“; равно и въ жалованной Новогородской, около 1411 г., читается въ концѣ: „А кто сю грамоту переступитъ и дастъ Нову-городу *сто рублевъ*“ [1]).

Въ виду этого не лишена вѣроятія моя догадка, что и въ нашемъ уставѣ, вмѣсто недающаго никакого смысла выраженія: „платити ему собою“, въ подлинникѣ стояло: „сорокъ соболей“, представляющихъ обыкновенно цѣнность въ 100 руб., какъ объ этомъ можно заключить, напр., изъ того, что в. к. Іоаннъ Васильевичъ, отправивъ въ 1489 г. пословъ въ Германію съ порученіемъ нанять мастеровъ на русскую службу, далъ имъ на расходы *2 сорока соболей* и 3000 бѣлокъ [2]).

Принимая же во вниманіе, что, какъ видно изъ уставныхъ грамотъ, бѣлки замѣнялись деньгами по расчету 100 бѣлокъ по 1 р. [3]) и что, слѣдовательно, 3000 бѣлокъ уравнивались 30 р., нужно признать, что цѣна двухъ сороковъ соболей равнялась не двумъ десяткамъ, а двумъ сотнямъ рублей, такъ, что всего дано было посламъ 230 руб. А чтобы показать, насколько правдоподобна также и догадка моя, что подъ перомъ невѣжественнаго и небрежнаго писца выраженіе: „уставъ сей“ преобразилось въ „гостей“ обращу вниманіе на подобную же, но гораздо болѣе еще курьезную описку, допущенную въ приведенной заключительной формулѣ.

---

[1]) Христоматія по рус. исторіи Н. Я. *Аристова*, стр. 699 и 722.

[2]) См. П. Мрочекъ-Дроздовскаго: Изслѣд. о Р. Правдѣ, вып. I, стр. 766 (прим. 55-е).

[3]) Тамъ же, стр. 862 (прим. 62).

Въ обширной редакціи Владимірова устава по списку Синод.-Московской Кормчей № 132, перепечатанному у Голубинскаго, въ составъ сказанной формулы входитъ цѣлый періодъ, пропущенный почему-то въ уставѣ Всеволодовомъ,—начинающійся словами: „Господь рече: въ день мести воздамъ сдержащимъ неправду въ разумѣ и пр.".

Этотъ же періодъ читается и въ спискѣ Владимірова устава, воспроизведенномъ изъ той же Кормчей въ статьяхъ о святительскомъ судѣ, собранныхъ по повелѣнію патріарха Адріана. Но здѣсь вмѣсто „Господь рече", имѣется: „*горе* въ день мести воздамъ", [1]) т. е. переписчикъ взялъ первые слоги: „*го*" и „*ре*" и смастерилъ изъ нихъ одно „*горе*".

Этимъ я закончилъ разборъ отдѣла, въ которомъ перечислены гражданскія дѣла и преступныя дѣянія всѣхъ вообще мірянъ, предоставленныя владѣнію и суду митрополита и епископовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Г. Барацъ.

---

[1]) Калачовъ: о значеніи Кормчей, Прил., стр. 27.

ЗАМѢТКИ.

Утвержденіе акта и выдача выписи.

Ни въ одной сферѣ гражданскихъ правоотношеній не замѣчается такихъ противорѣчій, неясностей и пробѣловъ, какъ по вопросамъ вотчиннаго права. Казалось бы, тамъ, гдѣ затронуты важнѣйшія стороны нашего правооборота,—гдѣ регулируется переходъ недвижимой собственности,—постановленія гражданскаго кодекса должны отличаться наибольшей полнотой и опредѣленностью; казалось бы, здѣсь не можетъ быть мѣста для произвольнаго толкованія закона и для восполненія его пробѣловъ перемѣнчивымъ творчествомъ судебныхъ коллегій. Въ дѣйствительности, однако, мы видимъ противоположное. Всякій, кому приходится знакомиться съ правилами, нормирующими переходъ недвижимой собственности, не можетъ не замѣтить, что между нашимъ десятымъ томомъ и нотаріальнымъ положеніемъ, съ одной стороны,—и между сенатскими комментаріями, развивающими эти законоположенія,—съ другой,—существуетъ полнѣйшій разладъ. Разладъ этотъ, какъ справедливо замѣчаютъ нѣкоторые изслѣдователи [1]), обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что постановленія десятаго тома пріурочены къ старой крѣпостной системѣ перехода недвижимой собственности, существовавшей до введенія судебныхъ уставовъ,—и поэтому они совершенно не соотвѣтствуютъ тѣмъ началамъ, которыя легли въ основу нотаріальнаго положенія.

Возьмемъ для примѣра капитальный вопросъ о юридическомъ значеніи нотаріальныхъ актовъ о продажѣ недвижимой собствен-

---

[1]) Побѣдоносцевъ. Курсъ гражд. права, изд. 4, т. 1, стр. 291.

ности. Въ то время, какъ сравнительно еще недавно Сенатъ категорически отрицалъ всякое значеніе за такими актами и разсматривалъ ихъ лишь какъ „подготовительное дѣйствіе“ къ переходу имѣнія, и притомъ такое дѣйствіе, которое не налагаетъ на контрагентовъ никакихъ обязанностей (рѣш. Сен. 1872 г. № 306; 1875 г. № 724; 1873 г. № 1160; 1876 г. № 203, 583 и др.), въ то время, какъ на основаніи такого взгляда для продавца допускалась полная возможность, или „полное право“, по выраженію Сената,—отказаться отъ сдѣлки даже при полученіи всей покупной цѣны (рѣш. 1875 г. № 626; 1874 г. № 212),—Сенатъ въ послѣднее время сталъ на совершенно иную точку зрѣнія: нотаріальный актъ долженъ считаться актомъ, а не проектомъ; актъ этотъ налагаетъ на стороны обязанность довести соглашеніе до конца, въ виду чего, по представленіи акта на утвержденіе, продавецъ не вправѣ отказываться отъ утвержденія его (рѣш. Сен. 1886 г. № 96 по д. Голоцуцкой и др.; 1899 г. № 43—Гади-бекъ Оглы и Пенгу; 1902 г. № 28 по д. Канановой и др.).

Прежде, напримѣръ, смерть продавца по совершеніи акта на продажу недвижимаго имущества, считалась обстоятельствомъ, лишающимъ старшаго нотаріуса возможности утвердить купчую до изъявленія наслѣдниками согласія на продажу (1878 г. № 254; 1873 г. № 1094, 1160); по новѣйшимъ же рѣшеніямъ Сената,—старшій нотаріусъ можетъ утвердить актъ и безъ согласія наслѣдниковъ (1886 г. № 96; 1887 г. № 80).

Нельзя не обратить также вниманія и на цѣлый циклъ Сенатскихъ рѣшеній, по которымъ моментъ укрѣпленія права собственности пріурочивался не ко дню утвержденія акта, а ко дню выдачи выписи покупщику; только съ этого момента для продавца закрывалась возможность требовать уничтоженія акта; только послѣ полученія выписи покупщикъ вправѣ былъ свободно распоряжаться имѣніемъ (рѣш. 1873 г. № 587; 1874 г. № 316; 1869 г. № 208; 1867 г. № 124; 1874 г. № 175 и др.). Подтвержденіемъ этой Сенатской теоріи можетъ служить 1509 ст. т. X ч. 1, по которой право свободнаго распоряженія купленнымъ имѣніемъ должно наступать лишь по полученіи пріобрѣтателемъ купчей, „прежде же полученія сего акта уступка пріобрѣтеннаго права не допускается“.

Какія же послѣдствія породила эта теорія на практикѣ? Послѣдствія были самыя плачевныя. Такъ какъ выдача выписи по нотаріальному положенію не является обязательнымъ послѣдствіемъ утвержденія акта,—такъ какъ полученіе выписи зависитъ отъ доб-

рой воли продавца или покупщика, то стоитъ только продавцу уклониться отъ полученія акта или же замедлить врученіе его покупщику,—и права пріобрѣтателя останутся, такъ сказать, висящими на волоскѣ. Хотя актъ утвержденъ, хотя имѣніе значится перешедшимъ къ новому лицу, послѣднее не можетъ имъ распорядиться до полученія акта. Можетъ пройти годъ и два, пока будетъ продавцомъ получена выпись,—и въ теченіе этого времени покупщикъ не можетъ считаться законнымъ собственникомъ.

Съ другой стороны и 1509 статья, на которой былъ основанъ этотъ взглядъ, находится въ полномъ противорѣчіи съ другими статьями десятаго тома. На основаніи 1424 ст. продавецъ вправѣ домогаться уничтоженія акта лишь *въ теченіе семи дней со дня выдачи выписи.* Слѣдовательно, рѣшающее значеніе должно имѣть не такое случайное явленіе, какъ врученіе выписи покупщику,—а истеченіе семидневнаго срока. Съ наступленіемъ этого момента продавецъ лишается права на уничтоженіе. Вотъ почему и г. Побѣдоносцевъ счелъ необходимымъ сдѣлать слѣдующую поправку въ этой теоріи. Право на имущество проданное,—говоритъ онъ,—переходитъ вмѣстѣ съ купчей и окончательно укрѣпляется за покупщикомъ по истеченіи семидневнаго срока [1],

Насколько такой взглядъ на значеніе передачи документа прочно укоренился въ нашей судебной практикѣ,—видно изъ того, что еще недавно (въ 1901 году по дѣлу Селецкой) судебная палата признала, что „утвержденіе купчей заканчивается моментомъ передачи выписи; поэтому запрещенія, сдѣлавшіяся извѣстными старшему нотаріусу послѣ утвержденія купчей крѣпости, могутъ служить препятствіемъ къ выдачѣ акта сторонамъ даже послѣ совершеннаго окончанія всего производства по утвержденію таковаго“ (рѣш. сен. за 1901 г. № 76).

Такимъ образомъ можно смѣло сказать, что послѣдовательное проведеніе въ жизни теоріи объ обязательности полученія покупщикомъ выписи грозило полнымъ крушеніемъ всему нашему гражданскому правообороту. Мало того, что продавецъ могъ умышленно затягивать передачу акта покупщику съ цѣлью лишить его возможности распоряженія имѣніемъ, мало того, что смерть продавца въ этомъ случаѣ могла создавать новыя затрудненія при переходѣ недвижимой собственности, мало того,—что при этихъ условіяхъ все значеніе обряда утвержденія актовъ сводилось къ нулю,—

---

[1]) Побѣдоносцевъ, op. cit. стр. 332.

нѣтъ,—для продавца была открыта возможность даже по утвержденіи купчей обременять имѣніе запрещеніями. Слѣдуетъ даже признать, что на основаніи такой теоріи продавецъ не долженъ былъ лишаться права заложить имѣніе, ибо пока выпись покупщику не была выдана, послѣдній не могъ считаться пріобрѣтателемъ. Въ противномъ случаѣ,—имущество слѣдовало признать ничьимъ: разъ имъ не могъ распоряжаться ни продавецъ, ни покупщикъ, то оно являлось вещью безполезной; оно было res nullius,—res extra commertium. Такое положеніе вещей не могло долго продолжаться. Сама жизнь подсказывала, что отвѣтъ долженъ быть иной, а не тотъ, который давали 1509 ст. т. X ч. 1 и основанныя на ней сенатскія разъясненія. Если придавать рѣшающее значеніе на основаніи этой статьи выдачѣ выписи, то съ неменьшимъ основаніемъ можно въ противовѣсъ ей указать на 1432 ст. уст. гражд. суд., по которой началомъ дѣйствительнаго укрѣпленія права собственности должна считаться *отмѣтка въ крѣпостномъ реестрѣ о днѣ ввода*; если полное право собственности наступаетъ съ момента полученія купчей, то можно задать вопросъ, почему же на основаніи 1416 ст. т. X ч. 1, при продажѣ имѣнія двумъ разнымъ лицамъ, оно должно быть оставлено за тѣмъ, чья купчая *совершена прежде*? Вѣдь и здѣсь рѣшающее значеніе слѣдовало бы придавать моменту полученія акта, а не утвержденія его.

Положеніе старшихъ нотаріусовъ при примѣненіи означенной теоріи являлось также безвыходнымъ. При всякомъ отчужденіи они обязаны были слѣдить, имѣется ли выпись у продавца, или нѣтъ. Стоило случиться пожару, во время котораго выпись сгорѣла, стоило по недосмотру затерять ее,—и всѣ права собственника подвергались упраздненію. Съ потерей выписи исчезалъ не документъ на право собственности, а терялось самое право.

Едва ли ошибемся, если сдѣлаемъ предположеніе, что только въ силу вышеуказанныхъ сенатскихъ разъясненій, во многихъ нотаріальныхъ архивахъ до сихъ поръ еще представленіе продавцомъ „акта укрѣпленія“ считается conditio sine qua non для всякой продажи.

Не лучше обстояло дѣло и съ запрещеніями. Мы знаемъ случаи, когда по выдачѣ выписи старшіе нотаріусы вынуждены были возвращать изъ передней архива покупателей для отобранія документа только въ виду того, что со времени утвержденія акта поступили новыя запрещенія. Лишнее останавливаться на томъ, что положеніе покупщика, обязаннаго по утвержденіи акта упла-

чивать всѣ долги, которые вздумалъ надѣлать продавецъ послѣ утвержденія купчей, было вопіющимъ противорѣчіемъ требованіямъ справедливости.

И вотъ сенатъ рѣшилъ разрубить этотъ гордіевъ узелъ противорѣчій; запутавшись въ противорѣчивыхъ постановленіяхъ десятаго тома,—онъ нашелъ наконецъ вѣрную и прямую дорогу, обратившись къ истолкованію этого вопроса на основаніи правилъ нотаріальнаго положенія.

Купля-продажа недвижимаго имущества,—читаемъ мы въ однихъ рѣшеніяхъ сената,—должна считаться окончательно совершившейся и право собственности окончательно перешедшимъ отъ продавца къ покупщику со времени *утвержденія акта* старшимъ нотаріусомъ со внесеніемъ акта въ крѣпостную книгу и отмѣткой о томъ крѣпостномъ реестрѣ, независимо отъ передачи покупщику выписи утвержденнаго акта (рѣш. сен. 1876 г. № 203; 1878 г. № 127, 1881 г. № 121 и др.).

Въ другихъ рѣшеніяхъ это положеніе развито еще съ большей подробностью. „Моментъ передачи выписи отъ лица отчуждающаго къ пріобрѣтателю правилами нотаріальнаго положенія не опредѣленъ и о передачѣ выписи покупщику никакой отмѣтки въ крѣпостномъ реестрѣ не дѣлается; имущество должно считаться перешедшимъ къ покупателю съ момента утвержденія акта, а не съ момента передачи выписи". Выводъ этотъ, говоритъ Сенатъ, подтверждается 177 ст. полож. о нот. части, на основаніи которой по утвержденіи акта объ отчужденіи недвижимаго имущества,—и слѣдовательно не только до передачи выписи пріобрѣтателю, но и до выдачи кому либо отъ старшаго нотаріуса выписи утвержденнаго акта,—въ реестрѣ уже вписывается какъ о событіи, дѣйствительно состоявшемся,—о переходѣ имущества къ пріобрѣтателю (рѣш. 1876 г. № 203; 1877 г. № 278; 1878 г. № 127; 1881 г. № 121; 1887 г. № 100; 1901 г. № 76 г).

При этомъ Сенатъ поясняетъ, что всѣ прежнія рѣшенія, по которымъ окончательное совершеніе акта пріурочивалось къ передачѣ выписи,—должны считаться потерявшими всякое значеніе съ изданіемъ нотаріальнаго положенія (1876 г. № 583). Этотъ взглядъ Сената, окончательно упразднившій прежнюю теорію о значеніи выдачи выписи, не могъ не оказать самаго благотворнаго вліянія на судьбу нашего вотчиннаго права. Значеніе какъ выдачи, такъ и передачи выписи сведено къ нулю. Эта выпись, по

справедливому замѣчанію г. Шершеневича [1],—является ни болѣе, ни менѣе,—какъ только удостовѣреніемъ правъ частныхъ лицъ на недвижимую собственность. Выпись является только справкой о переходѣ имѣнія, и притомъ такой справкой, полученіе коей для сторонъ необязательно. Въ связи съ этимъ наблюдается въ нотаріальной практикѣ и коренной переворотъ по вопросу о передачѣ вотчинныхъ правъ. Эта передача получила извѣстную устойчивость и опредѣленность. Прежде моментъ пріобрѣтенія ускользалъ отъ контроля старшаго нотаріуса, ибо передача выписи покупщику происходила безъ его вѣдома и поэтому ни утвержденіе акта, ни занесеніе его въ книги и реестры не могли играть никакого значенія при установленіи факта принадлежности имѣнія пріобрѣтателю. Теперь ни старшему нотаріусу, ни сторонамъ нѣтъ никакого дѣла до того, выдана ли выпись, или нѣтъ: по утвержденіи акта у покупщика возникаетъ право на продажу и залогъ его. Прежде должны были считаться въ силѣ всѣ запрещенія, поступившія по утвержденіи акта до выдачи выписи; теперь, какъ указано Сенатомъ по дѣлу Селецкой (1901 г. № 76), значеніе этихъ запрещеній сведено къ нулю. Прежде у нотаріуса нельзя было совершить купчей, а у старшаго нотаріуса добиться утвержденія, не представивъ акта укрѣпленія; теперь продажа и залогъ безпрепятственно совершаются и безъ представленія документовъ. Достаточно продавцу указать только, по какому акту и что именно ему досталось,—и нотаріусъ не вправѣ отказать въ совершеніи акта; достаточно старшему нотаріусу свѣрить актъ съ крѣпостной книгой,—и онъ обязанъ утвердить его безъ истребованія какихъ либо выписей.

До 80-хъ годовъ нельзя было требовать отъ старшихъ нотаріусовъ сообщенія свѣдѣній о переходѣ имѣній въ земскія и городскія управы; пока доминирующее значеніе имѣла передача выписи покупщику, передача, зависѣвшая отъ воли продавца, а не обусловленная какими либо функціями старшаго нотаріуса, какъ должностнаго лица, вѣдающаго переходъ имѣній,—самый фактъ перехода оставался въ тайнѣ. Легко представить себѣ ту неурядицу, какая возникала при обложеніи имѣній поземельными налогами и при установленіи лицъ, отвѣтственныхъ въ платежѣ. И только съ тѣхъ поръ, когда моментъ укрѣпленія былъ пріуроченъ къ утвер-

---

[1]) Шершеневичъ. Учебникъ русск. гражд. права. Изд. 2, 1896 г. стр. 178.

жденію акта, стало доступнымъ и соблюденіе правильной регистраціи относительно перехода имѣній; только при этихъ условіяхъ могло получить реальное значеніе и выраженное въ 178[1] ст. нотар. полож. правило, по которому старшій нотаріусъ обязанъ сообщать о переходѣ недвижимой собственности „немедленно по внесеніи акта въ реестръ крѣпостныхъ дѣлъ“.

Къ сожалѣнію, однако, это новое теченіе въ сенатской практикѣ не могло устранить того диссонанса, какой существуетъ между нотаріальнымъ положеніемъ, — этимъ дѣтищемъ освободительной эпохи,—и устарѣлыми постановленіями десятаго тома, отводящими первенствующее значеніе выдачѣ выписи. Десятому тому понятіе—„совершеніе акта нотаріусомъ“—незнакомо; онъ знаетъ только совершеніе акта крѣпостнымъ учрежденіемъ, заканчивавшееся выдачею выписи.

Отсюда цѣлый рядъ плачевныхъ недоразумѣній. Возьмемъ для примѣра 1363 ст. т. X ч. 1. На основаніи этой статьи „родственники пользуются правомъ выкупа проданнаго имущества въ теченіи трехъ лѣтъ со времени совершенія купчей крѣпости“. Если бы здѣсь была поставлена точка,—тогда всякій зналъ бы о чемъ идетъ рѣчь: право выкупа можетъ быть осуществлено въ теченіи трехъ лѣтъ со дня утвержденія акта. Иного вывода и быть не можетъ.

Вѣдь самъ Сенатъ говоритъ, что купчая считается окончательно совершившейся со времени утвержденія ея старшимъ нотаріусомъ (1876 г. № 203; 1878 г. № 127; 1881 г. № 121).

Но десятый томъ до сихъ поръ остается глухъ къ этимъ комментаріямъ, являющимся вѣрнымъ отголоскомъ нотаріальнаго положенія. Въ 1363 статьѣ послѣ словъ „со времени совершенія купчей крѣпости“ мы читаемъ: „то есть съ того времени, когда со стороны надлежащаго нотаріальнаго установленія конченъ будетъ весь узаконенный на совершеніе оной обрядъ *и когда она будетъ выдана покупщику*“.

Итакъ, по 1363 статьѣ совершеніе купчей заканчивается не утвержденіемъ ея, а полученіемъ выписи покупщикомъ. Итакъ, пока продавецъ выписи изъ нотаріальнаго архива не получилъ, пока онъ не передалъ ее покупателю,—право на выкупъ еще не наступило. А такъ какъ полученіе выписи необязательно, такъ какъ стороны могутъ покончить разсчеты и безъ выписи, то и право на выкупъ можетъ по желанію сторонъ никогда не наступить. Этого мало: пусть выпись будетъ выдана; допустимъ, что она

даже вручена покупщику,—но для родственниковъ надо знать *время ея полученія покупщикомъ*, надо получить такія свѣдѣнія, отъ сообщенія коихъ покупщикъ въ правѣ уклониться. И это тѣмъ болѣе естественно, когда рѣчь идетъ о такой невыгодной для пріобрѣтателя операціи, какъ отобраніе отъ него имѣнія, на устройство котораго, быть можетъ, затрачены уже крупные капиталы.

Такимъ образомъ, благодаря одной только ничтожной обмолвкѣ законодателя, благодаря полному несоотвѣтствію X тома требованіямъ нотаріальнаго положенія,—весь институтъ родоваго выкупа, регламентаціи коего въ десятомъ томѣ посвящено цѣлыхъ двадцать три статьи,—подвергается полному упраздненію.

Разъ въ 1363 статьѣ такъ опредѣленно формулировано понятіе „совершенія акта", разъ здѣсь доминирующее значеніе должно имѣть полученіе выписи покупателемъ,—то слѣдовало ожидать, что и въ другихъ своихъ постановленіяхъ десятый томъ останется вѣренъ самому себѣ. Слѣдовало-бы думать, что и при „совершеніи" прочихъ крѣпостныхъ актовъ, закладныхъ, дарственныхъ и др.,—за выдачей выписи должно быть сохранено то же значеніе. Однако эти ожиданія будутъ напрасны. Для этого стоитъ только прочитать 1647 ст. т. X, ч. 1, на основаніи которой „по совершеніи закладной крѣпости старшій нотаріусъ налагаетъ у себя запрещеніе на заложенное имѣніе". Когда-же налагается запрещеніе? Тотчасъ-ли по утвержденіи закладной, или старшій нотаріусъ обязанъ дожидаться, пока залогодатель соблаговолитъ получить выпись, затѣмъ отдастъ ее заимодавцу? Но и это не все: послѣдній долженъ явиться къ старшему нотаріусу и показать выпись, ибо въ противномъ случаѣ—передача выписи осталась бы старшему нотаріусу неизвѣстной. Конечно нѣтъ. Если-бы допустить подобное, тогда почти всѣ заложенныя имѣнія оставались бы свободными отъ запрещеній; тогда весь бы нашъ ипотечный кредитъ подвергся полному крушенію; кому изъ кредиторовъ придетъ охота тащиться въ губернскій городъ за десятки, а то и сотни верстъ, къ старшему нотаріусу для заявленія о полученіи акта. Нѣтъ: старшій нотаріусъ обязанъ наложить запрещеніе немедленно по утвержденіи закладной, а залогодержатель, имѣя въ рукахъ утвержденную закладную, вправѣ разсчитывать на то, что данная взаймы сумма уже обезпечена залогомъ въ моментъ утвержденія акта. Слѣдовательно подъ совершеніемъ закладной десятый томъ разумѣетъ только утвержденіе акта, но не передачу выписи.

Но можетъ быть такое исключеніе сдѣлано только для заклад-

ныхъ, а для купчихъ выдача выписи должна все-таки оставаться въ силѣ?

Съ цѣлью устраненія такого предположенія мы совѣтуемъ прочесть 825 ст. т. X ч. 1 (по изд. 1900 г.) и сопоставить ее съ 1424 статьей. „Если продажа, или иное укрѣпленіе за чѣмъ-либо несостоится, то, на основаніи 825 статьи, надлежитъ предъявить актъ старшему нотаріусу въ теченіе семи дней со дня окончательнаго совершенія акта“. Если 1363 статья подъ совершеніемъ акта разумѣетъ не только утвержденіе его, но и выдачу выписи покупщику,—то слѣдовало-бы думать, что когда въ десятомъ томѣ упоминается объ „окончательномъ“ совершеніи, то тутъ уже выдачѣ выписи должно быть отведено первенствующее мѣсто. Такъ это и было, пока до 1900 года 825 статьи не существовало, а вмѣсто нея была 82 ст. прилож. къ ст. 708 т. X ч. 1 (по изд. 1887 г.). Тамъ прямо было сказано, что семидневный срокъ подлежитъ исчисленію „со дня окончательнаго совершенія акта, т. е. со дня выдачи онаго отъ крѣпостныхъ дѣлъ“.

Почему-же это поясненіе выброшено въ 825 статьѣ? Мы не ошибемся, если скажемъ, что оно выброшено въ виду его несоотвѣтствія съ правилами нотаріальнаго положенія. Пока купчія совершались „у крѣпостныхъ дѣлъ“,—окончательное совершеніе и выдача выписи были синонимами; съ возстановленіемъ-же текста 825 статьи согласно новому порядку совершенія актовъ, съ указаніемъ въ этой статьѣ на старшаго нотаріуса, какъ вершителя перехода недвижимой собственности, оставлять такое поясненіе—это значило бы допустить явную ошибку, ибо подъ словомъ „совершеніе акта“ разумѣлось иное поятіе. Только боязнь окончательно отрѣшиться отъ прежней терминологіи заставила законодателя воздержаться отъ болѣе краткаго и болѣе выразительнаго слова „утвержденіе акта“, замѣнивъ его „окончательнымъ совершеніемъ“.

Такой выводъ подтверждается и содержаніемъ 1424 статьи, которая предоставляетъ право продавцу требовать уничтоженія акта за неучиненіемъ разсчета втеченіе семи дней „со дня выдачи выписи“.—Ясно, что понятіе совершенія акта и выдачи выписи въ глазахъ законодателя уже дифференцировались: это совершенно два различные момента съ различными послѣдствіями.

Въ чемъ должны выражаться эти послѣдствія, какіе результаты получаются на практикѣ при примѣненіи 825 и 1424 статьи, какой громадный диссонансъ порождаютъ эти двѣ статьи въ нашемъ вот-

чинномъ правооборотѣ,—обсужденіе этого вопроса мы отложимъ до другого раза,—а теперь можно констатировать лишь тотъ фактъ, что между „совершеніемъ акта" по 1363 статьѣ,—и „окончательнымъ совершеніемъ" по 825 статьѣ т. X, ч. 1, существуетъ непримиримое противорѣчіе.

Наконецъ мы не можемъ не указать и на то обстоятельство, что существованіе въ десятомъ томѣ термина „совершеніе акта", вмѣсто болѣе правильнаго выраженія „утвержденіе акта" также порождаетъ на практикѣ не мало недоразумѣній.

По нотаріальному положенію совершаетъ акты не старшій, а младшій нотаріусъ. Въ 79 ст. нотар. положенія прямо сказано: „акты, совершаемые нотаріусомъ, именуются нотаріальными, а утвержденные старшимъ нотаріусомъ—крѣпостными".

Десятый томъ, выражаясь фигурально,—не признаетъ существованія нотаріусовъ; здѣсь подъ совершеніемъ акта разумѣется выполненіе извѣстныхъ функцій со стороны старшаго нотаріуса, въ большемъ, или меньшемъ объемѣ, какъ это мы видѣли при сопоставленіи 825, 1363 и 1647 ст. т. X, ч. 1.

Но этотъ терминъ, взятый самъ по себѣ, безъ надлежащихъ поясненій, не можетъ не вызывать превратныхъ толкованій. На осн. 1416 и 2 п. 1630 ст. т. X ч. 1,—при продажѣ, или залогѣ одного и того же имѣнія разнымъ лицамъ,—въ силѣ должна оставаться та купчая, или закладная, которая „совершена прежде". 1416 статья выражается даже еще неопредѣленнѣе: „имѣніе *утверждается* за тѣмъ изъ двухъ покупщиковъ, котораго купчая крѣпость совершена прежде".

Если брать обѣ эти статьи такъ, какъ онѣ написаны, безъ всякихъ историческихъ справокъ и сопоставленій съ другими статьями десятаго тома, то получается слѣдующій выводъ: при поступленіи отъ нотаріуса на утвержденіе двухъ совершенныхъ имъ актовъ на одно и то-же имѣніе, хотя-бы и черезъ довольно продолжительный промежутокъ времени, утвержденію долженъ подлежать актъ, совершенный раньше.

Между тѣмъ этотъ выводъ явно ошибоченъ. Несомнѣнно, что въ этихъ двухъ статьяхъ рѣчь идетъ о коллизіи двухъ „крѣпостныхъ" актовъ на одно и то-же имѣніе, а не нотаріальныхъ; не даромъ вѣдь въ 1416 статьѣ поясняется, что при такой двойной „продажѣ" подложный продавецъ обязанъ возмѣстить убытки, т. е. такой продавецъ, который въ моментъ утвержденія позднѣйшаго акта никакихъ правъ на имѣніе не имѣлъ. Отсюда выводъ ясенъ:

изъ двухъ утвержденныхъ актовъ въ силѣ долженъ оставаться тотъ, утвержденіе коего послѣдовало раньше [1]). Но пока эти статьи будутъ сохранены въ ихъ настоящемъ видѣ,—терминъ „совершеніе акта" будетъ постоянно вводить въ заблужденіе въ виду полнаго несоотвѣтствія этого выраженія тому понятію, которое присвоено ему нотаріальнымъ положеніемъ.

Такое исправленіе тѣмъ болѣе умѣстно, что въ 1420 ст. т. X, ч. 1, составленной уже подъ непосредственнымъ вліяніемъ нотаріальнаго положенія,—терминъ „совершеніе акта" употребленъ правильно: купчая крѣпость,—читаемъ мы здѣсь,—совершается нотаріальнымъ порядкомъ и обращается въ актъ крѣпостной черезъ *утвержденіе ея* старшимъ нотаріусомъ.

Въ заключеніе нельзя не указать на то, что всѣ вышеуказанныя недомолвки, ошибки и пробѣлы нашего десятаго тома вызываютъ цѣлую смуту въ умахъ не только непосвященной въ тонкости судебной экзегетики публики, но даже и у патентованныхъ юристовъ.

Все это создаетъ почву для самыхъ произвольныхъ толкованій закона и въ концѣ концовъ не можетъ не порождать массы разныхъ тяжебныхъ дѣлъ, основанныхъ главнымъ образомъ на казуистическомъ толкованіи и пониманіи тѣхъ или иныхъ статей. Самое толкованіе спорныхъ вопросовъ Правительствующимъ Сенатомъ отличается полной неустойчивостью: пока идетъ рѣчь о примѣненіи нотаріальнаго положенія, сенатъ послѣдовательно держится примѣненія выраженныхъ въ немъ правилъ, но лишь только поводомъ для истолкованія является та или иная статья десятаго тома,—тотчасъ же въ рѣшеніяхъ сената воскресаетъ старая крѣпостная система, основанная на дореформенныхъ порядкахъ. Только коренное измѣненіе самаго текста законоположеній 1 ч. X тома въ ихъ совокупности можетъ помочь дѣлу; всѣ-же частичныя поправки и добавленія, въ связи съ измѣнчивыми сенатскими комментаріями, въ этомъ отношеніи никогда не достигнутъ цѣли.

А. Н. Бутовскій.

[1]) Шершеневичъ. Вышеуказ. соч. стр. 178.

„КОНСТИТУЦIОННЫЕ“ ПРОЕКТЫ ЦАРСТВОВАНIЯ АЛЕКСАНДРА II.

О „конституцiонныхъ“ проектахъ, составлявшихся въ царствованiе Императора Александра II, въ русской литературѣ имѣются лишь неполныя свѣдѣнiя [1]). Помимо этого соображенiя намъ казалось, что опубликованiе изъ источниковъ офицiальнаго происхожденiя этихъ проектовъ въ ихъ подлинномъ и полномъ содержанiи имѣетъ свое оправданiе еще въ слѣдующемъ.

Во-первыхъ, публикуемые нынѣ документы вскрываютъ весь анти-конституцiонный характеръ „предположенiй Высшаго Правительства“, долженствовавшихъ подкрѣпить „силу власти силою мнѣнiя“.

Во-вторыхъ, Учрежденiе Государственной Думы является лишь заключенiемъ эволюцiи той квази-конституцiонной идеи, начало коей относится къ эпохѣ Александра II. Нижеприведенные документы обнаруживаютъ генеалогическое дерево Государственной Думы и разрушаютъ идею о родствѣ Думы съ Земскими Соборами.

Таковы тѣ два главныхъ пункта, которые публикуемые акты установляютъ съ несомнѣнностью.

Еще въ началѣ 1860 года въ связи съ вопросомъ о введенiи земскихъ учрежденiй предполагалось ввести въ Го-

---

[1]) „Право“, 1905 г., № 31 (статья П. Н. Милюкова: Государственный Актъ 6 августа 1905 г.) Энциклопедическiй Словарь (томъ „Россiя“, стр. 156).

сударственный Совѣтъ нѣкоторое число представителей отъ будущихъ земствъ. Хотя мысль эта тогда уже была одобрена Государемъ, но затѣмъ была оставлена безъ дальнѣйшаго движенія.

Въ началѣ 1863 года Александръ II поручилъ статсъ-секретарю графу П. А. Валуеву представить записку о томъ, въ какой мѣрѣ и въ какой формѣ возможно было бы осуществить придположеніе о допущеніи представителей населенія къ участію въ законодательствѣ страны.

Записка составлялась въ то время, когда, съ одной стороны, правительство было поставлено въ затрудненіе польскимъ возстаніемъ, а съ другой стороны, общество, въ томъ числѣ и вліятельнѣйшія дворянскія собранія вполнѣ опредѣленно высказывались въ пользу мысли о желательности созывать періодически земскіе соборы и вообще въ той или иной формѣ учредить народное представительство. Особенное вниманіе обратило на себя заявленіе царскосельскаго предводителя дворянства Платонова, внесенное въ Петербургское дворянское собраніе. Предложеніе Платонова, въ которомъ возбуждался вопросъ о желательности введенія въ Имперіи народнаго представительства хотя и не было принято Петербургскимъ дворянствомъ, но сдѣлалось предметомъ общихъ разговоровъ. Явилось опасеніе, что къ этому предложенію примкнутъ и новыя земскія учрежденія, которымъ предстояло, не далѣе какъ черезъ годъ, начать свою дѣятельность [1]).

Какъ вопросъ польскій, такъ и означенное общественное движеніе въ значительной мѣрѣ предопредѣлили ходъ разсужденій Валуева.

Записка была представлена Государю 13 апрѣля 1863 года и составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

---

[1]) Дѣло 3-го отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи № 33 за 1862 г.

Всеподданнѣйшая записка статсъ-секретаря Валуева.

Со времени первыхъ революціонныхъ событій въ Варшавѣ прошло тяжелыхъ два года. Все испытано для улучшенія дѣлъ въ Царствѣ,—перемѣна лицъ, измѣненіе системы, полная отдѣльность мѣстнаго управленія, широкія реформы, передача гражданской администраціи въ руки поляка, назначеніе Намѣстникомъ члена Императорскаго Дома, наконецъ,—сила оружія,—и все испытано безуспѣшно. Мы теперь далѣе отъ цѣли, чѣмъ можетъ быть были въ февралѣ мѣсяцѣ 1861 года. Между тѣмъ мятежъ охватилъ, хотя доселѣ только въ разбойничьихъ формахъ, западную окраину Имперіи; искусственно возбуждаемыя симпатіи къ Польшѣ возрастаютъ; крики клеветниковъ Россіи раздаются все громче и выше; наконецъ, Европейскія державы вмѣшиваются въ дѣло. Намъ предстоятъ на первый разъ дипломатическія объясненія, а затѣмъ война или уступки. Если мы до сихъ поръ не покончили съ Царствомъ, то можемъ ли мы надѣяться на скорый успѣхъ, когда на его сторону станутъ новыя и громадныя силы. Если поляки продолжали упорствовать при безмолвіи и бездѣйствіи Европы, то можно ли ожидать покорности въ то время, когда они увидѣли, что польскій вопросъ дѣлается европейскимъ и что у нихъ не только есть ходатаи, но и будутъ союзники.

Не малодушіе приводитъ къ этимъ сомнѣніямъ, но хладнокровная оцѣнка нашего положенія. Мы опасаемся новой войны не столько потому, что западныя державы сильны, сколько потому, что мы въ послѣднее время чувствовали себя внутренно слабыми. Мы не можемъ быстро подавить мятежа, потому что мы проливаемъ кровь бережливо, а на это бережливое пролитіе крови поляки рѣшились. Ихъ упорство очевидно и систематически направлено къ тому, чтобы протянуть дѣло до европейскаго вмѣшательства. Это вмѣшательство, въ свою очередь, неизбѣжно, если дѣло протянется. Мы даже не знаемъ достовѣрно, не замедлилось ли оно, между прочимъ, ожиданіемъ того времени года, когда съ открытіемъ навигаціи оно можетъ обнаружиться быстрѣе и рѣшительнѣе. Между тѣмъ, каждый день стоитъ намъ значительныхъ пожертвованій, поддерживаетъ опасное броженіе въ Западномъ краѣ, тѣснѣе связываетъ западный вопросъ съ вопросомъ польскимъ и чрезъ то увеличиваетъ предстоящія намъ затрудненія. Если послѣ

всего того, что Вашимъ Величествомъ уже даровано Царству, послѣ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ терпѣніемъ и человѣколюбіемъ Вашего Величества дѣлу охраненія владычества Россіи надъ Польшей, нужны уступки, то въ чемъ могутъ заключаться онѣ, если не въ томъ самомъ, чего западныя державы будутъ домогаться для Царства. Если мы уступимъ теперь, въ виду вооружающагося вмѣшательства иностранцевъ, намъ трудно будетъ съ достоинствомъ отвѣчать на вопросъ, почему мы не уступали ранѣе, и мы обрадуемъ нашихъ клеветниковъ и завистниковъ, позволивъ имъ усвоить Россіи видъ коршуна, котораго Европа спугнула съ его добычи. Если же мы не уступимъ,—передъ нами война, война, къ которой мы исподволь не приготовились, и вмѣстѣ съ этой войной—необходимость быство скрѣпить поколебавшіяся основы нашего могущества и найти въ насъ самихъ источникъ нужныхъ намъ силъ. Смѣю думать, что пробудившійся, наконецъ, послѣ двухгодового сна, русскій патріотизмъ указываетъ на этотъ источникъ.

Два года патріотическія чувства въ русскихъ безмолвствовали. Ни польскія крамолы, ни клевета иностранцевъ, ни лживое искаженіе нашихъ лѣтописей не могли поколебать этого безмолвія. Нынѣ оно прекратилось. Долговременный сонъ нарушенъ. Голосъ, къ звуку коего давно съ нетерпѣніемъ прислушивались вѣрнопреданные слуги Вашего Императорскаго Величества, наконецъ, раздался и не только раздается въ разныхъ концахъ Россіи, но отовсюду возносится къ Престолу Вашего Величества. Тамъ, гдѣ присущи чувства, о которыхъ этотъ голосъ свидѣтельствуетъ,—есть путь единенія, есть основа могущества, есть источникъ силъ, а съ ними есть и залогъ побѣды.

Знаменательно пробужденіе этихъ чувствъ. Оно вызвано не одною всеподданнѣйшею преданностью Вашему Величеству, не однимъ ощущеніемъ оскорбленнаго національнаго достоинства и не одною заботою объ охраненіи всецѣлости Государства. Тревожная, тяжкая мысль, что при быстромъ ходѣ событій Вашему Величеству могла бы представиться надобность въ дарованіи Польшѣ такихъ льготъ или преимуществъ, которыя не были бы предоставлены кореннымъ русскимъ областямъ,—содѣйствовала къ возбужденію въ высшихъ слояхъ русскаго народа полнаго и живого сознанія его настоящаго вѣрноподданническаго и патріотическаго долга. Эта мысль просвѣчиваетъ даже въ текстѣ подносимыхъ Вашему Величеству адресовъ; но выраженіе ея еще слышнѣе въ общемъ говорѣ массъ и въ самыхъ благонамѣренныхъ органахъ

нашей прессы. Вотъ почему на сей разъ патріотическія чувства менѣе торопливо заявляются въ тѣхъ частяхъ Имперіи, которыя не принадлежатъ къ Русской народности, напримѣръ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Вмѣстѣ съ выраженіемъ нелицемѣрной преданности, глубокой покорности и безусловной готовности на всякія пожертвованія, къ Престолу Вашего Величества возносится полугласная мольба объ оказаніи довѣрія къ Вашему народу, о признаніи его способнымъ оправдать это довѣріе, о дарованіи ему возможности доказать, что онъ его достоинъ.

Всемилостивѣйшій Государь. Даруйте любезновѣрной Вамъ и и Вамъ вѣрнопреданной Россіи политическое первенство передъ крамольною Польшей. Дайте Россіи, на пути развитія государственныхъ учрежденій, шагъ впередъ передъ Польшей. Вы тогда еще тѣснѣе сдвинете вокругъ Себя всѣхъ Вашихъ вѣрныхъ подданныхъ. Вы дѣйствительно будете, по выраженію Московскаго дворянства, „могущественнѣе Вашихъ Предшественниковъ“. Вы окончательно укрѣпите за Россіею возвращенное ей и омытое кровью цѣлыхъ поколѣній Западное родовое ея достояніе. Вы заставите Западный край, наконецъ, обратиться лицомъ къ Москвѣ и стать тыломъ къ Варшавѣ. Тогда Западный вопросъ будетъ рѣшенъ навсегда, и Польское дѣло навсегда проиграно.

Я позволилъ себѣ сказать, что мы опасаемся войны потому, что въ послѣднее время чувствовали себя внутренно слабыми. Надлежитъ всмотрѣться въ причины этой слабости. Финансовыя язвы прежнихъ лѣтъ еще не исцѣлены; пути сообщенія не устроены; предпринятыя Вашимъ Величествомъ великія и необходимыя преобразованія не приведены къ окончанію; разрозненность въ направленіяхъ и дѣйствіяхъ разныхъ Правительственныхъ вѣдомствъ не вполнѣ устранена; всѣ прежнія связи внутренняго государственнаго строя поколеблены, а новыя не установились на твердой почвѣ; матеріальные интересы страдаютъ; умы въ волненіи; между тѣмъ, революціонная пропаганда, пользуясь обстоятельствами, усиливается подкопать самыя основанія гражданскаго порядка. Но смѣю думать, что во всемъ этомъ еще не заключается главной причины той слабости, которую мы доселѣ ощущали. Доколѣ чувства вѣрноподданнической преданности Вашему Величеству и теплой любви къ отечеству не поколеблены въ массахъ и сохраняютъ прежнюю силу въ огромномъ большинствѣ высшихъ классовъ населенія— въ этихъ самыхъ чувствахъ заключается твердая опора и неизсякаемый источникъ силъ. Главная опасность состояла въ томъ, что

въ послѣднее время приложеніе этихъ чувствъ къ дѣлу, въ средѣ разныхъ явленій гражданской жизни, какъ будто парализовалось вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и разнородныхъ, большею частью, неопредѣленныхъ стремленій и ожиданій, направленныхъ къ перемѣнѣ общихъ условій нашего нынѣшняго быта. Насчетъ размѣровъ частныхъ видовъ и подробностей этой перемѣны, конечно, не было согласія мнѣній; но насчетъ ея необходимости почти не было разномыслія. Между Державною Особою Вашего Величества и Вашимъ Правительствомъ какъ будто установилось различіе. Вамъ, лично, всѣ были преданы, но системѣ правительственныхъ распоряженій какъ будто никто вполнѣ не сочувствовалъ. Даже великія реформы, какъ напримѣръ, судебная, оцѣнивались односторонне, или разсматривались, какъ начало или задатокъ другихъ еще болѣе существенныхъ преобразованій. Одна мысль, очевидно, обуяла умы. Она проявлялась различно и усваивала себѣ различныя наименованія, то въ постановленіяхъ сословныхъ собраній, то въ произведеніяхъ печати, то подъ видомъ „самоуправленія", или „децентрализаціи", то въ систематическомъ противопоставленіи Правительства „обществу", или „народу", то въ формѣ доктрины о „земствѣ" и панегирикoвъ прежнимъ Земскимъ Соборамъ. Но въ сущности эта мысль всегда и вездѣ одна и та же. Она заключается въ томъ, что во всѣхъ Европейскихъ государствахъ разнымъ сословіямъ предоставлена нѣкоторая доля участія въ дѣлахъ законодательства или общаго государственнаго управленія и что если такъ вездѣ, то такъ должно сбыться и у насъ. Установленіе началъ сего участія считается признакомъ политическаго совершеннолѣтія, и эта мысль, постоянно возбуждаемая въ огромномъ числѣ русскихъ путешественниковъ зрѣлищемъ того, что имъ представляется заграницею, и въ еще большемъ числѣ русскихъ читателей не только русскою прессою, но и всѣми произведеніями печати на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ,—не можетъ не имѣть сильнаго и ежедневно возрастающаго вліянія. Этимъ вліяніемъ искусно пользуются революціонные агитаторы. Они увлекаютъ весьма многихъ и увлекаютъ ихъ весьма далеко, преимущественно потому, что этимъ многимъ не дозволено двинуться къ той цѣли, которой они сами желали бы достигнуть. Къ счастью, эта цѣль, въ понятіяхъ и стремленіяхъ огромнаго большинства, не постановляется внѣ предѣловъ вѣрноподданническаго долга. Мысль о нѣкоторомъ участіи въ дѣлахъ законодательства и общаго государственнаго хозяйства не заключаетъ въ себѣ посягательства на

Верховныя права Самодержавной власти Вашего Величества. Въ стремленіи къ этому участію выражается какъ бы желаніе приблизиться къ Престолу Вашего Величества, занять мѣсто въ ряду учрежденій, коимъ непосредственно объявляется Ваша Высочайшая воля, принести Вамъ непосредственную дань гражданскаго труда и вѣрноподданнической покорности. Просьбы о томъ уже возникали и впредь будутъ несомнѣнно повторяться. Предложеніе Царскосельскаго Предводителя Платонова, отсроченное, но одобренное послѣднимъ Губернскимъ Дворянскимъ Съѣздомъ въ столицѣ Вашего Величества, будетъ вслѣдъ затѣмъ принято не только С.-Петербургскимъ, но и другими Дворянскими Собраніями и не только этими Собраніями, но и будущими съѣздами представителей земства каждой губерніи, призываемаго къ новой дѣятельности, на основаніи началъ, Высочайше Вами одобренныхъ для устройства земско-хозяйственныхъ учрежденій. Трудно будетъ постоянно отклонять подобныя просьбы. Если же трудно ихъ отклонить окончательно, то не лучше ли предупредить. Въ этихъ видахъ было уже повергаемо на Высочайшее благоусмотрѣніе Вашего Величества предположеніе о призваніи въ Государственный Совѣтъ, для совѣщательнаго участія при обсужденіи подвѣдомыхъ ему дѣлъ, извѣстнаго числа представителей дворянскаго и городскихъ сословій и нѣсколькихъ членовъ высшаго православнаго духовенства.

Въ настоящее время обстоятельства съ новою силою указываютъ на пользу подобной мѣры. Съ одной стороны, пробудившіяся послѣ долгаго усыпленія патріотическія чувства особенно благопріятствуютъ ея принятію, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы нуждаются въ ней, для полнаго развитія и для опоры при предстоящихъ имъ испытаніяхъ. Вѣрноподданные Вашего Величества уже нынѣ тѣснѣе сдвигаются вокругъ Васъ. Всякая Высочайшая милость, всякій знакъ Монаршаго довѣрія будутъ приняты съ сугубою, горячею признательностью. Съ другой стороны, при введеніи въ дѣйствіе земско-хозяйственныхъ учрежденій, настанетъ потребность въ противодѣйствіи тѣмъ стремленіямъ къ провинціальному сепаратизму, которыя уже обнаружились въ нѣкоторыхъ частяхъ Имперіи. Это противодѣйствіе можетъ быть оказываемо съ надлежащимъ успѣхомъ только центральнымъ учрежденіемъ, въ которомъ частные интересы разныхъ мѣстностей были бы сопоставлены, въ лицѣ ихъ представителей, съ интересами другихъ мѣстностей, и которое само въ себѣ изображало бы единство Государства и охраняло его всецѣлость.

Но со времени первоначальнаго предположенія о призывѣ въ Государственный Совѣтъ сословныхъ представителей, обстоятельства нѣсколько измѣнились. Общее стремленіе къ тому участію въ дѣлахъ государственныхъ, о которомъ выше сего упоминалось, обнаружилось съ большею силою. Послѣ недавнихъ С.-Петербургскихъ выборовъ и записки Платонова, нельзя ограничиться тѣмъ числомъ представителей и тѣмъ способомъ ихъ призыва, которые первоначально имѣлись въ виду. Для сохраненія послѣдовательности въ общемъ ходѣ предпринимаемыхъ по указаніямъ Вашего Величества преобразованій, кажется необходимымъ связать дѣло новаго устройства Государственнаго Совѣта съ дѣломъ устройства новыхъ земско-хозяйственныхъ учрежденій. Изъ сего слѣдуетъ, что призываемые въ Государственный Совѣтъ представители земства должны быть выборные отъ мѣстныхъ земскихъ учрежденій. Далѣе слѣдуетъ, что представители и тѣхъ частей Имперіи, на которыя не распространяется устройство означенныхъ учрежденій, напримѣръ, отъ Сибири, Кавказскаго края и Прибалтійскихъ губерній, равнымъ образомъ, должны быть назначаемы по выбору. При семъ возникаетъ вопросъ, не слѣдуетъ ли допустить особыхъ выборныхъ отъ дворянскихъ сословныхъ собраній, доколѣ они сохранятъ отдѣльное существованіе,—хотя, впрочемъ, потребность въ этихъ особыхъ выборныхъ сомнительна. Наконецъ, по случаю значительнаго числа лицъ, которыя были бы призваны къ участію въ дѣлахъ Совѣта, представляется еще другой вопросъ: возможно ли учредить изъ всѣхъ его членовъ одно общее собраніе или же слѣдуетъ раздѣлить его на два собранія, и если раздѣлить, то на какихъ именно основаніяхъ. Подробности и даже существенныя частности столь важнаго дѣла, конечно, не могутъ быть взвѣшены и опредѣлены съ перваго раза въ тотъ краткій срокъ, который Вашимъ Величествомъ мнѣ дарованъ для представленія настоящихъ соображеній. Но если Вашему Величеству благоугодно будетъ удостоить одобреніемъ ихъ основную мысль, если Вы окончательно соизволите на приведеніе въ исполненіе этой мысли и если Вы изволите признать удобнымъ и полезнымъ объявить о томъ 17 числа сего мѣсяца,—то надлежитъ, по крайней мѣрѣ, установить главныя начала предполагаемой мѣры и разрѣшить особый вопросъ о порядкѣ оглашенія состоявшагося по сему предмету Монаршаго благоизволенія Вашего Величества.

Коренныя начала, на основаніи коихъ было бы допущено, въ извѣстныхъ предѣлахъ, участіе представителей разныхъ сословій

въ дѣлахъ общаго государственнаго управленія, могли бы, по моему крайнему разумѣнію, быть слѣдующія:

1. Означенное участіе должно быть только совѣщательное:

2. Собраніе представителей должно быть пріурочено къ Государственному Совѣту потому именно, что и онъ имѣетъ только совѣщательное участіе въ разрѣшеніи подвѣдомыхъ ему дѣлъ.

3. Участіе сословныхъ или земскихъ представителей обнимаетъ вопросы законодательные и распространяется на главные вопросы по части государственнаго хозяйства, какъ то: на разсмотрѣніе государственной приходо-расходной смѣты и на установленіе новыхъ налоговъ.

4. Представители земства или сословій призываются изъ всѣхъ частей Имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго.

5. Въ тѣхъ частяхъ Имперіи, гдѣ имѣютъ быть введены въ дѣйствіе земско-хозяйственныя учрежденія, представители избираются мѣстными земскими собраніями. Въ прочихъ областяхъ для ихъ выбора установляются особыя правила.

6. Призывъ представителей въ Государственный Совѣтъ совершается не прежде, какъ по введеніи въ дѣйствіе новыхъ земско-хозяйственныхъ учрежденій.

7. Число представителей должно быть по возможности ограничено. Не предстоитъ надобности въ отдѣльныхъ представителяхъ отъ городовъ. При опредѣленіи числа ихъ для каждой области Государства (примѣрно отъ 2-хъ до 4-хъ на губернію), можетъ быть установлено извѣстное соотношеніе между выборными отъ уѣздовъ и выборными отъ городовъ.

8. Изъятіе можетъ быть допущено для столицъ и для значительнѣйшихъ торговыхъ или губернскихъ городовъ, каковы Одесса, Рига, Кіевъ.

9. Представители не получаютъ никакого денежнаго вознагражденія отъ казны.

10. Ихъ участіе въ дѣлахъ Государственнаго Совѣта ограничивается въ теченіе каждаго года извѣстнымъ срокомъ. Сообразно съ симъ распредѣляются и дѣла Совѣта на два разряда: на дѣла, которыя обсуждаются только при участіи представителей, и на дѣла, которыя могутъ быть разрѣшаемы безъ онаго или только при содѣйствіи нѣсколькихъ изъ нихъ.

11. Порядокъ дѣлопроизводства установляется съ принятіемъ надлежащихъ предосторожностей на тотъ конецъ, чтобы за чле-

нами Совѣта по назначенію отъ Правительства была сохранена надлежащая доля вліянія на ходъ дѣлъ и на составляемыя по онымъ постановленія. Формы представленія дѣлъ на Высочайшее разрѣшеніе Вашего Величества и Высочайшаго утвержденія постановленій Совѣта должны остаться по возможности безъ измѣненія.

12. Въ составъ Государственнаго Совѣта призываются, въ одно время съ представителями отъ земства или сословій, но по непосредственному Высочайшему избранію, нѣкоторые члены высшаго духовенства.

Въ отношеніи къ порядку обнародованія Высочайшей воли Вашего Величества, представляется нѣсколько отдѣльныхъ вопросовъ:

I. Благоугодно ли будетъ Вашему Величеству объявить о всѣхъ главныхъ началахъ будущаго участія, предоставляемаго сословнымъ или земскимъ представителямъ въ дѣлахъ государственнаго управленія,—или же ограничиться краткимъ заявленіемъ основной мысли объ этомъ участіи, краткимъ указаніемъ на предметы, коихъ оно должно касаться,—и общею оговоркою, что подробности дѣла имѣютъ быть опредѣлены впослѣдствіи. Послѣднее кажется болѣе удобнымъ.

II. Благоугодно ли будетъ Вашему Величеству объявить, что призыву представителей должно предшествовать устройство земскохозяйственныхъ учрежденій. Это кажется необходимымымъ. При семъ можно бы заявить Высочайшую волю, чтобы приступлено было безъ замедленія къ разсмотрѣнію въ Государственномъ Совѣтѣ проекта объ означенныхъ учрежденіяхъ, а затѣмъ ко введенію оныхъ въ дѣйствіе.

III. Благоугодно ли будетъ повелѣть заранѣе упомянуть о нѣкоторыхъ мѣрахъ, которыя подлежали бы внесенію на разсмотрѣніе преобразованнаго Совѣта, въ новомъ его составѣ, напримѣръ, о пересмотрѣ постановленій, относящихся до иновѣрныхъ исповѣданій. Подобное заявленіе имѣетъ свои неудобства, но и представляетъ нѣкоторыя выгоды, между прочимъ, именно въ отношеніи къ Западному краю, къ его латинскому населенію и къ общему впечатлѣнію, которое это заявленіе произвело бы въ Европѣ.

IV. Благоугодно ли будетъ Вашему Величеству придать оффиціальному акту обнародованія Вашей воли большій или меньшій характеръ торжественности. Въ первомъ случаѣ надлежало бы дать означенному акту форму Манифеста. Во второмъ, что казалось бы болѣе удобнымъ, можно ограничиться Высочайшимъ Указомъ или Рескриптомъ, даннымъ Предсѣдателю Государственнаго

Совѣта или Министру Внутреннихъ Дѣлъ, ибо они оба, по ихъ званію, призываются къ непосредственному и ближайшему въ этомъ дѣлѣ участію. Форма Указа кажется болѣе удобною, чѣмъ форма Рескрипта.

До проектированія самаго текста Рескрипта, Указа или Манифеста, необходимо получить Высочайшія по всѣмъ симъ вопросамъ Вашего Императорскаго Величества указанія.

По мысли статсъ-секретаря Валуева основныя положенія эти, но на первое время лишь въ общихъ выраженіяхъ, должны были быть опубликованы 17 апрѣля.

14 апрѣля вышеизложенная записка была возвращена Валуеву съ собственноручной надписью Государя:

„Предположенія эти такъ важны и требуютъ столь зрѣлаго обсужденія, что Я сомнѣваюсь, чтобы мы успѣли прійти къ какому либо заключенію въ одно совѣщаніе. Я однако васъ соберу завтра, въ 11 часовъ. Всѣмъ прочимъ дамъ знать отъ Себя“.

15 апрѣля въ Высочайшемъ присутствіи состоялось первое засѣданіе по вопросамъ, затронутымъ въ запискѣ Валуева, а 18 ноября 1863 г. былъ представленъ статсъ-секретаремъ Валуевымъ „проектъ новаго учрежденія Государственнаго Совѣта“. Этотъ проектъ является выраженіемъ взглядовъ Валуева и составленъ примѣнительно къ „кореннымъ началамъ“ всеподданнѣйшей записки Валуева, которыя были одобрены особымъ совѣщательнымъ собраніемъ въ присутствіи Государя 15 апрѣля того же года.

Въ объяснительной запискѣ къ проекту, статсъ-секретарь Валуевъ такъ говоритъ о слѣдующихъ главныхъ началахъ, которыя были приняты къ руководству при составленіи проекта:

1) Надлежало соблюсти вполнѣ неприкосновенность верховныхъ правъ Самодержавной Власти. Это исполнено при составленіи проекта, въ такой мѣрѣ, что не представилось даже надобности въ какой либо оговоркѣ, или поясненія, или подтвержденіи насчетъ неприкосновенности означенныхъ правъ.

2) Надлежало согласовать новое устройство Государственнаго

Совѣта съ нынѣшнимъ, по мѣрѣ крайней къ тому возможности, дабы тѣмъ рѣшительнѣе устранить всякое предположеніе, будто бы права и власть Государственнаго Совѣта существенно расширяются проектируемымъ преобразованіемъ.

3) Надлежало принять мѣры къ тому, чтобы новый элементъ, вводимый въ кругъ дѣятельности Государственнаго Совѣта, не пріобрѣлъ въ немъ преобладающаго вліянія. Совѣщательное свойство участія, въ обсужденіи дѣлъ этому элементу предоставляемаго, должно было остаться въ полной силѣ, не только въ отношеніи къ верховной правительственной власти, но и въ отношеніи къ самому Государственному Совѣту въ его нынѣшнемъ видѣ. Здѣсь надлежало устранить затрудненіе, проистекающее отъ значительности числа тѣхъ представителей разныхъ мѣстностей, которымъ открывался доступъ въ Государственный Совѣтъ. Если бы они составляли съ нимъ одно собраніе, то очевидно, что преобладаніе голосовъ было бы всегда на ихъ сторонѣ. Если же наоборотъ изъ нихъ было бы составлено совершенно отдѣльное собраніе, то образовались бы двѣ совѣщательныя палаты, и единство учрежденія было бы утрачено. Для избѣжанія этихъ неудобствъ въ проектѣ установлена особаго рода комбинація. Представители, примѣняясь къ терминологіи положенія о земскихъ учрежденіяхъ, наименованы „государственными гласными". Изъ нихъ образованъ особый съѣздъ, пріуроченный къ Государственному Совѣту какъ бы на правахъ департамента, но съ тѣмъ различіемъ, что въ общее собраніе призываются не всѣ члены съѣзда подобно всѣмъ членамъ департаментовъ, но только опредѣленное число гласныхъ, для сего по каждому дѣлу избираемыхъ. Это число ограничено 16-ью, такъ что въ общемъ собраніи большинство болѣе чѣмъ вдвое на сторонѣ членовъ совѣта. Такимъ образомъ мнѣнія присутствующихъ гласныхъ были бы услышаны и затѣмъ доведены до Высочайшаго свѣдѣнія, а заключенія всего съѣзда были бы въ виду совѣта въ формѣ, согласной съ формами журналовъ департаментовъ, и затѣмъ могли бы восходить на Высочайшее усмотрѣніе. Засимъ предположено, что съѣздъ гласныхъ имѣетъ срочныя засѣданія, что отсутствіе съѣзда не останавливаетъ хода дѣлъ въ совѣтѣ и что предметы вѣдомства сего послѣдняго раздѣляются на два рода дѣлъ, изъ коихъ одни разсматриваются безъ участія гласныхъ, а другія при ихъ участіи.

4) Надлежало принять мѣры предосторожности противъ одностороннихъ увлеченій съѣзда и для сего ввѣрить общее направле-

ніе его занятій лицу, облеченному довѣріемъ правительства. Для сего предположено, что въ немъ предсѣдательствуетъ одинъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта, по Высочайшему назначенію. Такимъ образомъ предсѣдатель съѣзда сравнивается съ предсѣдателями департаментовъ совѣта, и аналогія между департаментами и съѣздомъ соблюдается. Въ помощь предсѣдателю даются два выборныхъ вице-предсѣдателя. Канцелярія съѣзда также не отдѣляется отъ государственной канцеляріи. При немъ предположенъ особый статсъ-секретарь; но выборное начало и здѣсь вводится въ лицѣ трехъ выборныхъ секретарей, особыя обязанности коихъ опредѣлены въ проектѣ.

5) Надлежало озаботиться обезпеченіемъ нѣкоторой доли правительственнаго вліянія въ составѣ съѣзда. Для сего предположено, кромѣ выборныхъ гласныхъ, имѣть извѣстное число оныхъ по назначенію отъ правительства. Они заключали бы въ себѣ такъ называемую categorie des capacités. Число ихъ конечно слѣдовало ограничить и посему оно предположено не свыше $^1/_5$ части общаго числа выборныхъ гласныхъ.

6) Наконецъ, надлежало, не вдаваясь въ подробную регламентацію, тѣмъ не менѣе установить главныя правила дѣлопроизводства на съѣздѣ гласныхъ. Эти правила введены въ текстъ проекта.

Проектъ новаго учрежденія государственнаго совѣта [1].

Глава I.

Составъ и внутреннее устройство государственнаго совѣта.

§ I. Въ порядкѣ государственныхъ установленій Совѣтъ составляетъ сословіе, въ коемъ дѣла по всѣмъ частямъ управленія, въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству, соображаются и чрезъ него восходятъ къ Верховной Императорской Власти (дѣйствовавшаго Учрежденія Гос. Сов. ст. 1).

---

[1]) Примѣчаніе. Составленіе проекта доведено до послѣдней главы о государственной канцеляріи.

Всѣхъ статей въ проектѣ 201.

Изъ нихъ взято буквально изъ дѣйствовавшаго Учрежденія Гос. Сов. 85

Дополнено или измѣнено, большею частью несущественно . . 42

Новыхъ статей 74

§ 2. Государственный Совѣтъ составляется изъ особъ Высочайшею довѣренностью въ сословіе сіе призываемыхъ. Каждый изъ членовъ, при вступленіи въ Государственный Совѣтъ, подписываетъ присягу по особо установленной формѣ (ст. 2).

§ 3. Члены Государственнаго Совѣта могутъ имѣть званія въ порядкахъ судебномъ и исполнительномъ (ст. 3).

§ 4. Членами Государственнаго Совѣта могутъ быть назначаемы, по благоусмотрѣнію Его Величества, и высшія лица духовнаго званія.

§ 5. Число членовъ Государственнаго Совѣта зависитъ отъ Высочайшаго усмотрѣнія Его Величества.

§ 6. Министры, главноуправляющіе отдѣльными частями и оберъ-прокуроръ Св. Синода суть члены Государственнаго Совѣта по ихъ званію (ст. 4 дополн.).

§ 7. Въ Государственномъ Совѣтѣ предсѣдательствуетъ одинъ изъ членовъ, особо къ тому Его Величествомъ назначенный (ст. 6 измѣн.).

§ 8. Назначеніе предсѣдателя въ Государственномъ Совѣтѣ возобновляется ежегодно (ст. 7).

§ 9. Государственный Совѣтъ составляется: 1) изъ Департаментовъ; 2) изъ Общаго Собранія (ст. 8).

§ 10. Департаментовъ въ Государственномъ Совѣтѣ полагается четыре: 1) законовъ; 2) дѣлъ военныхъ; 3) дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ; 4) государственной экономіи (ст. 9).

§ 11. Каждый департаментъ составляется изъ назначенныхъ въ оный, по Высочайшему усмотрѣнію, предсѣдателя и членовъ не менѣе пяти (ст. 10 измѣн.).

§ 12. Если въ Департаментѣ, за отлучкою или болѣзнью, останется менѣе трехъ членовъ, то въ такомъ случаѣ должны быть составляемы Временные Соединенные Департаменты, дабы засѣданіе состояло всегда по крайней мѣрѣ изъ трехъ присутствующихъ (примѣч. къ ст. 10).

§ 13. Распредѣленіе предсѣдателей и членовъ по департаментамъ возобновляется ежегодно (ст. 11 измѣн.).

§ 14. Предсѣдатели Департаментовъ заступаютъ мѣсто предсѣдателя Государственнаго Совѣта, въ случаѣ его отсутствія или болѣзни, когда не будетъ къ тому назначенъ Его Величествомъ иной членъ Государственнаго Совѣта (ст. 15 изм.).

§ 15. Министры, главноуправляющіе, оберъ-прокуроръ Св. Синода и члены духовнаго званія не могутъ быть ни предсѣдателемъ

Государственнаго Совѣта, ни предсѣдателями его департаментовъ (ст. 10 изм.).

§ 16. Въ Департаменты, по усмотрѣнію ихъ, могутъ быть приглашаемы къ совѣщанію и лица постороннія, отъ коихъ, по свойству дѣла, можно ожидать полезныхъ объясненій (ст. 12).

§ 17. Члены Совѣта, не назначенные къ засѣданію въ Департаментахъ, присутствуютъ лишь въ Общемъ Собраніи (ст. 13).

§ 18. Общее Собраніе составляютъ всѣ члены Совѣта, какъ засѣдающіе въ Департаментахъ, такъ и не присутствующіе въ оныхъ (ст. 14).

§ 19. При Государственномъ Совѣтѣ учреждается съѣздъ государственныхъ гласныхъ.

§ 20. Съѣздъ государственныхъ гласныхъ составляется:

I. Изъ гласныхъ, избираемыхъ на опредѣленный срокъ Губернскими земскими собраніями.

II. Изъ гласныхъ, назначаемыхъ по выбору, порядкомъ ниже сего указаннымъ, на тотъ же самый срокъ, отъ обѣихъ столицъ, отъ нѣкоторыхъ другихъ городовъ и отъ тѣхъ частей Имперіи, на которыя не распространяется дѣйствіе Положенія о земскихъ учрежденіяхъ.

III. Изъ гласныхъ, назначаемыхъ Высочайшею властью, особо на каждый съѣздъ, изъ числа лицъ, означенныхъ ниже сего въ § 30.

§ 21. Число выборныхъ гласныхъ опредѣляется прилагаемымъ у сего росписаніемъ.

§ 22. Число гласныхъ, назначаемыхъ Высочайшею властью, полагается не свыше одной пятой числа выборныхъ гласныхъ.

§ 23. На съѣздѣ государственныхъ гласныхъ предсѣдательствуетъ одинъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта, по назначенію Его Императорскаго Величества. Въ помощь предсѣдателю— съѣздъ избираетъ изъ своей среды двухъ вице-предсѣдателай, которые утверждаются въ семъ званіи Высочайшею властью.

§ 24. Назначеніе предсѣдателя и выборъ вице-предсѣдателей возобновляется при каждомъ съѣздѣ.

§ 25. Министры, главноуправляющіе и оберъ-прокуроръ Св. Синода имѣютъ право присутствовать на съѣздѣ гласныхъ и принимать участіе въ его совѣщаніяхъ, но при подачѣ голосовъ отъ нихъ голоса не отбираются.

§ 26. Гласные, избираемые земскими собраніями, избираются на 3 года, но первый выборъ производится на одинъ годъ. Избираемы могутъ быть не только члены губернскаго земскаго собра-

нія, но и другія лица, соединяющія условія, которыя требуются для выбора въ уѣздные гласные. Присемъ наблюдается, чтобы по крайней мѣрѣ одинъ гласный былъ избранъ изъ числа членовъ губернскаго собранія.

§ 27. Гласные отъ столицъ избираются на тѣ же сроки общими думами изъ числа городскихъ гласныхъ.

§ 28. Гласные отъ городовъ, поименованныхъ въ росписаніи, приложенномъ къ § 21-му, избираются:

1. Въ городахъ, гдѣ введено новое городское устройство общими Думами, изъ числа мѣстныхъ домовладѣльцевъ, или лицъ купеческаго сословія, хотя и не владѣющихъ домами, но производящихъ въ тѣхъ городахъ торговлю по свидѣтельствамъ 1 гильдіи не менѣе 3-хъ лѣтъ сряду;

2. Въ городахъ, гдѣ еще не введено новаго устройства, собраніями городскихъ обществъ, изъ числа тѣхъ же лицъ, о которыхъ упоминается въ предшедшемъ пунктѣ.

§ 29. Порядокъ выбора гласныхъ отъ тѣхъ частей Имперіи, на которыя не распространяется дѣйствіе Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, имѣетъ быть опредѣленъ особыми, для каждой изъ нихъ, правилами.

§ 30. Гласные, назначаемые Высочайшею Властью, могутъ быть избираемы какъ вообще изъ числа лицъ, соединяющихъ въ себѣ условія, постановленныя для выбора гласныхъ, такъ и изъ числа лицъ, не удовлетворяющихъ этимъ условіямъ, но по своимъ спеціальнымъ знаніямъ, или пріобрѣтенной на службѣ опытности, могущихъ принять полезное участіе въ занятіяхъ съѣзда.

§ 31. Съѣздъ Государственныхъ Гласныхъ созывается ежегодно Высочайшимъ Указомъ къ сроку, въ томъ Указѣ опредѣляемому.

§ 32. Съѣздъ Гласныхъ открывается и закрывается, по особому каждый разъ на то Высочайшему повелѣнію, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

§ 33. Вице-Предсѣдатели Съѣзда и 14 Гласныхъ, особо избираемыхъ Съѣздомъ для каждаго изъ дѣлъ, на обсужденіе его предложенныхъ, засѣдаютъ, съ правомъ голоса, въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, когда тѣ дѣла въ немъ разсматриваются.

§ 34. Государственнымъ Гласнымъ не полагается, по исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, никакого денежнаго содержанія.

§ 35. Для производства дѣлъ по Государственному Совѣту, со-

стоитъ приономъ Государственная Канцелярія, управляемая Государственнымъ Секретаремъ (ст. 16).

§ 36. При каждомъ Департаментѣ, въ составѣ сей Канцеляріи, состоитъ Статсъ-Секретарь съ помощниками его и прочими чинами по штату (ст. 17).

§ 37. При Съѣздѣ Государственныхъ Гласныхъ состоитъ особый Статсъ-Секретарь съ однимъ помощникомъ и прочими чинами по штату Государственной Канцеляріи. Кромѣ того, Съѣздъ избираетъ изъ своей среды трехъ секретарей, для исполненія обязанностей, ниже сего опредѣленныхъ (§§ 93, 102, 105, 122).

§ 38. Присутствія въ Департаментахъ назначаются ихъ Предсѣдателями, по мѣрѣ поступленія дѣлъ и приготовленія оныхъ къ докладу (часть ст. 18).

§ 39. Въ дѣлахъ, требующихъ общаго двухъ или трехъ департаментовъ соображенія, учреждаются, по сношенію предсѣдателей, соединенныя засѣданія (ст. 19).

§ 40. Засѣданія Общаго Собранія Государственнаго Совѣта имѣютъ положенные дни. Назначеніе засѣданій чрезвычайныхъ, или отмѣна обыкновенныхъ, по роду и количеству подлежащихъ дѣлъ, зависитъ отъ усмотрѣнія Предсѣдателя (ч. ст. 18).

§ 41. Дни для засѣданій Съѣзда Гласныхъ назначаются по соглашенію Предсѣдателя Съѣзда съ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Предсѣдателями его Департаментовъ.

§ 42. Въ Департаментахъ Члены Совѣта занимаютъ мѣста по старшинству чиновъ, но Предсѣдатель въ Департаментѣ всегда имѣетъ первое мѣсто. Въ соединенныхъ засѣданіяхъ Департаментовъ (§ 39) предсѣдательствуетъ всегда тотъ изъ Предсѣдателей, въ Департаментъ котораго поступило первоначальное дѣло, разсмотрѣнію подлежащее, хотя бы онъ былъ младшій въ чинѣ. (ст. 20).

§ 43. Въ Общемъ Собраніи порядокъ засѣданій есть слѣдующій:

1. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта имѣетъ мѣсто въ серединѣ; по правую его сторону занимаютъ мѣста Члены, непринадлежащіе къ Департаментамъ, а по лѣвую министры, Главноуправляющіе и Оберъ-Прокуроръ Св. Синода; противъ предсѣдателя Совѣта, начаная отъ мѣста, назначеннаго для чтенія дѣлъ, занимаютъ мѣста по правую сторону Предсѣдатели Департаментовъ и за ними тѣхъ Департаментовъ Члены, а по лѣвую—Члены Совѣта духовнаго званія.

2. Члены Съѣзда Гласныхъ, присутствующіе къ Совѣтѣ, занимаютъ мѣста за особымъ столомъ, противъ Предсѣдателя.

3. Государственный Секретарь имѣетъ столъ посреди залы, также противъ Предсѣдателя Совѣта. При немъ за особыми столами, находятся: а) Статсъ-Секретарь того Департамента, по которому дѣло докладывается; б) Помощникъ Статсъ-Секретаря, докладывающій дѣло и в) Помощникъ Статсъ-Секретаря, кратко записывающій выслушиваемыя дѣла (ст. 21 изм.).

§ 44. Въ Собраніи Государственнаго Совѣта, въ назначенные дни, обязаны непремѣнно являться всѣ Члены, исключая токмо случаи болѣзни или случаи законныхъ нуждъ. Если Членъ Совѣта не можетъ быть въ присутствіи Общаго Собранія, то долженъ предварить о семъ Государственную Канцелярію, съ извѣщеніемъ о причинѣ, для отмѣтки въ подносимыхъ Государю Императору меморіяхъ (ст. 22 и примѣч.).

§ 45. Въ засѣданіихъ Съѣзда Гласныхъ Предсѣдатель и Вице-Предсѣдатели имѣютъ мѣста за особымъ столомъ, по правую сторону котораго находятся столы для Статсъ-Секретаря по дѣламъ Съѣзда, съ его Помощникомъ, и для Секретарей Съѣзда, а по лѣвую—мѣста для Министровъ, Главноуправляющихъ и Оберъ-Прокурора Св. Синода. Гласные занимаютъ мѣста противъ Предсѣдателя.

Глава II.

Предметы вѣдомства Государственнаго Совѣта и распредѣленія ихъ между департаментами.

§ 46. Въ порядкѣ государственныхъ дѣлъ, отъ разрѣшенія и утвержденія Верховной Императорской Власти зависящихъ, поступаютъ предварительно на уваженіе Государственнаго Совѣта предметы, въ нижеслѣдующихъ статьяхъ означенные (ст. 23 изм.).

§ 47. На уваженіе Государственнаго Совѣта, безъ участія Государственныхъ Гласныхъ, поступаютъ:

1. Объявленіе войны, заключеніе мира и другія важныя внѣшнія мѣры, когда, по усмотрѣнію обстоятельствъ, могутъ онѣ подлежать предварительному общему соображенію (ст. 23 п. 6).

2. Дѣла, требующія въ законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ объясненія истиннаго смысла (ст. 23 п. 3).

3. Общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріем-

лемыя когда онѣ принимаются во время отсутствія съѣзда гласныхъ или по существу своему не подлежатъ предварительной огласкѣ (ст. 23 п. 5 измѣн.).

4. Дѣла о сверхсмѣстныхъ кредитахъ, испрашиваемыхъ по разнымъ частямъ управленія на основаніи особо постановленныхъ для сего правилъ, когда кредиты испрашиваются внѣ сроковъ съѣзда гласныхъ или по свойству предмета, до котораго они относятся, не подлежатъ преждевременному оглашенію.

5. Всѣ дѣла, по коимъ отчуждается какая либо часть государственныхъ доходовъ, или имуществъ, въ частное владѣніе (ст. 23 п. 9).

6. Дѣла о вознагражденіи частныхъ лицъ за имущества, на государственныя нужды отбираемыя (п. 9).

7. Новыя предположенія о доходахъ и расходахъ городовъ и ежегодныя смѣты столичныхъ думъ (п. 11).

8. Дѣла объ учрежденіи компаній на акціяхъ, когда имъ испрашиваются особыя преимущества или исключительныя привиллегіи (п. 13).

9. Дѣла о привиллегіяхъ на открытіе, изобрѣтенія или усовершенствованія въ искусствахъ, мануфактурахъ, или ремеслахъ, равно на введеніе въ Россіи изобрѣтеній или усовершенствованій, сдѣланныхъ въ чужихъ краяхъ (п. 14).

10. Дѣла о сложеніи недоимокъ и казенныхъ взысканій (п. 16).

11. Дѣла о возведеніи въ дворянство, объ утвержденіи въ почетныхъ достоинствахъ (княжескомъ, графскомъ и баронскомъ) и о лишеніи дворянства и классныхъ или офицерскихъ чиновъ за преступленія (п. 17).

12. Производство слѣдствій надъ Министрами и Генералъ-Губернаторами, въ случаѣ обвиненій, удостоенныхъ предварительно Высочайшаго уваженія (п. 18).

13. Дѣла, при разрѣшеніи коихъ въ Общемъ Сената Собраніи не составится узаконеннаго большинства голосовъ, или когда съ рѣшеніемъ его не согласится Министръ Юстиціи (п. 19).

14. Дѣла по разногласію Общаго Сената Собранія съ Военнымъ Совѣтомъ, когда при исчисленіи голосовъ Членовъ сего Совѣта совокупно съ голосами Сенаторовъ, не составится узаконеннаго большинства; или съ большинствомъ, въ семъ порядкѣ исчисленнымъ, не согласится Министръ Юстиціи (п. 20).

15. Дѣла по искамъ частныхъ лицъ не подвѣдомственные Адмиралтействъ—Совѣту Департамента и зависящія отъ нихъ учрежде-

нія, въ случаѣ несогласія Сената съ мнѣніемъ Адмиралтействъ—Совѣта (п. 21)·

16. Доклады Сената объ отмѣнѣ или пересмотрѣ прежнихъ его судебныхъ рѣшеній (п. 22).

17. Дѣла, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, вносимыя на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта при участіи Государственныхъ Гласныхъ (п. 23 дополн).

§ 48. На уваженіе Государственнаго Совѣта при участіи Государственныхъ Гласныхъ поступаютъ:

1. Всѣ предметы, требующіе новаго закона, устава или учрежденія (ст. 23 п. 1).

2. Предметы внутренняго управленія, требующіе отмѣны, ограниченія или дополненія прежнихъ положеній (п. 2).

3. Мѣры и распоряженія общія, пріемлемыя къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, уставовъ и учрежденій (п. 4).

4. Общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя, кромѣ случаевъ, означенныхъ въ § 47, п. 3 (п. 5 доп.).

5. Ежегодныя смѣты общихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, способы ихъ уравненія, назначеніе новыхъ издержекъ, въ теченіе года встрѣтиться могущихъ, кромѣ случаевъ, опредѣленныхъ въ § 47, п. 4, и чрезвычайныя финансовыя мѣры (п. 7 доп.).

6. Смѣты и раскладки земскихъ повинностей и раскладки общественнаго сбора съ крестьянъ, водворенныхъ на государственныхъ земляхъ (доколѣ сіи крестьяне находятся въ вѣдѣніи особаго управленія) (п. 10 изм.).

7. Всѣ вообще штаты, въ томъ числѣ издаваемые временно и въ видѣ опыта, за исключеніемъ штатовъ такихъ временныхъ установленій, кои учреждаются на опредѣленный срокъ для окончанія дѣлъ прежняго времени, для приведенія въ порядокъ какой-либо части, для исполненія какого-либо временнаго порученія и т. п. (Ср. Учр. Ком. Мин. ст. 14 п. 5) (п. 12).

8. Ежегодные отчеты о государственныхъ доходахъ и расходахъ (п. 15).

9. Дѣла, вносимыя въ Государственный Совѣтъ изъ Главнаго Комитета по устройству сельскаго состоянія, изъ Комитетовъ Кавказскаго и Сибирскаго и изъ Остзейскаго Комитета.

10. Дѣла, возникающія по ходатайствамъ земскихъ собраній и отдѣльныхъ сословій о своихъ нуждахъ и пользахъ.

11. Дѣла по устройству желѣзныхъ дорогъ съ гарантіею отъ Правительства.

12. Дѣла, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ вносимыя (ст. 23 п. 23).

§ 49. Изъ вышеозначенныхъ предметовъ (§§ 47 и 48) изъемлются:

1. Дѣла, кои особенно предоставлены непосредственному докладу Министровъ.

2. Дѣла, кои подлежатъ соображеніямъ Комитета Министровъ, Комитета Кавказскаго, Комитета Сибирскаго, Главнаго Комитета по устройству сельскаго состоянія, Остзейскаго Комитета, или разсмотрѣнію и разрѣшенію Правительствующаго Сената, или же не превышаютъ собственной власти Министровъ, на основаніи учрежденій, уставовъ и законовъ.

3. Наконецъ, всѣ дополненія и поясненія законовъ, или мѣры усовершенствованія законодательства, собственно до военнаго и морского вѣдомствъ относящіяся, когда онѣ никакой связи съ прочими частями государственнаго управленія не имѣютъ или когда входятъ въ составъ какого либо общаго государственнаго управленія, но относятся исключительно до части искусственной или технической: дѣла сего рода представляются на Высочайшее усмотрѣніе непосредственно отъ военнаго Совѣта или отъ Адмиралтействъ—Совѣта по принадлежности предметовъ (ст. 24 п.п. 1, 2 и 4).

§ 50. Всѣ дѣла, въ §§ 47 и 48 означенныя, распредѣляются между Департаментами Совѣта въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Въ Департаментъ Законовъ входитъ все то, что по существу своему составляетъ предметъ закона.

2. Въ Департаментъ Военныхъ Дѣлъ входятъ предметы Министерствъ Военнаго и Морского.

3. Въ Департаментъ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ входятъ дѣла юстиціи, управленія духовнаго и полиціи.

4. Къ Департаменту Государственной Экономіи принадлежатъ предметы общей промышленности, наукъ, торговли, финансовъ, земскихъ повинностей, казначейства и счетовъ (ст. 25 п.п. 1—4).

§ 51. Если въ одномъ Департаментѣ накопится значительное число особенно важныхъ и обширныхъ дѣлъ, то отъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта зависитъ передать нѣкоторыя изъ нихъ въ другой Департаментъ, менѣе обремененный (ст. 26).

Глава III.

Порядокъ и производство дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Отдѣленіе I.

Порядокъ вступленія и производства дѣлъ въ Департаментахъ и на Съѣздѣ Государственныхъ Гласныхъ.

§ 52. Всѣ дѣла, въ Государственный Совѣтъ поступающія, входятъ въ Государственную Канцелярію и присылаются на имя Государственнаго Секретаря (ст. 27).

§ 53. Дѣла, вносимыя въ Государственный Совѣтъ изъ общихъ собраній Правительствующаго Сената, сопровождаются достаточнымъ числомъ экземпляровъ тѣхъ самыхъ печатныхъ записокъ, по коимъ они докладывались въ Сенатѣ, съ присовокупленіемъ въ нихъ рѣшеній Сената или послѣдовавшихъ по тѣмъ дѣламъ разныхъ мнѣній (прим. къ ст. 27).

§ 54. О всѣхъ поступившихъ дѣлахъ Государственный Секретарь доводитъ до свѣдѣнія Предсѣдателя Государственнаго Совѣта.

§ 55. Въ отношеніи къ дальнѣйшему движенію дѣлъ, смотря по тому, подлежатъ ли они разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта при участіи Государственныхъ Гласныхъ, или безъ ихъ участія, соблюдаются нижеслѣдующія правила:

1. По дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію безъ участія Гласныхъ.

§ 56. Всѣ дѣла, предоставленныя соображенію Государственнаго Совѣта, сначала обращаются въ Департаменты его, по свойству ихъ и принадлежности (ст. 28).

§ 57. Изъ сего (§ 56) изъемлются тѣ дѣла, кои общими положеніями, ниже сего изображенными, или особенными Высочайшими повелѣніями, предназначаются непосредственному уваженію Общаго Собранія Совѣта (ст. 29).

§ 58. Дѣла поступаютъ въ Совѣтъ или отъ Министровъ, или по особеннымъ Высочайшимъ повелѣніямъ. Тѣ и другія по присылкѣ ихъ къ Государственному Секретарю, доведеніи о нихъ до свѣдѣнія Предсѣдателя Совѣта и распредѣленіи по Департаментамъ,—изготовляются къ докладу въ Государственной Канцеляріи (ст. 30 изм.).

§ 59. Предсѣдатели назначаютъ дѣла, подлежащія въ каждомъ

собраніи разсужденію Департамента, по степени ихъ настоятельности и по мѣрѣ приготовленія оныхъ къ докладу (ст. 31).

§ 60. Предсѣдатели открываютъ и закрываютъ собранія Департаментовъ (ст. 32).

§ 61. Дѣла въ Департаментахъ предлагаются Статсъ-Секретарями и читаются, по ихъ распоряженію, или помощниками Статсъ-Секретарей, или Экспедиторами. Государственный Секретарь въ собраніяхъ Департаментовъ находится лишь тогда, когда признаетъ сіе за нужное (ст. 33).

§ 62. Всѣ разсужденія Членовъ въ собраніи Департамента обращаются къ лицу Предсѣдателя, который, при сихъ разсужденіяхъ, излагаетъ существо и силу вопроса и охраняетъ надлежащій порядокъ и единство предмета. Впрочемъ, порядокъ разсужденій въ Департаментѣ учреждается, примѣняясь къ тѣмъ правиламъ, какія для Общаго Собранія ниже сего поставлены (ст. 34).

§ 63. Министры не обязаны присутствовать по дѣламъ ихъ въ Департаментахъ, исключая дѣлъ о земскихъ повинностяхъ, кои разсматриваются Департаментомъ Государственной Экономіи не иначе, какъ въ присутствіи четырехъ министровъ: Финансовъ, Государственныхъ Имуществъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Удѣловъ. Но Министры могутъ, когда признаютъ нужнымъ, представлять изъясненія свои Департаментамъ, или лично, или чрезъ Товарищей, или чрезъ Директоровъ и Управляющихъ тѣми частями, къ коимъ принадлежитъ предметъ разсужденія. Равномѣрно Департаменты, когда признаютъ нужнымъ, могутъ чрезъ своихъ Предсѣдателей приглашать Министровъ въ свои собранія для совѣщаній. Наконецъ, если Предсѣдатель Государственнаго Совѣта признаемъ необходимымъ присутствіе кого либо изъ Министровъ при слушаніи дѣла въ Департаментѣ, то онъ также дѣлаетъ распоряженіе о приглашеніи его въ засѣданіе Департамента (ст. 35 и примѣч.).

§ 64. Если Министръ пожелаетъ или самъ присутствовать при первоначальномъ слушаніи въ Департаментѣ его представленія (ст. 351), или довѣрить сіе своему Товарищу, то предваряетъ о семъ Государственнаго Секретаря при самомъ внесеніи дѣла, и тогда благовременно извѣщается о днѣ и часѣ, къ докладу онаго назначенныхъ (ст. 36).

§ 65. Директоры и другіе Управляющіе частями, отъ Министровъ въ Департаменты присланные, оставляютъ собраніе, какъ скоро окончены будутъ нужныя по дѣламъ изъясненія (ст. 37).

§ 66. По дѣламъ частнымъ Департаменты всѣ заключенія свои

основываютъ единственно на силѣ существующихъ законовъ. Но когда усмотрится неполнота закона или неимѣніе онаго, и неполноту сію, или недостатокъ, нельзя будетъ исправить совокупно съ рѣшеніемъ частнаго дѣла, то, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ сего послѣдняго, законодательный вопросъ поставляется также въ виду II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, для соображеній его при дополненіи или составленіи закона на будущее время (ст. 40).

§ 67. По каждому, выслушанному въ Департаментѣ, дѣлу составляется отдѣльный журналъ (ст. 41).

§ 68. Въ журналѣ означаются: 1) содержаніе дѣла; 2) главные предметы разсужденія; 3) причины, уваженныя Департаментомъ; 4) заключеніе (ст. 42).

§ 69. Въ журналъ, сверхъ общаго, принятаго Департаментами заключенія, вносятся и мнѣнія Членовъ, съ онымъ не согласившихся. Но если бы кто изъ Членовъ пожелалъ свое мнѣніе изложить съ большею подробностью, то, заявивъ о его сущности въ самомъ засѣданіи, онъ долженъ потомъ представить сіе мнѣніе въ теченіе недѣли, и тогда оно, смотря по удобности, или также вводится въ составъ журнала, или прилагается къ нему особо (ст. 43).

§ 70. Заключеніе въ журналѣ излагается такъ точно, какъ оно должно перейти потомъ въ окончательное исполненіе (ст. 44).

§ 71. Журналы подписываются сперва Предсѣдателемъ и потомъ Членами, по старшинству ихъ. Каждый журналъ скрѣпляется по листамъ статсъ-секретаремъ того Департамента (ст. 45).

§ 72. Когда Департаментъ, безъ бытности Министра, постановитъ заключеніе, противное его представленію, или сдѣлаетъ въ немъ существенную перемѣну или дополненіе, тогда, смотря по важности дѣла, или представляетъ о сущности своего заключенія лично объясняться съ Министромъ статсъ-секретарю, управляющему дѣлами того Департамента, или передаетъ Министру проектъ своего журнала формальнымъ порядкомъ, чрезъ Государственнаго Секретаря. Если затѣмъ Министръ согласится съ заключеніемъ Департамента, то въ журналѣ именно о семъ упоминается; а если онъ останется при своемъ мнѣніи, то причины сему объясняетъ или чрезъ того же статсъ-секретаря, или письменно въ особомъ отзывѣ (ст. 46).

§ 73. Если Министръ согласится съ Департаментомъ (§ 72) онъ подписываетъ и журналъ его, противъ подписи прочихъ Членовъ; если же останется при особомъ мнѣніи и пожелаетъ изъяс-

нить оное письменно, то обязывается представить таковое въ теченіе недѣли со времени сообщенія ему заключенія Департамента или передачи проекта журнала (ст. 47 доп.).

§ 74. Департаментъ, по сообщеніи ему противнаго мнѣнія Министра, снова разсматриваетъ дѣло и если убѣдится симъ мнѣніемъ, то перемѣняетъ свой журналъ; въ противномъ же случаѣ или означаетъ кратко въ журналѣ, что не убѣдился въ надобности отступить отъ прежняго заключенія, или подробно объясняетъ, по какимъ именно причинамъ и основаніямъ приономъ остался; самое же мнѣніе Министра, смотря по обширности его, вносится въ общее собраніе либо въ составѣ Департаментскаго журнала, либо въ приложеніи къ оному (ст. 48).

§ 75. Положенія Департаментовъ, заключающія въ себѣ изъясненіе точнаго разума существующихъ законовъ и приложеніе ихъ къ частнымъ случаямъ и не предполагающія новаго закона, устава или учрежденія, ни отмѣны прежнихъ постановленій или дополненія ихъ,—не поступаютъ въ Общее Собраніе, но представляются въ меморіяхъ непосредстзенно на Высочайшее усмотрѣніе (ст. 49).

§ 76. Отъ дѣйствія сего правила (§ 75) изъемлются дѣла 1) по коимъ въ Департаментѣ произойдетъ разногласіе; 2) по коимъ Департаментомъ отмѣняется рѣшеніе Сената или мнѣніе большинства Сенаторовъ; и 3) по коимъ Дрпартаментъ не согласенъ съ представляющимъ Министромъ, и Министръ, съ своей стороны, не убѣдится заалюченіемъ Департамента. Въ сихъ трехъ случаяхъ, дѣла, по разсмотрѣніи ихъ въ Департаментахъ, входятъ на уваженіе Общаго Собранія, хотя бы и принадлежали къ разряду исчисленныхъ въ предшедшей статьѣ (ст. 50).

§ 77. Непосредственно въ Департаментахъ, не только безъ перехода въ Общее Собраніе, но и безъ представленія на Высочайшее усмотрѣніе, оканчиваются: 1) дѣла, вносимыя въ Совѣтъ лишь для собственнаго его свѣдѣнія; 2) дѣла, по коимъ представленіе Министра, вслѣдствіе соглашенія съ нимъ, ему возвращается какъ бы не состоявшееся, или представляется ему сдѣлать предварительное распоряженіе, нмпримѣръ: собрать справки или снестись сперва съ другимъ вѣдомствомъ и пр. 3) дѣла, которымъ, неприкосновенно къ ихъ существу, дается лишь законное въ ходѣ направленіе, когда самое направленіе сіе, по свойству его, не требуетъ Высочайшаго разрѣшенія (ст. 51).

§ 78. Проекты и представленія, Министрами внесенные, если въ Департаментахъ послѣдуютъ на нихъ замѣчанія, съ коими сами

Министры согласятся, возвращаются къ симъ послѣднимъ, для исправленія, также по собственному Департаментовъ заключенію (§ 77) и вносятся въ Общее Собраніе уже впослѣдствіи, по полученіи ихъ вновь и по надлежащей провѣркѣ (ст. 52).

§ 79. Въ Департаментѣ Государственной Экономіи нѣкоторыя дѣла о земскихъ повинностяхъ разрѣшаются имъ самимъ, въ присутствіи Министровъ, поименованныхъ въ § 63, на основаніи Устава о сихъ повинностяхъ; прочія дѣла, смотря по роду и существу ихъ, на основаніи принятыхъ по Государственному Совѣту правилъ, или представляются на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе въ меморіяхъ Департаментовъ, или же вносятся въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта (прим. къ ст. 52).

2. По дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію при участіи Гласныхъ.

§ 80. Всѣ правила, въ предшедшихъ §§ 56—79 постановленныя, сохраняютъ свою силу и въ отношеніяхъ къ дѣламъ, подлежащихъ разсмотрѣнію при участіи Государственныхъ Гласныхъ, но съ нижеслѣдующими однако же изъятіями и дополненіями.

§ 81. Всякое изъ дѣлъ, въ § 48 означенныхъ, должно быть разсмотрѣно отдѣльно въ подлежащемъ Департаментѣ Государственнаго Совѣта и на Съѣздѣ Гласныхъ.

§ 82. Отъ усмотрѣнія Предсѣдателя Государственнаго Совѣта зависитъ передать дѣло первоначально на обсужденіе Съѣзда, съ тѣмъ, чтобы оно впослѣдстіи поступило на разсмотрѣніе Департамента, или наоборотъ, первоначально на разсмотрѣніе Департамента, съ тѣмъ, чтобы оно впослѣдствіи поступило на заключеніе Съѣзда.

§ 83. Если дѣло первоначально передается на заключеніе Съѣзда, то Государственный Секретарь препровождаетъ всѣ поступившія по оному бумаги къ Предсѣдателю Съѣзда.

§ 84. Предсѣдатель заявляетъ Съѣзду о поступившихъ дѣлахъ и распоряжается отпечатаніемъ относящихся до нихъ бумагъ въ нужномъ числѣ экземпляровъ, для раздачи Гласнымъ.

§ 85. Послѣ полученія Гласными упомянутыхъ въ предшедшей статьѣ бумагъ, Предсѣдатель Съѣзда, смотря по свойству и степени спѣшности или сложности дѣла, предлагаетъ на разрѣшеніе Съѣзда вопросъ, слѣдуетъ ли дѣло назначить къ докладу въ настоящемъ его видѣ, или предварительно передать оное на

разсмотрѣніе и заключеніе особой Коммисіи, избранной изъ среды Гласныхъ.

§ 86. Коммисіи, смотря по свойству дѣлъ, могутъ быть назначаемы въ болѣе или менѣе многочисленномъ составѣ, отъ 5 до 11 Членовъ.

§ 87. Избраніе Коммисій производится слѣдующимъ порядкомъ:

1. Предсѣдатель, по соглашенію съ двумя Вице-Предсѣдателями и двумя Секретарями Съѣзда, предлагаетъ списокъ Членовъ Коммисіи на утвержденіе Собранія. При составленіи списка обращается вниманіе на то, чтобы по возможности были назначаемы въ Коммисіи не только лица, болѣе или менѣе спеціально ознакомленныя съ предметомъ подлежащаго разсмотрѣнію дѣлъ, но и представители различныхъ мнѣній или воззрѣній, обнаружившихся между Членами Съѣзда. Кромѣ того, въ списокъ включается всегда число именъ, тремя болѣе противъ предполагаемаго состава Коммисіи.

2. Если со стороны Съѣзда не послѣдуетъ возраженій, то Коммисія составляется изъ предложенныхъ на основаніи предшедшаго пункта кандидатовъ, за исключеніемъ трехъ послѣднихъ по порядку обозначенія именъ въ спискѣ.

3. Если Съѣздъ изъявитъ по большинству голосовъ, желаніе баллотировать предложенныхъ въ Члены Коммисіи Гласныхъ, то производится баллотировка и назначаются тѣ Члены, которые, изъ числа предложенныхъ на основаніи п. 1, получатъ наибольшее число голосовъ.

4. Если Съѣздъ пожелаетъ дополнить списокъ, предложенный ему, на основаніи п. 1, то по предложенію, сдѣланному кѣмъ либо изъ Гласныхъ и принятому простымъ большинствомъ Собранія, въ списокъ можетъ быть включено еще до трехъ новыхъ именъ, и затѣмъ баллотировка производстся, какъ изъяснено въ п. 3-мъ.

§ 88. Предсѣдатель Съѣзда извѣщаетъ о назначеніи Коммисіи того Министра или Главноуправляющаго, до котораго относится разсматриваемое дѣло, для назначенія отъ себя Коммисара, который, присутствуя въ Коммисіи по приглашенію ея Предсѣдателя, могъ бы сообщать ей нужныя свѣдѣнія и объясненія.

§ 89. Предсѣдатель Коммисіи избирается ею изъ числа ея Членовъ. Кромѣ того, Коммисія избираетъ изъ своей среды Секретаря, который ведетъ краткіе журналы ея засѣданій и затѣмъ принимаетъ на себя, какъ составленіе окончательнаго заключенія

по разсмотрѣнному докладу, такъ и докладъ этого заключенія въ Общемъ Собраніи Съѣзда.

§ 90. Помощникъ Статсъ-Секретаря при Съѣздѣ Государственныхъ Гласныхъ лично передаетъ Коммисіи относящіеся до дѣла бумаги и, присутствуя на первомъ ея засѣданіи, кратко излагаетъ сущность означеннаго дѣла и присовокупляетъ къ тому тѣ объясненія, которыя сочтетъ нужными. Дальнѣйшій докладъ дѣла возлагается на Секретаря Коммисіи.

§ 91. По дѣламъ, по которымъ не будетъ назначено особыхъ Коммисій (§ 85), докладъ представляется въ Общемъ Собраніи Съѣзда Помощникомъ Статсъ-Секретаря.

§ 92. Очередь дѣлъ, назначенныхъ къ докладу, устанавливается Предсѣдателемъ Съѣзда.

§ 93. Журналы засѣданій Съѣзда ведутся его Секретарями (§ 37).

§ 94. Предсѣдатель Съѣзда руководитъ его совѣщаніями и охраняетъ въ немъ надлежащій порядокъ. Ему содѣйствуютъ Вице-Предсѣдатели и Секретари. По всѣмъ возникающимъ въ отношеніи къ порядку дѣлопроизводства и словесныхъ преній сомнѣніямъ или недоразумѣніямъ—рѣшеніе Предсѣдательствующаго есть окончательное.

§ 95. Совѣщаніе Съѣзда Государственныхъ Гласныхъ происходитъ изустно. Чтеніе письменныхъ мнѣній не допускается. Письменно могутъ быть излагаемы только особыя мнѣнія, пріобщаемыя къ журналу засѣданія, на основаніи правилъ, ниже сего постановленныхъ (§ 105), и заключающія въ себѣ только повтореніе или развитіе того, что было изустно заявлено во время засѣданія.

§ 96. Всѣ разсужденія Членовъ Собранія обращаются къ лицу Предсѣдателя.

§ 97. Членъ, желающій вступить въ разсужденіе по предложенному дѣлу, заявляетъ о томъ, вставъ съ своего мѣста, и ожидаетъ разрѣшенія Предсѣдателя, которое дается чрезъ возвѣщеніе имени того Члена Собранія, который желаетъ высказать свое мнѣніе.

§ 98. Если въ одно время встанутъ съ своихъ мѣстъ нѣсколько Гласныхъ, то Предсѣдатель устанавливаетъ между ними очередь. Министрамъ, Главноуправляющимъ и Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода принадлежитъ предпочтеніе по праву изъ званій.

§ 99. Всѣ Члены Собранія объясняютъ свои мнѣнія, стоя, но не сходя съ своихъ мѣстъ.

§ 100. Никто изъ Членовъ не можетъ по одному и тому же предмету изъяснить своего мнѣнія болѣе одного раза. Соблюденію сего правила не подчиняются только:

1. Министры, Главноуправляющіе и Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, которые, когда они присутствуютъ на Съѣздѣ, имѣютъ право во всякое время представлять оному тѣ уваженія, которыя сочтутъ нужными.

2. Предсѣдатель особой Коммисіи, на которую Съѣздомъ было возложено предварительное разсмотрѣніе дѣла, и Секретарь этой Коммисіи.

3) Члены Собранія, которые желаютъ устранить недоразумѣнія, возникшія вслѣдствіе неточнаго выраженія или неточнаго уразумѣнія ихъ мнѣній, и которые на то получатъ особое разрѣшеніе предсѣдателя.

§ 101. Всѣ заключенія Съѣзда постановляются простымъ большинствомъ наличныхъ голосовъ.

§ 102. Когда есть сомнѣніе насчетъ формы постановки вопроса, текстъ онаго излагается письменно, по указаніямъ Предсѣдателя, однимъ изъ Секретарей и затѣмъ прочитывается Собранію.

§ 103. Вопросы всегда постановляются въ такой формѣ, чтобы Гласные могли отвѣчать на оные простымъ утвержденіемъ или отрицаніемъ, т. е. словами: да,—или нѣтъ.

§ 104. Въ случаѣ сомнѣнія насчетъ того, въ пользу какого разрѣшенія склонилось большинство, голоса отбираются открыто Секретаремъ Съѣзда. Результатъ подачи голосовъ объявляется, по распоряженію Предсѣдателя, однимъ изъ Секретарей.

§ 105. Члены, несогласные съ мнѣніемъ большинства и заявившіе о томъ во время происходившихъ до подачи голосовъ совѣщаній, имѣютъ право требовать, чтобы ихъ особыя мнѣнія были пріобщены къ журналу засѣданія. Для сего они обязаны въ то же самое засѣданіе предварить о своемъ намѣреніи Секретаря, ведущаго журналъ, и затѣмъ доставить къ нему, въ трехдневный срокъ, письменное изложеніе означенныхъ мнѣній.

§ 106. Каждое засѣданіе Съѣзда Государственныхъ Гласныхъ начинается чтеніемъ и утвержденіемъ (по предварительномъ буде нужно будетъ дополненіи или исправленіи) проекта журнала предшедшаго засѣданія и оканчивается объявленіемъ перечня дѣлъ, состоящихъ на очереди къ слѣдующему засѣданію.

§ 107. Дѣла, по которымъ состоялись окончательныя заключенія Съѣзда Государственныхъ Гласныхъ, препровождаются Предсѣдателемъ Съѣзда къ Предсѣдателю того Департамента Государственнаго Совѣта, въ которомъ означенныя дѣла должны подлежать дальнѣйшему разсмотрѣнію.

§ 108. Если при разсмотрѣніи дѣла въ Департаментѣ (§ 80) большинство Членовъ онаго въ чемъ либо не согласится съ заключеніемъ Съѣзда Гласныхъ, и Министръ или Главноуправляющій, къ вѣдомству коего дѣло принадлежитъ, раздѣлитъ мнѣніе большинства, то Предсѣдатель Департамента сообщаетъ о предметахъ разномыслія Предсѣдателю Съѣзда Гласныхъ для вторичнаго предложенія дѣла, въ отношеніи къ этимъ предметамъ, на обсужденіе Съѣзда.

§ 109. При вторичномъ обсужденіи на Съѣздѣ дѣло докладывается, безъ предварительнаго обращенія онаго въ подлежащую Коммисію, состоящимъ при Съѣздѣ Статсъ-Секретаремъ. Къ засѣданію приглашается Статсъ-Секретарь Департамента Государственнаго Совѣта для представленія, буде сочтетъ нужнымъ, надлежащихъ объясненій.

§ 110. Послѣ постановленія заключеній Съѣзда по вопросамъ, вторично предложеннымъ его обсужденію, Предсѣдатель Съѣзда сообщаетъ означенныя заключенія Предсѣдателю Департамента Совѣта.

§ 111. Засимъ Департаментъ постановляетъ, съ своей стороны, окончательное по предложенному дѣлу заключеніе.

§ 112. Если большинство Членовъ Департамента (§ 108) согласится съ заключеніемъ Съѣзда, или если Министръ или Главноуправляющій, къ вѣдомству коего дѣло принадлежитъ, съ этимъ заключеніемъ согласенъ, хотя и не согласенъ съ мнѣніемъ большинства Департамента, то заключеніе Департамента равнымъ образомъ считается окончательно состоявшимся, и о предметахъ разномыслія между нѣкоторыми Членами онаго и Съѣздомъ Гласныхъ не предлагается на вторичное обсужденіе Съѣзда, порядкомъ, въ §§ 108—110 указаннымъ.

§ 113. Въ журналѣ Департамента должно быть упомянуто о согласіи или несогласіи его съ заключеніемъ Съѣзда Государственныхъ Гласныхъ. Самое содержаніе сего заключенія, смотря по обширности его, излагается или въ самомъ журналѣ, или въ особомъ приложеніи, какъ постановлено для мнѣній Министровъ (§ 74).

Если дѣло было вторично передано на обсужденіе Съѣзда, то о семъ, равнымъ образомъ, должно быть упомянуто въ журналѣ.

§ 114. Затѣмъ все дѣло, вмѣстѣ съ журналомъ Департамента препровождается Предсѣдателемъ онаго къ Государственному Секретарю, для внесенія въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта.

§ 115. Если по усмотрѣнію Предсѣдателя Государственнаго Совѣта (§ 82) дѣло первоначально должно поступить на разсмотрѣніе подлежащаго Департамента Совѣта, то Государственный Секретарь препровождаетъ всѣ поступившія по оному бумаги къ Предсѣдателю означеннаго Департамента.

§ 116. По разсмотрѣніи дѣла въ Департаментѣ, состоявшійся въ немъ журналъ препровождается, вмѣстѣ съ другими по дѣлу бумагами, Предсѣдателемъ Департамента къ Предсѣдателю Съѣзда Государственныхъ Гласныхъ.

§ 117. Дѣло подвергается обсужденію на Съѣздѣ порядкомъ, выше сего указаннымъ (§§ 84—107).

§ 118. Если Съѣздъ Государственныхъ Гласныхъ въ чемъ либо не согласится съ предложеніемъ Департамента, то Предсѣдатель Съѣзда сообщаетъ о предметахъ разногласія Предсѣдателю Департамента, для вторичнаго предложенія на его разсмотрѣніе дѣла, въ отношеніи къ этимъ предметамъ.

§ 119. При вторичномъ обсужденіи дѣла въ Департаментѣ приглашаются въ присутствіе онаго два депутата отъ Съѣзда Государственныхъ Гласныхъ, для нужныхъ съ ихъ стороны объясненій. Депутаты избираются Съѣздомъ посредствомъ баллотировки, изъ числа нѣсколькихъ Гласныхъ, къ тому приглашенныхъ Предсѣдателемъ.

§ 120. Послѣ постановленій заключеній Департамента по вопросамъ, вторично предложеннымъ на его обсужденіе, Предсѣдатель Департамента сообщаетъ означенныя заключенія Предсѣдателю Съѣзда Гласныхъ.

§ 121. Засимъ Съѣздъ постановляетъ, съ своей стороны, окончательное по подлежащему дѣлу заключеніе.

§ 122. Въ окончательномъ изложеніи постановленій Съѣзда должно быть упомянуто о согласіи или несогласіи съ его положеніемъ Департамента Государственнаго Совѣта и съ мнѣніемъ подлежащаго Министра или Главноуправляющаго по предмету бывшаго въ разсмотрѣніи дѣла. Если дѣло было вторично передано на обсужденіе Департамента, то о семъ равнымъ образомъ должно

быть упомянуто. Постановленія Съѣзда излагаются въ формѣ особаго журнала, примѣняясь къ формѣ журналовъ Департаментовъ Совѣта. Журналъ подписывается Предсѣдателемъ и Вице-Предсѣдателями Съѣзда и скрѣпляется состоящимъ при немъ Статсъ-Секретаремъ и выборными Секретарями. Составленіе журнала, на основаніи журналовъ засѣданій, возлагается на Секретарей. Тотъ же самый порядокъ изложенія постановленій Съѣзда соблюдается и въ отношеніи къ дѣламъ, поступающимъ первоначально на его разсмотрѣніе, на основаніи правилъ, постановленныхъ выше сего въ §§ 83—107.

§ 123. Въ случаѣ разногласія съ Департаментомъ или съ Министромъ или съ Главноуправляющимъ, положеніе Департамента, или мнѣніе Министра или Главноуправляющаго, можетъ быть изложено, смотря по обширности его, или въ самомъ журналѣ, или въ особомъ приложеніи.

§ 124. Затѣмъ все дѣло, вмѣстѣ съ журналомъ Съѣзда, препровождается Предсѣдателемъ онаго къ Государственному Секретарю для внесенія въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Порядокъ вступленія и производства дѣлъ въ Общемъ Собраніи.

§ 125. Дѣла въ Общее Собраніе Совѣта или поступаютъ изъ Департаментовъ (§§ 75, 76, 114) или изъ Съѣзда Гласныхъ (§ 124), или вносятся по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ (ст. 53 изм.).

§ 126. Слѣдующіе два рода дѣлъ вносятся въ Общее Собраніе Совѣта, не поступая предварительно въ Департаменты: 1) общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя, когда онѣ принимаются въ отсутствіи Съѣзда Гласныхъ, или по существу своему не подлежатъ предварительной огласкѣ (§ 47 п. 3 изм.); 2) внѣшнія важныя мѣры, когда, по существу ихъ, признано будетъ нужнымъ представить ихъ предварительно общему уваженію Совѣта (ст. 54 изм.).

§ 127. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта назначаетъ дѣла, предлежащія его разсмотрѣнію въ каждомъ Общемъ Собраніи (ст. 55).

§ 128. По назначеніи къ докладу дѣлъ, поступившихъ изъ Общихъ Сената Собраній, ко всѣмъ Членамъ разсылаются экземпляры тѣхъ печатныхъ записокъ, коими дѣла сіи сопровождаются при

внесеніи въ Государственный Совѣтъ. Сверхъ сего на усмотрѣніе Председателя предоставляется назначать къ печатанію, для такого же сообщенія членамъ, прежде доклада въ Общемъ Собраніи, проекты положеній и уставовъ, особенно сложныхъ и важныхъ. когда они не требуютъ совершенной тайны (ст. 56).

§ 129. Министры должны присутствовать въ Общихъ Собраніяхъ Государственнаго Совѣта не только по дѣламъ ихъ вѣдомствъ, но и по всѣмъ прочимъ. Для объясненія дѣлъ, они могутъ представлять директоровъ и управляющихъ тѣми частями, къ коимъ принадлежитъ предметъ разсужденія (ст. 57 изм.).

§ 130. Лицо, предоставленное Министромъ для объясненія дѣлъ. занимаетъ мѣсто подлѣ Государственнаго Секретаря (ст. 58).

§ 131. Обязанность, присланнаго Министромъ, директора или другого лица, есть представлять всѣ нужныя объясненія по дѣламъ, къ части его принадлежащимъ; но онъ не имѣетъ права совѣщательнаго голоса и оставляетъ Собраніе, какъ скоро окончатся требуемыя отъ него объясненія (ст. 59 изм.).

§ 132. О дѣлахъ, назначаемыхъ къ докладу въ Общемъ Собраніи совѣта, дается каждый разъ знать Министрамъ, по принадлежности (ст. 60).

§ 133. Если Министръ, послѣ извѣщенія, въ Общее Собраніе не прибудетъ, то дѣло слушается безъ него (ст. 61).

§ 134. Министръ, въ случаѣ препятствія присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ по дѣламъ, до его Министерства относящимся, можетъ благовременно предварить о семъ Государственнаго секретаря. Въ семъ случаѣ, если Министръ пожелаетъ, дѣла его могутъ быть отложены до слѣдующаго засѣданія, и Государственный секретарь объявляетъ о причинѣ исключенія ихъ изъ доклада (ст. 62 изм.).

§ 135. Если Министръ встрѣтитъ препятствіе прибыть и въ слѣдующее засѣданіе, то Председатель Государственнаго Совѣта, судя по роду и степени важности или настоятельности означенныхъ дѣлъ, либо снова ихъ отлагаетъ, либо, разрѣшая докладъ, предоставляетъ Министру поручить, вмѣсто себя, присутствовать своему товарищу (ст. 63 изм.).

§ 136. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями не могутъ, по болѣзни, или по какимъ либо другимъ причинамъ, присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ, вмѣсто ихъ вообще присутствуютъ ихъ товарищи. Опи

присутствуютъ не по однимъ только дѣламъ, до ихъ вѣдомствъ касающимся, но по всѣмъ вообще (ст. 65 прим. изм.).

§ 137. Общія Собранія Государственнаго Совѣта назначаются отдѣльно для дѣлъ, разсматриваемыхъ безъ участія Государственныхъ гласныхъ, и для дѣлъ, разсматриваемыхъ при ихъ участіи (§§ 33, 47, 48).

§ 138. Когда Общее Собраніе назначено для слушанія дѣлъ при участіи гласныхъ, Государственный секретарь благовременно извѣщаетъ о семъ Предсѣдателя съѣзда Государственныхъ гласныхъ и распоряжается передачею въ состоящій при съѣздѣ отдѣлъ Государственной Канцеляріи 18 экземпляровъ всѣхъ печатныхъ записокъ или журналовъ по дѣламъ, къ слушанію назначеннымъ. Изъ числа этихъ экземпляровъ 16 передаются гласнымъ, имѣющимъ присутствовать въ Совѣтѣ на основаніи § 33, а 2 оставляются при дѣлахъ съѣзда.

§ 139. Присутствующіе, на основаніи § 33, въ Общемъ Собраніи, кромѣ Вице-Предсѣдателей съѣзда, 14 гласныхъ избираются имъ заранѣе, вслѣдъ за окончаніемъ разсмотрѣнія подлежащаго дѣла на самомъ съѣздѣ. Они избираются баллотировкою списка изъ 20 гласныхъ, предлагаемаго Предсѣдателемъ по соглашенію съ Вице-Предсѣдателями и Секретарями. Въ случаѣ отсутствія или болѣзни одного изъ выбранныхъ гласныхъ въ день засѣданія, мѣсто его заступаетъ одинъ изъ остальныхъ 6-ти гласныхъ, значившихся по баллотировочному списку.

§ 140. Общее Собраніе Государственнаго Совѣта открывается и закрывается Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта (ст. 64).

§ 141. Засѣданія въ Общемъ Собраніи Совѣта открываются чтеніемъ его положеній, получившихъ Высочайшее утвержденіе, и другихъ Высочайшихъ повелѣній, подлежащихъ вѣдѣнію или исполненію Совѣта. Послѣ сего прочитываются и подписываются журналы предшедшаго засѣданія, и затѣмъ начинается докладъ дѣлъ (ст. 65).

§ 142. Дѣла, къ докладу назначенныя и въ предшедшемъ засѣданіи возвѣщенныя, предлагаются Государственнымъ секретаремъ и читаются, по его распоряженію, статсъ-секретарями или ихъ помощниками (ст. 66).

§ 143. Докладъ дѣлъ совершается чтеніемъ журналовъ (§§ 113, 114, 122—124) департаментовъ или съѣзда Государственныхъ гласныхъ (ст. 67 изм.).

§ 144. Чтеніе никѣмъ не прерывается до самаго его окончанія,

и словесныя во время онаго замѣчанія или разсужденія воспрещаются (ст. 68 изм.).

§ 145. По окончаніи чтенія, Предсѣдатель того Департамента, къ коему принадлежитъ это дѣло, или Предсѣдатель съѣзда гласныхъ, присовокупляетъ нужныя объясненія и установляетъ существенныя предметы разсужденія. Государственный секретарь дополняетъ ихъ или повтореніемъ нужныхъ статей чтенія, или объясненіемъ приложеній, въ дѣлѣ находящихся. Симъ основываются сущность дѣла и вопросы, къ разрѣшенію предлежащіе (ст. 69).

§ 146. Въ дѣлахъ, входящихъ въ Общее Собраніе непосредственно, предварительныя объясненія принадлежатъ Предсѣдателю Совѣта (ст. 70 изм.).

§ 147. По прочтеніи дѣла, каждый членъ Собранія можетъ требовать поясненія или повторенія тѣхъ статей, кои представляются неясными. Государственный секретарь обязанъ представить сіи изъясненія (ст. 71).

§ 148. Послѣ сего начинаются разсужденія по порядку статей или вопросовъ, къ разрѣшенію предлежащихъ (ст. 72).

§ 149. Членъ, желающій вступить въ разсужденіе по предложенному дѣлу, вставъ со своего мѣста, объявляетъ о томъ Предсѣдателю Совѣта, который возвѣщаетъ о томъ Собранію, для приглашенія прочихъ членовъ ко вниманію (ст. 73).

§ 150. Каждый членъ объясняетъ свое мнѣніе стоя (ст. 74).

§ 151. Всѣ разсужденія членовъ обращаются къ лицу Предсѣдателя, который, предлагая одинъ вопросъ послѣ другого, охраняетъ надлежащій порядокъ и единство предмета, и въ случаѣ разнообразія мнѣній, для соглашенія ихъ излагаетъ существо и силу вопроса (ст. 75).

§ 152. Словесныя разсужденія членовъ излагаются каждымъ изъ нихъ отдѣльно, такъ, чтобы голосъ одного не былъ прерываемъ голосомъ другого. Если два или нѣсколько членовъ въ одно время изъявятъ желаніе изложить свое мнѣніе, то Предсѣдатель даетъ первенство слова старшему изъ нихъ по чину (ст. 76).

§ 153. Никто изъ членовъ не можетъ по одному и тому же предмету изъяснять своего мнѣнія болѣе одного раза.

§ 154. Ограниченію, постановленному въ § 153 не подчиняются:

1) Министры, Главноуправляющіе отдѣльными частями и Оберъ Прокуроръ Св. Синода.

2) Предсѣдатель того Департамента Совѣта, въ которомъ дѣло

подлежало предварительному разсмотрѣнію, а въ случаѣ отсутствія Предсѣдателя старшій изъ членовъ Департамента.

3) Предсѣдатель съѣзда Государственныхъ гласныхъ, по дѣламъ, бывшимъ въ разсмотрѣніи съѣзда, а при отсутствіи Предсѣдателя старшій изъ Вице-Предсѣдателей.

4) Члены Собранія, которые желаютъ устранить недоразумѣнія, возникшія вслѣдствіе неточнаго выраженія ими самими или неточнаго уразумѣнія другими ихъ мнѣній, и которые на то получатъ особое разрѣшеніе Предсѣдателя.

§ 155. Разсужденія, удаляющіеся отъ вопроса и существа дѣла, обращаются къ оному Предсѣдателю Совѣта, который, при повтореніи сихъ отступленій, прекращаетъ самое разсужденіе и переходитъ къ предмету послѣдующему (ст. 77).

§ 156. Когда всѣ статьи разсужденія будутъ такимъ образомъ пройдены, и предметъ достаточно соображенъ, предсѣдатель закрываетъ разсужденіе, вопрошаетъ о мнѣніяхъ и объявляетъ окончательно принятое заключеніе. Сіе заключеніе вносится въ журналъ (ст. 78).

§ 157. Въ случаѣ предметовъ особенной важности, предсѣдатель имѣетъ право сужденія по выслушанному дѣлу отложить до слѣдующаго засѣданія, дабы члены могли предварительно ближе ознакомиться съ подробностями и, если кто изъ нихъ признаетъ за нужное, прочесть въ совѣтѣ самое дѣло (ст. 79).

§ 158. Для собиранія голосовъ, въ случаѣ разномыслія, содержатся особые печатные списки членамъ. Для присутствующихъ въ Общемъ Собраніи Совѣта Государственныхъ гласныхъ составляется каждый разъ дополнительный списокъ. Въ спискахъ, противъ имени каждаго, помощникъ статсъ-секретаря отмѣчаетъ кратко: согласенъ съ *такимъ-то заключеніемъ*, или *подаетъ особое мнѣніе*. По отобраніи голосовъ, предсѣдатель возвѣщаетъ число ихъ, по каждому мнѣнію составившееся (ст. 80).

§ 159. Въ случаѣ разномыслія, наблюдается вообще слѣдующій порядокъ:

1. Въ журналъ вносятся *два* лишь мнѣнія, именно, что *столько-то* членовъ полагаютъ одно а *столько-то* другое.

2. Въ журналъ вносятся и дополненія, которыя одинъ или нѣсколько членовъ признаютъ нужнымъ сдѣлать, но не иначе, какъ только въ подкрѣпленіе одного изъ двухъ вышеозначенныхъ мнѣній.

3. Если кто, не соглашаясь съ двумя мнѣніями, въ журналъ вносимыми, пожелаетъ представить особое мнѣніе, то долженъ за-

явить о сущности онаго въ то же самое засѣданіе, когда дѣло выслушано и обсуждено.

4. Особыя мнѣнія должны быть письменныя. Члены присылаютъ ихъ къ государственному секретарю не позже, какъ чрезъ 7 дней и наканунѣ дня для слѣдующаго засѣданія назначеннаго, дабы можно еще было, въ случаѣ надобности, собрать справки или приготовить объясненія.

5. Особое мнѣніе прочитывается въ совѣтѣ послѣ проекта журнала, къ коему оно относится, но прежде его подписанія.

6. По прочтеніи особаго мнѣнія, предсѣдатель предлагаетъ вопросъ: признаетъ ли за симъ Государственный Совѣтъ нужнымъ обратиться къ новому о дѣлѣ сужденію.

7. Если большинство голосовъ отзовется утвердительно (п. 6), то открывается новое совѣщаніе и проектъ журнала измѣняется или дополняется тѣмъ, что будетъ снова постановлено.

8. Если напротивъ, большинство голосовъ отзовется отрицательно, то каждому члену, который пожелалъ присоединиться къ особому мнѣнію, сіе представляется, не стѣсняясь прежде объявленнымъ заключеніемъ; но самый журналъ предшедшаго засѣданія дополняется только тѣмъ, что Государственный Совѣтъ, по выслушаніи особаго мнѣнія, такимъ-то членомъ представленнаго, не убѣдился въ надобности приступить къ новому о дѣлѣ сужденію, а столько-то членовъ (если есть) согласились съ тѣмъ мнѣніемъ. Засимъ никакое уже новое мнѣніе по предмету бывшаго сужденія не пріемлется, а выслушанное въ совѣтѣ особое мнѣніе представляется на Высочайшее усмотрѣніе въ спискѣ, при меморіи совѣта.

9. Особое мнѣніе, по которому совѣтъ не призналъ за нужное возобновить сужденій о дѣлѣ, не иначе можетъ впослѣдствіи поступить къ его соображенію, какъ въ томъ случаѣ, если бы Государь Императоръ за благо признать изволилъ повелѣть совѣту разсмотрѣть вновь дѣло, не стѣсняясь прежнимъ рѣшеніемъ (ст. 81).

§ 160. При концѣ засѣданія, предсѣдатель, или отъ лица его государственный секретарь, возвѣщаетъ предметы будущаго собранія (ст. 82).

§ 161. Журналы въ Общемъ Собраніи совѣта суть двояки. Въ первый журналъ вносятся всѣ постановленія, Высочайше утвержденныя, и другія Высочайшія повелѣнія, совѣту предъявленныя. Онъ составляется по истеченіи каждой трети года и подписывается однимъ предсѣдателемъ и государственнымъ секретаремъ. Журналы второго рода суть особые по каждому засѣданію и въ нихъ

означаются положенія совѣта по дѣламъ, уваженію его представленнымъ. Сіи журналы подписываются предсѣдателемъ и всѣми членами собранія, въ обсужденіи дѣла участвовавшими. Сперва подписываютъ оные члены совѣта, по старшинству ихъ чиновъ, а затѣмъ государственные гласные, если по роду дѣлъ они въ обсужденіи ихъ участвовали. Журналы скрѣпляются государственнымъ секретаремъ (ст. 83 изм.).

§ 162. Журналы второго рода составляются отдѣльно по каждому дѣлу, не сливая одного съ другимъ. Для храненія, каждый подписанный журналъ Общаго Собранія присоединяется къ тому, въ коемъ изображено мнѣніе департамента или съѣзда государственныхъ гласныхъ (ст. 84 изм.).

§ 163. Въ случаѣ разногласія, при внесеніи въ журналы, по порядку въ § 159 предписанному, двухъ только мнѣній означаются (на полѣ) имена членовъ, къ тому или другому присоединившихся, и такимъ же образомъ означаются члены, подавшіе особое мнѣніе, равно какъ и тѣ, кои съ нимъ согласились (ст. 85).

§ 164. Заключеніе въ журналѣ Общаго Собранія, если оно содержитъ въ себѣ не одно безусловное утвержденіе заключенія департамента, излагается такъ точно, какъ оно должно перейти потомъ въ окончательное исполненіе. То же самое соблюдается въ отношеніи къ заключеніямъ съѣзда гласныхъ. При разныхъ мнѣніяхъ, къ каждому также должно быть присовокуплено положительное заключеніе, дабы въ случаѣ Высочайшаго утвержденія одного изъ нихъ, заключеніе сіе могло быть перенесено въ исполнительную бумагу въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ находилось въ журналѣ (ст. 86 дополн.).

§ 165. Журналы Общаго Собранія не должны быть разсылаемы для подписанія по домамъ: члены, которые по какимъ-либо законнымъ причинамъ не могли присутствовать въ день подписанія журналовъ, подписываютъ ихъ въ одно изъ слѣдующихъ затѣмъ засѣданій, но въ такомъ случаѣ никакихъ уже возраженій противъ существа или редакціи тѣхъ журналовъ отъ нихъ не пріемлются (ст. 87).

§ 166. Въ Государственной канцеляріи содержится особая вѣдомость всѣмъ дѣламъ, поступившимъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Въ вѣдомости обозначается, въ особыхъ графахъ, когда дѣло поступило, когда передано въ подлежащій департаментъ или съѣзду гласныхъ и когда изъ нихъ возвращено. Въ дни Общихъ Собраній вѣдомость должна находиться на столѣ государ-

ственнаго секретаря, и каждый изъ членовъ Государственнаго Совѣта имѣетъ право оную просматривать.

Глава IV.

Пространство власти и образъ дѣйствія Государственнаго Совѣта.

§ 167. Всѣ законы, уставы и учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ (съ изъятіями, выше въ § 49 постановленными) предлагаются и разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ и потомъ, дѣйствіемъ Самодержавной власти, поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію (ст. 88).

§ 168. Государственный Совѣтъ, въ дѣлахъ, ему предлагаемыхъ, пользуясь всею свободой мнѣній, обязанъ со всею точностью вникать въ силу вопросовъ, не удаляться отъ существа ихъ и, не предаваясь влеченію постороннихъ и неопредѣлительныхъ мыслей, основывать свое заключенія на сужденіяхъ положительныхъ (ст. 89).

§ 169. Мнѣніе Государственнаго Совѣта вообще всегда должно содержать въ себѣ опредѣлительное заключеніе по дѣлу бывшему предметомъ сужденія; иначе оно не можетъ быть поднесено на Высочайшее усмотрѣніе. Посему, когда въ дѣлахъ уголовныхъ, по особымъ уваженіямъ, признано будетъ возможнымъ облегчить участь осуждаемаго, тогда мѣра облегченія должна быть опредѣляема въ самомъ мнѣніи совѣта; безъ положительнаго же означенія сей мѣры, Монаршее снисхожденіе не испрашивается (ст. 91).

§ 170. Когда Государственный Совѣтъ усматриваетъ, что въ дѣлѣ, изъ Сената поступившемъ, есть такіе документы, кои вовсе не были въ виду онаго при рѣшеніи дѣла, то Совѣтъ можетъ таковое дѣло обратить въ Сенатъ къ новому разсмотрѣнію и рѣшенію (ст. 92 изм.).

§ 171. Кромѣ предметовъ, выше въ §§ 77 и 78 исчисленныхъ, всѣ прочія рѣшенія Государственнаго Совѣта приводятся въ исполненіе не иначе, какъ по Высочайшемъ ихъ утвержденіи (ст. 93).

§ 172. Собственноручному Высочайшему утвержденію подлежатъ слѣдующія дѣла:

1. Всякій новый законъ, уставъ или учрежденіе (не разумѣя однако подъ симъ поясненія или пополненія существующихъ узаконеній).

2. Установленіе налоговъ, или уничтоженіе оныхъ.

3. Возведеніе въ дворянское достоинство, подтвержденіе въ семъ достоинствѣ по доказательствамъ происхожденія, лишеніе онаго и лишеніе классныхъ или офицерскихъ чиновъ за преступленія.

4. Новые (постоянные) штаты разныхъ управленій и вѣдомствъ.

5. Мнѣніе Совѣта по росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ.

6. Отчужденіе частной собственности на государственное или общественное употребленіе (ст. 94 изм.).

§ 173. Всѣ прочія дѣла, Государственнымъ Совѣтомъ рѣшенныя, по предварительномъ, о нихъ въ порядкѣ слѣдующею за симъ главою установленномъ докладѣ Императорскому Величеству, приводятся въ исполненіе по объявляемымъ Предсѣдателемъ Совѣта Высочайшимъ повелѣніямъ (ст. 95).

§ 174. Предсѣдатель и Члены Государственнаго Совѣта не могутъ принимать прошеній и дополнительныхъ документовъ или актовъ, по дѣламъ, въ Совѣтъ поступающимъ, и предлагать ихъ въ какомъ бы то ни было видѣ Совѣту (ст. 96 изм.).

§ 175. Никакое дѣло, Совѣту предложенное, не можетъ быть сообщено внѣ онаго безъ особеннаго на то Высочайшаго дозволенія; но каждый Членъ можетъ истребовать дѣло для особеннаго прочтенія въ самомъ Совѣтѣ (ст. 97).

§ 176. Въ случаѣ продолжительнаго и дальняго отсутствія Императорскаго Величества, Государственный Совѣтъ уполномочивается дѣйствовать съ тою властью, какая на сей случай присвоена ему будетъ. Степень и предѣлы сей власти опредѣляются каждый разъ особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ (ст. 98).

Глава V.

Порядокъ и представленіе дѣлъ на Высочайшее усмотрѣніе.

§ 177. Положенія Государственнаго Совѣта представляются на Высочайшее усмотрѣніе Государственнымъ Секретаремъ или въ меморіяхъ Общихъ Собраній или въ меморіяхъ Департаментовъ (ст. 99).

§ 178. Меморія Общаго Собранія составляется по каждому засѣданію отдѣльно и содержитъ въ себѣ: а) означеніе лица предсѣдательствовавшаго и числа присутствовавшихъ Членовъ; б) поименное означеніе Членовъ Государственнаго Совѣта неприсут-

ствовавшихъ, съ показаніемъ противъ каждаго причинъ; в) сущность предложенныхъ Совѣту Высочайшихъ повелѣній, когда таковыя есть; г) перечневое означеніе числа подписанныхъ въ томъ засѣданіи журналовъ; наконецъ д) содержаніе выслушанныхъ дѣлъ, съ заключеніемъ по онымъ Департаментовъ, Съѣзда Государственныхъ гласныхъ, когда дѣло было въ его разсмотрѣніи и Общаго Собранія Совѣта (ст. 100 допол.).

§ 179. Содержаніе выслушанныхъ дѣлъ излагается въ возможной краткости, но такимъ образомъ, чтобы оно представляло полное и ясное обозрѣніе всѣхъ обстоятельствъ, подлежащихъ сужденію и рѣшенію (ст. 101).

§ 180. Въ случаѣ разногласія, разныя мнѣнія прописываются въ меморіи въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, въ которыхъ они занесены въ журналъ. Особыя мнѣнія прилагаются.

§ 181. Меморія Общаго Собранія составляется по данной формѣ и подносится на Высочайшее усмотрѣніе въ установленный срокъ, за подписаніемъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Предсѣдателей Департаментовъ и Государственнаго Секретаря. Къ этимъ подписямъ присоединяется подпись Предсѣдателя Съѣзда Гласныхъ, если дѣло было въ его разсмотрѣніи (ст. 102 доп.).

§ 182. Если въ которомъ либо засѣданіи Предсѣдатель Государственнаго Совѣта не присутствовалъ, то меморія подписывается, во главѣ прочихъ, лицомъ, занимавшимъ его мѣсто (ст. 103 доп.).

§ 183. Меморіи Департаментовъ составляются по мѣрѣ окончанія въ нихъ дѣлъ, не подлежащихъ переносу въ Общее Собраніе и представляются на Высочайшее усмотрѣніе по мѣрѣ подписанія журналовъ (ст. 104).

§ 184. Меморіи Департаментовъ также составляются по данной для нихъ формѣ и также подписываются Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, или заступающимъ его мѣсто, всѣми Членами подлежащаго Департамента и Государственнымъ Секретаремъ; но въ нихъ не помѣщается ничего иного, кромѣ содержанія рѣшенныхъ дѣлъ, съ послѣдовавшими въ Департаментахъ заключеніями (ст. 105 доп.).

§ 185. Всѣ положенія, уставы и учрежденія, въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣнные и представляемые, при меморіяхъ онаго, на Высочайшее утвержденіе, подписываются Предсѣдателемъ Совѣта (ст. 106 изм.).

§ 186. Въ каждомъ новомъ уставѣ, положеніи или отдѣльномъ

узаконеніи должны быть означаемы статьи Свода Законовъ, которыя онымъ измѣняются или вовсе отмѣняются (ст. 107).

Глава VI.

Образъ исполненія дѣлъ по Государственному Совѣту.

§ 187. Всѣ предметы, содержащіе въ себѣ законъ, уставъ или учрежденіе, излагаются въ видѣ Манифестовъ, указовъ и пр. по существующимъ на то общимъ формамъ, за собственноручнымъ подписаніемъ или утвержденіемъ Императорскаго Величества (ст. 108).

§ 188. Положенія по прочимъ дѣламъ, требующимъ собственноручнаго Высочайшаго утвержденія, ежели заключеніе Государственнаго Совѣта единогласно или Государь Императоръ изволитъ принять заключеніе большинства, излагаются въ видѣ мнѣній, по слѣдующей формѣ:

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

1. Существо дѣла, весьма кратко, въ видѣ оглавленія или вопроса.
2. Уваженія, Совѣтомъ принятыя, если нужно сдѣлать оныя общеизвѣстными.
3. Рѣшеніе буквально, какъ оно изложено въ журналахъ.

Подпись Предсѣдателя Государственнаго Совѣта (ст. 109 и прим.).

§ 189. Высочайшее собственноручное утвержденіе на таковыхъ мнѣніяхъ (§ 188) излагаются словами: „Быть по сему“. (ст. 110).

§ 190. Государственный Секретарь выставляетъ мѣсто и время утвержденія. На спискѣ подписывается.

Съ подлиннымъ вѣрно: Государственный Секретарь.

Повѣрялъ: Статсъ-Секретарь (того Департамента, по которому дѣло, или Главнаго Комитета по устройству сельскаго сословія, или Комитетовъ Сибирскаго и Кавказскаго (§ 200), или Съѣзда Государственныхъ Гласныхъ, по принадлежности (ст. 111 доп.).

§ 191. Если напротивъ, по дѣламъ, требующимъ собственноручнаго высочайшаго утвержденія, при происшедшемъ въ Совѣтѣ разногласіи, Государь Императоръ изволитъ принять заключеніе меньшаго числа голосовъ, или по предмету сего же рода, единогласно, или съ разногласіемъ въ Совѣтѣ рѣшенному, постановить

особеную резолюцiю,—то исполненiе совершается именнымъ указомъ, въ слѣдующей формѣ.

По возникшему въ Правительствующемъ Сенатѣ (или въ такомъ то Министерствѣ) сомнѣнiю (или вопросу) о томъ то (или: разсмотрѣвъ поднесенный Намъ отъ Правительствующаго Сената докладъ, по такому то дѣлу, либо разногласiе, послѣдовавшее въ Правительствующемъ Сенатѣ по такому то дѣлу), разсмотрѣвъ послѣдовавшее въ Государственномъ Совѣтѣ заключенiе (или разныя мнѣнiя) и уваживъ то и то (здѣсь приводятся уваженiя, соотвѣтствующiя рѣшенiю) Повелѣваемъ: (тутъ обозначаются слова того мнѣнiя, которое Государь Императоръ утвердить изволитъ, или которое, по особой редакцiи, удостоено Высочайшаго одобренiя (ст. 112).

§ 192. По всѣмъ прочимъ дѣламъ, не требующимъ собственноручнаго Высочайшаго утвержденiя, исполненiе на основанiи § 173, совершается въ видѣ объявляемыхъ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта Высочайшихъ повелѣнiй (ст. 113).

§ 193. Если дѣло сего рода (§ 193) рѣшено въ Государственномъ Совѣтѣ единогласно, то исполненiе имѣетъ слѣдующую форму: Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣнiе въ Общемъ Собранiи (или въ такомъ то Департаментѣ) Государственнаго Совѣта, по дѣлу о томъ то, или о такомъ то, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подпись Предсѣдателя; мѣсяцъ, число и годъ, когда имъ подписано исполненiе.

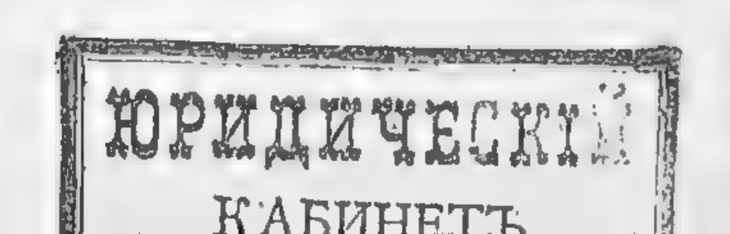
Выписано изъ журналовъ такого то или такихъ то Департаментовъ и Общаго Собранiя.
Число, мѣсяцъ и годъ.
№
(по кн. исход.).

Мнѣнiе Государственнаго Совѣта. (Оно выписывается изъ журналовъ Департаментовъ и общаго Собранiя). Подлинное мнѣнiе подписано въ журналахъ Предсѣдателями и Членами.

Съ подлиннымъ вѣрно: Государственный Секретарь.
Повѣрялъ: Статсъ-Секретарь (подлежащаго Департамента.
(ст. 114).

§ 194. Сiю же самую форму имѣетъ исполненiе и въ томъ случаѣ, когда, при происшедшемъ въ Совѣтѣ разногласiи, Государь Императоръ изволитъ утвердить мнѣнiе большинства голосовъ (ст. 115).

§ 195. Но ежели по дѣлу сего рода Государь Императоръ соизволитъ принять мнѣнiе меньшаго числа голосовъ, или по предмету, единогласно или съ разногласiемъ въ Совѣтѣ рѣшенному,

постановить особенную резолюцію, то Высочайшее повелѣніе излагается въ объявленномъ указѣ слѣдующимъ образомъ:

Его Императорское Величество, разсмотрѣвъ послѣдовавшее въ Государственномъ Совѣтѣ заключеніе (или разныя мнѣнія) по такому то дѣлу или вопросу, и уваживъ то и то (т. е. обстоятельства, на коихъ основывается Высочайшее повелѣніе), Высочайше повелѣть изволилъ: (здѣсь прописывается рѣшеніе такъ, какъ сказано выше объ Именныхъ Указахъ).

Подпись Предсѣдателя; мѣсяцъ, число и годъ, когда имъ подписано исполненіе (ст. 116).

§ 196. Высочайшія повелѣнія, собственно къ Государственному Совѣту относящіяся, объ опредѣленіи его Членовъ и высшихъ чиновъ Государственной Канцеляріи, имѣютъ слѣдующій видъ:

Государственному Совѣту.

Такому то повелѣваемъ присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ по такому то Департаменту.

Высочайшее Имя (ст. 117).

§ 197. Когда предлагаются на уваженіе Совѣта какія либо особенныя Высочайшія примѣчанія, или объявляется ему Высочайшая Воля, не требующая подписного указа, Высочайшее повелѣніе имѣетъ слѣдующій видъ:

Его Императорское Величество, уваживъ...... предлагаетъ Государственному Совѣту обратить вниманіе на слѣдующіе предметы..... или: Высочайше повелѣть изволилъ то и то.....

Подпись Предсѣдателя Государственнаго Совѣта (ст. 118).

§ 198. Словесныя Высочайшія повелѣнія объявляются Государственному Совѣту всегда Предсѣдателемъ онаго. Въ Департаментахъ Совѣта то же право принадлежитъ ихъ Предсѣдателямъ, Государственный Секретарь, для объявленія сего, сообщаетъ оныя письменно по принадлежности (ст. 119).

Глава VII.

Особыя правила о дѣлахъ, вносимыхъ въ Государственный Совѣтъ изъ Комитетовъ Кавказскаго, Сибирскаго, Остзейскаго и Главнаго Комитета для устройства сельскаго состоянія.

§ 199. Дѣла, производящіяся въ Главномъ Комитетѣ для устройства сельскаго состоянія и въ Комитетахъ Кавказскомъ, Сибирскомъ и Остзейскомъ, раздѣляются на два разряда; Къ первому

принадлежатъ дѣла законодательныя, а ко второму дѣла исполнительныя.

(Ср. Высоч. ук. объ учр. Гл. Ком. 19 февраля 1861 п. 14).

§ 200. Дѣла законодательныя изъ означенныхъ въ § 199 Комитетовъ должны поступать на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Для успѣшнѣйшаго движенія сихъ дѣлъ Комитеты разсматриваютъ подобныя дѣла на томъ основаніи, какъ разсматриваются оныя въ Департаментахъ Государственнаго Совѣта. Если дѣло, обсуждаемое въ Комитетѣ, по существу своему требуетъ совокупнаго разсмотрѣнія не только Комитета, но и одного изъ Департаментовъ Совѣта, то въ сихъ случаяхъ составляется соединенное присутствіе Комитета и подлежащаго Департамента. Всѣ вообще дѣла законодательныя, по предварительномъ ихъ разсмотрѣніи въ Комитетахъ, вносятся въ журналахъ оныхъ, чрезъ Предсѣдательствующихъ, или съ ихъ разрѣшенія чрезъ Государственнаго Секретаря, прямо въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, какъ вносятся туда дѣла Департаментовъ Совѣта. Въ дальнѣйшемъ движеніи сихъ дѣлъ соблюдаются правила, вообще по дѣлопроизводству Государствнннаго Совѣта наблюдаемыя.

(Тамъ же, п. 15 доп.).

§ 201. По дѣламъ исполнительнымъ, требующимъ скораго разсмотрѣнія и разрѣшенія, Комитеты руководствуются формами и правилами, наблюдаемыми въ Комитетѣ Министровъ.

(Тамъ же, п. 16 изм.).

Приложеніе къ § 21-му Проекта.

Росписаніе государственныхъ гласныхъ.

I. Отъ губерній, на которыя распространяется Положеніе о Земскихъ Учрежденіяхъ.

	Число гласныхъ.
Губерніи:	
1. Архангельская и Астраханская,—по . . . одному: . .	2
2. Виленская, Витебская, Вологодская, Волынская, Вятская, Гродненская, Екатеринославская, Казанская, Калужская, Кіевская, Ковенская, Костромская, Минская, Могилевская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Подольская, Псковская, Рязанская, Самарская, С.-Петербургская, Симбирская, Смоленская, Таврическая, Тверская, Тульская, Херсонская, Ярославская и Бессарабская область,—по . . . . два: . .	60

3. Владимірская, Воронежская, Курская, Московская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Пермская, Полтавская, Саратовская, Тамбовская, Харьковская и Черниговская,—по . . . . три: . . 39

Итого . . . 101

II. Отъ столицъ и другихъ городовъ.

1. С.-Петербургъ и Москва,—по . . . . три: . . 6

2. Одесса, Рига, Кіевъ, Новгородъ, Псковъ, Архангельскъ, Астрахань, Харьковъ, Саратовъ, Казань, Вильно,—по . . . . одному: . . 11

3. Отъ Азовскихъ портовыхъ городовъ . . . одинъ: . . 1

Итого . . . 18

III. Отъ частей Имперіи, на которыя не распространяется Положеніе о Земскихъ Учрежденіяхъ.

1. Прибалтійскія губерніи, Эстляндская, Лифляндская и Курляндская—по . . . . два . . 6

2. Земля Войска Донского . . . . два . . 2

3. Отъ прочихъ казачьихъ войскъ, кромѣ Сибири и Кавказа . . . . три . . 3

4. Отъ Западной Сибири 4

5. Отъ Восточной Сибири 5

6. Отъ Кавказскаго Намѣстничества 12

Итого . . . 32

Итого вообще . . . 151

Примѣчаніе 1. Если прибавить по одному гласному на губерніи: Волынскую, Екатеринославскую, Калужскую, Кіевскую, Ковенскую, Костромскую, Новгородскую, Подольскую, Рязанскую, Самарскую, Симбирскую, Смоленскую, Тверскую, Тульскую, Херсонскую и Ярославскую такъ чтобы на каждую причиталось *три* Гласныхъ, вмѣсто *двухъ*, и затѣмъ прибавить по одному же Гласному на губерніи: Воронежскую, Московскую, Полтавскую, Саратовскую, Тамбовскую, и Харьковскую, такъ чтобы на каждую причиталось по *четыре*, вмѣсто *трехъ*, общій итого увеличится 22-мя и составитъ 173

Примѣчаніе 2. Если включить въ число городовъ, отъ которыхъ назначаются Гласные, Нижній Новгородъ, Полтаву, Тулу и Ярославль, общій итогъ будетъ 177

Примѣчаніе 3. Число гласныхъ, назначаемыхъ отъ Правительства на основаніи § 20 Проекта, можетъ простираться:

I. По проектированному росписанію . . . . до . . 30

II. Въ случаѣ увеличенія числа Гласныхъ сообразно съ примѣчаніями 1-мъ и 2-мъ 35

Полный составъ съѣзда Гласныхъ можетъ простираться:

въ первомъ случаѣ . . . . до . . 181

во второмъ „ . . . . до . . 212

Проектъ Валуева былъ оставленъ, однако, безъ осуществленія, но вскорѣ затѣмъ именно въ 1866 году Государю была представлена новая записка, составленная отъ имени Великаго Князя Константина Николаевича Княземъ С. Н. Урусовымъ. Въ этой запискѣ Великій Князь примыкалъ ко взглядамъ, подробно развитымъ въ запискѣ Валуева отъ 13 апрѣля 1863 года. Но и этотъ разъ попытка возбудить вопросъ о привлеченіи народныхъ представителей къ законодательству окончилась неудачей.

Вновь возникъ этотъ вопросъ лишь въ 1880 году. Чтобы „содѣйствовать успокоенію умовъ, до крайности возбужденныхъ безуспѣшностью усилій правительства къ обузданію крамолы и въ виду предстоявшаго юбилея царствованія“ было образовано Особое Совѣщаніе для разсмотрѣнія вопроса о допущеніи въ Государственный Совѣтъ выборныхъ отъ населенія. Совѣщаніе составляли подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича и при участіи Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича, предсѣдатель комитета министровъ П. А. Валуевъ, предсѣдатель департамента законовъ Государственнаго Совѣта кн. С. Н. Урусовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Л. С. Маковъ, шефъ жандармовъ А. Р. Дрентельнъ, и государственный секретарь Е. А. Перетцъ.

Совѣщаніе разсматривало какъ записку Великаго Князя Константина Николаевича, такъ и выше изложенныя предположенія П. А. Валуева, для чего 23 и 25 января происходили два засѣданія въ Мраморномъ Дворцѣ. Въ результатѣ

Совѣщаніе пришло къ рѣшенію о несвоевременности принятія тѣхъ мѣръ, о которыхъ говорятъ обѣ означенныя записки.

Но Великій Князь, не раздѣляя этого взгляда, представилъ Государю новую записку.

Въ ней онъ не только развилъ свои первоначальныя соображенія, но и сдѣлалъ рядъ возраженій на возраженія, сдѣланныя во время засѣданій въ Мраморномъ Дворцѣ.

Записка Константина Николаевича была изложена въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

Записка Великаго Князя Константина Николаевича.

„Испытанная вѣками, непоколебимая преданность Русскаго народа Вѣнценоснымъ его Вождямъ—не подлежитъ сомнѣнію. Въ средѣ людей благомыслящихъ, составляющихъ, къ счастью огромное большинство населенія, преданность эта могла только усилиться въ нынѣшнее Царствованіе, являющее собою рѣдкій во всемірныхъ лѣтописяхъ примѣръ постояннаго и несослабнаго стремленія Монарха къ дарованію поданнымъ всѣхъ тѣхъ правъ и льготъ, которыя совмѣстимы съ современнымъ состояніемъ народнаго развитія.

И, несмотря на то, въ различныхъ слояхъ нашего общества, наряду съ безпредѣльною любовью къ Священной Особѣ Его Императорскаго Величества, замѣчается, къ прискорбію, нѣкоторое недовольство. Хотя оно и не высказывается открыто, тѣмъ не мѣнѣе недовольство это несомнѣнно существуетъ, проявляясь и въ рѣчахъ, произносимыхъ въ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ, въ печати и, особенно, въ частныхъ бесѣдахъ. Скрывать отъ себя такое настроеніе общества было бы неблагоразумно. Напротивъ того, необходимо обратить на него особое вниманіе, изслѣдовать его причины и, изыскавъ средства къ предовращенію дальнѣйшаго развитія такого явленія, столь у насъ ненормальнаго, принять мѣры къ удовлетворенію тѣхъ желаній общества, которыя окажутся разумными и справедливами.

Задача эта весьма сложная и трудная, а удовлетворительное разрѣшеніе ея во всемь объемѣ потребовало бы многосторонних предварительныхъ соображеній. Въ виду этого, не вдаваясь здѣсь

въ подробное обсужденіе причинъ замѣчаемаго недовольства и средствъ къ его устраненію, я въ то же время, какъ Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, считая священнымъ вѣрноподданническимъ долгомъ откровенно выразить мысли мои относительно той собственно стороны предмета, которая имѣетъ непосредственную связь съ дѣятельностью законодательною.

Оставляя въ сторонѣ безумныя мечтанія людей крайнихъ, помышляющихъ о совершенномъ переворотѣ государственнаго нашего строя или по крайней мѣрѣ объ ограниченіи Самодержавія, безъ котораго Россія въ настоящее время, по глубокому моему убѣжденію, была бы на краю гибели,—я признаю необходимымъ остановиться на сужденіяхъ большинства мыслящихъ людей, которое, хотя и порицаетъ многіе изъ существующихъ у насъ порядковъ, но въ то же время состоитъ изъ лицъ, вообще умѣренныхъ и преданныхъ Правительству. При всемъ разнообразіи этихъ сужденій, въ нихъ преобладаетъ въ сущности одна и та же мысль: „до ГОСУДАРЯ правда не доходитъ; администрація и бюрократіи нами завладѣли; чиновничество стоитъ неодолимою стѣною между ГОСУДАРЕМЪ и Его Россіею; ГОСУДАРЬ окруженъ опричниками“ ..... и т. п. Вездѣ повторяется, въ различныхъ только выраженіяхъ, одно и то же сѣтованіе: „до Государя правда не доходитъ“.

Въ сѣтованіи этомъ, какъ мнѣ кажется, обнаруживается то истинно серьезное желаніе, которое можетъ и должно быть удовлетворено.

Но какъ исполнить это.

Прежде всего необходимо, по моему мнѣнію, держаться того основнаго взгляда, что заботливое примѣненіе и дальнѣйшее развитіе добрыхъ началъ, существующихъ уже въ отечественномъ законодательствѣ, должно быть безусловно предпочитаемо заимствованію иностраннаго, не всегда соотвѣтствующаго нашимъ потребностямъ. Этимъ путемъ, я увѣренъ, представлялось бы возможнымъ достигнуть желаемой цѣли, безъ малѣйшаго прикосновенія къ священнымъ правамъ Самодержавія.

Въ дѣйствующихъ нашихъ законахъ есть уже три весьма важныхъ постановленія, которыя требуютъ нѣкотораго лишь обобщенія и развитія:

Во 1-хъ, наше законодательство даруетъ сословіямъ и обществамъ (дворянству уже около столѣтія) такое право, которое въ иностранныхъ государствахъ пріобрѣталось потоками крови, кото-

рое тамъ считается первымъ и самымъ важнымъ залогомъ политической свободы и которое, между тѣмъ, у насъ не довольно высоко цѣнится, а въ иныхъ случаяхъ и забывается: это-le droit de pétition, право заявленія своихъ нуждъ, принадлежащее дворянству за силою статьи 142-й т. IX зак. о сост. и распространенное впослѣдствіи, какъ на земскія собранія (т. II общ. учр. губ., ст. 1818, п. 12), такъ и на городскія думы (тамъ же, ст. 1949, п. 5).

Затѣмъ во 2-хъ, дворянство имѣетъ право выбирать депутатовъ, представляемыхъ каждымъ уѣздомъ на случай вызова ихъ Правительствомъ для объясненія ходатайствъ дворянства (т. IX, зак. о сост., ст. 144). Это послѣднее право, благодаря бюрократическимъ пріемахъ нашей администраціи, оставалось въ законѣ мертвою буквою. Между тѣмъ, въ случаѣ дѣйствительнаго исполненія мудрой мысли законодателя, начертавшаго приведенное важное правило, трудная задача государственнаго управленія намного облегчилась бы, такъ какъ Правительству представилась бы возможность узнавать обстоятельно истинныя причины, вызывающія то или другое ходатайство, которыя не всегда излагаются съ подлежащей ясностью и полнотою.

Наконецъ, въ 3-хъ, на основаніи статьи 12 учрежденія Государственнаго Совѣта, въ Департаменты онаго, по усмотрѣнію ихъ могутъ быть приглашаемы къ совѣщанію и лица постороннія, отъ коихъ, по существу дѣла, можно ожидать полезныхъ объясненій. На практикѣ правило это примѣняется довольно часто; но, очевидно, что Государственный Совѣтъ можетъ приглашать въ свои засѣданія лишь лицъ, находящихся на жительствѣ въ С.-Петербургѣ и слѣдовательно, мало знакомыхъ съ современными потребностями большей части мѣстностей обширнаго нашего отечества, которыя находятся въ условіяхъ, вовсе не соотвѣтствующихъ строю столичной жизни и при томъ крайне разнообразныхъ. Въ виду этого, въ исключительныхъ случаяхъ, по дѣламъ особой важности, испрашиваемо было Высочайшее соизволеніе на вызовъ въ Государственный Совѣтъ или же въ различныя подготовительныя коммисіи земскихъ, городскихъ или сословныхъ должностныхъ лицъ изъ разныхъ частей Имперіи. Выслушаніе приглашенныхъ такимъ образомъ экспертовъ приносило, большею частію, несомнѣнную пользу въ томъ отношеніи, что предоставляло Правительству возможность сообразить предположенія кабинетныя, иногда отвлеченныя, съ дѣйствительными потребностями русской жизни.

Исходя изъ приведенныхъ трехъ существующихъ уже въ на-

шемъ законодательствѣ началъ, и признавая необходимымъ нѣсколько развить ихъ, придавъ имъ значеніе болѣе общее, я предложилъ бы воспользоваться ими для созыва, по мѣрѣ надобности, при Государственномъ Совѣтѣ, совѣщательнаго собранія изъ экспертовъ или гласныхъ, особо избираемыхъ для сего губернскими земскими собраніями и городскими думами наиболѣе значительныхъ городовъ. Собранію этому я полагалъ бы поручить, на основаніи проектируемыхъ мною подробныхъ правилъ, предварительное разсмотрѣніе законодательныхъ предположеній, требующихъ ближайшаго соображенія съ мѣстными потребностями, а также предварительное обсужденіе ходатайствъ земскихъ и дворянскихъ собраній и городскихъ думъ.

Основная мысль этого предположенія, представленная мною Государю Императору нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и которое соглашено теперь, по указаніямъ моимъ, съ нынѣшнимъ состояніемъ нашего законодательства, была, его Высочайшей волѣ, предварительно обсуждаема, въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, въ Особомъ Совѣщаніи изъ лицъ, указанныхъ Его Величествомъ,—преимущественно съ той точки зрѣнія, не слѣдуетъ ли воспользоваться проектированными мною правилами для изданія ихъ, при особомъ Высочайшемъ манифестѣ или указѣ, въ торжественный день двадцатилѣтія Царствованія Его Императорскаго Величества.

Въ отношеніи къ этому вопросу и вообще по существу проектированныхъ мѣръ, въ Особомъ Совѣщаніи было высказано, между прочимъ, слѣдующее:

1) что изданіе предположеннаго мною узаконенія въ торжественный день 25-тилѣтія благополучнаго Царствованія Государя Императора придало бы ему значеніе несравненно большее, чѣмъ оно имѣетъ въ дѣйствительности. Общество приняло бы его за даръ или за уступку со стороны Верховной Власти и было бы впослѣдствіи разочаровано, когда убѣдилось бы, что изданный манифестъ или указъ не имѣетъ значенія конституціоннаго;

2) что если разсматривать проектированныя мною мѣры не въ смыслѣ дара или уступки, а въ видѣ мѣропріятія вообще полезнаго и имѣющаго способствовать болѣе правильному и успѣшному обсужденію законодательныхъ предположеній,—то и эта цѣль едва ли будетъ достигнута. Весьма вѣроятно, что избранія въ гласные будутъ домогаться и въ дѣйствительности нерѣдко достигать—не одни люди серьезные, знающіе потребности своей мѣстности, а наряду съ ними и пустые болтуны, преимущественно адвокаты, ко-

торые будутъ заботиться не столько о пользѣ общей, сколько о пріобрѣтеніи себѣ популярности, возвышенія или иной выгоды;

3) что созывъ многочисленнаго собранія гласныхъ, которые легко поддадутся вліянію печати, можетъ создать для Правительства большія затрудненія искусственнымъ составленіемъ опасной оппозиціи;

наконецъ 4) что у насъ Правительство стоитъ неизмѣримо выше какихъ бы то ни было мѣстныхъ представителей. Вслѣдствіе того, оно не нуждается въ провѣркѣ своихъ предположеній и взглядовъ воззрѣніями людей, живущихъ въ малыхъ городахъ или уѣздахъ, а потому несравненно менѣе образованныхъ и развитыхъ. Если же, по какимъ либо другимъ, болѣе важнымъ соображеніямъ, Верховною Властью признано будетъ умѣстнымъ и нужнымъ призвать представителей общества къ участію въ обсужденіи законодательныхъ дѣлъ, то къ важной этой мѣрѣ слѣдуетъ приступить не путемъ нѣкотораго лишь развитія и обобщенія началъ, существующихъ въ нашемъ собственно законодательствѣ, но путемъ усвоенія нами, хотя быть можетъ и не вдругъ, а постепенно, общихъ конституціонныхъ порядковъ, составляющихъ достояніе всего образованнаго міра.

Приведенныя соображенія требуютъ нѣкоторыхъ, съ моей стороны, объясненій.

I) Что касается неудобства издать проектированныя мною мѣры въ торжественный для Россіи день 19 февраля 1880 г. (чего, впрочемъ, мною и не было предполагаемо), то я вполнѣ согласился въ засѣданіи съ правильностью высказанныхъ по этому вопросу соображеній. Считая свой проектъ не такимъ актомъ внутренней политики Государства, который предназначенъ былъ бы произвести впечатлѣніе на умы въ томъ или другомъ смыслѣ, а дѣломъ несравненно болѣе скромнымъ, полезнымъ собственно въ практическомъ отношеніи, я не встрѣтилъ препятствія отложить дальнѣйшее движеніе проекта, сохранивъ за собою право представить его вновь на Высочайшее благоусмотрѣніе Государя Императора, когда это окажется своевременнымъ.

II. Переходя къ другимъ замѣчаніямъ, заявленнымъ въ Особомъ Совѣщаніи, и оставаясь по существу предмета при прежнихъ моихъ убѣжденіяхъ, я не могу тѣмъ не менѣе не признать, что опасеніе насчетъ возможности выбора въ гласные адвокатовъ имѣетъ дѣйствительно основаніе. Между тѣмъ, избраніе такихъ лицъ было, и по моему мнѣнію, нежелательно. Посему, вполнѣ при-

соединяясь къ основной мысли сдѣланнаго въ этомъ отношеніи заявленія, я призналъ необходимымъ дополнить первоначальный мой проектъ правиломъ о томъ, что въ гласные не могутъ быть избираемы присяжные повѣренные, ихъ помощники и ходатаи по судебнымъ дѣламъ.

Устраненію праздной болтовни будетъ отчасти способствовать и другое предполагаемое мною нынѣ постановленіе, по которому журналы совѣщательнаго собранія должны быть составляемы не Государственной Канцеляріей, а самими гласными, избираемыми для сего собраніемъ. При возлагаемой на нихъ такимъ образомъ обязанности изложить въ письмѣ всѣ заявленныя въ собраніи соображенія, гласные единственно будутъ заниматься по преимуществу самымъ дѣломъ, воздерживаясь отъ сужденій прямо къ нему не идущихъ.

Независимо отъ упомянутаго выше недопущенія въ составъ совѣщательнаго собранія адвокатовъ, я нахожу нужнымъ воспретить избраніе въ гласные также и лицъ, состоящихъ на государственной службѣ по опредѣленію отъ правительства. Къ этому побуждаетъ меня слѣдующее соображеніе. Въ составъ совѣщательнаго собранія желательно привлекать людей, дѣйствительно знакомыхъ на практикѣ съ мѣстными потребностями различныхъ частей государства, а отнюдь не чиновниковъ, отзывы которыхъ, въ случаѣ надобности, всегда могутъ быть истребованы ихъ начальствомъ. Къ тому же неудобно было бы, чтобы проекты, внесенные въ Государственный Совѣтъ Министрами и Главноуправляющими, разбирались, хотя и предварительно, лицами, прямо имъ подчиненными.

III. Засимъ я, съ моей стороны, вовсе не раздѣляю другого заявленнаго въ Особомъ Совѣщаніи опасенія, заключающагося въ томъ, что созывъ совѣщательнаго собранія гласныхъ можетъ создать для правительства большія затрудненія.

Опасность подобнаго рода была бы, по моему мнѣнію, возможна въ томъ только случаѣ, если бы собраніе было весьма многочисленное, если бы въ гласные допускались всѣ безъ разбора, если бы засѣданія собранія были постоянныя и притомъ публичныя, наконецъ, если бы собраніе было предоставлено самому себѣ, безъ всякаго надзора со стороны Правительства.

Ничего подобнаго въ проектируемыхъ мною правилахъ не предполагается.

Относительно численнаго состава совѣщательнаго собранія, не-

обходимо имѣть въ виду, что мною предположено избирать только по одному гласному отъ каждой губерніи, гдѣ введены земскія учрежденія (35 губ.), и по одному же гласному отъ одиннадцати наиболѣе значительныхъ городовъ: засимъ, хотя въ проектѣ упоминается также объ избраніи гласныхъ отъ губерній, въ коихъ не введены еще земскія учрежденія, но это сдѣлано главнымъ образомъ для того, чтобы закономъ признано было въ принципѣ право представительства за всѣми, безъ изъятія, частями Имперіи, самый же вызовъ гласныхъ отъ губерній не представляется безусловно необходимымъ на первое по крайней мѣрѣ время. Посему порядокъ избранія ихъ, нынѣ даже не предначертанный, предполагается опредѣлить впослѣдствіи.

Такимъ образомъ, въ первые годы дѣйствій проектированныхъ мною мѣръ полный составъ совѣщательнаго собранія ни въ коемъ случаѣ не превышалъ бы 46 гласныхъ (35 гласныхъ отъ земскихъ собраній и 11 гласныхъ отъ городовъ). Но онъ можетъ быть и менѣе. Изъ осторожности, особенно необходимой на первыхъ порахъ, мною предполагается постановить, что гласные могутъ быть созываемы и не въ полномъ составѣ, а отъ тѣхъ только губерній и городовъ, которые будутъ означены въ Высочайшемъ указѣ о составѣ совѣщательнаго собранія. Вслѣдствіе сего, Правительство будетъ имѣть возможность призывать, за одинъ разъ, не болѣе напримѣръ 30-ти или даже и менѣе гласныхъ. Кромѣ того, я признаю возможнымъ, въ случаѣ оказавшейся на опытѣ особой необходимости, подраздѣлять собранія на отдѣленія, поручивъ каждому соображеніе различныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, возникшая оппозиція могла бы быть тотчасъ же разъединена и обезсилена. Благодаря всѣмъ этимъ предохранительнымъ мѣрамъ, численный составъ гласныхъ, обсуждающихъ тотъ или другой проектъ или же то или другое ходатайство, можетъ быть низведенъ до самыхъ незначительныхъ размѣровъ.

Съ другой стороны, собранія не будутъ постоянныя и не для разсмотрѣнія всѣхъ вообще дѣлъ, а временныя, на срокъ точно опредѣленный Правительствомъ, съ указаніемъ и самыхъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію собранія. Возбуждать вопросы новые или вообще выходить изъ предѣловъ предположенныхъ вопросовъ— гласные не должны имѣть права. Предсѣдательство въ совѣщательномъ собраніи возлагается на Членовъ Государственнаго Совѣта Высочайшею волею къ сему призванныхъ. Въ засѣданія собранія участвуютъ Министры и Главноуправляющіе. Наконецъ, засѣданія

предполагаются не публичныя, причемъ доступъ въ оныя разрѣшается только Членамъ Государственнаго Совѣта и весьма немногимъ изъ чиновъ Государственной Канцеляріи.

Съ принятіемъ всѣхъ этихъ мѣръ предосторожности, совѣщательное собраніе гласныхъ очевидно не можетъ представить ни малѣйшей опасности для Правительства. Въ связи съ изложеннымъ, считаю нужнымъ остановиться еще на одномъ обстоятельствѣ, имѣющемъ, по моему мнѣнію, нѣкоторую важность. Въ виду недопущенія въ число гласныхъ адвокатовъ и лицъ, состоящихъ на службѣ по опредѣленію отъ правительства, собраніе будетъ состоять, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, изъ лицъ, дѣйствительно представляющихъ мѣстные интересы уѣздовъ и городовъ. Трудно предполагать, чтобы такіе люди легко поддавались вліянію неблагонамѣренныхъ органовъ печати. Но если бы это иногда и случалось, то съ другой стороны, вызванные въ столицу гласные, безъ сомнѣнія будутъ весьма нерѣдко приходить въ соприкосновеніе съ лицами правительственными, будутъ объясняться по дѣламъ своей мѣстности, будутъ также бесѣдовать съ ними въ частныхъ собраніяхъ. Такимъ образомъ, они близко ознакомятся съ правительственными дѣятелями, оцѣнятъ ихъ и усвоятъ себѣ многое, до того времени имъ неизвѣстное и непонятное. Такое сближеніе и обмѣнъ мыслей будутъ во всѣхъ отношеніяхъ благодѣтельны, такъ какъ и дѣятели правительственные, въ свою очередь, узнаютъ объ уѣздной жизни многое, чего не могутъ они знать изъ дѣловыхъ бумагъ и оффиціальныхъ сношеній.

IV. Остается разсмотрѣть еще одно изъ заявленныхъ въ Особомъ Совѣщаніи возраженій, именно то, въ которомъ подвергается сомнѣнію самая польза предлагаемыхъ мною мѣръ.

Нисколько не отрицая, и съ своей стороны, справедливости того, что не только всѣ первостепенныя должностныя лица, но и ближайшіе ихъ сотрудники большею частью обладаютъ у насъ образованіемъ высшимъ, нежели лица, постоянно живущія въ уѣздахъ,—я нахожу однако, что изъ сего нельзя еще выводить заключенія о безполезности провѣрки составляемыхъ въ Министерствахъ законодательныхъ предположеній отзывами людей практическихъ. Вопросъ заключается не въ превосходствѣ однихъ воззрѣній надъ другими (я совершенно убѣжденъ, что проекты, составленные мѣстными исключительно дѣятелями, были бы во многихъ отношеніяхъ менѣе удовлетворительны, въ сравненіи съ предначертаніями Министерствъ)—въ томъ, что предположенія законодательныя должны

быть подвергаемы соображенію возможно многостороннему, т. е. не только съ точки зрѣнія высшихъ государственыхъ или научныхъ началъ, но также и со стороны возможности и удобства дѣйствительнаго ихъ примѣненія въ той или другой мѣстности. Въ этомъ отношеніи лица, служащія въ центральныхъ управленіяхъ, живущія постоянно въ столицѣ и обремененныя массою текущихъ письменныхъ дѣлъ, не всегда имѣютъ вполнѣ достаточныя свѣдѣнія. По сей причинѣ предположенія Министерствъ, хотя и превосходно иногда разработанныя съ теоретической собственно стороны, нерѣдко расходятся съ потребностями дѣйствительной жизни и далеко не приносятъ той пользы, которой желаетъ Правительство.

Такой взглядъ на необходимость соображенія законодательныхъ дѣлъ при участіи мѣстныхъ дѣятелей въ сущности уже усвоенъ нашимъ Правительствомъ, такъ какъ всѣ важнѣйшіе законодательные акты, составляющіе славу нынѣшняго Царствованія, были обсуждаемы Государственнымъ Совѣтомъ по предварительномъ разсмотрѣніи ихъ при участіи мѣстныхъ дѣятелей. Достаточно указать на положеніе о крестьянахъ 19 февраля 1861 года, на положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, на уставы судебные, на городовое положеніе 1870 года и на уставъ о воинской повинности. Всѣ эти законы привились къ жизни и потребовали до сихъ поръ весьма немногихъ въ нихъ измѣненій. Напротивъ того, узаконенія, не соображенныя предварительно съ практической стороны, нерѣдко оказывались, въ дѣйствительномъ примѣненіи ихъ, неудовлетворительными. Иногда они оставались мертвою буквою, въ иныхъ случаяхъ требовали частыхъ измѣненій и дополненій, несогласныхъ даже съ основною мыслью изданнаго закона, иногда же приносили положительный вредъ. Въ видѣ примѣра узаконеній неудавшихся, можно указать на нотаріальное положеніе 1865 года, которое, какъ неоднократно заявляемо было Министерствомъ Юстиціи, постоянно возбуждаетъ неудовольствіе вслѣдствіе чрезвычайной затруднительности предписаннаго имъ порядка совершенія актовъ на недвижимыя имущества, особенно ощутительной по отношенію къ имуществамъ малоцѣннымъ. Нельзя также не упомянуть о законѣ 1 іюня 1865 года, по коему людямъ, исключеннымъ изъ среды городскихъ и сельскихъ обществъ, предоставлено было право пріискивать себѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, другія мѣста приписки и водворенія. По изданіи этого закона, до такой степени увеличилось число бродягъ и совершаемыхъ ими преступленій разнаго рода,

что оказалось необходимымъ немедленно пріостановить его дѣйствіе въ административномъ порядкѣ. Явленія подобнаго рода, въ высшей степени прискорбныя, наносятъ существенный ущербъ достоинству и авторитету Правительства. Между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы проекты обоихъ упомянутыхъ узаконеній составлены были неудовлетворительно. И тотъ и другой составлялись лицами весьма даровитыми, образованными, заслуженными и уважаемыми; затѣмъ проекты эти разсматривались коллегіально и посылались на заключеніе различныхъ вѣдомствъ. Однимъ словомъ, сдѣлано было все, что только возможно въ порядкѣ бюрократическомъ. Единственный пробѣлъ при разработкѣ проектовъ заключался въ томъ, что кабинетные труды не были провѣрены съ точки зрѣнія условій потребностей мѣстныхъ.

Въ Особомъ Совѣщаніи, при предварительномъ обсужденіи вопроса о пользѣ участія людей практическихъ въ соображеніи законодательныхъ мѣръ, было указываемо между прочимъ на то, что эксперты, вызванные въ Государственный Совѣтъ въ 1863 году по проекту положенія о земскихъ учрежденіяхъ, принесли мало пользы. Безусловно согласиться съ этимъ нельзя, такъ какъ многія статьи проекта были исправлены въ подробностяхъ по замѣчаніямъ приглашенныхъ лицъ. Но если участіе экспертовъ въ этомъ важномъ дѣлѣ и не принесло всей той пользы, которой слѣдовало ожидать, то это зависѣло, по моему мнѣнію, главнымъ образомъ отъ не вполнѣ удачнаго выбора экспертовъ: приглашены были только столичные губернскіе предводители дворянства и столичные же городскіе головы, т. е. лица, весьма мало знакомыя съ уѣздною жизнью. Какъ извѣстно, городское положеніе 1870 года, предварительно соображенное при участіи довольно значительнаго числа лицъ, вызванныхъ изъ разныхъ мѣстностей Имперіи, и исправленное по ихъ указаніямъ, вышло во многихъ отношеніяхъ несравненно совершеннѣе положенія о земскихъ учрежденіяхъ.

И такъ, выслушаніе людей практическихъ оказывается вообще полезнымъ. При всемъ томъ, нельзя не сознаться, что соблюдавшійся у насъ до сихъ поръ порядокъ выборовъ экспертовъ едва ли можетъ быть признаваемъ вполнѣ удовлетворительнымъ. Назначеніе ихъ Правительствомъ по спискамъ предводителей дворянства, предсѣдателей земскихъ управъ и городскихъ головъ—далеко не соотвѣтствуетъ истинной пользѣ. Избирающимъ экспертовъ центральнымъ управленіямъ призываемыя лица бываютъ вообще мало извѣстны, почему и самый выборъ ихъ бываетъ не всегда удаченъ.

Можно весьма добросовѣстно исполнять обязанности предводителя, городскаго головы или предсѣдателя земской управы и въ то же время не совмѣщать въ себѣ тѣхъ условій, которыя необходимы для основательнаго соображенія важныхъ законодательныхъ мѣръ.

Нужды и потребности населенія могутъ быть съ полнымъ успѣхомъ заявляемы Правительству только людьми, избранными населеніемъ для этой именно цѣли. Согласно сему основному началу, мною предполагается, чтобы совѣщательное собраніе состояло изъ лицъ, избранныхъ не Правительствомъ, а самими общественными учрежденіями. Въ такомъ только случаѣ будетъ устранено приведенное мною въ началѣ настоящей записки, столь часто слышимое у насъ, сѣтованіе на то, что „до Государя правда не доходитъ". При пополненіи же собранія путемъ выборныхъ, мѣстные общественные органы будутъ, по всей вѣроятности, избирать въ гласные людей наиболѣе способныхъ, опытныхъ и близко знающихъ потребности своей мѣстности. При участіи такихъ экспертовъ польза предварительнаго соображенія законодательныхъ дѣлъ не можетъ подлежать сомнѣнію.

Какъ выше мною уже заявлено, развитіе и постепенное усовершенствованіе существующаго, по моему мнѣнію, всегда лучше заимствованія новаго, неизвѣданнаго и, быть можетъ, намъ даже не вполнѣ пригоднаго. Но кромѣ того, въ случаѣ введенія у насъ народнаго представительства по иностранному образцу, какъ бы осторожно не поступила Верховная Власть (не даровавъ, напримѣръ, въ началѣ собранію представителей рѣшающаго права голоса), невозможно было бы избѣгнуть при этомъ огромнаго числа гласныхъ, какъ представителей интересовъ всѣхъ сколько нибудь крупныхъ территоріальныхъ единицъ, входящихъ въ составъ обширной Имперіи. Съ другой стороны, нельзя было бы обойтись и безъ нѣкоторой торжественности всей внѣшней обстановки собранія; между прочимъ, торжественность эта обыкновенно порождаетъ въ представителяхъ, особенно въ странахъ, не свыкшихся еще съ парламентскою дѣятельностью, стремленіе къ произнесенію блестящихъ рѣчей и желаніе высказаться передъ обществомъ и печатью рѣзкою независимостью сужденій и духомъ оппозиціи. Сдѣланный Правительствомъ, при такихъ условіяхъ, первый шагъ необходимо повлекъ бы за собою, въ самъ непродолжительномъ времени, второй, третій и послѣдующіе шаги, которые привели бы неминуемо къ водворенію полной конституціи, столь нежелательной у насъ въ настоящую пору. Между тѣмъ, отступленіе было бы уже

невозможнымъ безъ возбужденія общаго ропота и неудовольствія. Предлагаемая мною мѣра, не имѣющая значенія политическаго, не представляетъ подобной опасности. Способствуя болѣе зрѣлому и многостороннему обсужденію законодательныхъ дѣлъ, и принося такимъ образомъ значительную въ практическомъ отношеніи пользу, она имѣла бы при этомъ, то весьма важное преимущество, что не обѣщало бы обществу слишкомъ многаго. Проектируемый мною законъ, если бы онъ удостоился Высочайшаго утвержденія, ничѣмъ бы не стѣснилъ Правительства, которое, по усмотрѣнію своему, могло бы созывать гласныхъ въ томъ или другомъ числѣ, на тотъ или другой срокъ, для разсмотрѣнія нѣсколькихъ дѣлъ или одного только какого либо проекта, а въ случаѣ неудачи, всегда и вездѣ возможной,—и вовсе воздержаться на нѣкоторое время отъ созыва совѣщательнаго собранія: однимъ словомъ, Правительство, не принявъ на себя никакого обязательства передъ страною, предоставило бы себѣ только возможность совѣтоваться, когда признаетъ полезнымъ и нужнымъ, съ людьми практическими, знающими истинныя потребности населенія.

Въ виду всѣхъ изложенныхъ соображеній, я признавалъ бы полезнымъ постановить, въ дополненіе къ учрежденію Государственнаго Совѣта, прилагаемыя при семъ правила о „совѣщательномъ собраніи гласныхъ“:

1. Для предварительнаго обсужденія законодательныхъ предположеній, требующихъ ближайшаго соображенія съ мѣстными потребностями, созывается, по мѣрѣ надобности, Совѣщательное Собраніе Гласныхъ. Сему же собранію можетъ быть поручаемо предварительное обсужденіе ходатайствъ земскихъ и дворянскихъ собраній и городскихъ думъ (общ. учр. губ., ст. 1118, п. 12, ст. 1949, п. 5, зак. о сост. ст. 142).

2) Совѣщательное Собраніе Гласныхъ состоитъ при Государственномъ Совѣтѣ. О созывѣ Собранія возвѣщается Именнымъ Высочайшимъ указомъ на имя Совѣта, съ указаніемъ срока, на который Собраніе созывается.

3. Собраніе составляется изъ гласныхъ, особо избранныхъ для сего:

а) губернскимъ и областнымъ войска Донского земскими собраніями и

б) городскими думами городовъ: С.-Петербурга, Москвы, Одессы, Кіева, Харькова, Риги, Казани, Кишинева, Саратова, Вильны и Тифлиса.

Примѣчаніе. Порядокъ выбора гласныхъ отъ губерній, гдѣ не введены еще земскія учрежденія, будетъ опредѣленъ особо.

4. Гласные избираются земскими собраніями и городскими думами изъ собственной ихъ среды. Отъ каждой губерніи и отъ каждаго изъ городовъ, поименованныхъ въ пунктѣ б статьи 3-й, избирается по одному гласному.

5. Въ гласные не могутъ быть избираемы лица, состоящія на службѣ по опредѣленію отъ правительства, а равно присяжные повѣренные, ихъ помощники и повѣренные по судебнымъ дѣламъ.

6. О произведенномъ выборѣ земскія собранія и городскія думы сообщаютъ губернатору, который, въ случаѣ несоотвѣтствія избранныхъ лицъ требованіямъ закона (ст. 4 и 5), извѣщаетъ о томъ собраніе или думу, не позднѣе трехъ дней, для производства новыхъ выборовъ.

7. Совѣщательное Собраніе созывается, смотря по надобности, или въ полномъ составѣ, означеномъ въ ст. 3, или же только изъ гласныхъ отъ тѣхъ или другихъ частей Имперіи. Въ семъ послѣднемъ случаѣ въ Высочайшемъ указѣ о созывѣ Собранія означаются тѣ губерніи и города, изъ коихъ вызываются гласные.

8. Совѣщательное Собраніе можетъ быть подраздѣляемо, съ Высочайшаго разрѣшенія, испрашиваемаго Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, на отдѣленія для одновременнаго разсмотрѣнія различныхъ дѣлъ. Въ такомъ случаѣ, къ каждому отдѣленію Собранія примѣняются правила, постановленныя ниже въ отношеніи къ самому Собранію.

9. При каждомъ созывѣ Совѣщательнаго Собранія, для предсѣдательствованія въ немъ, назначаются Высочайшею волею, изъ Членовъ Государственнаго Совѣта, Предсѣдатель и Вице-Предсѣдатель Собранія. Вице-Предсѣдатель, принимая постоянное участіе въ засѣданіяхъ Собранія, заступаетъ мѣсто Предсѣдателя въ случаѣ болѣзни или отсутствія его.

10. Дѣла, подлежащія предварительному обсужденію Совѣщательнаго Собранія, опредѣляются Высочайшими повелѣніями, испрашиваемыми Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта по предварительному соглашенію съ подлежащими Министрами и Главноуправляющими. Дѣла эти передаются Предсѣдателю Собранія Государственнымъ Секретаремъ.

11. Въ засѣданіяхъ Совѣщательнаго Собранія принимаютъ участіе Министры и Главноуправляющіе, до предметовъ вѣдомства коихъ относится разсматриваемое дѣло. При невозможности при-

быть въ засѣданіе, они поручаютъ представленіе Собранію нужныхъ объясненій своимъ товарищамъ, директорамъ Департаментовъ или другимъ лицамъ, специально по дѣлу свѣдущимъ.

12. При засѣданіяхъ Совѣщательнаго Собранія имѣютъ право присутствовать Члены Государственнаго Совѣта, Государственный Секретарь и тѣ чины Государственной Канцеляріи, которыхъ присутствіе въ засѣданіи будетъ признано нужнымъ Государственнымъ Секретаремъ. По вопросамъ о ходатайствахъ земскихъ и дворянскихъ собраній и городскихъ думъ, при засѣданіяхъ Собранія имѣетъ право присутствовать управляющій дѣлами Комитета Министровъ.

13. Совѣщательному Собранію предоставляется, по дѣламъ сложнымъ, избирать изъ своей среды подготовительныя коммисіи, заключенія коихъ представляются Собранію.

14. Нужныя Собранію свѣдѣнія и справки доставляются Государственною Канцеляріею. Ею же удовлетворяются всѣ потребности Собранія по перепискѣ и печатанію бумагъ, разсылкѣ повѣстокъ и т. п.

15. Гласные, пользуясь свободою мнѣній, не должны однако выходить изъ предѣловъ предложеннаго вопроса.

16. Соображенія и заключенія Совѣщательнаго Собранія излагаются въ журналѣ, который составляется гласнымъ-докладчикомъ, избираемымъ Собраніемъ для каждаго дѣла. Въ журналъ вносятся и мнѣнія лицъ, не согласныхъ съ заключеніемъ, принятымъ по большинству голосовъ.

17. Журналы Совѣщательнаго Собранія передаются Предсѣдателемъ Собранія Государственному Секретарю. Тѣ изъ нихъ, которые относятся до предположеній законодательныхъ, вносятся въ Государственный Совѣтъ; заключенія же Собранія по ходатайствамъ земскихъ или дворянскихъ собраній и городскихъ думъ направляются въ Комитетъ Министровъ.

18. Къ обсужденію въ Департаментахъ Государственнаго Совѣта и въ Комитетѣ Министровъ дѣлъ, предварительно разсмотрѣнныхъ Совѣщательнымъ Собраніемъ, приглашаются Предсѣдатель и Вице-Предсѣдатель Собранія, а также гласный, бывшій докладчикомъ по обсуждаемому дѣлу. Сверхъ гласнаго-докладчика, въ случаѣ надобности, приглашаются для объясненій, какъ въ засѣданія Департаментовъ и Комитета Министровъ, такъ и въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, тѣ изъ гласныхъ, которые принимали наиболѣе дѣятельное участіе въ предварительномъ разсмотрѣніи дѣлъ.

18. Сущность объясненій приглашенныхъ гласныхъ записывается въ журналъ и включается въ подносимыя Государю Императору меморіи Государственнаго Совѣта. При меморіяхъ сихъ и журналахъ Комитета Министровъ представляются на Высочайшее воззрѣніе и самые журналы Совѣщательнаго Собранія.

Хотя, видимо и на этотъ разъ мысль объ участіи представителей населенія въ законодательныхъ работахъ была оставлена, но не далѣе какъ черезъ годъ, а именно въ январѣ 1881 года къ ней опять возвратились. На этотъ разъ записка была представлена министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. М. Т. Лорисъ-Меликовымъ въ формѣ всеподданнѣйшаго доклада.

Докладъ этотъ помѣченъ 28 января 1881 г. и гласитъ нижеслѣдующее.

Всеподданнѣйшій докладъ гр. М. Т. Лорисъ-Меликова.

Въ февралѣ минувшаго года Вашему Императорскому Величеству благоугодно было возложить на меня обязанности по званію Главнаго Начальника Верховной Распорядительной Коммисіи, учрежденной для охраненія Государственнаго порядка и возстановленія общественнаго спокойствія. Затѣмъ, въ августѣ того же года по упраздненіи Верховной Распорядительной Коммисіи Ваше Величество соизволили призвать меня къ управленію Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, на попеченіи коего лежитъ поддержаніе внутренняго порядка въ государствѣ. Возлагая на меня столь трудныя обязанности, въ тяжкую для Россіи минуту, Ваше Величество соизволили преподать мнѣ указанія на необходимость, для успѣшнаго выполненія порученной мнѣ задачи, принятія мѣръ, направленныхъ не только къ строгому преслѣдованію вредныхъ проявленій соціальнаго ученія и къ твердому упроченію правительственной власти, временно поколебленной прискорбными событіями минувшихъ лѣтъ, но, главнымъ образомъ, и къ возможному удовлетворенію законныхъ потребностей и нуждъ населенія. Дѣйствуя съ того времени въ предуказанномъ мнѣ Вашимъ Величествомъ направленіи и являясь лишь неуклоннымъ исполнителемъ намѣреній Вашихъ, Государь, могу засвидѣтельствовать нынѣ предъ Вашимъ Величествомъ, что первые шаги по этому, предначертан-

ному Высочайшею волею, пути принесли уже замѣтную пользу: постепенное возвращеніе государственной жизни къ правильному ея теченію удовлетворяетъ въ значительной степени внутреннимъ стремленіямъ благомыслящей части общества и укрѣпляетъ временно поколебленное довѣріе населенія къ силѣ и прочности правительственной власти въ Россіи. Объединеніе дѣйствій правительственныхъ органовъ, охраняющихъ государственный и общественный порядокъ; облегченіе участи административно высланныхъ, особенно изъ среды учащейся молодежи; внесеніе болѣе сердечнаго участія въ руководство учебною частью въ Имперіи; усиленное вниманіе правительства къ мѣстнымъ земскимъ нуждамъ въ широкомъ объемѣ, выразившееся, какъ въ удовлетвореніи нѣкоторыхъ ходатайствъ, оставлявшихся прежде безъ движенія, такъ и въ назначеніи сенаторскихъ ревизій съ главнѣйшею цѣлью изученія сихъ нуждъ; отмѣна ненавистнаго для народа соляного налога; предпринятый пересмотръ неудовлетворяющаго своей цѣли законодательства о печати, оказали и оказываютъ благотворное вліяніе на общество въ смыслѣ успокоенія тревожнаго состоянія онаго и возбужденія вѣрноподданнической готовности служить Вамъ, Государь, всѣми своими силами для завершенія великаго дѣла государственныхъ реформъ предпринятаго Вами съ первыхъ дней восшествія Вашего на Прародительскій Престолъ.

Смѣю всеподданнѣйше доложить Вашему Императорскому Величеству, что, въ видахъ полнѣйшаго установленія порядка, такимъ настроеніемъ необходимо воспользоваться. Великія реформы Царствованія Вашего Величества, вслѣдствіе событій обусловленныхъ совмѣстными съ ними, но не ими вызванными, проявленіями ложныхъ соціальныхъ ученій, представляются до сихъ поръ отчасти не вполнѣ согласованными между собою. Кромѣ того, многіе первостепенной важности вопросы, давно уже предуказанные Державною волею остаются безъ движенія въ канцеляріяхъ разныхъ вѣдомствъ. Для закончанія реформъ и для разрѣшенія стоящихъ на очереди вопросовъ, въ центральныхъ управленіяхъ имѣется уже много матеріаловъ, добытыхъ опытомъ прошедшихъ лѣтъ и пріуготовительными работами. Сенаторскія ревизіи, имѣющія главною своею цѣлью изслѣдованіе настоящаго положенія провинціи и мѣстныхъ потребностей, должны внести богатый вкладъ въ эти матеріалы и уяснить мѣстными данными то направленіе, какое для успѣха дѣла, необходимо будетъ дать предстоящимъ преобразовательнымъ работамъ центральныхъ учрежденій; но и эти данныя, при оконча-

тельной разработкѣ ихъ, несомнѣнно окажутся недостаточными, безъ практическихъ указаній людей, близко знакомыхъ съ мѣстными условіями и потребностями.

Въ виду изложеннаго нельзя, по моему убѣжденію, не остановиться на мысли, что призваніе общества къ участію въ разработкѣ необходимыхъ для настоящаго времени мѣропріятій есть именно то средство, какое и полезно и необходимо для дальнѣйшей борьбы съ крамолою. Существенно важнымъ и подлежащимъ зрѣлому обсужденію представляется при этомъ лишь способъ осуществленія этой мысли.

Обращаясь къ изысканію этого способа, обязываюсь прежде вновь выразить предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, что, по глубокому моему убѣжденію, для Россіи немыслима никакая организація народнаго представительства въ формахъ, заимствованныхъ съ Запада; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы даже поколебать всѣ основныя его политическія воззрѣнія и внести въ нихъ полную смуту, послѣдствія коей трудно и предвидѣть. Равнымъ образомъ мнѣ представляется далеко несвоевременнымъ и высказываемое нѣкоторыми приверженцами старинныхъ формъ Россійскаго государства предположеніе о пользѣ образованія у насъ Земской Думы или Земскаго Собора. Наше время настолько удалилось отъ періода указываемой старинной формы представительства, по измѣнившимся понятіямъ и взаимнымъ отношеніямъ составныхъ частей Русскаго Государства и современному географическому его очертанію, что простое возсозданіе древняго представительства являлось бы трудно осуществимымъ и, во всякомъ случаѣ, опаснымъ опытомъ возвращенія къ прошедшему.

При такомъ воззрѣніи на высказываемыя въ средѣ нѣкоторой части общества мнѣнія о необходимости прибѣгнуть къ представительнымъ формамъ, для поддержанія порядка въ Россіи, и признавать, что мнѣнія эти составляютъ лишь выраженіе созрѣвшей потребности служить общественному дѣлу, мнѣ представляется наиболѣе практическимъ способомъ дать законный исходъ этой потребности въ порядкѣ испытанномъ уже, по мудрымъ указаніямъ Вашего Величества, при разработкѣ крестьянской реформы. Порядокъ этотъ слѣдуетъ, конечно, примѣнить къ потребностямъ и задачамъ настоящей минуты.

Исходя изъ этого основнаго начала и принимая во вниманіе, что на мѣстахъ имѣются нынѣ уже постоянныя учрежденія, спо-

собныя представить свѣдѣнія и заключенія по вопросамъ, подлежащимъ обсужденію высшаго правительства, мнѣ казалось бы, что слѣдуетъ остановиться на учрежденіи въ С.-Петербургѣ временныхъ подготовительныхъ коммисій, на подобіе организованныхъ въ 1858 году редакціонныхъ коммисій, съ тѣмъ, чтобы работы этихъ коммисій были подвергаемы разсмотрѣнію съ участіемъ представителей отъ земства и нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ.

Составъ такихъ подготовительныхъ коммисій могъ бы быть опредѣляемъ каждый разъ Высочайшимъ указаніемъ изъ представителей центральныхъ правительственныхъ вѣдомствъ и приглашенныхъ съ Высочайшаго соизволенія, свѣдующихъ и благонадежныхъ служащихъ и не служащихъ лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по той или другой отрасли Государственнаго Управленія или народной жизни.

Предсѣдательство въ коммисіяхъ должно бы принадлежать особо назначеннымъ, по Высочайшему довѣрію, лицамъ изъ числа высшихъ государственныхъ дѣятелей. Въ составъ коммисій войдутъ и ревизующіе Сенаторы, по окончаніи ими ревизій.

Число коммисій должно бы быть ограничено, на первое время двумя по главнымъ отраслямъ, къ которымъ могутъ быть отнесены предметы ихъ занятій: административно-хозяйственные и финансовые. Каждая коммисія могла бы подраздѣляться на отдѣлы или подкоммисіи.

Кругъ занятій административно-хозяйственной коммисіи могли бы составить нижеслѣдующіе предметы вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, одновременно или въ послѣдовательномъ порядкѣ.

а) преобразованіе мѣстнаго губернскаго управленія въ видахъ точнаго опредѣленія объема правъ и обязанностей онаго и приведеніе административныхъ учрежденій въ надлежащее соотвѣтствіе съ учрежденіями судебными и общественными и потребностями управленія;

б) дополненіе, по указаніямъ опыта, положеній 19 февраля 1861 года и послѣдующихъ по крестьянскому дѣлу узаконеній, соотвѣтственно выяснившимися потребностямъ крестьянскаго населенія;

в) изысканіе способовъ: 1) къ скорѣйшему прекращенію существующихъ до нынѣ обязательныхъ сношеній бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ и 2) къ облегченію вы-

купныхъ крестьянскихъ платежей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ опытъ указалъ на крайнюю ихъ обременительность;

г) пересмотръ положеній земскаго и городового въ видахъ пополненія и исправленія ихъ по указаніямъ прошедшаго времени;

д) организація продовольственныхъ запасовъ и вообще системы народнаго продовольствія;

и е) мѣры къ охраненію скотоводства.

Предметы занятій финансовой коммисіи (вопросы податной, паспортный и другіе) надлежали бы опредѣленію Вашимъ Императорскимъ Величествомъ по всеподданнѣйшему докладу Министерства Финансовъ, основанному на предварительномъ соглашеніи съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ предметовъ вѣдомства обоихъ названныхъ Министерствъ находятся въ тѣсной между собою связи.

На обязанности коммисіи лежало бы составленіе законопроектовъ въ тѣхъ предѣлахъ, кои будутъ ей указаны Высочайшею волею.

Засимъ составленныя подготовительными коммисіями законопроекты подлежали бы указанію Верховной Власти, предварительному внесенію въ Общую Коммисію, имѣющую образоваться, подъ предсѣдательсвомъ особо назначеннаго Высочайшею волею лица, изъ предсѣдатей и членовъ подготовительныхъ коммисій, съ призывомъ выборныхъ отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, а также отъ нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ, по два отъ каждой губерніи и города; причемъ, въ видахъ привлеченія дѣйствительно полезныхъ и свѣдующихъ лицъ, губернскимъ земскимъ собраніямъ, и городскимъ думамъ должно быть предоставлено право избирать таковыхъ не только изъ среды гласныхъ, но изъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ населенію губерніи или города.

Изъ губерній, гдѣ земскія учрежденія еще не открыты, могли быть призваны лица, по указанію мѣстной власти.

Для занятій общей Коммисіи могло бы быть назначено крайнимъ срокомъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Разсмотрѣнные и одобренные или исправленные Общею Коммисіею законопроекты подлежали бы внесенію въ Государственный Совѣтъ, съ заключеніемъ по онымъ министра, къ вѣдомству коего относится предметъ новаго законопроекта, причемъ для облегченія Государственнаго Совѣта въ предстоящихъ ему работахъ, быть можетъ Вашему Величеству благоугодно будетъ повелѣть призвать и въ составъ его, съ правомъ голоса, нѣсколько, отъ 10 до 15

представителей отъ общественныхъ учрежденій, обнаружившихъ особенныя познанія, опытность и выдающіяся способности.

Работы не только подготовительныхъ, но и Общей Коммисій должны бы имѣть значеніе исключительно совѣщательное и ни въ чемъ не измѣняющее существующаго нынѣ порядка возбужденія законодательныхъ вопросовъ и разсмотрѣнія ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Установленіе изложеннаго выше и испытанное уже съ успѣхомъ порядка предварительной разработки важнѣйшихъ вопросовъ соприкасающихся къ интересамъ народной жизни, не имѣетъ ничего общаго съ западными конституціонными формами. За Верховной властью сохраняется всецѣло и исключительно право возбужденія законодательныхъ вопросовъ въ то время и въ тѣхъ предѣлахъ, какіе Верховная власть признаетъ за благо указать.

Приглашенію членовъ, избираемыхъ общественными учрежденіями, будетъ предшествовать составленіе новаго законопроекта подготовительными коммисіями изъ чиновъ правительственныхъ, при участіи лишь нѣкоторыхъ, особо извѣстныхъ правительству, постороннихъ лицъ. Весь личный составъ подготовительныхъ коммисій войдетъ въ составъ общей Коммисіи и будетъ разъяснять и поддерживать выработанные проекты. Эта обязанность будетъ лежать на предсѣдателяхъ подготовительныхъ коммисій, въ качествѣ помощниковъ предсѣдателя Общей Коммисіи.

Самый составъ Общей Коммисіи будетъ каждый разъ предуказываемъ Высочайшею волею, причемъ Коммисія будетъ получать право заниматься лишь предметами, предоставленными ея разсмотрѣнію.

Но, предварительно приведенія всѣхъ изложенныхъ выше предположеній въ окончательное исполненіе, мнѣ казалось бы необходимымъ нынѣ же сдѣлать распоряженіе, чтобы имѣющіеся въ разныхъ департаментахъ и дригихъ центральныхъ учрежденіяхъ всѣхъ вѣдомствъ матеріалы, имѣющіе соотношеніе къ перечисленнымъ выше вопросамъ, кои будутъ подлежать обсужденію подготовительныхъ коммисій, были собраны, приведены въ порядокъ и извѣстную систему и сгруппированы по однороднымъ предметамъ. Трудъ этотъ въ каждомъ отдѣльномъ учрежденіи, долженъ быть возложенъ на наиболѣе способныхъ и дѣльныхъ чиновъ подлежащихъ вѣдомствъ; причемъ начальство этихъ вѣдомствъ можетъ, буде пожелаетъ, приглашать, для участія въ такихъ пріуготовительныхъ работахъ, и постороннихъ лицъ, кои своею опытностью и

научными познаніями могли бы способствовать ихъ успѣху. На окончаніе этихъ работъ долженъ быть назначенъ срокъ, совпадающій съ окончаніемъ сенаторскихъ ревизій, причемъ каждому отдѣльному вѣдомству, независимо отъ собранія и группировки имѣющихся въ его вѣдѣніи матеріаловъ, могло бы быть предоставлено передавать въ подготовительныя коммисіи результаты своихъ трудовъ не только въ видѣ сырыхъ матеріаловъ, но и основанныхъ на нихъ формулированныя предложенія въ формѣ проектовъ законоположеній. По приблизительнымъ соображеніямъ такія пріуготовительныя работы, по разработкѣ данныхъ и матеріаловъ, какъ имѣющихся въ различныхъ учрежденіяхъ, такъ и тѣхъ, кои доставлены будутъ ревизующими сенаторами, могутъ быть совершенно закончены къ осени текущаго года и переданы въ подготовительныя коммисіи. По открытіи тогда же въ нихъ занятій, дѣятельность ихъ должны быть ведена съ такимъ разсчетомъ, чтобы созывъ Общей Коммисіи, съ участіемъ общественныхъ представителей, могъ послѣдовать въ началѣ будущаго года, по окончаніи сессій губернскихъ земскихъ собраній.

Между тѣмъ такое учрежденіе можетъ дать правильный исходъ замѣтному стремленію общественныхъ силъ къ служенію Престолу и Отечеству, неминуемо внесетъ въ народную жизнь оживляющее начало и предоставитъ правительству возможность пользоваться опытностью мѣстныхъ дѣятелей ближе стоящихъ къ народной жизни, нежели чиновники центральныхъ управленій.

Соображенія эти, въ связи съ возбужденными, въ благомыслящей части общества, радостными ожиданіями дальнѣйшаго развитія великодушно предначертанныхъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ преобразованій не могутъ не заслуживать самаго серьезнаго вниманія. Позволяю себѣ повергнуть предъ Вами, Государь, глубокое мое убѣжденіе, что неудовлетвореніе приведеннымъ выше ожиданіямъ, въ настоящее время, будетъ неминуемо имѣть послѣдствіемъ, если не полное охлажденіе, то, по меньшей мѣрѣ, равнодушіе къ общественному дѣлу, представляющія, какъ указалъ прискорбный опытъ недавно истекшихъ лѣтъ, самую удобную почву для успѣха анархической пропаганды.

Если Ваше Императорское Величество соизволите раздѣлять высказанныя мною мысли, то, по одобреніи Вами изложенныхъ въ настоящей запискѣ предположеній, не благоугодно-ли будетъ обсужденіе способа приведенія ихъ въ исполненіе поручить раз-

смотрѣнію нѣсколькихъ лицъ, по избранію Вашего Императорскаго Величества.

Проектъ Лорисъ-Меликова былъ одобренъ Государемъ.

4-го марта 1881 г. вопросъ долженъ былъ окончательно рѣшиться въ засѣданіи Совѣта министровъ.

Смерть Александра II повлекла за собой и смерть проекта.

Александръ III внялъ доводамъ К. П. Побѣдоносцева о возможности обойтись пока безъ конституціи, къ которой привелъ бы проектъ Лорисъ-Меликова.

29 апрѣля 1881 года былъ изданъ манифестъ въ коемъ Александръ III всталъ на „защиту самодержавія отъ всякихъ на него поползновеній“.

Конституція была отсрочена....

К. Берманьскій.

40

К

Съ января 1906 года

„ВѢСТНИКЪ ПРАВА"

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,
ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

М. М. Винавера, прив.-доц. **В. М. Гессена, В. Д. Набокова** и проф. **І. А. Покровскаго.**

будетъ выходить книгами въ 25—30 печатныхъ листовъ **четыре** раза въ годъ: въ февралѣ, маѣ, октябрѣ и декабрѣ

Въ 1904 и 1905 гг. въ журналѣ помѣстили статьи, между прочимъ, слѣдующія лица: В. К. Агафоновъ, С. А. Андреевскій, К. Н. Анненковъ, К. К. Арсеньевъ, Прив.-доц. М. М. Боровитиновъ, Проф. В. І. Борткевичъ, А. Н. Бутовскій, В. М. Вороновскій, Прив.-доц. А. Н. Гейне, Прив.-доц. М. И. Гернетъ, С. К. Гогель, А. С. Гольденвейзеръ, Прив.-доц. М. Б. Горенбергъ, Проф. В. Э. Грабарь, Проф. Д. Д. Гриммъ, Проф. М. А. Дьяконовъ, С. И. Живаго, Проф. Ф. Ф. Зигель, М. И. Ипполитовъ, В. Л. Исаченко, А. А. Кауфманъ, К. Я. Кожухарь, Прив.-доц. Н. И. Лазаревскій, Г. А. Ландау, А. А. Левенстимъ, М. К. Лемке, А. В. Леонтьевъ, Проф. Н. А. Максимейко, Проф. А. Н. Миклашевскій, Прив.-доц. І. В. Михайловскій, Проф. С. А. Муромцевъ, М. И. Мышъ, Прив.-доц. баронъ А. Э. Нольде, Проф. М. Я. Пергаментъ, Проф. Л. І. Петражицкій, Прив.-доц. Н. Н. Полянскій, Прив.-доц. Б. В. Поповъ, Н. М. Рейнке, М. А. Рейснеръ, В. К. Случевскій, Проф. В. К. Соколовъ, Н. П. Сорочинскій, В. Д. Спасовичъ, Прив.-доц. Л. Я. Тауберъ, Проф. кн. Е. Н. Трубецкой, Н. И. Фалѣевъ, Прив.-доц. Ф. С. Шендорфъ, Проф. Н. М. Цытовичъ, Проф. М. П. Чубинскій, Прив.-доц. А. А. Чупровъ, И. Г. Щегловитовъ и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	въ годъ:	*по полугодіямъ:* Январь.	Іюнь.
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . .	7 р. — к.	4 р. — к.	3 р. — к.
„ „ съ доставкой . . .	7 „ 50 „	4 „ 50 „	3 „ 50 „
Въ другихъ городахъ съ доставкой . .	8 „ — „	5 „ — „	3 „ — „
За границей	11 „ — „	7 „ — „	4 „ — „

Цѣна отдѣльной книжки 2 руб.

Въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ Сборника рѣшеній Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената, въ оффиціальномъ изданіи, разсылаемаго подписчикамъ немедленно по выходѣ листовъ изъ Сенатской типографіи.

Условія подписки съ приложеніемъ Сборника рѣшеній:

	на годъ:	*по полугодіямъ:* Январь.	Іюнь.
Въ С.-Петербургѣ съ доставкой	10 р. 50 к.	6 р. 50 к.	4 руб.
Въ другихъ городахъ съ доставкой . . .	11 „ — „	7 „ — „	4 „

Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности и учащіеся платятъ при подпискѣ по 4 р. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а съ приложеніемъ рѣшеній 8 р.

Подписка принимается въ конторѣ „Вѣстника Права": С.-Петербургъ, Загородный пр., д. № 2, въ Одесскомъ отдѣленіи конторы „Вѣстника Права": Одесса, уг. Ришельевской и Жуковской, № 17/22, кв. 17, и кромѣ того во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Объявленія для напечатанія въ „Вѣстникѣ Права" принимаются въ конторѣ по разсчету 16 руб. за страницу.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Захарьевская, 25. Телефонъ № [illegible]

Сенатская типографія.